M 234/246

234
246

ВОСПОМИНАНІЯ

СТАРАГО

УЧИТЕЛЯ.

1

[Вып. 1] – 64

№ 7

41 Вкл.

М 234/246 [41 вкл]

Кіевская Рисовальная Школа

1875-1901.

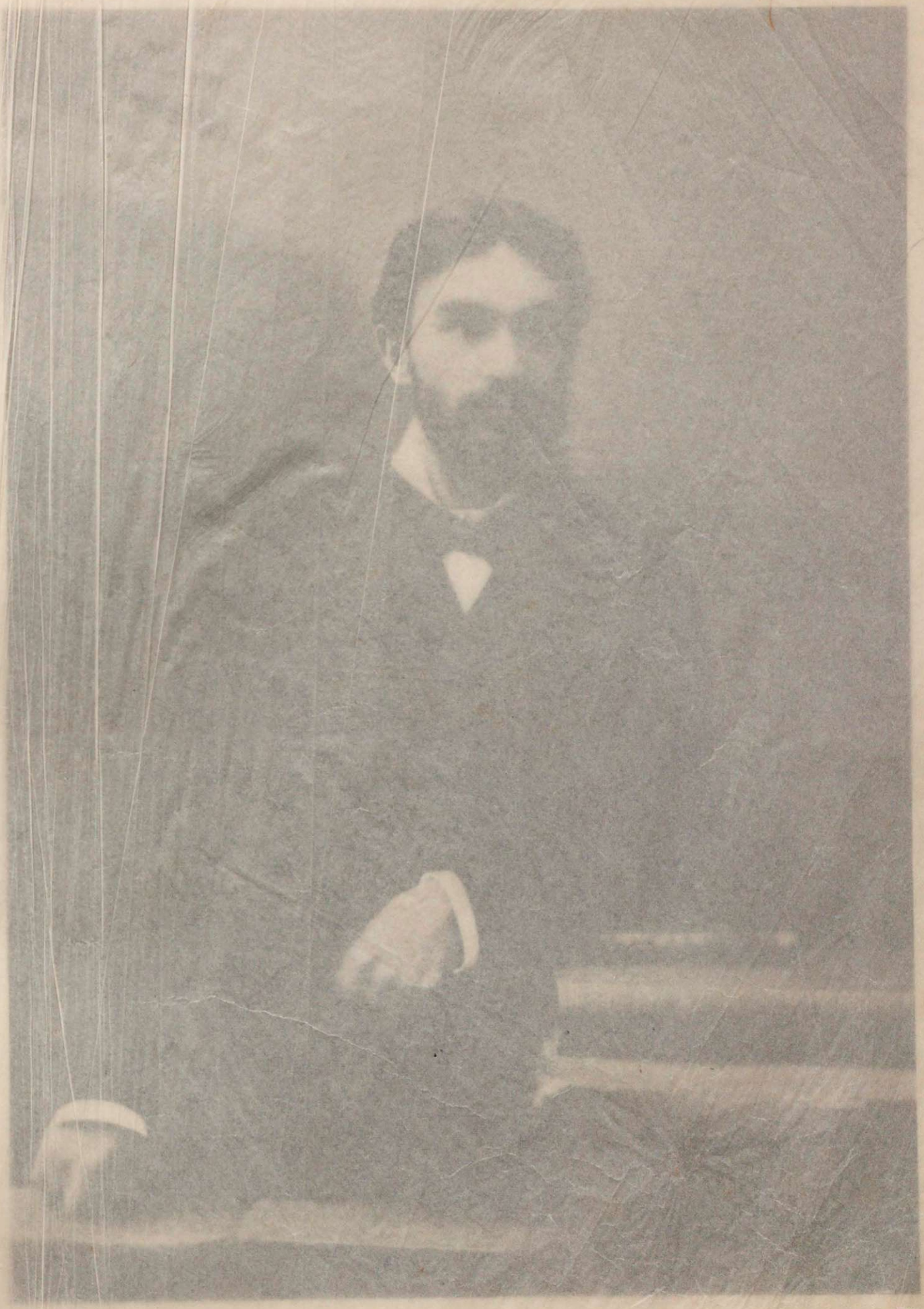
ВОСПОМИНАНІЯ

Стараго Учителя.

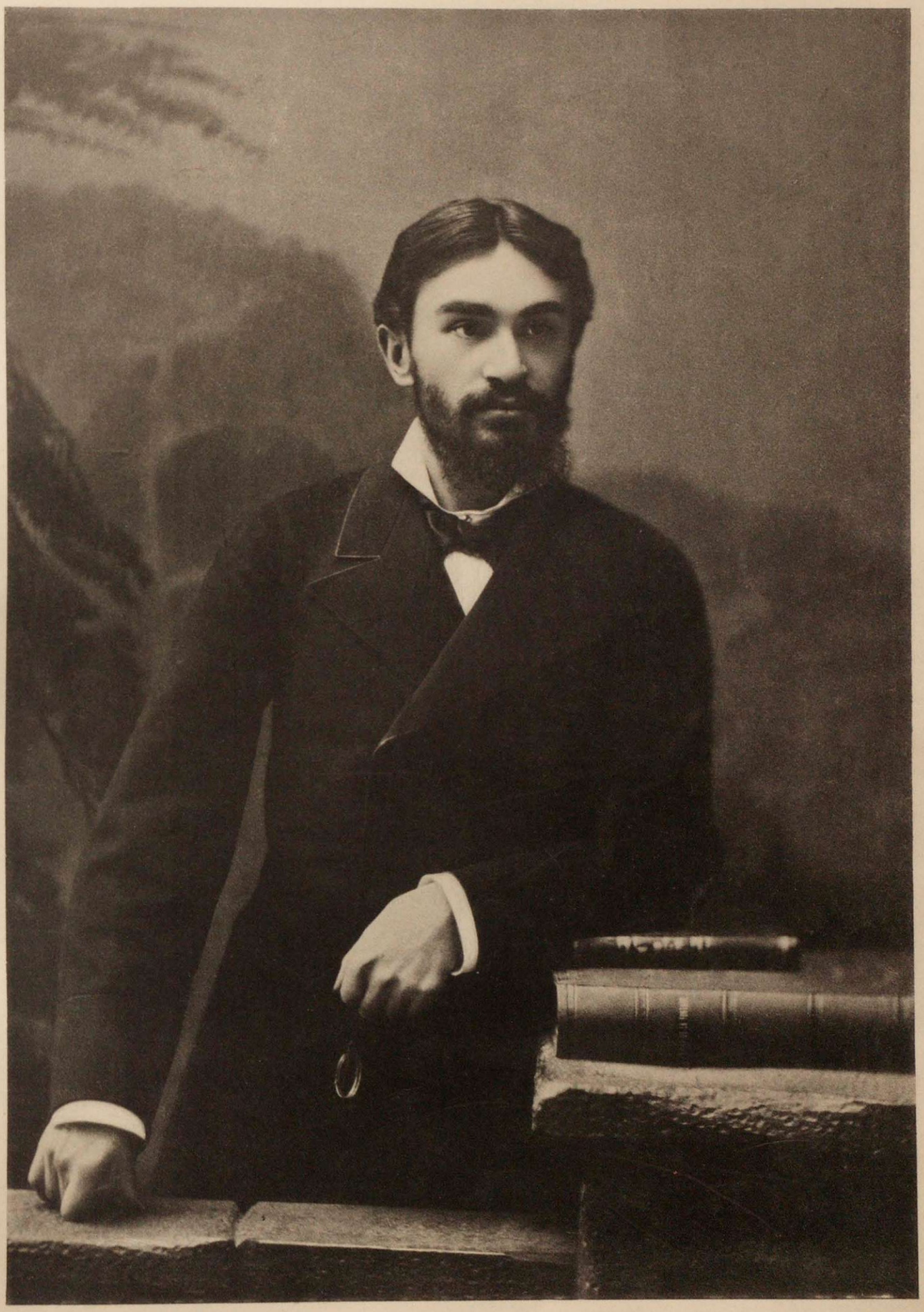
[Вып. I]

ТИПОГРАФІЯ С. В. КУЛЬЖЕНКО. КІЕВЪ. 1907 г.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
62948-57.



Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
62948-57



1

КНИГА ИМЕЕТ

Печатн. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1955 г.
15	4	(1-4)			41	4	24	

627/16—250 тыс.

791

1648

150

Посвящается

памяти

Ивана Николовича Терещенко

Рисун. Быстренина.

ПРЕЖДЕ чѣмъ говорить о нашей рисовальной школѣ, нельзя не удѣлить нѣкотораго вниманія предшественникамъ нашимъ. Мысль объ устройствѣ школы въ Кіевѣ не нова. Еще въ концѣ пятидесятыхъ годовъ въ Кіевѣ на Кадетской улицѣ жилъ любитель живописи г. Буяльскій, который открылъ у себя рисовальную школу. Очень приходится сожалѣть, что нѣтъ матеріаловъ для болѣе яснаго изображенія физіономіи его школы. Тамъ была вывѣска, туда ходило нѣсколько юношей. Извѣстно также, что Буяльскій ни отъ кого въ зависимости не состоялъ, и что средства для школы у него были свои собственныя. Велось это дѣло какъ то тихо, скромно, такъ что не смотря на то, что вывѣска красовалась на домѣ нѣсколько лѣтъ, отъ школы никакихъ слѣдовъ не осталось. У меня по крайней мѣрѣ никакихъ матеріаловъ по исторіи этой школы не имѣется, не смотря на то, что я ихъ неоднократно искалъ.

Въ 1859 году открылись вечерніе классы рисованія при Университетѣ по иниціативѣ нѣкоего Башилова. Объ этомъ говорили даже въ обществѣ, надѣялись, что изъ этого что-то выйдетъ. Но классы, просуществовавъ одинъ зимній сезонъ, исчезли также безслѣдно, какъ и школа Буяльскаго.

Въ шестидесятыхъ годахъ открывается школа при Кіево-Печерской Лаврѣ. Главнымъ иниціаторомъ этого дѣла является одинъ изъ монаховъ о. Алипій. Объ имени его мало кто слышалъ. Скромный, истинный монахъ,

искренно любящій только искусство, онъ является двигателемъ всего дѣла, ѣздитъ въ Петербургъ и тамъ усердно работаетъ для своей школы: копируетъ Брюлловскіе образа, копируетъ въ Эрмитажѣ старыхъ мастеровъ. Не онъ виноватъ, что школы при Лаврѣ не существуетъ; онъ все сдѣлалъ для нея, что могъ; онъ даже понудилъ соборъ старцевъ Лавры на нѣкоторыя пожертвованія. Школа занимала въ одномъ изъ домовъ, принадлежащихъ Лаврѣ, просторное помѣщеніе, была обставлена школьной мебелью и пособіями, стоившими нѣсколько тысячъ рублей: бюстами, статуями, манекенами и т. д. Въ преподаватели сначала былъ приглашенъ академикъ Рокачевскій, а потомъ Сорокинъ—художникъ съ хорошимъ именемъ, знатокъ рисунка и иконописанія. Иконописцы Лавры, юноши, жившіе при школѣ и юноши и дѣти приходившіе—все это работало и училось въ школѣ. Иконописаніе въ Лаврѣ видимо измѣнилось къ лучшему, вышло даже нѣсколько очень недурно изданныхъ лаврской литографіей образовъ.

По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ однако соборъ старцевъ былъ смущенъ совершенной бездоходностью школы. Выписанный изъ Москвы преподаватель Сорокинъ всегда казался имъ очень дорогимъ и они надумали потребовать отъ отца Алипія, чтобы онъ занимался школьнымъ дѣломъ самъ, а между тѣмъ о. Алипій мечталъ только о томъ, чтобы поставить школу все шире и шире. Понятно, что о. Алипій наотрѣзъ отказался вести дѣло самъ, ему не позволяла этого его скромность. Тогда обратились къ другому монаху; дѣло попало въ руки монаха иконописца—ремесленника, съ искусствомъ ничего общаго не имѣвшаго. Школу перевели въ помѣщеніе, не выходящее за ограду Лавры; бюсты и статуи поступили на храненіе въ кладовую. Манекену, представлявшему изъ себя женскую фигуру, предстояла участь быть съѣденнымъ мышами, но онъ былъ выпрошенъ для Кіевской рисовальной школы въ 1880 г., гдѣ и остался, но имъ мало пользовались, потому что рисованіе съ манекеновъ уже отошло въ глубь временъ. Такимъ образомъ и Лаврская школа перестала существовать; тамъ занялись ремесленнымъ иконописаніемъ.

Казалось бы дѣлу конецъ, но видно въ обществѣ существуетъ нѣчто, не дающее ему заглохнуть.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ при первой гимназіи были устроены классы рисованія по воскреснымъ днямъ для ремесленниковъ. Случайный небольшой капиталъ, пожертвованный Н. А. Ригельманомъ, послужилъ основаніемъ. Преподавателемъ былъ приглашенъ сначала В. А. Тренинъ, а потомъ я. Но пожертвованный капиталъ расходовался, другихъ поступленій не было и, какъ не экономничали съ этимъ капиталомъ, весьма естественно, что источникъ

этотъ скоро изсякъ и классы прекратились. Незначительные остатки отъ пособій по рисованію, Николай Аркадьевичъ любезно предложилъ мнѣ забрать и поступить съ ними, какъ найду лучше.

Мы подошли къ моменту открытія Кіевской рисовальной школы. Обратившись къ своимъ воспоминаніямъ, постараюсь разсказать, откуда и какъ могла зародиться у меня мысль о школѣ. Не представляя изъ себя значительнаго художника, я всегда былъ страстнымъ любителемъ искусства. Помимо природныхъ влеченій силою разныхъ житейскихъ обстоятельствъ я натолкнулся именно на путь искусства. Родившись въ семьѣ иконостаснаго мастера, я находился среди массы оригиналовъ („кунштовъ", какъ выражались въ этой средѣ), которые служили пособіемъ при писаніи иконъ. Куншты эти возбуждали у меня къ себѣ неутомимый интересъ и охоту, если не творить такіе же, то хотя бы срисовывать. Но я думаю, что вначалѣ навѣрное тутъ были и потуги къ творчеству: у дѣтей это есть, но оно большею частью легкомысленно убивается и притупляется невѣжественной средой. Кругомъ только срисовывали: по шаблонамъ писались иконы и съ разныхъ гравюръ картины. Изъ этой среды срисовыванія оригиналовъ, окончивъ сельское училище и кое какъ развивъ себя чтеніемъ, юношей 18-ти лѣтъ, я попадаю въ Петербургъ, въ Академію Художествъ.

Академія вообще дать много не могла человѣку, которому надобно и учиться и тутъ-же добывать средства къ жизни. Но въ душѣ прочно жила любовь къ картинамъ, гравюрамъ, фотографіямъ,—и съ ранней юности создался уже собиратель и коллекціонеръ.

Для южанина непривѣтливъ сѣверъ и, не кончивъ Академіи, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ я уже долженъ былъ уѣхать въ провинцію. Въ 1868 г. Академія нашла возможнымъ выслать мнѣ дипломъ учителя, въ силу котораго мною занято было мѣсто въ классической прогимназіи въ Кіевѣ. Безъ малѣйшей педагогической подготовки, по какому то наитію свыше нужно было найти и методы и способы преподаванія. Теперь есть педагогическіе курсы при Академіи, есть музеи всякихъ пособій. Тогда ничего не было, нужно было пользоваться всякими случайными крохами, встрѣчавшимися на жизненномъ пути. Такую напримѣръ службу сослужило случайное знакомство въ Новгородъ—Сѣверскѣ съ учителемъ рисованія В. Тимофеевымъ. Послѣдній говорилъ, что онъ не даетъ никакихъ оригиналовъ своимъ ученикамъ, что самъ рисуетъ на доскѣ и ученики вслѣдъ за нимъ срисовываютъ.

„Тутъ-же въ виду учениковъ приходилось и творить свой рисунокъ", разсказывалъ онъ: „часто сдѣлаешь и тутъ же смахнешь его губкой, сдѣлаешь

второй, третій рисунокъ и оставишь только тотъ, которымъ совершенно удовлетворишься".

Не смотря на всю странность такого преподаванія, въ немъ было нѣчто болѣе живое, чѣмъ прежняя тупая раздача оригиналовъ ученикамъ, получивъ которые, ученики часто не знали, что съ ними дѣлать.

Потомъ я вспоминаю попавшуюся мнѣ книгу чуть ли не сороковыхъ годовъ, руководство Гиппіуса, которое тоже рекомендуетъ въ классѣ общее преподаваніе посредствомъ разныхъ несложныхъ узоровъ, рисуемыхъ учителемъ на доскѣ; при книгѣ были изданы и не хитрые узоры.

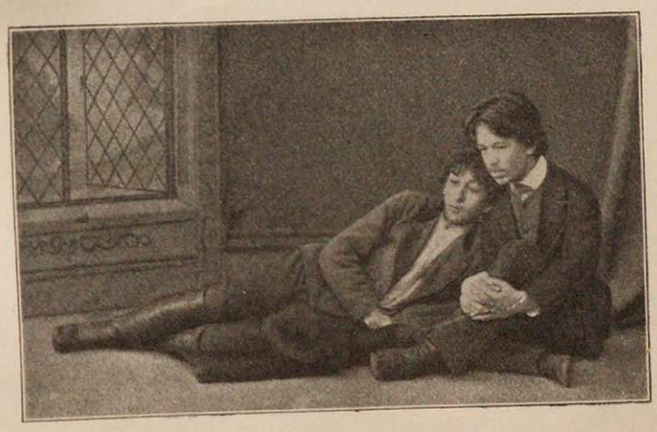
Вотъ, если считать полученное извнѣ, почти весь педагогическій багажъ знаній, съ которымъ выступилъ молодой учитель въ Кіевской прогимназіи въ 1868 году. До него рисовали ученики съ оригиналовъ и онъ подъ мышкой въ портфелѣ не имѣлъ ничего другого, какъ тѣ же оригиналы для своихъ кліентовъ. Правда оригиналы эти были болѣе серьезны. Это не были уже изображенія глазъ, носа, рта, которыя спеціально служили когда-то для уроковъ рисованія и наводили на рисующаго страшную скуку, ошеломляя сразу своею непослѣдовательностью. Взамѣнъ ихъ я могъ предложить своимъ ученикамъ любовно собранные красивые и художественные оригиналы простые и доступные для изображенія: книга, скамья, яблоко, цвѣтокъ и т. п.

Позже уроки оживились. Шестидесятые годы, какъ извѣстно—годы всеобщаго оживленія и обновленія; въ концѣ концовъ это обновленіе коснулось и искусства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и способовъ его преподаванія. Повсюду стали говорить, что въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ только рисуютъ, а не учатся. Фраза эта проскользнула въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія; повторилъ ее въ 1870 г. намъ всѣмъ кіевскимъ учителямъ рисованія помощникъ попечителя И. Е. Ростовцевъ, спеціально собравъ насъ изъ всѣхъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній. Нужно таки сознаться, что въ этихъ словахъ заключалась не малая доля правды. Дѣйствительно преподаваніе рисованія въ большинствѣ случаевъ сводилось лишь къ тому, что учитель раздавалъ литографированные оригиналы каждому ученику отдѣльно, дальнѣйшее же всецѣло почти зависѣло отъ усердія этого послѣдняго; только лучшія работы удостоивались поправокъ, замѣчаній, объясненій; менѣе же успѣшные ученики плели, что могли.

Первый шагъ къ оживленію методовъ преподаванія рисованія былъ сдѣланъ введеніемъ большихъ разрисованныхъ таблицъ, съ которыхъ рисовалось уже цѣлымъ классомъ. Возбуждая въ учащихся нѣкоторое соревнованіе, эта система позволяла учителю дѣлать кое какія теоретическія указанія, что составляло уже преимущество передъ прежнимъ методомъ. Къ сожалѣнію

таблицы эти заключали въ себѣ лишь рисунки орнаментовъ, зачастую довольно таки сомнительнаго вкуса и стиля, вслѣдствіе чего вскорѣ послышались голоса, требовавшіе ихъ отмѣны. Вопросъ о преподаваніи рисованія сдѣлался настоящей злобой дня. Онъ обсуждался, какъ въ комиссіяхъ при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, такъ и при Академіи Художествъ; принимали въ немъ живое участіе даже такіе корифеи русскаго искусства, какъ Крамской и Ге. Ярые реалисты, горячіе поклонники природы и жизни, они не могли не заклеймить мертвой скуки рисованія съ литографій и оригиналовъ.

Дѣло оживилось и у насъ. На урокахъ появились уже геометрическія тѣла и преподаватель позволялъ себѣ поставить передъ ученикомъ какой либо предметъ вродѣ ящика, развернутой книги и тому подобнаго. Преподавая въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ въ младшихъ классахъ я рисовалъ прямо на приколотой къ доскѣ бумагѣ углемъ. Тутъ рисовались предметы безъ конца разнообразные: узоръ, орнаментъ, цвѣтокъ, книга, кружка, потомъ пейзажъ и даже головы животныхъ. Строго лишь соблюдался пріемъ, чтобы былъ выдержанъ переходъ отъ легкаго къ труднѣйшему. Уроки проходили очень оживленно; они вѣроятно и создали главнымъ образомъ популярность молодому учителю. Въ теплые дни на каникулахъ съ избранными или просто болѣе или менѣе расположенными ко мнѣ дѣтьми обязательно совершались прогулки съ цѣлью рисовать прямо на воздухѣ. Что этого рода прогулки сильно способствовали художественному развитію, доказательствомъ служитъ то обстоятельство, что нѣкоторые мои ученики, благодаря главнымъ образомъ этимъ упражненіямъ выдерживали очень солидный экзаменъ по рисованію и принимались въ Академію Художествъ; таковыми были напримѣръ г. г. Селезневъ, Кушниръ и др.



Въ 1874 г. большое количество частныхъ уроковъ навело меня на мысль о школѣ. Эта мысль у меня окончательно укрѣпилась, когда при университетѣ, въ квартирѣ смотрителя зоологическихъ кабинетовъ г. Кричагина, собралось нѣсколько молодыхъ людей и пригласили меня давать имъ уроки рисованія. Вѣдь это готовая школа, подумалъ я.

Въ 1875 году я объявилъ, что прекращаю частные уроки и принимаю желающихъ

учиться рисованію у себя дома. Начало всегда особенно памятно. Въ скромной маленькой квартирѣ на Михайловской улицѣ во дворѣ, въ одной комнатѣ я ожидалъ спроса. Я хорошо помню свою маленькую публику: одинъ молодой человѣкъ привелъ свою сестру. Это была первая и единственная въ то время моя ученица m-lle Головачъ; она казалась мнѣ очень способной. Затѣмъ помѣщикъ изъ Борзны, родственникъ Кулиша, вздумалъ отъ скуки позабавиться карандашемъ. Два мальчика еврея готовились по рисованію въ пятый классъ Кременчугскаго реальнаго училища и, наконецъ, нѣсколько дѣтей. Вотъ вся школа въ первые дни ея существованія.

Въ мечтахъ школа представлялась какъ нѣчто совсѣмъ небольшое, интимное: одна большая комната, на столѣ любимыя книги и изданія; у стѣнъ раскрытые портфели. Думалось, что главнымъ образомъ явятся самыя преданные любители искусства, съ которыми можно будетъ вести долгія бесѣды; пережить, перечувствовать творенія великихъ мастеровъ, какъ старыхъ такъ и новыхъ, переходя отъ Каульбаха, Деляроша, Бугро, Доре къ Матейко, Бастіенъ-Лепажу, Беклину, Морелли и другимъ. На дѣлѣ оказалось, что всякіе разговоры и смакованія старыхъ и новыхъ мастеровъ нужно сократить до минимума. Мать привела своего ребенка, чтобы его поучили чертить и рисовать; другіе пришли, просто какъ въ гимнастическій залъ, развить руку и глазъ. Скучно это, обыденно, но это такъ.

Писалъ И. Ф. Селезневъ.

Вскорѣ квартира, отведенная для школы, оказалась тѣсной и не подходящей, а средствъ увеличить её—никакихъ. И тутъ-то мнѣ пришла счастливая мысль, не безпокоя самого главу только что поселившагося семейства Терещенко, обратиться къ одному изъ молодыхъ оканчивающихъ университетъ членовъ этой семьи, именно къ Ивану Николовичу съ просьбой помочь устроить хотя маленькую рисовальную школу. Помощь была обѣщана съ перваго слова.

Вотъ первое письмо Ивана Николовича, такъ прекрасно рисующее доброту и отзывчивость этого человѣка:

Многоуважаемый
Николай Ивановичъ!

Спѣшу увѣдомить
Васъ, что Вы можете
разсчитывать отъ
меня на первое время
на сумму въ двѣсти
руб. сер. ежегодно.—
Содѣйствовать успѣху
школы готовъ, какъ
могу —
Готовый къ услугамъ
18 19/V 76 И. Терещенко

Разбирая теперь архивъ нашъ, находимъ, что первыя деньги отъ Ивана Николовича были получены въ одной изъ конторъ въ Іюнѣ 1876 г. по запискѣ Ивана Николовича.

Въ началѣ 1876-1877 учебнаго года еще не было рѣшено, гдѣ будетъ школа. Была найдена большая зала въ домѣ на Трехсвятительской улицѣ и была кое какъ обставлена и увѣшена этюдами и гипсами, какіе Богъ послалъ.

Въ августѣ 1876 г. первымъ посѣтилъ школу по порученію брата Александръ Николовичъ Терещенко. Это было утро, учащихся никого не было въ этотъ моментъ, но видимо впечатлѣніе получилось благопріятное.

Оффиціальное существованіе Кіевской рисовальной школы можно считать съ 16 сентября 1876 г., когда она была разрѣшена правительствомъ. За отсутствіемъ Попечителя Кіевскаго Округа и его помощника разрѣшеніе подписалъ ректоръ университета профессоръ Матвѣевъ.

Вотъ текстъ этой бумаги:

М. Н. П.

УПРАВЛЕНІЕ
КІЕВСК. УЧЕБН. ОКРУГА
Канцел. столъ I.

16 сентября 1876 г.
№ 9805.
г. Кіевъ

Г. Учителю Кіевскаго Реальнаго Училища Мурашко.

Въ разрѣшеніе поданнаго Вами Г. Попечителю Кіевскаго Учебнаго Округа прошенія отъ 29 августа сего года, имѣю честь увѣдомить Васъ, Милостивый Государь, что я разрѣшаю Вамъ открыть въ г. Кіевѣ школу рисованія для приходящихъ.

Управляющій округомъ Ректоръ
Университета Св. Владимира
Матвѣевъ.

Управляющій Канцеляріей
Романкевичъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

СЪ 15 СЕНТЯБРЯ ОТКРЫВАЕТСЯ,
НА ТРЕХЪ-СВЯТИТЕЛЬСКОЙ УЛИЦѢ, ВЪ ДОМѢ ТАРНАВСКОЙ,
ОБЩЕДОСТУПНАЯ
ШКОЛА РИСОВАНІЯ,
подъ руководствомъ учителя реальнаго училища
Н. И. МУРАШКО.

Школа открыта ежедневно отъ 10-ти часовъ утра до 6 ч. веч., не исключая праздниковъ и воскресныхъ дней, и во всѣ эти часы могутъ въ ней заниматься, посѣщающіе школу, отъ 3-хъ до 6 ч. подъ руководствомъ Г. Мурашко, а въ остальное время подъ руководствомъ его помощника.

Желающіе брать уроки изъ женскаго пола могутъ пользоваться (отдѣльно) вышеозначенными часами по субботамъ.

Плата 6 РУБ. въ мѣсяцъ. Для лицъ учащихся и не богатыхъ, эта плата можетъ быть понижена.

ПЕРВАЯ АФИША О ШКОЛѢ.

Городскимъ головою въ Кіевѣ былъ въ то время профессоръ Н. К. Ренненкампфъ. Когда я обратился къ нему съ просьбой придти на помощь юному учрежденію, онъ отнесся къ дѣлу рисовальной школы съ участіемъ и предложилъ воспользоваться пока помѣщеніемъ, какое дума нашла возможнымъ предоставить, именно однимъ изъ незанятыхъ магазиновъ въ городскомъ домѣ, а потомъ обѣщалъ исходатайствовать ежегодную субсидію отъ города. Съ 1877 по 1880 годъ школа дѣйствительно получала отъ города по 300 р. въ годъ.

Магазинъ, въ которомъ помѣстилась школа, представлялъ изъ себя большую комнату съ порядочнымъ свѣтомъ отъ двухъ оконъ и стекляныхъ дверей.

Мѣсячный взносъ учащихся, при платѣ за право ученія отъ двухъ до шести рублей въ мѣсяцъ, не давалъ вначалѣ и ста рублей. Способные бѣдняки, почти по первому заявленію освобождались отъ платы; поэтому на эти средства странно было бы предполагать какой либо штатъ въ школѣ. Въ первое время въ школѣ и слуги не было. Старались обходиться сами. Нѣсколько скромныхъ бѣдняковъ юношей, со способностями, жили при школѣ: они то и справлялись. Утромъ они приводили классъ въ порядокъ, а вечеромъ бывало такъ, что привести лампы въ надлежащій видъ и зажигать ихъ, помогали тѣ, которые приходили на вечерній урокъ. Дѣло велось по семейному въ этомъ отведенномъ думою, пустомъ глубокомъ большомъ магазинѣ, безхитростно превращенномъ въ классъ. Простые скамьи и столы и ничего болѣе.

Самая суть дѣла совсѣмъ не дорого стоитъ. Дорого стоитъ, когда люди начнутъ особенно обставлять, придавая обстановкѣ особое значеніе, а часто, если не всегда, само дѣло отъ этого далеко не выигрываетъ въ той пропорціи, въ какой дѣлается обстановка. Штиглицевская школа стоитъ сотни тысячъ, Кіевская рисовальная школа стоила въ сто разъ меньше. Спрашивается была ли въ такой пропорціи разница въ развитіи ихъ учениковъ? Рѣшительно можно сказать, нѣтъ.

Мы въ магазинѣ съ ходомъ съ улицы. Что можетъ быть страннѣе, курьезнѣе этого помѣщенія; бюджетъ школы нищенскій до комизма.

Тутъ можетъ явиться мысль, а что-же Иванъ Николовичъ? Не говоря уже о вызванномъ отбываніемъ воинской повинности отсутствіи Ивана Николовича и о томъ, что онъ не могъ знать о всѣхъ нуждахъ нашего учрежденія, никакое сближеніе не совершается вдругъ. Только по прошествіи трехъ лѣтъ съ 1879 г. я уже не былъ просителемъ: мнѣ великодушно разрѣшено было докладывать о всѣхъ дѣлахъ школы и ея положеніи. Меня молча внимательно и сочувственно выслушивалъ мой добрый другъ и покровитель и субсидія увеличивалась и увеличивалась. Изъ сообщаемыхъ ниже статистическихъ данныхъ видно, какъ съ обѣщанныхъ 200 руб. ежегодно субсидія дошла до девяти тысячъ.

По мѣрѣ того, какъ Иванъ Николовичъ заинтересовывался школой, все болѣе и болѣе нежелательнымъ и неловкимъ мнѣ казалось участіе въ бюджетѣ школы всякихъ постороннихъ средствъ, но тѣмъ не менѣе за частымъ отсутствіемъ Ивана Николовича, въ началѣ приходилось все таки пользоваться этими средствами и мнѣ кажется нехорошо было бы не вспомнить о тѣхъ людяхъ, которые въ первое трудное время отнеслись къ школѣ съ сочувствіемъ, выразившемся иной разъ очень трогательно и оригинально.

Какъ не вспомнить такую фигуру, какъ нашъ землякъ къ сожалѣнію покойникъ Николай Дмитричъ Амосовъ. Большой баринъ, по уничтоженіи крѣпостного права онъ былъ разумѣется вѣчно безъ денегъ, и если они ему попадались, то ужъ его не нужно искать нигдѣ кромѣ Парижа. Страстный любитель живописи, знакомился со всѣми художниками и самъ работалъ, но почти дѣтски плохо. Очень добрый, привѣтливый, веселый, попавъ въ Кіевъ, сейчасъ же зашелъ къ намъ. Увидѣвъ нашу обстановку—очень былъ задѣтъ.

„Какъ же вы живете? у васъ порядочнаго станка нѣтъ, да и плохихъ мало!“

„Ничего, говорю: къ спинкѣ стула пришпилимъ холстъ и работать будемъ“.

— „Эхъ жаль, что я не Ротшильдъ какой нибудь, я бы это вамъ сейчасъ все устроилъ. Да вы знаете, я вѣдь очень богатый человѣкъ, а денегъ у меня нѣтъ, и вотъ смотрите на меня, какой я большой, видный, а я больной, у меня печень не въ порядкѣ, такъ и живу. Но мы что нибудь придумаемъ.“

Н. А. Терещенко.

Онъ дѣлился со мной своими заграничными впечатлѣніями. Сообщилъ мнѣ массу характеристикъ парижскихъ художниковъ, ихъ манеру писать, ихъ палитры, разнообразіе красокъ. Какъ умный и наблюдательный человѣкъ, онъ былъ для меня очень интересенъ. Не дальше какъ на другой день, онъ явился опять, и за нимъ слуга несъ въ великолѣпномъ чехлѣ какую то вещь. Слуга былъ отправленъ, раскрыли футляръ, и въ немъ чудной работы Пибоди ружье.

— „Знаете, мнѣ это совершенно не нужное ружье: вѣдь я художникъ и мнѣ ли тамъ шляться гдѣ то и убивать; продать его въ пользу школы, и у васъ сейчасъ же прибавится кое что изъ мебели.“

Вечеромъ того же дня у насъ, въ лицѣ генерала А. М. Острянскаго, тоже любителя искусствъ, оказался и покупатель, такой же великодушный, какъ и жертвователь. Онъ намъ далъ сто рублей.

Прошло не много времени, толкаемъ мы нужду впереди себя и никакъ столкнуть въ сторону ее не можемъ. Ивана Николовича нѣтъ. Въ одну изъ критическихъ минутъ вздумалъ я обратиться къ Николѣ Артемьевичу Терещенко; я былъ для него человѣкъ совершенно съ вѣтру, но онъ меня принялъ. Я доложилъ ему объ успѣхахъ школы, какъ она твердо сразу стала и привилась. Онъ съ видимымъ вниманіемъ меня выслушалъ, но когда я заговорилъ о нуждахъ школы, то Никола Артемьевичъ прямо сказалъ:

— „Ждите сына, Ваня скоро пріѣдетъ, а я ужъ тутъ ничего не знаю и въ ихъ дѣла не вхожу.“

П. Г. Терещенко.

Такъ бы я и ушелъ, не солоно хлѣбавши, какъ говорится, но тутъ была Пелагея Георгіевна, благодушнѣйшая и милая супруга Николы Артемьевича. Это было олицетвореніе простоты и доброты. Она все слушала и тутъ же заявила: „Пока Ваня пріѣдетъ, я ужъ Вамъ помогу изъ своихъ средствъ, дамъ Вамъ сто рублей, но больше и не думайте и не приходите,“ сказала Пелагея Георгіевна съ своей симпатичной улыбкой.

— „Да больше намъ и не нужно, я не знаю, какъ благодарить Васъ. Въ данную минуту вы насъ совершенно выручили, и мы отлично обойдемся.“

Помню, только мы открыли наше заведеніе, къ намъ зашелъ Иванъ Максимовичъ Сошенко, извѣстный другъ Шевченка. Онъ зналъ меня съ дѣтства. Это былъ высокій бритый пожилой художникъ, съ типомъ учителя гимназіи. Иванъ Максимовичъ прямо ко мнѣ обратился съ добродушнымъ смѣхомъ:

— „И що це ты видумавъ открывать школу? Это надо чтобъ начальство взялось за это дѣло,“ говорилъ онъ своей смѣшанной рѣчью.

— „Мы же, Иванъ Максимычъ, съ разрѣшенія начальства это дѣлаемъ.“

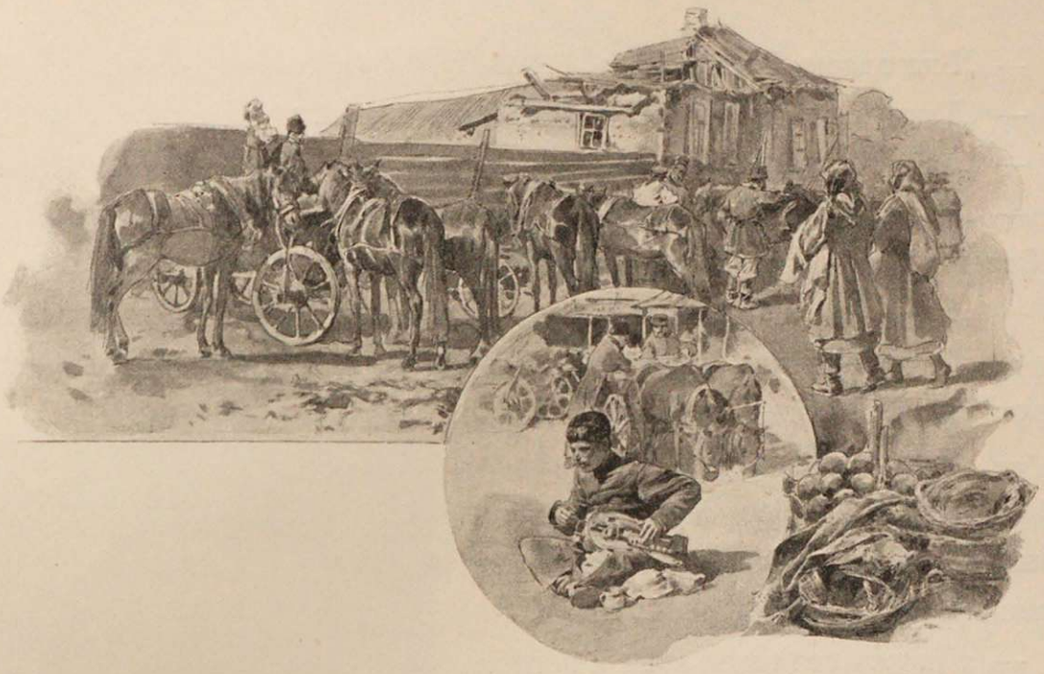
— „Ну, ну, попробуй цёго хлиба, чи легкій винъ.“

Кто-то еще, какъ мнѣ передавали, разсуждалъ: „И что это Мурашко съ двугривеннымъ въ карманѣ вздумалъ устраивать школу?“

Конечно, этотъ острякъ не видѣлъ, что у меня за плечами мало-по-малу обрисовывалась фигура Ивана Николовича.

Но пока еще Иванъ Николовичъ былъ не въ полномъ курсѣ дѣла, мы прибѣгали къ разнымъ средствамъ, чтобы вести и обставлять свое дѣло.

Въ это-то время нѣкоторымъ изъ учениковъ пришла въ голову мысль помочь нуждамъ школы устройствомъ спектакля въ ея пользу. Это была мысль не изъ счастливыхъ. Суеты, хлопотъ много, а въ результатѣ—ничего, или почти ничего. Спектаклей мы дали два и, за отчисленіемъ всѣхъ расходовъ, въ остаткѣ было 30 рублей. Рѣшили попробовать дать литературно-музыкально-танцовальный вечеръ. Вышло лучше. Мы выручили около 400 руб., съ которыми я рѣшился поѣхать за пособіями въ Петербургъ.



А. В. Праховъ.

Въ Петербургѣ, въ лицѣ Профессора Адр. Викт. Прахова, я имѣлъ друга своей юности, онъ мнѣ сильно помогъ, какъ въ эти дни, такъ и впослѣдствіи.

Въ Университетѣ онъ читалъ исторію искусствъ и вмѣстѣ съ тѣмъ работалъ тогда въ единственномъ въ то время художественномъ журналѣ „Пчела.“ Микѣшинъ былъ редакторомъ, но главнымъ воротилой былъ Адр. Викт.: онъ былъ критикомъ по части искусствъ; имъ дорожили, и у него еженедѣльно по средамъ собирались художники и сотрудники. Тутъ я со многими познакомился. Почтенные члены передвижныхъ выставокъ уже были освѣдомлены о школѣ въ Кіевѣ и не удивлялись моему появленію. Извѣстно было, что я обойду художниковъ съ просьбой помочь мнѣ и подѣлиться со мною своими этюдами и рисунками, которые могли-бы служить, какъ пособія для преподаванія искусства.

Все, что осталось въ моихъ замѣткахъ и въ моей памяти болѣе характернаго, я заношу здѣсь.

Къ одному изъ первыхъ я попалъ къ Ив. Иван. Шишкину. Пришелъ я къ концу дня, чтобы не помѣшать мастеру. Квартира тѣсноватая (потомъ онъ жилъ въ болѣе широкой обстановкѣ). Меня предупредили, что Иванъ Ивановичъ предобрѣйшій человѣкъ. „Только, пожалуйста, не говорите съ нимъ ни о какой политикѣ.“

Поздоровались.

— „Садитесь, пожалуйста.“

— „Благодарю Васъ“. Сѣлъ.

— „Такъ вы говорите, что у Васъ есть школа?“

— „Да!“

— „Чортъ знаетъ, что выдумали! Эти школы! вотъ въ Казани тоже школа, въ Саратовѣ; это чортъ знаетъ что, только нищихъ разводить!“

— „Отчего-же нищихъ? есть люди достаточные, отчего-же не порисовать.“

— „Да вѣдь тѣ не пойдутъ. Богатые вѣдь не рисуютъ? у васъ и поляки должно быть?

— „Есть и поляки.“

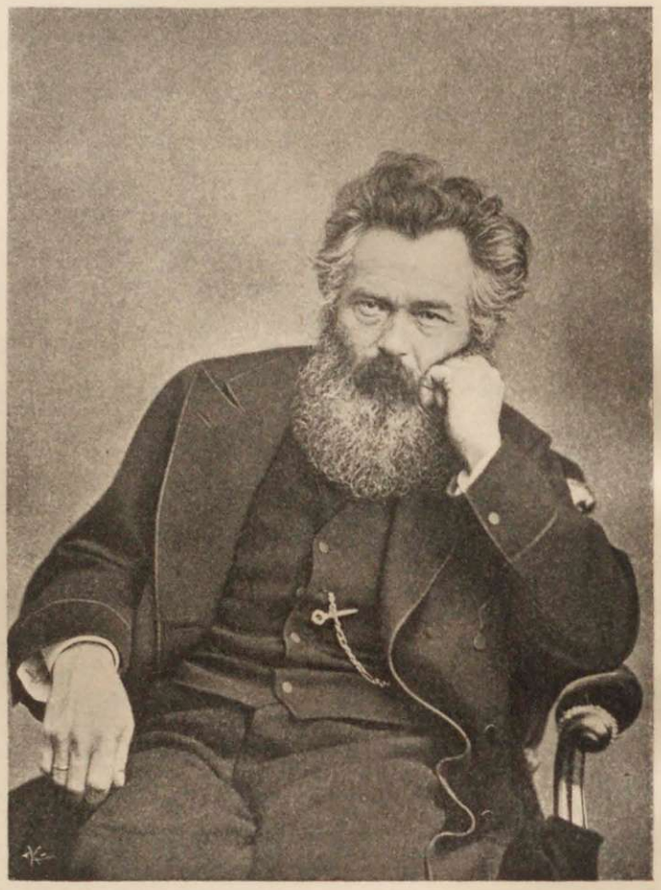
— „Евреи?“ хмуро спрашиваетъ суровый съ своей густой бородой Иванъ Ивановичъ.

— „Да ужъ это такой край: и поляки, и евреи, и русскіе—всѣ хотятъ рисовать.“

Иванъ Ивановичъ пытливо на меня посмотрѣлъ, какъ-бы думая и мысленно выспрашивая: „а какъ-же гегемонія Россіи будетъ?“ Это безсознательно у него свѣтилось во всемъ. Онъ даже и на меня недовѣрчиво посмотрѣлъ, услыхавъ мой вѣроятно, малорусскій акцентъ.

— „Нечего дѣлать, надо Вамъ дать что нибудь: я поищу.“

И этотъ суровый господинъ сталъ копаться въ своихъ папкахъ и въ своихъ складахъ.



Профессоръ Ив. Ив. Шишкинъ.

— „Вотъ березовый лѣсокъ, годится вамъ?“

— „И даже очень.“

— „Вамъ бы что нибудь по части сосенъ дать, да у меня, чертъ знаетъ; всѣ разбираютъ; вотъ для саратовской школы взяли. А вотъ съ водицей дать вамъ?“

— „Что ни дадите, все будетъ хорошо.“

— „Подождите, я Вамъ еще этотъ лужокъ дамъ.“

— „Довольно, уважаемый Иванъ Ивановичъ.“

— „Да что-жъ, это ничего, вотъ еще сарайчикъ; я терпѣть не могу всякихъ избушекъ, сараевъ, я ихъ не пишу, могу Васъ снабдить этюдомъ.“

— „Добрѣйшій, да вѣдь это вы дали больше, чѣмъ я мечтать могъ.“

— „Ну что же, дать вамъ что нибудь еще изъ рисунковъ?“

— „Я ужъ ничего не знаю, и не смѣю. Все, что Вы дали, превосходно.“

— „Для школы вѣдь нужны рисунки: надо же, чтобъ они видѣли?“

И Иванъ Ивановичъ вытащилъ полъ десятка, между которыми былъ одинъ прямо шедевръ, превосходный рисунокъ, изображающій корову. Никто не могъ представить, чтобъ Ив. Иван. такъ рисовалъ животныхъ.

У меня и духъ захватило, я молчалъ и слова не могъ выговорить.

— „Вотъ вамъ еще одна сепія, да знаете, у меня еще есть обрѣзокъ рисунка перомъ. Я дѣлалъ картину, да не вышла, такъ есть кусокъ, я вамъ дамъ.“

— „Ну, знаете, Иванъ Ивановичъ, мнѣ просто совѣстно: вѣдь я не обирать васъ пришелъ, вы столько мнѣ дали, что вѣдь тутъ цѣлый капиталъ.“ У Ивана Ивановича какъ то дѣтски освѣтилось лицо улыбкой; такъ улыбаются только очень хорошіе люди.

Тутъ вошелъ при этомъ совсѣмъ тогда еще молодой Н. Д. К. И надало ему заикнуться на счетъ одного этюда!

— „Вотъ этого этюда можно-бы и не давать, это совсѣмъ неважный этюдъ.“

Ухъ, какъ-же влетѣло бѣдному молодому художнику за это. Простодушный Ив. Иван. просто вскипѣлъ.

— „Вы попробуйте сдѣлать что нибудь подобное, да тогда и говорите; а то вы намозолили тамъ какіе-то два этюдишка, да ужъ и рамъ къ нимъ не подберете.“

А объ этихъ рамахъ и этюдахъ дѣйствительно былъ разговоръ. Сконфузился мой бѣдный художникъ, но промолчалъ удивленно, и, какъ воспитанный человѣкъ, онъ скоро успокоилъ этого крутого, но въ сущности наидобрѣйшаго русака.

Слѣдующій мой визитъ былъ къ художнику жанровой живописи Ф. С. Журавлеву.

— „Вотъ я и къ вамъ, Фирсъ Сергѣичъ.“

— „Очень радъ, спасибо, что посѣтили, жаль только, что я васъ долженъ огорчить.“

— „Почему?“

— „Принципіально ничего никому изъ своихъ работъ не даю.“

— „Ну что же, это дѣло ваше. Мой долгъ обойти всѣхъ; кто даетъ— спасибо, а кто не даетъ—тоже спасибо.“

— „Оно знаете, почему бы и не дать, но вѣдь дать хорошее я не могу, оно мнѣ самому дорого стоитъ. Мы не пейзажисты, намъ каждый этюдъ стоитъ, сказать бы денегъ, такъ это мало, что денегъ, а изломаешься, пока добудешь, да устроишься съ моделью. Это не Парижъ, гдѣ только стоитъ мигнуть, и моделей сколько хочешь, только выбирай. Ну, дамъ я вамъ что нибудь плохенькое, а вы у меня-же на лѣстницѣ и бросите.“

— „Ну, это вы уже напрасно, Фирсъ Сергѣевичъ, говорите.“

— „Да право такъ. Я думаю, васъ пейзажисты утѣшили. У нихъ этого добра, этюдовъ всякихъ—пропасть, а у меня—такъ даже и этюдовъ-то нѣтъ.“

— „Да вы, пожалуйста, не безпокойтесь. Ну, нѣтъ, такъ и нѣтъ.“

„Да мнѣ, право, совѣстно. А знаете что, я все таки не отпущу такъ. Я вамъ дамъ фотографіи съ лучшихъ моихъ картинъ, вѣдь это-же вамъ сгодится?“

— „О, еще и какъ!“

И я ушелъ съ коллекціей фотографій.

Продолжаю свою миссію, иду къ профессору пейзажисту N. N.

Мастерская въ Академіи Художествъ.

— „Я знаю, вы отъ Прахова.“

— „Да, мы старые знакомые, я у него и остановился.“

— „Что онъ тамъ въ своей „Пчелѣ“ обо мнѣ пишетъ! Онъ не знаетъ, что для художника его картина, это его все; осмѣять вещь, это значитъ убить художника, какъ же онъ думаетъ жить между нами?“

— „Не знаю, дорогой мой (съ Профессоромъ мы были старые знакомые и земляки). Это вѣдь ко мнѣ не касается.“

— „Но вы пришли изъ того кружка, гдѣ меня только ругаютъ, это мои завистники.“

— „Ничего не знаю, я пришелъ сказать, что въ родномъ Вамъ краѣ устраивается школа. Средства ея бѣдны, и я вотъ обхожу васъ всѣхъ, стараюсь собрать образцы работъ, какъ пособіе для развитія.“

— „Я ни въ какія школы не вѣрю и имъ не сочувствую и никогда ничего не даю, и не дамъ.“

— „Ну вотъ и вся не долга, ничего болѣе и не нужно. До свиданія.“

И назвавъ его по имени отчеству, направился уходить.

— „Позвольте, говоритъ нѣсколько успокоившійся профессоръ, я лично вамъ могу подарить одинъ изъ своихъ старыхъ этюдовъ, но ни съ какой школой я ничего не желаю имѣть общаго.

— „Я принимаю съ благодарностью все, что мнѣ даютъ; какимъ бы способомъ ни давали, это все равно.“

— „Я передалъ Адр. Викт. Прахову, что вотъ на него очень недоволенъ N.N.

— „Это за то, что я его геніемъ не признаю, вѣдь ему только этого не достаетъ.“

— „Ишь, я подумалъ, какой это N.N., вѣдь онъ въ самомъ дѣлѣ не обиженъ, продаетъ свои вещи, какъ никто, и никто изъ художниковъ не владѣетъ такимъ капиталомъ, какъ онъ.

Мы потомъ встрѣчались съ N.N., пріятелями были, я имѣлъ отъ него цѣлую коллекцію этюдовъ. Но онъ всегда повторялъ, что къ школѣ питаетъ полнѣйшее равнодушіе, а жертвуетъ мнѣ такъ просто по пріятельски.

Какъ бы мнѣ хотѣлось нарисовать интересную фигуру Ивана Николаевича Крамского. Разумѣется такъ, какъ она рисуется въ глазахъ небольшого человѣка. Я не знаю, каковъ онъ былъ въ обществѣ большихъ сильныхъ міра сего, съ которыми онъ, какъ портретистъ, имѣлъ дѣло. Сдержанность, самообладаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ чувство и сознаніе нѣкоторой власти какъ будто были присущими чертами И. Н., вліятельнѣйшаго члена правленія и основателя общества передвижниковъ.

Я его видѣлъ въ семьѣ за шахматами; тутъ онъ былъ проще, веселѣе, но онъ моментально преображался, когда говорили объ искусствѣ, о дѣлахъ; и тутъ казалось, что это натура нѣсколько родственная тѣмъ, которыя горячо говорятъ о свободѣ, о равенствѣ, а сами, для блага общаго, съ какой-то удивительной искренностью нарушатъ и свободу и равенство.

Я его видѣлъ всегда только въ черномъ сюртукѣ даже, когда онъ работалъ въ своей мастерской. На мой поклонъ и привѣтствіе, онъ отвѣчалъ:

— „Пожалуйста, очень радъ. Я всегда говорилъ, что школы въ провинціи важное дѣло. Ихъ нужно поддерживать. Вотъ у насъ даже есть затѣя издать руководство. Дѣти Богъ знаетъ съ чего рисуютъ, а у насъ желаніе дать имъ строгіе хорошіе образцы.“

Иванъ Николаевичъ при этомъ показалъ мнѣ чудный небольшой рисуночекъ, приготовленный для печати. Этотъ небольшой рисуночекъ онъ сдѣлалъ съ извѣстной гипсовой маски, которая слыветъ за изображеніе Апостола Павла. Рисунокъ былъ чрезвычайно законченъ. Рельефъ былъ такъ выдержанъ, что лобъ казался прямо вылѣпленнымъ. Но эта мысль, какъ видно, выполнена не была. Изданіе не появилось на свѣтъ.

— „Вы посидите. У насъ вечеръ, кой кто придетъ, порисуемъ, чайку попьемъ.“

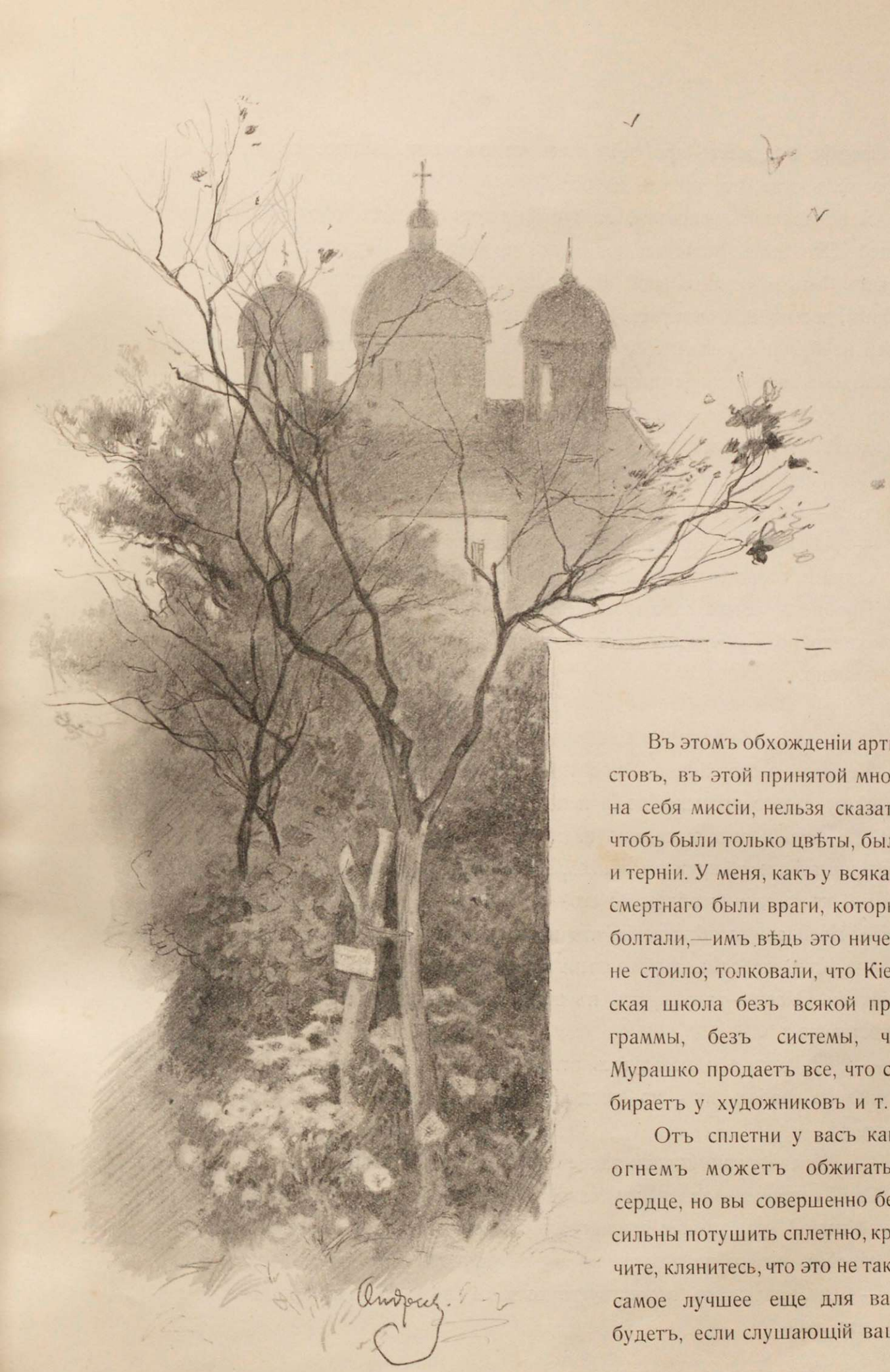
Въ простотѣ и привѣтливости слышалась нотка важности.

— „Очень радъ, Иванъ Николаевичъ, я боюсь только не помѣшать-бы?“

— „Чѣмъ же вы можете мѣшать? Вмѣстѣ и выберемъ, что вамъ нужно.“

Пришло только двое: акварелистъ Александровскій и художникъ Будкевичъ. Послѣдній сидѣлъ, позировалъ, а Крамской и Александровскій рисовали акварелью, разговаривали; входила жена и разговоръ оживлялся. Александровскій, красивый съ усами блондинъ, очень мило шутилъ. Въ отдыхѣ началъ Иванъ Николаевичъ отбирать, что-бы дать для школы. Отобрали два рисунка, двѣ хорошихъ акварели и два масляными красками этюда. Тутъ-же при этомъ Александровскій пригласилъ меня къ себѣ съ тѣмъ, что онъ тоже подѣлится, чѣмъ можетъ.

Случай не былъ упущенъ, и я имѣлъ отъ него рисунокъ и неоконченную, но интересную акварель.



Въ этомъ обхожденіи артистовъ, въ этой принятой мною на себя миссіи, нельзя сказать, чтобъ были только цвѣты, были и терніи. У меня, какъ у всякаго смертнаго были враги, которые болтали,—имъ вѣдь это ничего не стоило; толковали, что Кіевская школа безъ всякой программы, безъ системы, что Мурашко продаетъ все, что собираетъ у художниковъ и т. д.

Отъ сплетни у васъ какъ огнемъ можетъ обжигаться сердце, но вы совершенно безсильны потушить сплетню, кричите, клянитесь, что это не такъ; самое лучшее еще для васъ будетъ, если слушающій ваши

объясненія, подумаетъ про себя: такъ то оно такъ лишнее слово, но нѣтъ дыму безъ огня, что нибудь да есть.

Я попадаю къ человѣку, наслушавшемуся разныхъ обо мнѣ ужасныхъ вещей. Это былъ милый и почтенный профессоръ Баронъ К., очень умный, можетъ быть нѣсколько злой въ своихъ сарказмахъ, но въ сущности очень добрый, честнѣйшій человѣкъ. Небольшого роста, не красивый, (лично для меня и эти не большіе умомъ свѣтящіеся глаза, были привлекательны,) брошенный женою, онъ замѣнилъ ее алкоголемъ, бѣдняжка, и умеръ въ отставкѣ. Артистъ былъ высокой пробы, оригинальный и тонкій пейзажистъ, знатокъ, теоретикъ и вслѣдствіи этого прекрасный педагогъ. Мнѣ чрезвычайно желательно было хоть что нибудь небольшое отъ него имѣть. И вдругъ онъ меня дальше передней—никуда.

— „Извините, я ничего не даю и ничего у меня нѣтъ!“

Однимъ словомъ меня выпроводили, какъ самаго настоящаго попрошайку.

Пройдетъ четыре года и я буду имъ принятъ совсѣмъ иначе; оттого я такъ спокойно и обсуждаю этотъ случай, а тогда вѣроятно былъ взбѣшенъ неимовѣрно.

Не былъ я счастливѣе и посѣтивъ молодого выдвигающагося артиста С. По мѣсту своего происхожденія и по фамиліи, землякъ. Отъ православнаго отца, но мать полька и видимо на юношу имѣла громадное вліяніе, отсюда иныя симпатіи, иной кружокъ знакомыхъ; красивыя изысканныя манеры, внимательный къ костюму; общество его—поляки; и я для него былъ болѣе чѣмъ чужой. Начинаются объясненія, что вотъ въ Кіевѣ открыта школа.

— „Какъ-же, слыхалъ, это очень симпатично, школы намъ такъ нужны въ провинціи. Знаете—тамъ мракъ, къ этому всѣ должны относится болѣе чѣмъ сочувственно.“

— „Да, вотъ я и пользуюсь этимъ; обратился ко всѣмъ художникамъ, конечно не грабить ихъ, но каждый, думаю, дастъ, что либо отъ трудовъ своихъ.“

— „Конечно, конечно это такое святое дѣло: каждый дастъ, что можетъ.“

Такъ соловьемъ заливался молодой художникъ и это совсѣмъ не ладно: плохой знакъ! Тутъ, думаю я, или получу какой нибудь незначительный вздоръ, или совсѣмъ ничего не получу, но я ужъ рѣшилъ вести дѣло до конца.

— „Вы, напримѣръ, пожертвуете хотя бы изъ вашихъ прекрасныхъ рисунковъ что либо.“

— „Ахъ нѣтъ, представьте, что ничего не могу, вы такъ неудачно зашли; вчера еще я могъ бы съ вами кое чѣмъ подѣлиться, но сегодня рѣшительно у меня ничего нѣтъ.“

Столъ и мастерская завалены рисунками.

Я улыбнулся и посмотрѣлъ ему въ глаза.

— „Что вы такъ на меня смотрите?“

— „Да такъ, думаю, по своему опыту, что вы и вчера меня такъ же приняли бы, какъ сегодня.“

— „Ахъ, нѣтъ пожалуйста такъ не думайте, я непремѣнно съ вами подѣлюсь, я даже думаю, что я для школы маленькую картинку напишу; вѣдь это почти у меня на родинѣ школа.“

— „Благодарю васъ, а пока почему бы вамъ не дать вотъ хоть бы этотъ рисунокъ лошади, брошенный на полъ.“

— „Не могу, это у меня приготовленный и долженъ быть конченъ для Бегрова.“

— „Ну извините, что побезпокоилъ.“

Я очень изысканно, вѣжливо былъ выпровоженъ и ретировался.

Въ симпатичномъ ему кружкѣ С.... жертвовалъ довольно широко.

Я ушелъ и скоро былъ совершенно утѣшенъ, попавъ къ его же сверстнику такъ же молодому выдѣляющемуся артисту г. Крачковскому. Я къ нему явился, а отъ него какъ бы свѣтилось кругомъ, онъ сіялъ какъ въ ореолѣ.

Я ужасно люблю, и нельзя быть не тронутымъ видомъ молодого человѣка, только что получившаго большую золотую медаль.

Человѣкъ полонъ надеждъ, онъ ѣдетъ заграницу-Римъ-Парижъ и. т. д. Потомъ это стушуется. Первая тучка будетъ сейчасъ же—это писать отчетъ въ Академію: что видѣлъ и какъ понялъ то, что видѣлъ; а мастера кисти, часто къ перу имѣютъ прямо хроническое отвращеніе.

Но отвращеніе поборено, первый отчетъ кое какъ написанъ. Набѣгаетъ вторая тучка: что писать? Оригинальное новое, чего еще никто не писалъ! И тутъ начинаются такія муки, что къ концу срока заграничной командировки отъ ореола ничего не остается; часто ѣдутъ орломъ, а возвращаются, какъ въ воду опущенные. Первая публичная выставка, критика; тутъ ужъ подводятся—итоги. Наука учитъ, а жизнь доучиваетъ, и это бываетъ совсѣмъ не такъ весело.

Ничего подобнаго конечно и въ голову не приходило молодому художнику, переживавшему славныя первыя минуты.

Когда поздоровались, онъ первый заговорилъ.

— „Вы слыхали о моемъ успѣхѣ?“

— „Какъ-же, очень радъ, я съ удовольствіемъ видѣлъ вашу выставку.“

— „Да, я только что убралъ; я, знаете, имѣлъ большой успѣхъ; я много продалъ. Многое взяла у меня Академія. Шишкинъ недоволенъ мною, онъ хочетъ, чтобы я выковыривалъ каждую травку. Что мнѣ травка! я вижу общее и въ такомъ духѣ думаю и впредь работать; каждый долженъ сказать свое.“

Послѣ маленькой заминки молчанія началъ я осторожно свою пѣсню.

— „А я знаете къ Вамъ, такъ-же какъ и ко всѣмъ хожу, пришелъ просить васъ, не удѣлите ли какой нибудь, хоть не большой этюдъ; вамъ убытка не будетъ, а для насъ весьма важно имѣть всетаки образецъ какъ люди работаютъ.“

— „Съ большимъ удовольствіемъ, мнѣ объ васъ говорилъ Вашъ ученикъ И. Ф. Селезневъ. Я думаю, мы всѣ васъ должны снабдить, кто чѣмъ можетъ. Я дамъ вамъ нѣсколько своихъ этюдовъ.“

И счастливый молодой человѣкъ началъ отбирать, что онъ можетъ дать изъ своихъ остатковъ отъ конкурсной выставки. Широкой рукой онъ началъ отставлять для школы. Мнѣ пришлось его только удерживать.

— „Что вы, голубчикъ! Это ужъ не этюдъ—это цѣлая картина?!“

— „Ну а какъ же, это знаете нужно—это „Сумерки“—картина изъ окрестностей Житомира; мнѣ эту вещь хвалили. Это знаете, если будете говорить о настроеніи, вы можете это показать.“

— „Благодарю васъ, только это уже пахнетъ грабежемъ.“

— „Пустяки!“

Набралъ этотъ милый человѣкъ десятковъ до двухъ.

— „Ну какъ же дорогой Евстафій Александровичъ, съ рамами? ихъ нужно повынуть.“

— „Какъ повынуть? Да я безъ рамъ и не дамъ! Что такое этюдъ безъ рамы? Это не возможно, я васъ попрошу ихъ выставить, какъ они есть.“

— „Я право не знаю, какъ васъ благодарить; только рама—вѣдь это капиталъ для самого художника.“

— „Э, оставимъ толковать объ этомъ. Вы, пожалуй, еще зайдите. Это все пейзажи а я вамъ достану нѣсколько жанровыхъ этюдовъ. У меня пріятель

славный парень и преталантливый, вы навѣрное слыхали, Богдановъ. Я у него возьму непремѣнно, мы съ нимъ одного строя, онъ съ удовольствіемъ.“

Дѣйствительно я имѣлъ отъ него пару солидныхъ этюдовъ.

Я сейчасъ вышелъ отъ Евстафія Александровича прямо обогащеннымъ человѣкомъ.

Изъ моей поѣздки въ Петербургъ это самыя сильныя впечатлѣнія.

Ѣхалъ домой съ солидной коллекціей художественныхъ предметовъ и могъ обставить нашу школу и дать ей сразу приличный и надлежащій видъ.

Въ 1877 году, въ февралѣ была устроена первая выставка картинъ въ залѣ дворянскаго собранія съ платой за входъ, сборъ съ которой предназначался въ пользу школы.

Основой выставки послужили картины фамиліи Г.г. Терещенко; дали охотно и другіе граждане города. Выставка была полна картинъ и красиво, хотя весьма просто, устроена.

Рекламировать выставку, привлечь къ ней вниманіе общества

помогала мнѣ Софія Васильевна Тарновская, супруга усерднаго собирателя украинскихъ древностей. Видная красивая госпожа, которую всѣ называли гетманшей, она пропагандировала въ нашемъ бомондѣ. Она именно придумала устроить первый день для избранныхъ. День открытія выставки съ платой за входъ рубль. Билеты были напечатаны заблаговременно, которыя добрая гетманша взялась распространять.

Въ моей памяти мелькаетъ удивительная фигура одной молодой барыньки. Красивая брюнетка, жена виднаго чиновнаго дѣятеля въ Липкахъ. Она взялась продать нѣсколько билетовъ. Меня заставили сдѣлать ей визитъ.

— „О! я много продала вашихъ билетовъ," сразу заявила она. „Я ихъ спускала вездѣ: у Генералъ-Губернатора, у Губернатора, вездѣ. Берите, говорю, это на доброе дѣло, и отъ меня даромъ никто не ушелъ."

Я отъ души благодарилъ красивую черноглазую барыньку. Потомъ я зашелъ къ ней передъ днемъ открытія выставки.

— „У меня много вашихъ денегъ, я еще счета не свела."

Говорила она съ маленькимъ возбужденіемъ и съ огоньками въ глазахъ. Я опять ее усердно благодарилъ, просилъ, чтобъ она ужъ вмѣстѣ съ Софьей Васильевной свела счетъ.

— „О! у меня много бенефицій—я у ней побываю."

Я отправился прямо къ гетманшѣ обрадовать, что она имѣетъ такую усердную помощницу въ затѣянномъ ею такъ сердечно дѣлѣ.

Я немножко былъ удивленъ, что Софія Васильевна меня выслушала и не выразила никакого удовольствія. Слушала меня съ какой то холодной вдумчивостью и тутъ же повеселѣла, когда ея двоюродная сестра заявила:

— „А знаешь, Соня, я твоихъ пять билетовъ продала," сказала это и тутъ же вынула и вручила гетманшѣ деньги.

— „Ну дѣла ваши идутъ понемножку," сказала Софья Васильевна, обращаясь ко мнѣ. „Надѣюсь, что нашъ день удастся."

Потомъ все дѣло выяснилось. Ни одной души не попало къ намъ на выставку съ билетами черноглазой барыньки и ее саму я больше не видалъ.

Говорили, что она бѣдная больна, не то маленькая психопатія, не то злоупотребленіе морфіемъ у нея было. Не знай этого, сказалъ бы по просту, что барынька лгунья, а такъ ужъ когда слышишь такое, то думаешь: Господь съ нею, и больше ничего.

День открытія выставки 27 фев. удался. Было посѣтителей около 80 чел. Собрали денегъ 205 руб. Понимать нужно, что были бенефиціи.

Было и то, что называютъ несчастіемъ всѣхъ выставокъ. При устройствѣ была пробита одна цѣнная картина. Публики еще не было, картина была снята и въ одну ночь была залѣчена и заретушировано, цѣлую ночь мочили, сушили, гладили, закрашивали и опять сушили. Къ утру всё было готово, все сдѣлано въ величайшемъ секретѣ. Но увы, его знала одна женщина, а потому скоро узналъ объ этомъ и владѣлецъ картины. Прилетѣлъ, долго смотрѣлъ, но ничего не увидѣлъ и даже разговора объ этомъ не возбудилъ. Ему показалось возможнымъ думать, что тутъ пустая сплетня, или-же если и пробита картина, то чья то другая.

Лѣтомъ 1877 г. ѣздилъ въ Згуровку, имѣнье Петра Аркадьевича Кочубея. Онъ зналъ меня еще юношей. П. А. былъ предсѣдателемъ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества въ Петербургѣ. Я жилъ въ его домѣ и часто кое-что рисовалъ для публичныхъ лекцій.

Погостилъ у него двое сутокъ, разсказывалъ о школѣ и, когда уѣзжалъ, мнѣ чисто какъ попу на церковь сунули сто рублей; я довольный уѣхалъ. Потомъ въ школѣ побывала супруга Петра Аркадьевича Варвара Александровна и передала намъ три небольшихъ этюда работы Бейдемана, Боголюбова и Клевера: первые два незначительные, а послѣдній превосходный!

Не могу не отмѣтить такихъ характерныхъ случаевъ, какъ, напримѣръ, Графъ Саллогубъ, оставляя Кіевъ, прислалъ намъ слугою безъ малѣйшихъ объясненій свертокъ цѣнныхъ фотогравюръ, а я его очень мало зналъ, встрѣчалъ гдѣ то въ домѣ.

То же сдѣлалъ г. Бостуновъ и тоже оставляя Кіевъ. Этого почтеннаго гражданина мы никогда и въ глаза не видѣли, а между тѣмъ въ его присылкѣ, между разными этюдами, мы нашли этюдъ кисти знаменитаго нашего Иванова и одинъ рисунокъ, поколѣнное изображеніе женскаго открытаго тѣла, превосходно штудированнаго и оченъ красиво тушеваннаго.

Тутъ мнѣ умѣстно припомнить еще случай широкаго къ намъ расположенія. Оно выразилось къ концу пребыванія въ думскомъ магазинѣ.

Была зима очень снѣжная и суровая, но учащіеся насъ не оставляли. Ходили дѣти и дѣвицы, между послѣдними была одна, царство ей небесное,

добрѣйшая какая то душа. Ничего эффектнаго она изъ себя не представляла, не высокаго роста, всегда въ чемъ то темненькомъ, кружевца на ней темненькія: все это смотритъ какъ то скромно.

Казалось бы ее и не замѣтить никому, но Елену Яковлевну Б. всѣ знали и она всѣхъ знала; особенно со стороны нуждъ отъ нея ничего не скрывалось. Вотъ тутъ то она, часто самымъ скрытымъ образомъ, старалась всегда что либо сдѣлать. Любила школу нашу, любила порисовать. Но послѣднее у нея какъ будто не играло первой роли, а вотъ она заинтересовалась всей жизнью школы и была она другомъ всѣхъ въ школѣ, все она знала, и все трогало ее. Разъ Е. Я. со мной начала разговоръ, который, казалось, можно вести сколько хотите, но слова такъ и останутся словами. „Магазинъ нашъ ужасенъ, говорила Е. Я., въ немъ простуживаются не только дѣти, но и дѣвицы, и будь помѣщеніе болѣе подходящее, ручаюсь, что у насъ явится публика изъ Липокъ, публика, которая не будетъ стѣсняться платою и средства улучшатся". Я могъ отвѣтить только одно, что средствъ пока нѣтъ и рисковать мы не можемъ.

Каково же было наше удивленіе, когда она въ одинъ изъ дней является и въ своемъ черномъ фартухѣ различнѣйшими бумажками приноситъ намъ шестьсотъ рубл., прося принять эти деньги, не стѣсняясь ни срокомъ уплаты, ни процентами. Она болѣе чѣмъ увѣрена, что съ перемѣной помѣщенія, дѣла денежные такъ поправятся, что возвратить по частямъ ей эти деньги никакого труда не представитъ, а что это ея лично деньги и въ данный моментъ ей совершенно не нужны.

Поблагодарилъ добрую барышню и началъ думать о лучшемъ помѣщеніи.

Но зима была къ концу, и мы завершили учебный сезонъ въ магазинѣ.

Конечно, порядочная доля этого капитала, какъ съ неба къ намъ свалившагося, была еще до весны израсходована.

Какъ ни было мнѣ желательно поскорѣе возвратить эту великодушную ссуду, но матеріальное положеніе съ одной стороны и идеальная безкорыстность Елены Яковлевны съ другой привели къ тому, что долгъ былъ возвращенъ лишь много лѣтъ спустя и... наслѣдникамъ Елены Яковлевны. Ея уже не было въ живыхъ.

Съ цыфрой одной бенефиціи въ пользу школы, мелькнула въ воображеніи фигура Ивана Петровича Новова. Вѣроятно добрый человѣкъ, собиратель произведеній живописи старыхъ мастеровъ (къ новымъ онъ, конечно, относился свысока), невысокій, очень пожившій господинъ, имѣлъ здоровую, очень молодую жену, у которой разливалъ чай, когда та, лѣниво раскинувшись,

сидѣла въ пеньюарѣ тутъ же. Былъ Ив. П. настойчивый любитель и собиратель и . . . . знатокъ Вы думаете, напротивъ, поразительно—не понималъ того, что собиралъ.

Теперь я вижу, что это явленіе совсѣмъ нерѣдкое, но тогда былъ очень удивленъ.

Былъ у него чудный Фердинандъ Боль, конечно, пріобрѣтенъ за Рембрандта. И. П. имъ восторгался и совершенно справедливо.

Но рядомъ съ этимъ висѣлъ положительный лубокъ съ грубо синей водой; съ желтыми зданіями, и онъ съ гордостью стучалъ по холсту и говорилъ:

— „Это у меня настоящій Каналетто.“

— „Что Вы, Иванъ Петровичъ, что же тутъ похожаго на Каналетто?“

Иванъ Петровичъ находилъ этотъ вопросъ какъ бы празднымъ, внимательно и серьезно смотрѣлъ на свою вещь и торжественно молчалъ.

Я былъ тогда молодъ и, должно быть, непокоенъ и потому не унимался:

— „Вы же знаете, Иванъ Петровичъ, какъ дивно Каналетто рисовалъ фигуры въ своихъ ландшафтахъ, а это же мазня безъ малѣйшаго пониманія.“

— „О, если бы вы знали, гдѣ и отъ кого я пріобрѣлъ эту вещь; нѣтъ, вы не спорьте, вы всмотритесь.“

Я не спорилъ, полный величайшаго удивленія.

Иванъ Петровичъ бывалъ въ Петербургѣ, требовалъ для Кіева Академіи Художествъ, и не трудно представить, что я былъ въ его глазахъ: такъ какая-то мелочь. Это не мѣшало ему нисколько дѣлиться со мною дублетами гравюръ и давать маленькія бенефиціи на школу.

Этотъ, совершенно незлой повидимому человѣкъ, былъ причиною смертельнаго огорченія художника Будкевича.

Послѣдній написалъ головку Христа: небольшое изображеніе, но очень деликатно прочувствованое. По моему, немножко слащаво, но Іосифъ Константиновичъ Б. былъ очень своимъ трудомъ доволенъ.

Нововъ увидѣлъ и купилъ, и подписать не подписалъ, но всѣмъ говорилъ, что это у него Иванъ Николаевичъ Крамской.

Напрасно я старался его увѣрить, что типъ Христа у Крамского совсѣмъ иной, ничего общаго съ этимъ не имѣетъ, что это кисть чисто Будкевича.— Они пріятели съ Крамскимъ, это правда, но это ничего не доказываетъ.

— „Нѣтъ, нѣтъ, Будкевичу никогда такъ не написать, я же знаю, это у меня настоящій и превосходный Крамской...“

Для Будкевича это не было тайной. Онъ страшно обижался этимъ и какъ тутъ не вышло, хоть небольшого кровопролитія, я ужъ не знаю.

1878 года ноября 23 дня была въ залѣ Думы выставка въ пользу школы, устроенная милостію и усердіемъ В. В. Тарновскаго; говорю такъ потому, что онъ далъ средства и весь свой любопытнѣйшій историческій музей, который онъ собиралъ всю свою жизнь, не жалѣя средствъ. Собиралъ все, что касалось исторіи Малороссіи, очень много гравюръ, рисунковъ, портретовъ, костюмы, утварь, оружіе, много любопытныхъ документовъ, какъ гетманскіе универсалы и т. д. Мало культурный городъ, въ которомъ, отчасти идеями обрусѣнія, подавленъ всякій интересъ къ своему близкому родному прошлому, слабо интересовался этой выставкой. Изъ 130 тысячнаго населенія въ то время едва посѣтило выставку въ продолженіи 22-хъ дней 1 тысяча человѣкъ. Напрасно репортеръ одной изъ газетъ корилъ публику, это дѣлу не помогло.

Только благодаря безплатному помѣщенію, бенефиціямъ и расходамъ, принятымъ на себя добрѣйшимъ В. В. Тарновскимъ, образовалась сумма въ пользу школы въ 317 руб.

Къ прискорбію нужно сказать, что городъ хотя и разросся, теперь въ немъ жителей чуть не 300 тысячъ, а онъ отъ этого не сталъ культурнѣе, насколько можно судить по лицамъ, избраннымъ для защиты городскихъ интересовъ и упустившимъ эту цѣннѣйшую коллекцію, которую готовъ былъ пожертвовать любимому своему Кіеву В. В. Вмѣсто благодарности, начались такого рода разсужденія, что затронули его самолюбіе и онъ сразу, какъ говорится, снялъ этотъ вопросъ съ очереди и пожертвовалъ всю свою богатую коллекцію городу Чернигову. Теперь интересующійся исторіей края, его внѣшней обстановкой долженъ отправляться въ городъ Черниговъ, гдѣ устроенъ для помѣщенія коллекцій очень хорошій домъ, и тамъ знакомиться съ исторіей прошлаго.

Упоминаю какъ курьезъ, что въ это же время я обратился черезъ Генералъ Губернатора въ Петербургъ, просить отъ казны пособія школѣ. Въ этомъ принималъ участіе такой вліятельный человѣкъ, какъ Петръ Аркадьевичъ Кочубей. Результатъ получился странный: мнѣ прислали бумагу, которая сохранилась въ моихъ документахъ; въ ней изложены слѣдующія требованія:

1. Школа должна быть подъ наблюденіемъ, относительно преподаванія, Строгановскаго училища. (?)

2. Школа должна быть подъ чьимъ либо вѣдѣніемъ, кому принадлежало бы назначеніе и выборъ, какъ преподавателей такъ и завѣдывающаго школой.

На это въ прошеніи никакихъ указаній нѣтъ, а между тѣмъ право завѣдыванія школой Мурашко оставляетъ повидимому за собой.

3. Возбужденіе ходатайства о субсидіи школѣ господиномъ Мурашко, а не городской думой, не соотвѣтствуетъ порядку.

Совершенное равнодушіе къ интересамъ дѣла, недовѣріе къ личности и полное игнорированіе какого либо значенія въ иниціативѣ, такъ и сквозятъ въ этой бумагѣ,—но она написана въ полномъ соотвѣтствіи съ статьями закона, такими-то циркулярами и разъясненіями за такими-то номерами и мнѣ ужъ дальше чего нибудь добиваться въ этомъ направленіи было нечего.

Нельзя не вспомнить добрымъ словомъ передвижныя выставки и ея первыхъ распорядителей, сопровождавшихъ выставку, которые относились къ школѣ очень тепло.

Еще до открытія нашей школы съ выставкой появился у насъ превосходный нашъ жанристъ покойный В. Г. Перовъ. Въ слѣдующемъ году сопровождалъ ее Г. Г. Мясоѣдовъ. Съ этимъ уважаемымъ и большого ума человѣкомъ, я ужъ познакомился; онъ былъ такъ привѣтливъ и добръ, что не только посѣщалъ школу, но даже у насъ, въ виду учениковъ, написалъ женскій этюдъ. Позировала моя жена въ малорусскомъ костюмѣ. Потомъ былъ очень расположенный къ намъ и много пропагандировашій школу художникъ и баринъ, владѣлецъ имѣнія въ Курской губ. и небольшого конскаго завода, портретистъ лошадей, ихъ знатокъ и любитель, Алекс. Дмитріевичъ Чиркинъ. Онъ охотно посѣщалъ школу въ бытность въ Кіевѣ. И мы однажды ухитрились добыть какую то замухрышку лошадку и втащили ее въ школу. Александръ Дмитричъ писалъ только холеныхъ и заводскихъ лошадей, тутъ, увидавъ у насъ этакого россинанта, увлекся новымъ сюжетомъ и съ него тоже написалъ намъ очень милый этюдъ, оставивъ намъ прекрасную по себѣ память.

Но болѣе другихъ по времени работалъ и служилъ обществу Передвижниковъ художникъ Павелъ Андреевичъ Ивачевъ. Его вліяніе и у насъ пожалуй отразилось болѣе всѣхъ предыдущихъ.

Пріѣздъ выставки, это было для насъ праздникомъ; я требовалъ отъ учениковъ не смотрѣть, а прямо изучать мастеровъ выставки. Съ разрѣшенія добрѣйшаго Павла Андреевича ученики школы попадали на выставку рано

утромъ до появленія публики, дѣлали маленькія замѣтки карандашемъ и красками. Тутъ былъ я обязательно и цѣлая группа старшихъ изъ учениковъ нашей школы, которые многимъ обязаны выставкамъ своимъ развитіемъ. За неимѣніемъ музея или постоянной выставки это было единственнымъ стимуломъ художественнаго развитія помимо того, что было въ школѣ.

Передвижныя выставки попадали въ Кіевъ обыкновенно въ концѣ года и въ продолженіи многихъ годовъ ихъ сопровождалъ П. А. Ивачевъ. Въ концѣ же года обыкновенно собирались работы учениковъ и П. А. неизмѣнно принималъ участіе въ разсмотрѣніи ученическихъ работъ. Тутъ же рѣшали, кого удостоить перевода въ старшія группы. Такъ составлялся маленькій совѣтъ. Молодежь этимъ очень интересовалась. Но мы всѣми силами старались не баловать молодежь, не раздражать ихъ самолюбія разными поощреніями вродѣ медалей, первыхъ номеровъ и проч. Ничего этого у насъ не было, на все это мы смотрѣли, какъ на нѣчто просто вредное,

Въ самолюбіи у нашихъ молодыхъ артистовъ недостатка никогда не было (я думаю, это отчасти, ужъ такая сфера), да молодость вообще самолюбива—къ чему тутъ подливать еще масла въ огонь. Совѣтъ оканчивался, работы вывѣшивались и я передавалъ все то, что рѣшалъ совѣтъ; объяснялъ, почему такъ, а не иначе; объяснялъ, что хорошо, а что дурно,—всѣ жадно это выслушивали.

Первые передвижники широкіе были люди и широки ихъ были дѣйствія, но сейчасъ уже не то, завелась у нихъ нѣкоторая формалистика, уже чего то они боятся, что то ревниво оберегаютъ; всё это понятно, но скучно, хотя по своему справедливо. Правда, мы уже и сами теперь не бѣдняки, въ Кіевѣ у насъ свой музей. Онъ привѣтливо всѣмъ открытъ и доступенъ и съ достоинствомъ выполняетъ свою роль, особенно, когда въ немъ такой превосходный человѣкъ директоромъ какъ Н. Ѳ. Бѣляшевскій.

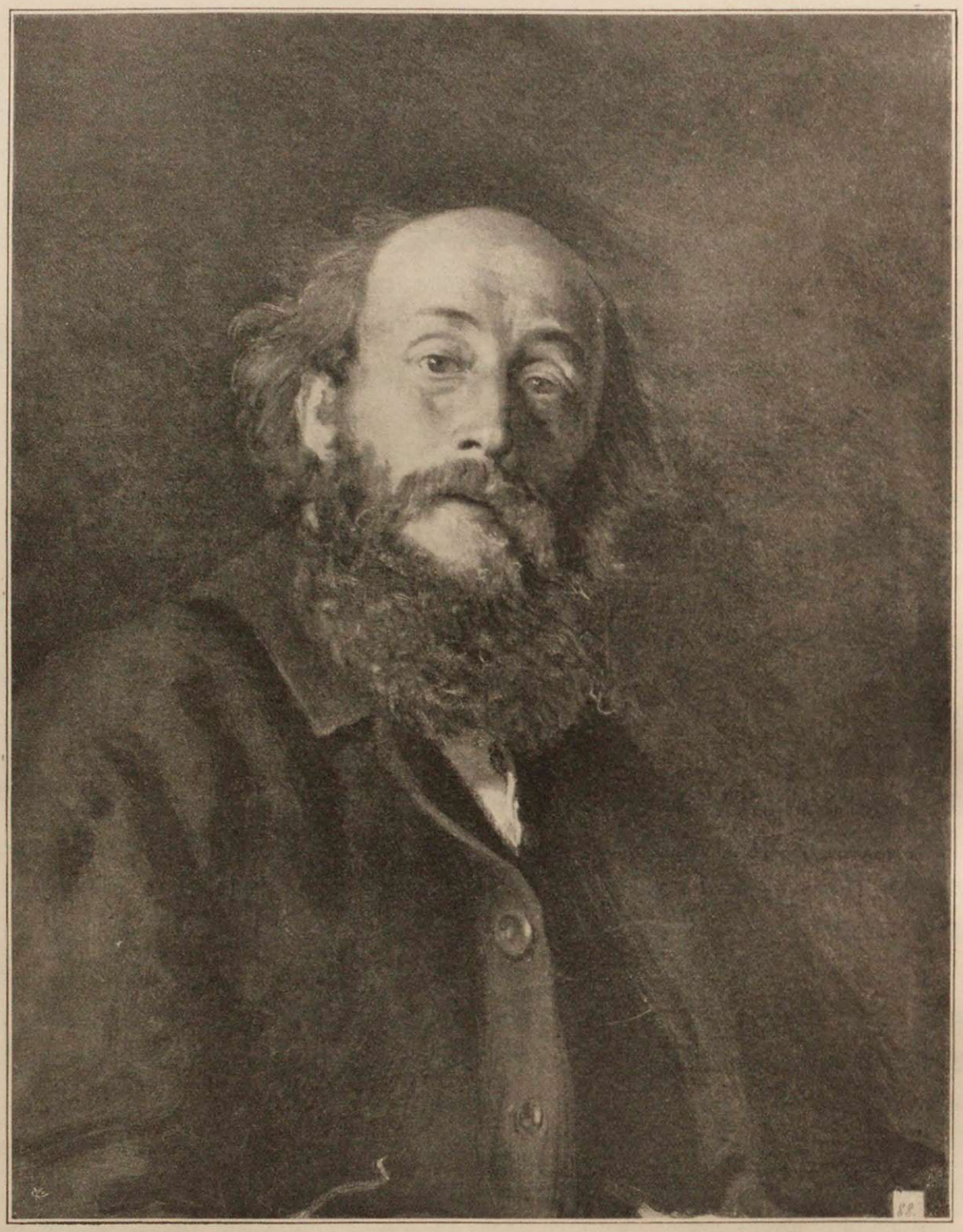
Упоминая о Передвижникахъ, объ ихъ сочувствіи къ школѣ, я долженъ сказать, что и Академія Художествъ тоже удѣлила кое-что изъ своихъ богатствъ: прислала десять различныхъ, очень цѣнныхъ этюдовъ, между которыми были хорошіе мастера, какъ Боголюбовъ и др.

Глубоко тронулъ насъ Константинъ Аполлоновичъ Савицкій, приславъ намъ изъ Витебска коллекцію своихъ очень хорошихъ этюдовъ.

Мы знали другъ друга немного по Академіи, я давно его потерялъ изъ виду, и не знаю кто ему напомнилъ о насъ. Это была вполнѣ неожиданная любезность.

Академикъ Парменъ Петровичъ Забѣлло приглашенъ былъ сдѣлать бюстъ Ник. Арт. Терещенко. Пріѣхавъ въ Кіевъ, П. П. неоднократно былъ въ школѣ и даже въ назиданіе ученикамъ вылѣпилъ небольшой барельефъ.

Интересенъ и дорогъ мнѣ былъ Николай Николаичъ Ге всегда, а въ началѣ развитія школы онъ имѣлъ большое значеніе. Его умѣлому, красивому, вліятельному слову мы много обязаны. Онъ первый обратилъ



Профессоръ Н. Н. Ге.

вниманіе на забавную, бѣдную, скудную школу, какой она была вначалѣ, занимая помѣщеніе одного средняго по величинѣ магазина въ Думѣ (теперь въ немъ молочная). Онъ первый началъ насъ рекламировать въ Липкахъ (въ нашемъ аристократическомъ кварталѣ). Такъ однажды въ домѣ г. Маркевича

его обступили барышни разныя, допытываясь, кто такой Мурашко и что онъ такое.

— „Да вамъ что собственно нужно знать? Кто были его папенька и маменька, такъ я самъ не знаю, кто его папенька и маменька, а Мурашко открылъ школу, и я вамъ совѣтую пойти посмотрѣть“...

Почтенный профессоръ, вспоминая семидесятые годы, говорилъ, что настоящая школа именно была въ магазинѣ.

— „Теперь это учрежденіе“, говорилъ онъ много лѣтъ спустя, сидя уже въ большомъ свѣтломъ помѣщеніи: „Помните, какъ бывало, во время бесѣды нашей съ учениками, съ чернаго хода войдетъ какой-то полицейскій чинъ*) и тутъ же присядетъ, слушаетъ всѣ наши споры и все это невинно, безъ всякой нехорошей мысли.

Николай Николаевичъ не жилъ въ Кіевѣ. Но, живя у себя подъ Нѣжиномъ въ небольшомъ своемъ имѣніи, гдѣ у него была и мастерская, Н. Н. отъ времени до времени пріѣзжалъ въ Кіевъ. Первые годы школы Н. Н. былъ какъ-то особенно къ намъ расположенъ и обязательно заходилъ въ школу. Потомъ проходили цѣлые годы онъ и не заглядывалъ.

Такъ что можно сказать—мы его расположеніемъ пользовались какъ то періодически.

Налеталъ къ намъ Ник. Никол., собирались работы старшей группы учениковъ. Никакихъ особыхъ засѣданій Н. Н. не признавалъ. Тутъ же въ присутствіи учениковъ все это разсматривалось и разбиралось. Кого нужно хвалить, хвалили, а кого нужно разнесть, разносили и отечески пробирали. Ге находилъ, что секрета въ этомъ быть не должно:

— „Пусть слушаютъ, на какихъ основаніяхъ мы рѣшать будемъ такъ или иначе.“

И вотъ получалась такая картина: профессоръ, тѣсно обступленный вокругъ учениками. Передъ профессоромъ разложены рисунки, и Николай Николаевичъ такъ просто обращался:—„Какъ это вы, такой славный юноша, а носъ у Люція Вера сдѣлали такъ скверно, это какая-то картошка, а не носъ. А вотъ этотъ, глазастый, какъ васъ зовутъ?“ обращался профессоръ къ другому.

— „Гетманенко!“

— „Ишь ты, фамилія какая славная! У него хорошо! Онъ даже почувствовалъ, какъ конецъ носа раздваивается. Вѣдь онъ раздваивается. Вы троньте себя за носъ.“

*) Нѣсколько мѣсяцевъ ходилъ въ школу въ свободные часы и усердно рисовалъ какой-то околоточный надзиратель.

Государственная БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. Ленина

Всѣ трогаютъ и улыбаются.

— „А почему это вы эскизовъ не дѣлаете?“

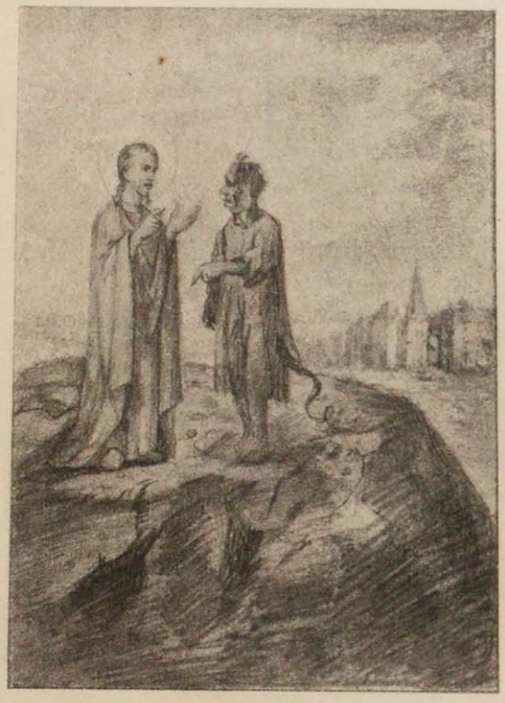
— „Трудно! Николай Николаичъ.“

— „А вотъ вы и дѣлайте то, что трудно. А то что? вы думаете только легкое дѣлать, ишь вы какіе!“ говорилъ профессоръ мило, привѣтливо и добродушно улыбаясь.

— „Вотъ я пробуду нѣкоторое время въ городѣ, а вы въ это время приготовьте мнѣ эскизъ. Я вамъ и задамъ тему на него, ну хоть Искушеніе Христа.“

— „А можно изъ Гоголя что-нибудь“ спрашиваетъ кто-то изъ толпы учениковъ.

— „Г-мъ! Что жъ вы мнѣ нарисуете изъ Гоголя? это что-то изъ тѣхъ рожъ, которыя насъ окружаютъ? такъ вѣдь это смотрѣть прямо въ жизни и то очень скучно и надоѣло все это, а вы еще рисовать хотите. Нѣтъ, ужъ вы мнѣ сдѣлайте то, что я васъ прошу; вотъ почитайте хорошенько да и сдѣлайте.“



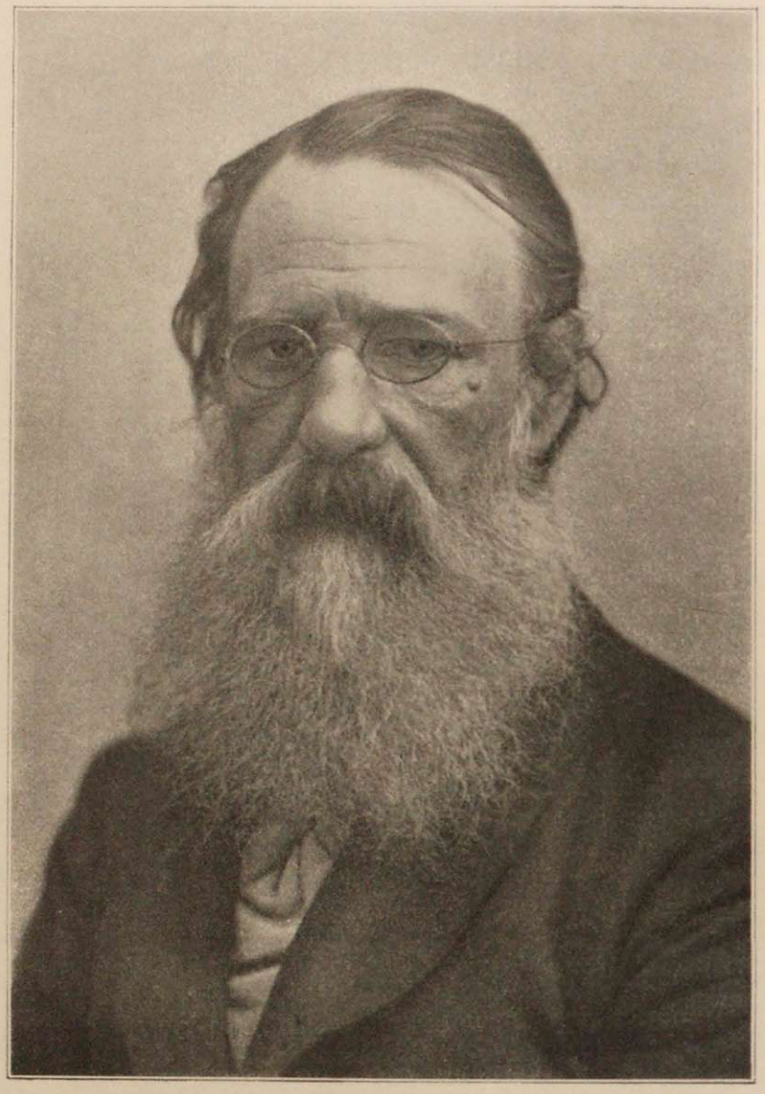
Эскизъ ученика.

Ге слушали большіе и малые, развитые и не развитые. Большіе и развитые его понимали и изъ бесѣдъ его уносили оживляющее и волнующее нѣчто, не развитые понимали мало, такъ-какъ Николай Николаевичъ не опускался и не умѣлъ опуститься до своей аудиторіи. Онъ говорилъ, напримѣръ: вы знаете, господа, что въ средніе вѣка было то-то и то-то, или что въ вѣкъ Возрожденія было то-то и то-то.

Ничего этого большая половина нашей аудиторіи и не слыхала никогда, но тѣмъ не менѣе кое-что, у красиво говорившаго старика, она схватывала, тѣмъ болѣе, что этотъ красивый живописный старикъ относился ко всѣмъ необычайно благодушно, говорилъ просто, ясно, убѣжденно и искренно. Его очень любили слушать, и можно быть увѣреннымъ, что дѣти можетъ быть его и мало понимали, но его необыкновенную благость и доброту чувствовали. Мнѣ кажется, что кто хоть разъ его видѣлъ, тотъ получалъ глубокое неизгладимое впечатлѣніе. А нѣкоторыя натуры изъ юношей ему безусловно подчинялись: бросали курить, задумывались надъ такими вопросами, надъ которыми молодежь обыкновенно не задумывается. Отъ него у насъ появилось вегетаріанство... Старикъ Ге еще въ полной силѣ попадалъ къ намъ и впродолженіи многихъ лѣтъ. На нашихъ глазахъ онъ самъ видоизмѣнялся въ своихъ убѣжденіяхъ. Далѣе мнѣ еще придется говорить о немъ.

Выставки, посѣщеніе художниковъ дополняли работу въ школѣ, расширяли кругозоръ учащихся и ихъ художественное развитіе. Къ концу пребыванія школы въ одномъ изъ магазиновъ думы образовалась уже такая группа юношей, съ помощью которой свободно былъ выполненъ заказъ иконостаса въ одинъ изъ деревенскихъ храмовъ Полтавской губерніи. Это ихъ чудно оживило и дало заработокъ.

Разсказавъ о заинтересовавшихся школой и пришедшихъ къ ней на помощь художникахъ, я долгомъ считаю помянуть добрымъ словомъ профессоровъ университета св. Владимира А. С. Шкляревскаго и П. В. Павлова, которые много помогли мнѣ въ устройствѣ школы своими совѣтами, какъ людей широко просвѣщенныхъ и тонко понимающихъ искусство.



Павелъ Михайловичъ Поповъ.

Я былъ Завѣдующимъ и преподавателемъ и представлялъ изъ себя всю администрацію школы, но я бы очень погрѣшилъ, если бы не вспомнилъ о Павлѣ Михайловичѣ Поповѣ, своемъ помощникѣ, старомъ своемъ пріятелѣ, который съ первыхъ же дней существованія школы былъ при ней и замѣнялъ меня въ моемъ отсутствіи. А отлучаться приходилось, потому что у меня было нѣсколько уроковъ въ Реальномъ училищѣ. Я считался тамъ на службѣ и оставить ихъ не могъ.

Мнѣ такъ хочется помянуть Павла Михайловича добрымъ словомъ: онъ этого болѣе чѣмъ заслуживаетъ. Онъ не принадлежитъ уже міру сему, о немъ можно свободно говорить. Мнѣ кажется, что память о такихъ людяхъ должна сохраняться. Чѣмъ внимательнѣе, душевнѣе, глубже вспоминать такихъ людей, тѣмъ лучше; это духовное общеніе съ душей превосходнаго человѣка неминуемо должно очищать и подымать насъ...

Павелъ Михайловичъ былъ въ душѣ самой чистой воды артистомъ художникомъ, это былъ привлекательнѣйшій скромный человѣкъ. Въ школѣ всѣ его любили и уважали. Это не былъ какой нибудь дипломированный художникъ, но онъ страстно любилъ искусство и очень хорошо его понималъ. Онъ не имѣлъ, какъ выражаются, школы. Но это затушевывалось его талантливостью и умомъ. Когда говорили о какихъ-то особенныхъ методахъ и системахъ

преподаванія, онъ съ такимъ невиннымъ лукавствомъ улыбался себѣ въ усы. Онъ любилъ искусство и его прекрасно разбиралъ. И чего-же больше!... Сдѣлалъ онъ по искусству не много.

Судьба не дала ему возможности получить своевременно ту многолѣтнюю дрессировку, какая выпадаетъ на долю иногда совсѣмъ не художниковъ, и которые только въ силу дрессировки очень часто сходятъ за таковыхъ.

Совершенно напрасно говорятъ, что талантъ выбьется на дорогу. Нѣтъ, жизнь и судьба могутъ набросить такое ярмо и путы, что онъ не только не выбьется да и не шевельнется. Сжатый, какъ въ тискахъ, рано нажитой семьей и всякими житейскими невзгодами, онъ будетъ биться, биться и далеко не сдѣлаетъ того, что могъ бы сдѣлать въ другое время и при другой обстановкѣ. Стоитъ взять только во вниманіе условія того времени, лѣтъ за сорокъ назадъ. У насъ ни музея, ни школы, ни выставокъ: извольте художественному таланту развиться. П. М. родился въ 1838 г., окончилъ образованіе въ одномъ изъ провинціальныхъ морскихъ кадетскихъ корпусовъ въ Николаевѣ. Сынъ военнаго могъ-бы повторить карьеру своего отца, но любовь къ искусству, проявившаяся еще въ корпусѣ, заставила повернуть на тернистый путь провинціальнаго живописца. Средствъ къ жизни никакихъ, стало быть нужно было взяться главнымъ образомъ за образа.

Главнымъ стимуломъ развитія П. М., забавно сказать, послужила случайно затесавшаяся къ намъ выставка картинъ, собранная какимъ-то Зміевскимъ и открытая въ залѣ Университета въ 1860 году. Собраніе было изъ иностранныхъ мастеровъ и очень, очень не дурное, но дѣла этой выставки были такъ плохи, что она изъ Кіева и выбраться не могла. Антрепенеръ ея сбѣжалъ, а авторы и владѣльцы картинъ должны были прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мѣрамъ, чтобы ликвидировать неудавшееся дѣло. Ахенбахъ, напримѣръ, подарилъ свою очень хорошую картину нашей Академіи художествъ, чтобъ только вещь не пропала. Тутъ, копируя съ картинъ, развивался П. М., тутъ начало развитія, кстати припомнить, и профессора В. Д. Орловскаго. Послѣдній для своего дальнѣйшаго усовершенствованія очень просто отправился въ Петербургъ, а П. М. Поповъ этого ужъ сдѣлать рѣшительно не могъ. Онъ въ пожилые годы только добился диплома на право преподаванія въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, да и этимъ правомъ П. М. почти не пользовался, хотя пробовалъ и не безъ успѣха. Но ему истинному живописцу любителю, наша формально чиновничья педагогическая дѣятельность была не по душѣ и онъ ее скоро оставлялъ.

Павелъ Михайловичъ могъ написать портретъ, слабый по художественной техникѣ, но похожій; онъ много писалъ образовъ. Они не оригинальны,

но сработаны всегда со вкусомъ и красиво; копировалъ же онъ прямо безукоризненно.

Всегда веселый, вѣчный фантазеръ и превосходный оригинальный разсказчикъ. Его разсказы никогда не имѣли какой-либо затѣйливой темы, но они ловко, образно и живо рисовали вашему воображенію одну картину за другою.

Онъ не худо владѣлъ карандашемъ, его каррикатуры не злы, но много въ нихъ часто презабавнаго юмора, и какъ въ разсказахъ, такъ и въ рисункахъ

отнюдь ничего скабрезнаго. Эта непорочность и чистота безсознательно всѣхъ привлекала къ нему. Его разсказы всѣ плодъ его тонкой наблюдательности.

Вотъ, напримѣръ, одна изъ его милыхъ шутокъ. Одно время въ кружкѣ моихъ знакомыхъ увлекались гимнастикой, грѣшилъ ею и я; и вотъ П. М. говоритъ третьему лицу, указывая на меня:

— „Знаете, онъ началъ гимнастическія упражненія тяжестями, и вы знаете какая послѣдовательность“, говоритъ онъ, съ вытянутымъ серьезнымъ лицомъ и поднятымъ вверхъ пальцемъ—„Онъ началъ съ двухъ пустыхъ коробочекъ спичекъ и будетъ по одной спичкѣ прибавлять каждый день; можете себѣ представить, до чего онъ можетъ дойти, онъ будетъ подымать нѣсколько фунтовъ“.

Все, вмѣстѣ взятое заставляетъ меня сказать, что съ Павломъ Михайловичемъ сошелъ со сцены большой художникъ, которому жизнь не дала возможности развернуться.

Я радъ воздать должное памяти Павла Михайловича, такъ какъ на первыхъ шагахъ школы его вліяніе было очень благотворно. Общее настроеніе въ школѣ онъ поддерживалъ прекрасное.

Таковъ былъ Павелъ Михайловичъ. Въ школѣ было бѣдно, но бодро и весело настроено. Учащихся вначалѣ была небольшая группа, всѣ были знакомы между собою и дружны, чувствовалась теплота отношеній. Жизнь школы протекала среди массы неудобствъ, (стоитъ вспомнить, каково было зимой при двери прямо на улицу) но всѣ ихъ весело терпѣли, никто не жаловался. Всѣ видѣли и чувствовали, что искренно дѣлается все, что можно, и жалобамъ, будированію, критикантству, къ которому мы большіе охотники—не было мѣста.

Описаніе приложеннаго рисунка П. М. можетъ быть таково: какіе-то двое молодыхъ особъ, полные самаго чистаго идеальнаго настроенія, вдругъ подвергаются самому безцеремонному подслушиванію, передразниванію. Все подхватывается, перевирается, въ ужасѣ вытягиваются у окружающихъ лица, многіе отворачиваются. Далѣе лицемѣріе, будучи само толстымъ распухшимъ, имѣя само только самыя животныя побужденія, приходитъ въ напускной ужасъ, складываетъ какъ для мольбы руки и т. д.

По характеру школы сразу установилось ровное отношеніе съ большими и дѣтьми. Отсутствіе администраціи давало всему нѣсколько своеобразный и не обычный видъ. Школа росла. Къ концу 1878 года уже записавшихся учениковъ и ученицъ было около ста. Являлись запросы по искусству все серьезнѣй и сложнѣй.

Неизбѣжно среди такого большого числа учениковъ не всѣ были равно интересны. Въ числѣ другихъ явилось и дермо-толпа, та толпа, которая къ чему не дотронется, все принижаетъ, но за то съ другой стороны появлялись такіе, которые требовали къ себѣ серьезнѣйшаго вниманія.

Являлись сильно подготовленные въ другихъ школахъ и желали продолженія своего развитія. Положеніе—мало сказать щекотливое, положеніе прямо волнующее.

Я чувствовалъ, что въ школѣ долженъ быть мастеръ и большой мастеръ, который на все бы отвѣтилъ, не только словомъ, но и дѣломъ. Ни я, ни Павелъ Михайловичъ Поповъ, удовлетворяя массѣ, не были настолько сильны въ искусствѣ, чтобы вести юношей такъ, чтобъ они не скучали о высшей школѣ, въ которую попасть не всѣмъ возможно.

Въ матеріальномъ отношеніи школа насъ двухъ работниковъ не обезпечивала и Павелъ Михайловичъ, получивъ въ 1878 году порядочный заказъ иконъ для иконостаса, школы не посѣщалъ.

Въ это время появился въ Кіевѣ, кіевлянинъ по рожденію, но въ сущности очень мало и рѣдко до сего жившій въ Кіевѣ; имѣя средства, онъ посто-

І. К. Будкевичъ.

янно путешествовалъ, пріятель мой по Академіи Іосифъ Константиновичъ Будкевичъ. Онъ согласился помочь мнѣ, приходить по вечерамъ въ школу, заняться съ старшей группой учениковъ. Европеецъ по развитію, ему было что сказать юношамъ и его объясненія съ большимъ чувствомъ вспоминаетъ Н. К. Пимоненко, бывшій въ то время въ старшей группѣ учениковъ.

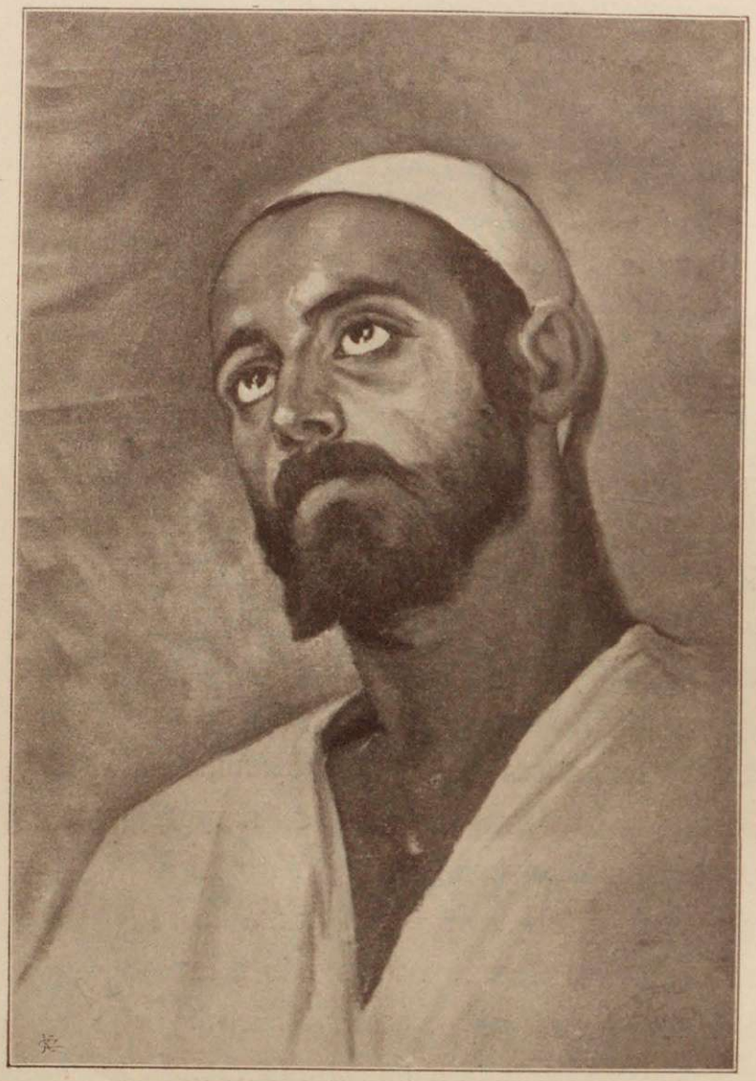
Іосифъ Констант. былъ очень умный, привѣтливый, словоохотливый собесѣдникъ. Учился въ Академіи, получилъ тамъ массу всякихъ медалей чуть ли не 8 (это система стараго Академическаго воспитанія), но онъ все таки не былъ и не сдѣлался отъ этого художникомъ въ томъ смыслѣ, какъ мы это понимаемъ. Онъ изрѣдка писалъ портреты сомнительнаго сходства, собирался всю жизнь что-то сдѣлать, написать какую-то вещь, но такъ и не написалъ. Превосходно копировалъ въ Эрмитажѣ съ Рембрандта. Работалъ то возлѣ Конст. Маковскаго, то возлѣ Крамского, а позже, заграницей, около нѣкоторыхъ иностранныхъ художниковъ; интересовался написать голову Христа, собиралъ къ этому этюды съ натуры. Все ему казалось, что вотъ еще немного поучится и тогда уже у него дѣло пойдетъ. Будучи почти пятидесяти лѣтъ І. К. надумалъ, что ему нужно покопировать еще съ Веласкеза и онъ отправляется въ Мадритъ. Но копіи вышли хуже прежнихъ Рембрандтовскихъ... Въ 1895 году умеръ этотъ милый и любимый всѣми человѣкъ. Картины онъ такъ никакой и не написалъ. Оставилъ эскизы, которые даже очень цѣнились въ старой Академіи. Эти эскизы представляли ловкую, но совершенно холодную орнаментистику изъ человѣческихъ фигуръ много учившагося и не глупаго человѣка.

Таковы у насъ иллюстраціи къ библіи покойнаго Агина. Такіе эскизы имѣютъ слабое значеніе, какъ и производимое ими впечатлѣніе. Мы требуемъ отъ художника ему лично присущихъ представленій и творчества.

Художникъ часто представляетъ плодъ зерна, упавшаго на каменистую сухую почву, которая можетъ и не дать ему ничего для его развитія. Въ свою очередь никакая жирная почва не выраститъ сильнаго художника, если зерно плохо, если объ этомъ не позаботится сама природа художника, давъ ему

ту особую силу, силу памяти, силу впечатлительности, силу представленій, которыя и составляютъ цѣннѣйшія части души художника.

Неспособность приложить къ личному творчеству свои обширныя знанія и высокое умѣнье, конечно, не мѣшала Іосифу Константиновичу быть въ высшей степени полезнымъ и желательнымъ въ роли учителя въ нашей школѣ.



Этюдъ І. К. Будкевича.

І. К. Будкевичъ занимался въ школѣ отъ средины зимы до прекращенія вечернихъ занятій. Съ увеличеніемъ дня—занятій при лампахъ не бывало. Я доложилъ Ивану Николовичу, что хотя І. К. предложилъ намъ свои уроки безкорыстно но, что не худо бы было удѣлить ему что либо, какъ бы изъ взносовъ учениковъ. Хотя у меня ничего не было, взносы расходывались на текущія нужды по школѣ.

— „Что же бы вы думали ему дать?“ спросилъ Иванъ Николовичъ.

— „Да хоть рублей 75-100“ сказалъ я.

— „Ну дайте ему сто рублей.“

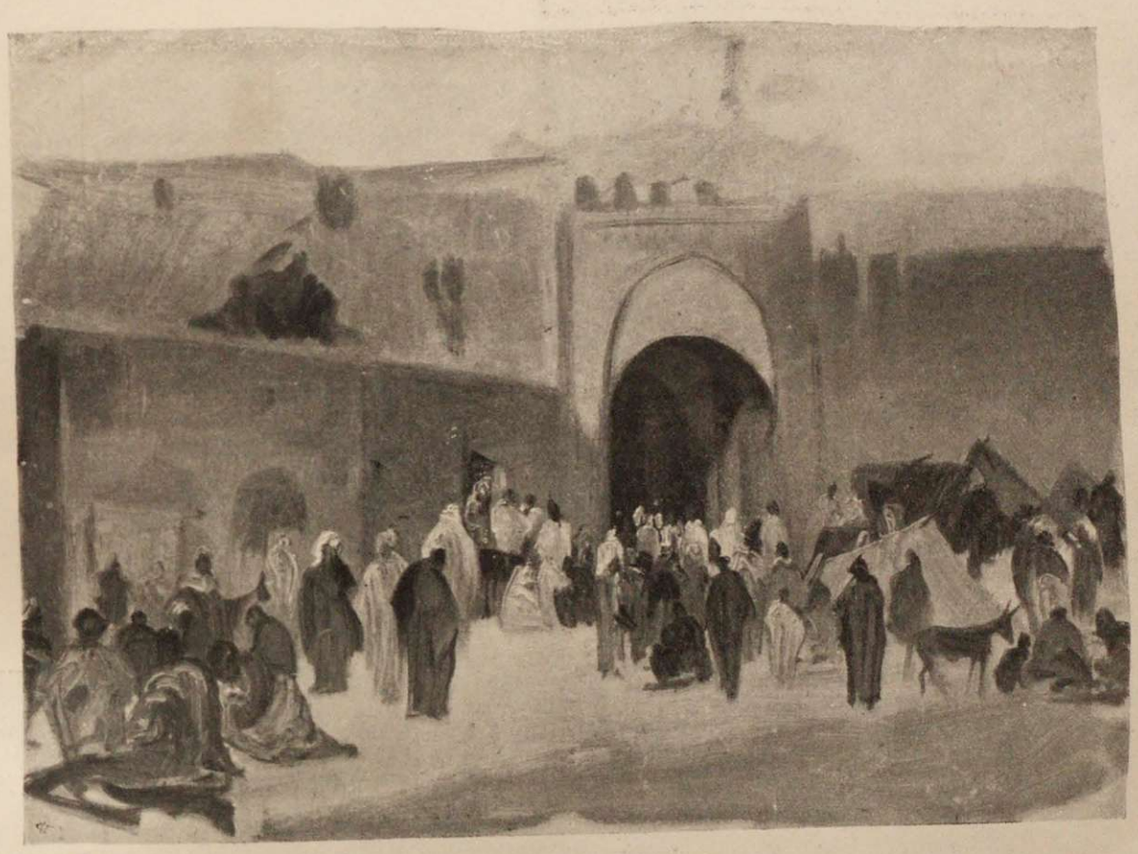
Я отнесъ ему—это былъ неожиданный сюрпризъ: І. К. былъ очень доволенъ.

Въ первой половинѣ восьмидесятаго года у насъ въ отчетѣ промелькнуло имя преподавателя лѣпки изъ глины Сигизмунда Карловича Мисловца. Учитель въ Реальномъ училищѣ, мой сослуживецъ, превосходный человѣкъ, безсмѣнный кассиръ нашей учительской кассы. Всѣ его чрезвычайно любили. Исполнительный работникъ, въ великолѣпномъ порядкѣ держалъ онъ всѣ работы своихъ учениковъ. Но онъ нисколько не былъ артистомъ. Воспитанникъ Пражской школы, заведенія вродѣ нашего бывшаго Строгановскаго училища, гдѣ какъ огня боялись всего чуть чуть живого и художественнаго, воображая, что такимъ путемъ они воспитаютъ какихъ то практиковъ для промышленнаго искусства, но изъ такой затѣи, кромѣ скучнѣйшей убогой односторонности, нигдѣ ничего не выходило.

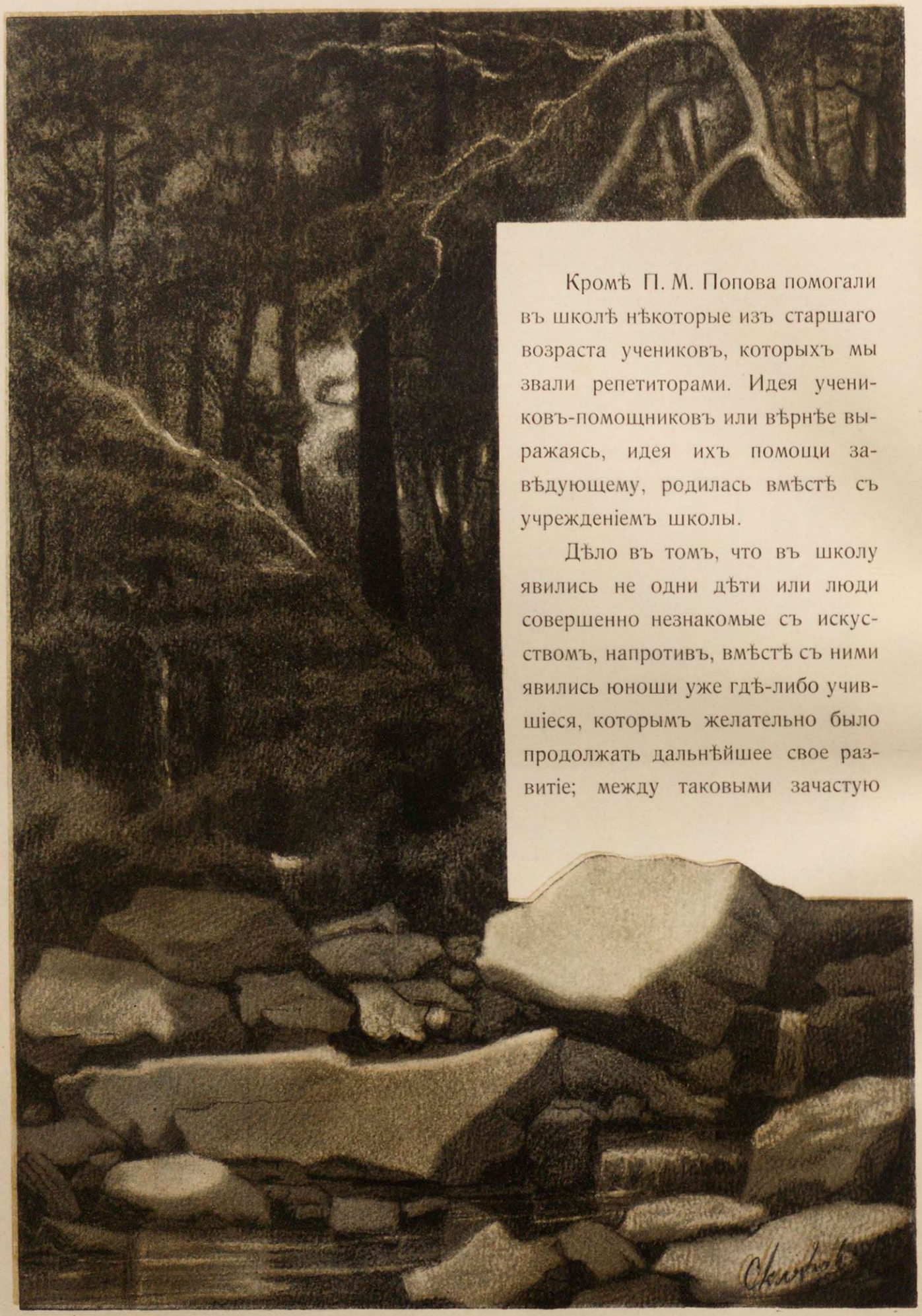
У насъ чудная глина и мы привлекли Сигизмунда Карловича, который долженъ былъ насъ поучить. Онъ и училъ насъ обращаться съ глиной со всякими ловкими промывками, подчистками, скобилками. Техническую сторону дѣла онъ зналъ въ совершенствѣ; работа была чистая, но отзывалась ремесленностью.

Нужно быть справедливымъ, С. К. былъ ученикомъ хотя и скучной, но по своему серьезной школы; онъ отлично зналъ математику и черченіе. Въ этой области точность и педантичная чистота работы пожалуй были гораздо болѣе умѣстны и С. К. приносилъ свою долю пользы, хотя отсутствіе души, которую урѣзала дикая неосторожная школа, сказывалось и тутъ. Сигизмунда Карловича я все таки отъ времени до времени привлекалъ къ нашей школѣ.

Человѣкъ онъ былъ очень хорошій, да и другого знатока обращаться съ глиной въ то время въ Кіевѣ не попадалось.



Эскизъ І. К. Будкевича.



Кромѣ П. М. Попова помогали въ школѣ нѣкоторые изъ старшаго возраста учениковъ, которыхъ мы звали репетиторами. Идея учениковъ-помощниковъ или вѣрнѣе выражаясь, идея ихъ помощи завѣдующему, родилась вмѣстѣ съ учрежденіемъ школы.

Дѣло въ томъ, что въ школу явились не одни дѣти или люди совершенно незнакомые съ искусствомъ, напротивъ, вмѣстѣ съ ними явились юноши уже гдѣ-либо учившіеся, которымъ желательно было продолжать дальнѣйшее свое развитіе; между таковыми зачастую

попадались круглые бѣдняки, которымъ нужно было какъ либо пристроиться, уладить свои вопросы жизни: столъ, квартиру, платье и т. д. И вотъ нѣкоторые пристраивались прямо при школѣ. Первымъ изъ таковыхъ былъ Котляревскій Матвѣй. Сынъ мѣщанина, рѣзчика крестовъ и образковъ изъ кипариса, малограмотный, но веселый характеромъ и въ рукахъ какъ-то умѣлый: лампу исправить, замокъ починить, остановившіяся часы расшевелить, все это онъ какъ-то понималъ и относился ко всему съ какой-то веселой пытливостью. Охотно рисовалъ, но искусство ему особенно не давалось, можетъ быть потому, что очень онъ ужъ бѣдняга былъ малограмотенъ и если любилъ почитать, то самое веселое и коротенькое, хотя можно его было изрѣдка видѣть и съ газетою въ рукахъ, но онъ скоро бросалъ ее и обыкновенно хохоталъ. Почему хохоталъ? Такого ужъ онъ былъ смѣшливаго характера. Юноша лѣтъ 19 и фантазеръ. Но его фантазіи всегда были крайне своеобразны. Идемъ, напримѣръ, по улицѣ— попадается на глаза каланча.

— „А знаете, говорилъ онъ вдругъ: вотъ эту крышу на каланчѣ съ ея шпилемъ можно сбросить.“

— „Какимъ образомъ?“

— „Тамъ есть уголъ, который стóитъ только чуть подцѣпить, я знаю, и все это полетитъ вмѣстѣ со шпилемъ.“

И полный веселаго задора онъ уже хохоталъ.

Или далѣе видимъ, собака—и кажется совсѣмъ обыкновенный дворовый песъ, но у моего Мити уже разыгрывается фантазія.

— „А знаете, я эту собаку въ одинъ мѣсяцъ такъ бы выдрессировалъ, что она чутъ не говорила бы и массу штукъ дѣлала.“

Собака, конечно, мирно пробѣгала, совсѣмъ не думая, что противъ нея такіе замыслы... Мы приходили въ свой магазинъ, въ свою маленькую импровизированную школу, которая быстро и ловко приводилась въ порядокъ, и занятія открывались. Занимался Котляревскій съ малышами довольно толково и, сколько помню, его любили.

Самъ онъ занимался рисованіемъ не безъ увлеченія, но, какъ я уже сказалъ, оно у него слабо и не глубоко осмысливалось. Жилъ Котляревскій у меня какъ и всѣ послѣдующіе репетиторы. Былъ очень добродушенъ и преданъ интересамъ школы и семьи. Пробылъ около двухъ лѣтъ и ушелъ въ силу разныхъ неблагопріятно сложившихся семейныхъ обстоятельствъ. Далнѣйшая судьба его мнѣ къ сожалѣнію неизвѣстна.

Небольшое время исправлялъ роль репетитора Самуилъ Гайдукъ, попавшій къ намъ изъ Лаврской школы, довольно тамъ подготовленный по

живописи и рисованію. Сынъ простого хлѣбопашца; представлялъ изъ себя еще меньше развитого юношу, чѣмъ Котляревскій: грамотный и баста, дальше этого дѣло не шло. Способность была, но на почвѣ полной малограмотности развитіе шло туго. Самуилъ Гайдукъ условными тонами могъ написать икону, которая профану или мало свѣдущему въ дѣлѣ, могла показаться имѣющей что либо особенное, или главное, самостоятельное, чего на дѣлѣ не было. Дѣлалось по калькѣ и шаблонными тонами, усвоенными въ Лаврской школѣ.

Гайдукъ былъ репетиторомъ не долго, но я долженъ его отмѣтить, такъ какъ онъ въ 1884 году попалъ вновь къ намъ и о немъ будетъ рѣчь впереди. Относительно своего таланта онъ ввелъ въ заблужденіе проф. Прахова, а тотъ Ивана Николовича. Гайдука послали за-границу, результатъ же всего этого былъ очень жалкій.

Ф. А. Чирка.

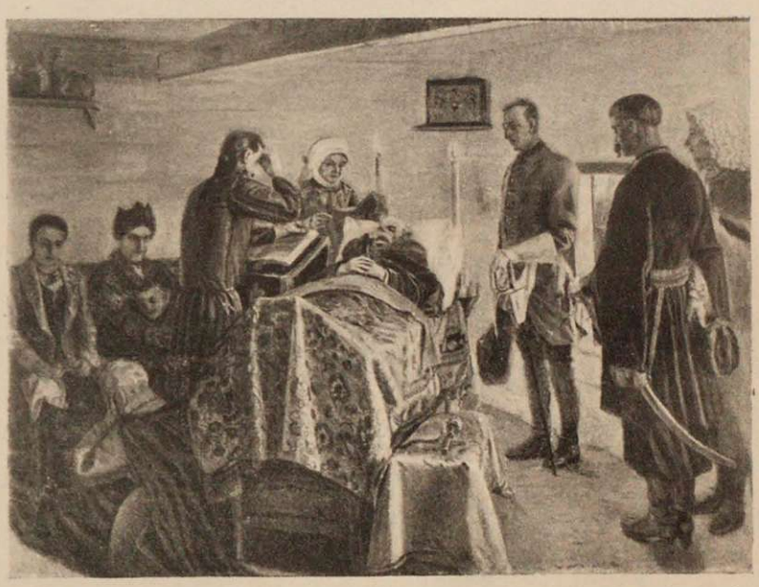
Совсѣмъ иной типъ представлялъ изъ себя, будучи репетиторомъ— Филиппъ Антоновичъ Чирка. Очень располагающій къ себѣ юноша, происходилъ изъ рабочей мѣщанской семьи, грамотный, сильно развившій себя чтеніемъ. Позже въ Петербургѣ имѣлъ видъ вполнѣ интеллигентнаго юноши, такъ что покойный художникъ Ярошенко взялъ его типомъ для изображенія своего студента. Этотъ студентъ семидесятыхъ годовъ, нѣсколько небрежный къ костюму, завернувшійся въ пледъ, не безъ нѣкоторой пытливости смотритъ на міръ Божій. Чирка попалъ къ намъ тоже изъ Лаврской иконописной школы. При всѣхъ его прекрасныхъ достоинствахъ мы съ Иваномъ Николовичемъ, наблюдая и изучая его работы, должны были придти къ заключенію, что у Филиппа Антоновича масса любви къ искусству, но отсутствіе эскизовъ и вообще чего либо самостоятельнаго показывало его слабость и Иванъ Николовичъ черезъ меня предложилъ ему не оставлять иконописанія, объяснивъ ему, что хорошіе иконописцы такъ же весьма нужны, и что если онъ согласится, то Иванъ Николовичъ не прочь даже предложить ему субсидію, для дальнѣйшаго образованія; это дастъ возможность проѣхать въ одну изъ нашихъ столицъ.

Филиппъ Антонычъ гордо отъ этого уклонился, сказавъ, что онъ готовъ питаться коркой хлѣба и какой-нибудь кашей и будетъ добиваться дальнѣйшаго развитія, а не заниматься иконами.

Въ школѣ его очень всѣ любили и чтили и очень трогательно вспомнить, что въ содержаніи всякаго порядка въ нашей убогой школѣ ему почтительно всѣ помогали: зажечь лампы, разставить правильно всякія пособія для занятій и пр. Въ концѣ второго года своего пребыванія въ школѣ, въ 1879 году, онъ уѣхалъ въ Петербургъ. Мы ему матеріально помогли немного. И сама школа была на средства не богата, думать же о помощи еще отдѣльно—юношамъ—было мудрено. Иванъ Николовичъ нашелъ возможнымъ поддержать Ф. А. не въ счетъ школьнаго бюджета. Сохранилось письмо Чирки, изъ котораго видно, что Ив. Ник. выслалъ ему единовременно сто руб. и потомъ помогалъ еще.

Какъ не тѣсно жилось въ Петербургѣ Филиппу Антонычу, онъ довоевался до малой золотой медали.

Имѣя въ себѣ нѣкоторую украинофильскую жилку Ф. А. уже въ зрѣлые годы своей жизни написалъ картину: „Смерть гетмана Мазепы“, желая въ этомъ представить символически смерть самой Малороссіи. Это большихъ размѣровъ картина, гдѣ фигуры были представлены въ натуральную величину и свидѣтельствовали о большой подготовкѣ и знаніи мастера, но картина не произвела особеннаго впечатлѣнія, и главную фигуру Мазепы находили не только не выразительной, а прямо таки какой-то незначительной, бѣдной, просто какъ бы это былъ какой-нибудь загнанный бюрократикъ, а не гетманъ Малороссіи Иванъ Мазепа.



Картина Ф. А. Чирка.

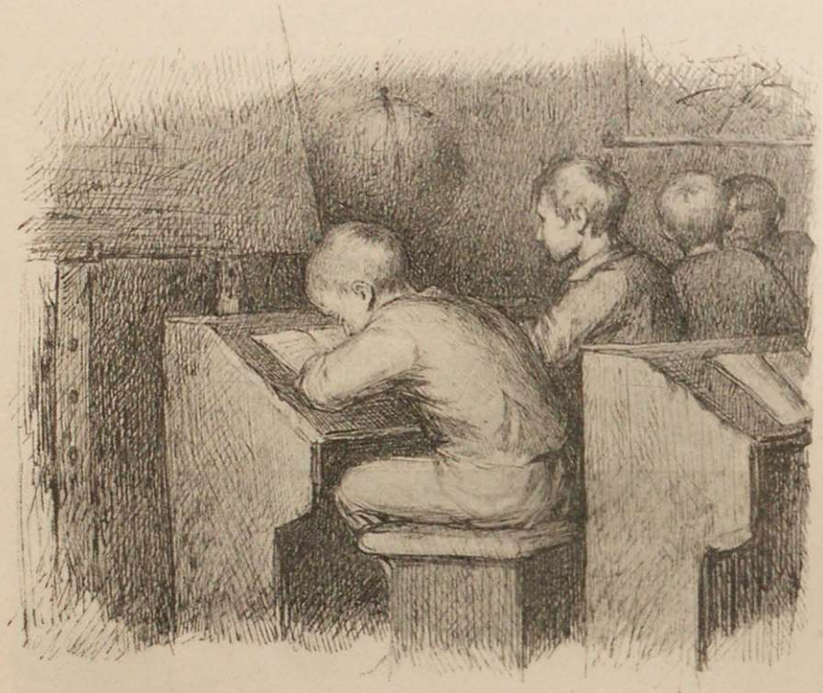
Въ концѣ концевъ, если изъ Филиппа Антоновича не вышелъ крупный художникъ, то ужъ во всякомъ случаѣ прекрасный преподаватель.

Однимъ изъ учениковъ, а послѣ Чирки репетиторомъ, былъ Н. К. Пимоненко, о которомъ здѣсь умѣстно сказать нѣсколько словъ. О Николаѣ Корнильевичѣ, какъ о преподавателѣ школы, я буду говорить особо въ своемъ мѣстѣ.

Это былъ серьезный дѣльный юноша изъ небогатой мѣщанской семьи города Кіева. Не безъинтересно указать первые шаги по пути художественнаго образованія и развитія Н. К., которому и я лично посвятилъ не мало вниманія и энергіи.

Ник. Кор. Пимоненко мнѣ выражалъ однажды, что онъ очень обязанъ покойному Будкевичу. Тотъ въ немногихъ словахъ часто объяснялъ многое, чего онъ и сейчасъ забыть не можетъ.

Потомъ могу указать раннее знакомство съ работами Трутовского, а еще болѣе на него могло произвести впечатлѣніе очень интересная, полная типовъ „Малороссійская свадьба“ профессора Ив. Соколова. Впечатлѣнія въ извѣстномъ возрастѣ бываютъ очень сильны, имѣютъ часто вліяніе на всю послѣдующую дѣятельность. Вышеупомянутую свадьбу онъ очень точно скопировалъ. Быть можетъ отсюда и самъ онъ вышелъ недурнымъ малорусскимъ бытописателемъ. Тутъ могъ зародиться вкусъ и интересъ къ народнымъ сценамъ. Въ $18^{80}/_{81}$ и $18^{81}/_{82}$ учебныхъ годахъ Н. К. пользовался указаніями почтеннаго художника, а впослѣдствіи академика Х. П. Платонова, бывшаго преподавателемъ школы съ конца 80-го года почти до послѣдняго времени.



Н. К. Пимоненко.

Въ автобіографическихъ данныхъ словаря художниковъ Н. К. Пимоненко признаетъ себя ученикомъ Платонова.

Осенью 1882 г. съ цѣлой группой другихъ учениковъ школы Пимоненко отправился въ Петербургъ. Ихъ было 11 человѣкъ—10 учениковъ и 1 ученица. Всѣ прекрасно выдержали экзаменъ и были приняты въ Академію. Въ силу инерціи, я помню—туда поѣхало кромѣ вышеупомянутыхъ еще четверо, которымъ я рѣшительно не совѣтывалъ этого дѣлать и былъ очень удивленъ ихъ поступкомъ. Конечно, они вернулись обратно; зато Н. К. Пимоненко съ другими отлично поддержали честь школы. Н. К. въ первый же годъ былъ награжденъ, по обычаю старой Академіи, цѣлыми тремя медалями. Въ архивѣ у насъ хранятся нѣсколько восторженныхъ писемъ по этому поводу.

Въ лѣтніе каникулы дѣятельность наша, какъ бы притихала, но совершенно не прекращалась. Репетитора оставались при школѣ. Мы забирались куда-либо изъ окрестностей и работали съ натуры, писали этюды. Въ 1879 году, напримѣръ, мы жили въ селѣ Будаевкѣ, близъ Кіева. Я, сирота Алеша Клименко изъ Василькова, бѣдный шляхтичъ Кіевск. губ. Антонъ Васютинскій и юноша еврей Семенъ Зайденбергъ.

Это былъ самый ученый между нами, окончилъ гимназію и прилѣпился къ намъ.

С. М. Зайденбергъ.

Всѣ мы съ утра забирались куда-нибудь съ незатѣйливымъ запасомъ чего либо съѣдобнаго; пробирались къ какой-нибудь старой мельницѣ или въ близь лежащую деревню Глеваху, гдѣ были великолѣпныя старыя вербы и хатки. Я съ великимъ удовольствіемъ вспоминаю это время, не забыли этого и юноши.

Работали мы, что называется во всю: писали, не гуляли!.. Ресурсы же наши были очень неважны. У одного Зайденберга были какія то маленькія деньги, на которыя онъ и жилъ. Понятно, что я въ срединѣ каникулъ уже взвылъ. Напоминалъ Ивану Николовичу, подробно обрисовавъ не безъ маленькаго комизма, всю нашу небольшую коммуну, просилъ выслать мнѣ сто рублей. Признаться, написавъ письмо, я нѣсколько и смутился: вдругъ ни съ того, ни съ сего требовать этакую уйму денегъ. Но добрый мой покровитель совсѣмъ иначе посмотрѣлъ на это дѣло.

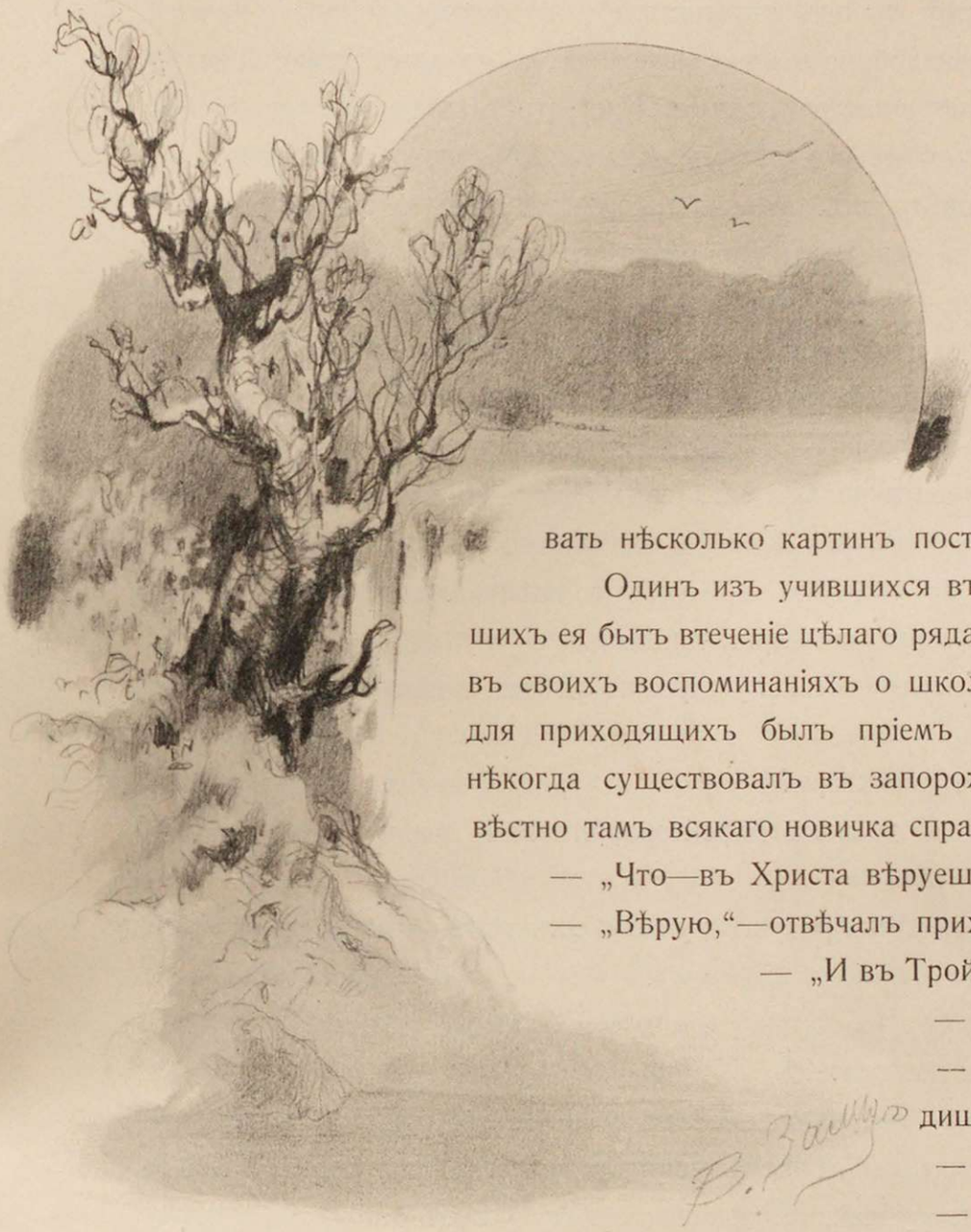
Онъ былъ практичнѣе меня, хотя нужно сказать, что этотъ талантъ былъ очень не великъ у насъ обоихъ.

Онъ очень просто представилъ, что этимъ простакамъ кромѣ ѣды еще нужны же и матеріалы для работы.

Пріѣхавъ въ Кіевъ, я нашелъ почтовое объявленіе, гдѣ оказалось, что на просимые сто рублей, прибавлено еще пятьдесятъ. Господи! какъ мнѣ хотѣлось обнять и расцѣловать моего милаго добраго хозяина. Около этого времени я уже просто начиналъ считать Ив. Ник. именно хозяиномъ моего дѣла.

Получивъ—мы съ шикомъ дожили каникулы. Изъ юношей вышли люди: Клименко-учителемъ на Сѣверѣ, а Зайденбергъ и Васютинскій первоклассные художники.

А. Ф. Васютинскій.



Тутъ я нахожу умѣстнымъ нарисовать нѣсколько картинъ поступленій въ школу.

Одинъ изъ учившихся въ школѣ и наблюдавшихъ ея бытъ втеченіе цѣлаго ряда лѣтъ Е. М. Маковскій въ своихъ воспоминаніяхъ о школѣ пишетъ, что здѣсь для приходящихъ былъ пріемъ въ родѣ того, какой нѣкогда существовалъ въ запорожской Сѣчи. Какъ извѣстно тамъ всякаго новичка спрашивали:

— „Что—въ Христа вѣруешь?“

— „Вѣрую,“—отвѣчалъ приходящій.

— „И въ Тройцу Святую вѣруешь?“

— „Вѣрую.“

— „И въ церковь ходишь?“

— „Хожу.“

— „А ну, перекрестись.“

Пришедшій крестился.

— „Ну хорошо,—отвѣчалъ Кошевой,—ступай же, въ который знаешь курень.“

У насъ же въ школѣ спрашивали.

— „Что, порисовать хотите, поучиться? ну хорошо. Принесли съ собой бумагу, карандашъ?“

— „Принесъ.“

— „Ну, садитесь, порисуемъ.“

Вотъ и вся процедура пріема въ это учебное заведеніе. Я могу сказать, что такъ было въ семидесятыхъ годахъ, потомъ процедура поступленія въ школу была нѣсколько сложнѣй. Такъ: если это былъ юноша, собиравшійся посвятить себя искусству, то онъ подвергался уже цѣлому допросу, почему, какъ и зачѣмъ ему понадобилось наше заведеніе, и что ему представляется въ нашемъ занятіи; онъ долженъ подумать, не затратитъ ли онъ тутъ только попусту массу, дорогого въ его лѣтахъ, времени. Мы твердо помнили, что покойный Н. Н. Ге совѣтовалъ каждого такого, желающаго учиться нашему искусству—выпороть и, если онъ упрямится, то выпороть во второй разъ, только гораздо сильнѣе. И вотъ, если онъ и во второй разъ не покается, то, пожалуй, можно немножко и задуматься, можетъ его слѣдуетъ допустить. Конечно, это говорилось въ шутливой формѣ, но въ этомъ заключался большой смыслъ.

Искусство—это мышеловка—имѣетъ широкій входъ, но часто узкій выходъ.

Помню, какъ появился разъ у насъ самъ Иванъ Николовичъ; въ шубкѣ съ бобровымъ воротникомъ, не дѣлая ни малѣйшаго замѣшательства, вошелъ онъ скромно и сѣлъ за столомъ, въ сторонѣ, давая мнѣ мѣсто принимать и разговаривать съ учениками и приходящими.

Вошла въ нашъ магазинъ-школу скромно одѣтая, средняго достатка дама и прямо ко мнѣ:

— „Вы господинъ директоръ?“

— „Да у насъ нѣтъ никакого директора, что вамъ угодно? я къ вашимъ услугамъ.“

— „Да вотъ у васъ дѣтки рисуютъ; у меня есть трое—я бы хотѣла, чтобъ они тоже рисовали.“

— „Пожалуйста.“

— „У Васъ какая же плата?“

— „Плата шесть рублей въ мѣсяцъ съ человѣка; но у васъ, Вы говорите, трое—въ такихъ случаяхъ мы дѣлаемъ уступку: будете платить по три рубля. Вмѣстѣ значитъ девять рублей.“

— „Нельзя ли меньше, я слыхала, что у васъ нѣкоторыя платятъ по два рубля. Знаете ли, они у меня всѣ учатся и я за все плачу, языкамъ плачу отдѣльно, а дѣвочка еще танцамъ учится, и за все, знаете, плати, за все плати, а люди мы не богатые; хочется только, чтобъ дѣтки все знали—нельзя ли по два рубля.“

— „Ну, Богъ съ вами, два такъ и два“—и мы покончили къ обоюдному удовольствію.

Дама ушла. Я взглянулъ въ лицо Ивану Николовичу и встрѣтилъ его добрую улыбку; видно, что я угадалъ, да и онъ прямо сказалъ:

— „Вы хорошо сдѣлали, что уступили: пусть наша школа будетъ, сколь возможно, доступной.“

Иванъ Николовичъ такъ-же скромно вышелъ, какъ и вошелъ.

Съ этими поступленіями бывали прямо курьезы. Является среднихъ лѣтъ дама, одѣтая очень просто; хотя опытный глазъ отлично могъ бы подмѣтить, что эта простота большого достатка людей. Если тутъ не видно ни золота, ни алмазовъ, то это потому, что они давно уже потеряли для нея всякій интересъ. Обращается она прямо ко мнѣ:

— „Мои дѣти желаютъ рисовать, могу ли ихъ опредѣлить къ Вамъ?“

— „Конечно!“

— „Какія Ваши условія?“

— „Плата шесть рублей въ мѣсяцъ и ничего болѣе.“

— „У меня трое, значитъ 18 рублей.“

— „Да, но если это, можетъ быть, Васъ стѣсняетъ—троимъ съ одной семьи мы дѣлаемъ уступку.“

— „Пожалуйста, сколько-же?“

— „Вы заплатите вмѣсто шести по четыре.“

— „Благодарю васъ,—вотъ получите.“

Дама внесла 12 рублей, а на другой день въ роскошнѣйшемъ экипажѣ, чуть не огнемъ дышащія лошади, съ гувернантками и лакеями являются двѣ дѣвочки и мальчикъ. Блѣдные, немного какъ будто болѣзненные, растерянные, ничего не имѣющіе для рисованія. Ихъ нужно было не только усадить, но и дать карандаши бумагу. Гувернантка впрочемъ тутъ же сконфуженно заявила, что завтра они уже купятъ все свое. И мнѣ, хоть и безъ особаго удовольствія, нужно было заботиться о томъ, куда размѣстить этихъ ребятъ съ ихъ лакеями и гувернантками.

Это оказались очень богатые люди, московскіе милліонеры—владѣльцы желѣзныхъ рудниковъ. Кажется, они на второй мѣсяцъ не записывались.

Полная противуположность этому: какой-нибудь Горяиновъ, тоже пріѣзжій, петербуржецъ, опредѣлилъ двухъ мальчиковъ, заплатилъ 12 рубл. и все радушнѣйше распрашивалъ и интересовался, какъ дѣла? Ему ужасно хотѣлось, чтобъ это сразу ширилось и росло.

— „Вотъ мы съ Дмитріемъ Васильичемъ Григоровичемъ такое дѣло отлично повели,—говорилъ этотъ привѣтливый господинъ:—Вамъ надо-бы общество составить. Эхъ жаль, что я случайно здѣсь и никого не знаю, а то бы я сейчасъ Вамъ принялся строить.“

— „Да, надо вамъ и дѣвочку свою прислать.“

— „Пришлите.“

На другой день приводитъ онъ и дѣвочку со старушкой няней. Дѣвочка лѣтъ шести неполныхъ, этакая тюпа въ какомъ-то капотикѣ.

— „Хотите рисовать?“

— „Хочу.“—

— „Ахъ вы, прелесть моя, ну садитесь; у насъ такой еще не было, а матеріалъ для васъ есть; будемъ по клѣточкамъ узорчики рисовать.“

Усадилъ ее, а отецъ уже и плату суетъ.

— „Да полно вамъ, что тамъ за нее еще платить; вы полную плату внесли за мальчиковъ и достаточно, эту можно ужъ и такъ.“

— „О, нѣтъ, какъ можно, вѣдь она у меня обидится, что она за безплатная такая.“

Потомъ все добивался, растутъ ли взносы, и искренно радовался, когда я говорилъ, что растутъ.

— „Ужъ больно вы тароваты на уступки, вы должны налегать, чтобъ платили, плати молъ, да и кончено!“ поучалъ милый человѣкъ.

Далѣе еще эпизодъ записанъ въ моемъ дневникѣ. Входитъ высокій, видный, красивый, съ усами съ просѣдью, господинъ. Онъ украинофилъ, и при немъ мальченокъ лѣтъ десяти въ сивой шапкѣ и въ киреѣ великолѣпнаго сукна.

— „Отъ прививъ вамъ свого Грицька, поучить и его уму-розуму.“

— „Хорошо, поучимъ.“

— „А скильки за его внести, чи заплатить?“

— „Шесть рублей.“

— „Декъ отъ же получить. А ты, Грицько, роздивайсь, да веди жъ себе гарненько, не пустуй.“

А Грицько, только отецъ за двери, показалъ изъ себя мальчика чрезвычайно живого характера и, чуть не прискакивая, затянулъ: Палій козакъ запорожецъ, распреславный бувъ.

— „Что ты, что ты, Грицю, тутъ видишь, какъ всѣ тихо сидятъ.—Иди раздѣвайся,“ говорю ему, провожая къ мѣсту, гдѣ раздѣваются.

— „Мене батько побивъ, що я дивку любивъ,“ не унимается мальчуганъ.

— „Ну сбрось свою свитку здѣсь и пойдемъ работатъ.“

— „Свитку тутъ, а шапку я коло себе покладу.“

— „Да можешь оставить тутъ и шапку, ее никто не возьметъ. Садись, тащи свою бумажку, вотъ тебѣ кубикъ будемъ рисовать.“

— „Э, не хочу, якъ бы коныка.“

— „Коныка я потомъ тебѣ самъ нарисую,“ стараюсь я не безъ смятенія урезонить мальчугана, потому что чувствую, что вотъ вотъ, онъ что называется

сорветъ сцену. Но, славу Богу, кое-какъ уладилось, а все таки положеніе такое, что его въ сущности нельзя оставлять; а между тѣмъ смотришь, тамъ, вдали, изъ группы учащихся, уже давно на тебя косится глазъ черезъ плечо какой нибудь дѣвицы, на которую уже давно слѣдуетъ обратить вниманіе и не оставить ее безъ указанія. На всѣхъ нужно успѣть и во время; тутъ нужна была энергія и молодость.

Мнѣ кажется, еслибы это, сейчасъ, когда я пишу эти строки, пришлось вновь всю эту музыку продѣлать, то навѣрное черезъ недѣлю, или много двѣ, въ одной изъ газетъ, на видномъ мѣстѣ, было бы пропечатано, что сего числа, въ столько-то часовъ, волею Божьею и т. д. туда, откуда нѣтъ возврата,—а тогда ровно ничего. Съ самаго ранняго утра и до поздняго вечера на ногахъ и, кромѣ восторга, ничего. Это моя школка, моя церковка—и спѣшишь къ ней, чуть не сломя голову.

А объ этомъ Грицинькѣ я долженъ сказать, что его страшно всѣ полюбили. Какъ только школа оставалась безъ старшихъ, онъ пускался въ присядку и великолѣпно, говорятъ, танцовалъ. Но, увы, судьба его грустная: этотъ славный мальчуганъ умеръ. Въ городѣ были какъ всегда какія-то инфекціонныя болѣзни, одну изъ нихъ онъ схватилъ и не вынесъ.

Позже, нѣсколько лѣтъ спустя, поступленія въ школу сдѣлались болѣе формальными, плату принималъ кто-либо изъ дежурныхъ; развѣ въ экстренныхъ случаяхъ вызовутъ завѣдующаго.

Бывали такіе случаи. Является весьма прилично одѣтый господинъ и требуетъ особой аудіенціи. Выходишь къ нему и вдругъ онъ заводитъ такія рѣчи:

— „Будьте такъ добры, господинъ директоръ, можно съ вами переговорить наединѣ?“

— „Пожалуйста, что прикажете?“

— „Вы обратите особенное вниманіе на этого мальчугана, мы его готовили въ III классъ реальнаго училища; по программѣ тамъ требуется рисованіе, нельзя ли—онъ къ вамъ походитъ, а вы ужъ его подготовьте.“

— „Да онъ у васъ рисовалъ сколько нибудь?“ спрашиваю я.

— „Въ томъ то и дѣло, что ничего не рисовалъ.“

— „Ну что-жъ, пусть походитъ, порисуемъ; за успѣхъ мы не ручаемся, сдѣлаемъ, что можно.“

— „Ахъ, пожалуйста, какая плата за это?“

— „Шесть рублей въ мѣсяцъ.“

— „Помилуйте, что это за плата, шестьдесятъ рублей; вѣдь намъ нужно, чтобъ онъ былъ принятъ... кажется, вы же преподователемъ въ Реальномъ училищѣ?“ вкрадчивымъ голосомъ говоритъ господинъ.

— „Да, я! но я долженъ Васъ разочоровать: я учу, но экзаменуютъ у насъ другіе, ужъ это разъ навсегда такъ принято.“

— „Э, полно те, все же это ваши товарищи, сослуживцы.“

Какъ видите—тутъ прямо взятка.

— „Нѣтъ, ужъ мы лучше прекратимъ этотъ разговоръ, платите шесть рублей и оставьте вашего мальчика, сдѣлаемъ все, что можно—программа намъ знакома.“

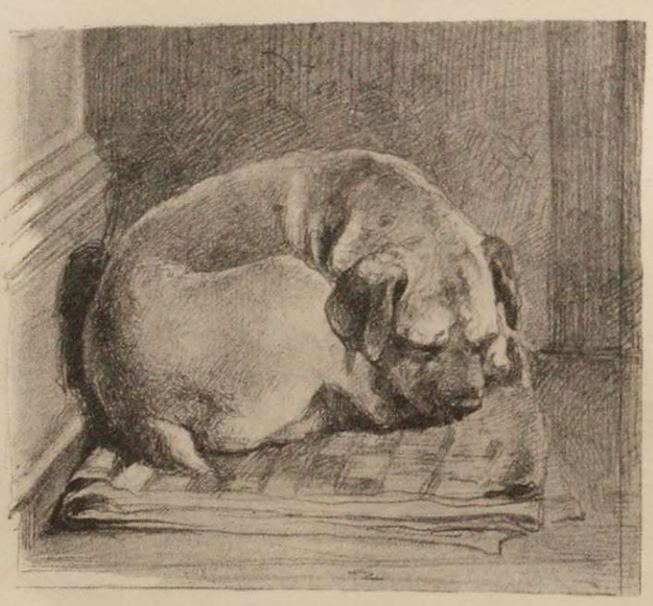
Такіе разговоры бываютъ чаще всего осенью, когда бѣдному учителю приходится дѣлать всякіе запасы, а запасъ, напримѣръ, дровъ равняется чуть не цѣлому мѣсячному жалованью, и вдругъ искушеніе. Вотъ и рѣшайте, кто тутъ подлѣе: бѣдный учитель, допустившій голосу нужды заглушить голосъ чести, или вотъ такой приличный господинъ въ роли искусителя.

Онъ прямо смотрѣлъ мнѣ въ лицо и такъ добродушно говорилъ... Нужно имѣть очень суровый характеръ, чтобы выругать его и прогнать. Я не могъ никогда этого сдѣлать, а именно слѣдуетъ безжалостно ругать и гнать этакихъ господъ, чтобъ и впредъ дескать не повадно было. Вѣдь это не трудно себѣ представить, какъ этакій гадъ, придя домой, съ злымъ смѣшкомъ отвѣчаетъ на первый вопросъ:

— „А что, какъ дѣла?“

— „Конечно, я какъ вынулъ бумажникъ, глаза разбѣжались. Немного поломался, а потомъ въ пять минутъ все и порѣшили.“

Думали-ли сатирики добраго стараго времени, бичевавшіе взяточниковъ, что подобныя рѣчи возможны въ концѣ XIX вѣка.



Школьная собачка „Мопинька.“
рис. В. Андреевъ.

Къ концу 1879 года у насъ записавшихся было сверхъ ста. Мы совершенно примирились съ своей суетливой скромной дѣятельностью. Большая часть у насъ были бѣдняки, учились безплатно. Это были дѣти ремесленниковъ, для которыхъ рисованіе было существенной необходимостью, и это насъ нравственно удовлетворяло. Такъ какъ всей массы учащихся мы принять не могли, то пришлось держать школу открытою цѣлый день съ 10 час. утра и до 7 час. вечера, лишь съ двухъ часовымъ перерывомъ. Приходили какъ кому удобно и возможно и одни смѣнялись другими. Для ремесленниковъ, которые не могли попасть къ намъ въ будни, мы установили безплатные воскресные уроки отъ 12-ти до 3 час. пополудни, которые съ того времени продолжались, все время существованія школы. Кромѣ ремесленниковъ прибѣгали къ намъ всякіе малыши учащіеся, пользуясь свободой праздника.

Закрытое въ 3 часа вечеромъ, отъ 5 часовъ вновь открывалось наше маленькое учрежденіе, и къ намъ собирались очень почтенные люди, которые только такимъ образомъ вечеромъ и могли воспользоватся нашей школой. Тутъ были студентъ, офицеръ, доцентъ университета, ученики старшаго класса реальнаго училища и другіе въ такомъ родѣ; славная все публика. Разсматривали наше скромное собраніе по искусству и съ серьезнѣйшимъ отношеніемъ къ дѣлу и съ большой любовью рисовали съ эфектно освѣщеннаго бюста, установленнаго въ аркѣ, въ глубинѣ магазина.

Интересно отмѣтить, что въ началѣ у насъ на одинъ изъ дней недѣли школа была объявлена открытою спеціально для дѣвицъ и никто изъ мужского

пола въ этотъ день не являлся, но этотъ порядокъ не привился, дѣвицы и дамы были у насъ въ свои дни, но онѣ свободно и охотно заполняли школу и въ другое время, не стѣсняясь учениковъ; эти дни отмѣнили, занятія шли совмѣстно.

Такъ прошло четверть вѣка, и я ничего не имѣю сказать противъ этого совмѣстнаго занятія.

Я всегда говорилъ, что школу создало время и мѣсто. Ясно было видно, что въ школѣ существовала настоятельнѣйшая потребность. Разъ появилось нѣчто подобное школѣ, это явленіе сразу приняло такое основательное опредѣленное теченіе и сила этого теченія была такова, что управлять имъ завѣдующему было совершенно не подъ силу: онъ самъ пошелъ по теченію. Записывались въ школу десятками и всѣ должны были быть удовлетворены и заняты. Думать о какой-либо индивидуализація не хватало ни физическихъ, ни нравственныхъ силъ. Вотъ тутъ ужъ неминуемо должны были выступить и система, и методъ преподаванія, хотя казалось бы, какая система можетъ быть для образованія души артиста? Но нужно было плыть по теченію. Время требовало стаднаго образованія, рисовать хотѣли не единицы (которые встарину поступили бы въ мастерскую къ облюбованному мастеру), тутъ хотѣли умѣть рисовать десятки, и позже даже сотни людей, таковъ видно былъ духъ времени и таковъ спросъ. Въ школѣ доминирующее мѣсто заняли система и методъ обученія, выразившіеся въ установившейся цѣпи послѣдовательныхъ упражненій: геометрическія тѣла, орнаменты, части гипсовой маски, глазъ, носъ, ротъ, ухо и наконецъ цѣлая маска. Всѣмъ это было роздано, кому кубикъ, кому орнаментъ, а болѣе успѣвающимъ и маска лица.

Далѣе явились такіе, которые уже гдѣ-то раньше учились, которымъ нужно было подготовиться къ поступленіе въ такое заведеніе, гдѣ потребуютъ непремѣнно умѣнья нарисовать съ бюста какой-либо античной головы. Нечего дѣлать—надо было добыть антикъ, съ античныхъ гипсовыхъ слѣпковъ когда-то рисовали въ школѣ при Печерской Лаврѣ. Благо, что отношенія были дружескія, бюстъ былъ на время выпрошенъ и водворенъ въ нашемъ помѣщеніи; вечеромъ его установили и освѣтили лампой. 22 октября 1876 года былъ первый вечерній урокъ; старшая группа учениковъ и ученицъ сидѣла кругомъ и рисовала.

Трудно представить до чего это скоро и просто вышло. Какъ по шаблону, о которомъ казалось никто и не думалъ, получилась самая прозаическая школа рисованія, а мечталось устроить какой-то храмъ искусства. Но такъ какъ этотъ храмъ не былъ ни детально обдуманъ, ничѣмъ прочно не обоснованъ и толпа

его не требовала, то просто пришлось мириться съ тѣмъ, что получилось. Заведеніе пошло по крѣпко и глубоко проторенной колеѣ; я не обладалъ такой силой, чтобы этому, помимо ихъ идеаловъ, развернувшемуся учрежденію, дать свой ходъ, свое направленіе. Мелькала, напримѣръ, мысль, что, если мы не имѣемъ музея великихъ антиковъ, то можетъ быть не такъ страшно было-бы обойтись совсѣмъ безъ этого; что мы изъ окружающаго міра должны бы создать нѣчто свое. Какъ не бѣдна была школа, а въ школьномъ собраніи нашлось бы многое, на чемъ ученикъ былъ бы въ состояніи развить свой вкусъ и воображеніе.

Я старался возможно полнѣе и цѣлесообразнѣе использовать имѣвшійся въ моемъ распоряженіи художественный матеріалъ. Были заведены витрины, гдѣ пунктуально каждую недѣлю мѣнялась выставка гравюръ, офортовъ, фотографій, рисунковъ, акварелей. Это не былъ наборъ попавшихся подъ руку художественныхъ произведеній. Преслѣдовалась цѣль, чтобы изученіе и сопоставленіе выставленнаго наводило учащагося на размышленія.

Выставлялся, напримѣръ, рядомъ съ офортомъ Шишкина, большой поэтъ, также пейзажистъ и офортистъ Бодмеръ, ловкая, хотя нѣсколко манерная гравюра съ Рафаэля работы Дориньи, гравюра „Станчикъ“ Матейко и тутъ же великолѣпная акварель И. Е. Рѣпина и т. п. любуйся, разбирай, сравнивай.

Постоянная смѣна выставленнаго въ витринахъ матеріала не давала ослабѣвать вниманію учащихся и наше школьное собраніе, крайне бѣдное въ сущности, если сравнить, напримѣръ, съ музеями столичныхъ школъ, производило на вдумчивыхъ и болѣе чуткихъ учащихся внушительное впечатлѣніе.

Окруженный такой обстановкой учащійся, воспитанный и развившій свой вкусъ на хорошихъ образцахъ и самостоятельныхъ наблюденіяхъ природы, могъ-бы уже силою своей артистической натуры понять, что взять изъ окружающаго міра и что дѣлать. Это самый простой и ясный путь, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самый трудный; онъ годится только для избранныхъ, а масса лишь хочетъ механически выучиться и потомъ производить свои имитаціи искусства.

Гипсовыми слѣпками съ антиковъ насъ скоро снабдила Академія Художествъ. Много было пріобрѣтено нами самими по образцу столичныхъ школъ.

Масса учащихся, для которой неминуемо должна была установиться обоснованная, требующая подчиненія себѣ система ученія, вся масса учащихся должна была идти какъ одинъ. Не избѣжали мы и обычнаго формализма нашихъ школъ.

Все это очень могло смутитъ человѣка, представлявшаго себѣ школу, какъ нѣчто интимное, свободное. Но не смотря на формализмъ въ этой густой сплоченной массѣ учащихся, какъ въ кускѣ кварца искорки золота, показались у насъ талантливые молодые люди и дали всему дѣлу возможную жизнь и значеніе.

Въ 1878 году я впервые послалъ въ Академію Художествъ избранныя работы учениковъ школы. Былъ полученъ отзывъ краткій, но не лишенный значенія—„дѣло поставлено правильно.“

Это былъ первый отзывъ Академіи о нашей школѣ и мы были довольны.

Многіе изъ учениковъ думскаго періода школы теперь славные симпатичные дѣятели на поприщѣ искусствъ: Н. В. Глоба, напримѣръ, директоръ Строгановскаго училища въ Москвѣ, давшій жизнь такому скучному сухому заведенію, какимъ оно было до него; пейзажистъ Крыжицкій; В. Сѣровъ, составляющій нынѣ солидное имя въ нашемъ искусствѣ.

Сѣровъ попалъ къ намъ въ школу, будучи лѣтъ 13-ти приблизительно и у насъ производилъ впечатленіе, очень солиднаго и серьезнаго мальчика, я бы сказалъ даже нѣсколько надутаго мальчика, но въ своемъ заведеніи, гдѣ онъ получалъ научное образованіе, это былъ, говорятъ, неудержимый шалунъ, для котораго карцеръ не представлялъ ничего особеннаго; часто онъ изъ карцера могъ очутиться гдѣ-либо на крышѣ. У насъ его пожалуй можно было упрекнуть, что онъ очень ужъ скоро справлялся съ своимъ урокомъ, по выполненіи котораго у него по всему рисунку появлялись въ самыхъ бѣшеныхъ позахъ лошади. Но онъ не долго у насъ былъ. Потомъ, черезъ большой промежутокъ, уже юношей, Сѣровъ появился у насъ лѣтомъ. Школа была закрыта, онъ воспользовался только ея помѣщеніемъ и пособіями, упражнялся въ рисованіи съ гипсоваго бюста, чтобы подготовиться для поступленія въ Академію Художествъ. Въ это же время (1880 году) гостилъ у насъ И. Е. Рѣпинъ и руководилъ Сѣровымъ. Все это какъ видно оставило не худое впечатлѣніе. Мы черезъ много лѣтъ встрѣтились друзьями. Онъ далъ для школы пару хорошихъ акварелей.

Судьба весьма многихъ бывшихъ учащихся мнѣ неизвѣстна, но вотъ еще нѣсколько фамилій лицъ, учившихся въ рисовальной школѣ въ 1876—

1880 г., изъ которыхъ, какъ я знаю, вышли видные дѣятели на педагогическомъ или на чисто художественномъ поприщѣ: Васютинскій, Вжещъ, Вершининъ, Гороновичъ, Зайденбергъ, Косиченко, Кульженко, Рябчевскій, Пимоненко, Пузыревскій, Чирка.

Съ особой гордостью вспоминаю фамиліи ученыхъ и врачей, и вообще заслуженныхъ людей, пожелавшихъ въ нашей школѣ заняться рисованіемъ, не смущаясь тѣмъ, что имъ придется сѣсть работать рядомъ съ малышами; таковы Жукъ, Кричагинъ, Фабриціусъ, Хандриковъ, Черницкій, Щербина.

Рис. Григ. Кон. Дядченко.

Нельзя сказать, чтобы въ нашихъ отношеніяхъ съ Иваномъ Николовичемъ были только ясные дни; бурь не было, но сѣренькіе дни непріятныхъ недоразумѣній случались. Такъ припоминается мнѣ размолвка по поводу выраженнаго Иваномъ Николовичемъ желанія постановки преподаванія въ школѣ на болѣе утилитарную почву. Еще до открытія нашей школы высказывались и получили извѣстное распространеніе мысли, что нужны намъ не одни художники, которые представляютъ въ сущности очень рѣдкое явленіе, но что нужны намъ вообще умѣлые люди: начертить узоръ, орнаментъ, создать что-либо изъ необходимѣйшихъ вещей обихода и на всемъ этомъ наложить печать изящества.

Все это очень хорошо, но какъ воспитать такихъ людей? Это была задача новая и потому сразу она вѣрно и не могла быть рѣшена. Рѣшали ее на разные лады и остановились на томъ, чтобы не давать юношамъ увлекаться разными художественными задачами, а возможно болѣе направлять ихъ на практическую дорогу, къ рѣшенію чисто практическихъ задачъ.

Въ бытность свою въ Петербургѣ, заглянувъ въ школу О-ва Поощренія Художествъ, я увидѣлъ, какъ рьяно тамъ росписывали по фарфору, выжигали рисунки на деревянныхъ доскахъ, а одна дѣвица прямо лѣпила изъ воска, въ видѣ какой-то мудреной вазы, самоваръ. Богъ его знаетъ, можетъ это и хорошо, но души моей это не тронуло.

Въ школѣ барона Штиглица все это подъ управленіемъ г. Месмахера дѣлалось гораздо шире: масса классовъ, роскошь и богатство пособій, большой штатъ преподавателей. Тутъ уже была рѣзьба по дереву, производились

майолики, писались акварелью и гуашью большіе и со вкусомъ составленныя натуръ морты и многое другое.

Въ Россіи это теченіе было заимствовано у западной Европы и потому, какъ все заимствованное, было еще неудобоваримѣе оригинала. Къ концу минувшаго вѣка уже спохватились, какъ заграницей такъ и у насъ, что создать изящный подсвѣчникъ долженъ артистъ, а не какой-нибудь неудачникъ въ искусствѣ, о которомъ думали, что вотъ онъ картины написать не можетъ, а если понатужится и напишетъ, то выйдетъ нѣчто неестественное и никому не нужное; такъ пусть же лучше дѣлаетъ подсвѣчники. Увы! это горькая и крупная ошибка. Ужъ коли у него картина плоха, то такой же несчастный выйдетъ и подсвѣчникъ. Все требуетъ чувства, вкуса и творчества. Если мы восторгаемся какими-либо вещами временъ Возрожденія, что-ли, то всѣ онѣ дѣлались именами и крупными талантами, которые и развивались, какъ артисты художники.

Когда возвратился изъ Петербургской поѣздки къ себѣ, я увидѣлъ, какая наша школа маленькая, убогенькая, но теплится она какимъ-то милымъ огонечкомъ. У насъ нѣтъ ни помина о музеѣ пособій, какъ у барона Штиглица, но въ нашемъ маленькомъ собраніи есть Рафаэль, Делярошъ, Каульбахъ, Ивановъ и другіе. Мы проводимъ самое высокое въ искусствѣ.

Нельзя сказать, чтобы у насъ самихъ не было желанія приблизить школу къ жизни. Попробовали мы фарфоръ расписывать,—выходитъ не дурно, но у насъ ни печки обжигательной, ни другихъ очень цѣнныхъ приспособленій. Все расписанное обходится намъ дорого и не имѣетъ особеннаго того ремесленно-ловкаго, чистаго вида, который достигается главнымъ образомъ механически, массой разныхъ спеціальныхъ приспособленій. У насъ ничего подобнаго не было и мы съ своимъ фарфоромъ, что называется, прогорѣли. Написали нѣсколько декорацій, но за отсутствіемъ спроса и это дѣло не пошло.

По воскреснымъ днямъ ходили къ намъ ремесленники: столяры, рѣзчики, переплетчики и др. Мы имъ прямо ничего не могли дать такого, что они могли бы приложить сейчасъ-же къ улучшенію своего ремесла. Совсѣмъ другое дѣло, когда къ намъ попадались съ иконныхъ мастерскихъ отъ разныхъ малограмотныхъ живописцевъ; такимъ мы скоро и наглядно приносили пользу, прямо открывали имъ свѣтъ, знакомя съ рисункомъ. Они находили въ школѣ положительно близкое къ ихъ дѣлу. Но если столяръ рисовалъ геометрическія тѣла, могъ ли онъ отъ этого лучше спроектировать шкафъ, столъ; если рѣзчикъ рисовалъ ту каплю случайныхъ орнаментовъ, какіе были на лицо въ школѣ, много ли это приносило пользы его развитію?

Позже я уже видѣлъ и въ русскихъ школахъ, и особенно заграницей, какіе широкіе шаги сдѣлало профессіональное обученіе: рѣзчиковъ учатъ обязательно лѣпить, столяры массу чертятъ разрѣзовъ и профилей тѣхъ вещей, которыя имъ приходится дѣлать и т. д. Для развитія ихъ вкуса устраивается музей, собраніе вещей, подобранныхъ съ величайшимъ знаніемъ и вкусомъ.

Ни въ самой нашей школѣ, ни внѣ ея и намека не было на сколько нибудь подходящія условія для профессіональнаго обученія, но у Ивана Николовича сердечнѣйшее желаніе было, чтобы дѣло шло и именно въ такомъ направленіи. Иванъ Николовичъ требовалъ,—я чувствовалъ резонъ этого требованія, но у насъ обоихъ было довольно смутное представленіе, какъ при наличныхъ условіяхъ это осуществить. И выходило такъ, что на запросы Ивана Николовича мнѣ приходилось уклончиво съ смущенной физіономіей отвѣчать, что учимъ молъ, стараемся.

Была какая-то выставка ремесленнаго училища; ею заинтерисовались Иванъ Николовичъ и Александръ Николовичъ. При первомъ же свиданіи они мнѣ сообщили свое впечатлѣніе.

Чудный матеріалъ (лѣсъ), много усердія сдѣлать что-то особенное, но какую вещь не возьми, все хочется ее какъ-то пообтесать, отбросить всѣ эти нелѣпыя приставки, рѣзныя верхушки, углы и пр. Вещь отъ этого только выиграетъ. Усердія видно много, а вкуса никакого.

— „Такъ что я,—говоритъ Иванъ Николовичъ: „скажу вамъ прямо, что я нашей школой недоволенъ. У насъ ничего не дѣлается для ремесленниковъ и я совершенно отъ нея уклоняюсь. Вы только мнѣ поддакиваете, а сами дѣлаете свое“...

Я молчалъ и ничего не могъ сказать.

— „Я конечно буду давать вамъ на школу все, что опредѣлилъ, только душа моя не лежитъ къ ней.“

Вѣроятно хорошъ я былъ, слушая это, потому что добрѣйшій Иванъ Николовичъ сразу перемѣнилъ тонъ и продолжалъ:

— „Конечно и въ томъ, что вы дѣлаете, есть нѣчто хорошее, но это не совсѣмъ то, что я желалъ-бы.“

Не съ легкимъ сердцемъ я ушелъ отъ Ивана Николовича.

Вскорѣ послѣ этого разговора Иванъ Николовичъ уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ познакомился съ условіями и средствами столичныхъ школъ. Прошло около мѣсяца. Иванъ Николовичъ возвратился въ Кіевъ и тотъ-часъ же послалъ за мной. Массу привезъ Иванъ Николовичъ разныхъ вещей, меньше всего картинъ, а больше всякой старины, старыхъ узорчатыхъ матерій,

оклады образовъ, чаши, паникадила, курильницы, все это старое, стильное и интересное.

— „Это будетъ основа нашего музея, говорилъ мнѣ Иванъ Николовичъ и при этомъ вручилъ нѣсколько цѣннѣйшихъ изданій по части орнамента.

О нашемъ объясненіи ни звука, какъ будто бы его и не было. Прошло немного времени и содержаніе школы было сильно увеличено.

Лѣтомъ 1880 г. Иванъ Николовичъ съ Александромъ Николовичемъ рѣшили выдавать по 500 р. ежегодно каждый, итого 1000 р. Для школы было отыскано новое помѣщеніе въ домѣ Балано на Афанасьевской улицѣ (нынѣ Нестеровская).

Рис. Летаева.

Вотъ главныя отчетныя данныя жизни школы за время пребыванія въ думскомъ магазинѣ.

Осеннее полугодіе 1876 года.

Работали въ школѣ въ думѣ:

Н. И. Мурашко } Преподаватели
П. М. Поповъ }

М. С. Котляревскій, помощникъ репетиторъ.

Доходъ школы.

Отъ Ивана Николовича	300 р.
Спектакль въ пользу школы	100 „
Взносъ учениковъ	382 „
Отъ г. Амосова	100 „

Учащихся мужскаго пола	47
„ женскаго пола	8

Воскресныхъ безплатныхъ посѣтителей не менѣе 20-ти.

1877 годъ.

Отъ Ивана Николовича Терещенко	400 р.
Пособіе отъ Думы	300 „
Выставки въ пользу школы дали	632 „
Школьный взносъ за ученье	907 „

Н. И. Мурашко } Преподаватели.
П. М. Поповъ }

М. Котляревскій
С. Гайдукъ } Ученики помощники репетитора.

Учащихся мужскаго пола 71
„ женскаго пола 12
„ воскресныхъ 25

1878 годъ.

Отъ Ивана Николовича Терещенко . . . . . 400 р.
„ Думы . . . . . 300 „
Доходъ съ выставки . . . . . 317 „
Внесено учащимися . . . . . 712 „

Н. И. Мурашко
І. К. Будкевичъ } Преподаватели.
Ф. А. Чирка
А. Х. Клименко } Ученики-репетиторы.

Учащихся мужскаго пола 81
„ женскаго пола 9
воскресныхъ 30

1879 годъ.

Отъ Ивана Николовича Терещенко . . . . . 350 р.
„ Думы . . . . . 300 „
„ Пелагеи Георгіевны Терещенко . . . . . 100 „
Выставка . . . . . 344 „
Взносъ учащихся . . . . . 1035 „

Преподаватель онъ же и завѣдующій
Н. И. Мурашко.

Х. П. Платоновъ
А. Ф. Васютинскій } Ученики-репетиторы.
Н. К. Пимоненко

Учащихся мужскаго пола 102
„ женскаго пола 11
„ воскресныхъ . . . . . до 40

1880 годъ.

Отъ Ивана Николовича Терещенко . . . . . 950 р.
„ Думы . . . . . 300 „
Выставка . . . . . 520 „
Взносы учащихся . . . . . 1162 „
Отъ Е. Л. Б. . . . . 600 „

Н. И. Мурашко
Х. П. Платоновъ } Преподаватели.
С. К. Мисливецъ

Н. К. Пимоненко
И. Вершининъ } Ученики-репетиторы.

Учащихся мужскаго пола 126
„ женскаго пола 16
Воскресныхъ . . . . . до 50

УЧАЩИХСЯ	По вѣроисповѣданіямъ				По сословіямъ				Иностранцевъ
	Православн.	Римско-Католиковъ	Лютеранъ	Іудеевъ	Дворянъ и чиновниковъ	Духовнаго званія	Городскія сословія	Сельскія сословія	
Мужского пола	89	17	8	12	37	7	55	26	1
Женскаго „	13	2	—	1	9	2	4	1	—

Воскресные представляются такъ:

Ремесленниковъ изъ мастерскихъ	25
Гимназистовъ и студентовъ	8
Изъ городскихъ школъ дѣтскаго возр.	17

Рис. Летаева.

М 234/246

ВОСПОМИНАНІЯ

СТАРАГО

УЧИТЕЛЯ.

2

[Вып. 2]

№

2

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
62949-57.

Въ 1880 году мы покидаемъ магазинъ и занимаемъ цѣлый небольшой домъ въ два этажа: внизу вечерніе классы, вверху просторная зала и еще классъ, кабинетъ для пріема; однимъ словомъ, это уже вполнѣ солидное помѣщеніе. Казалось бы, настолько расширившіеся размѣры школы давали основаніе стоящему во главѣ титуловаться директоромъ, но мнѣ это званіе не нравилось, и я остался при своемъ старомъ названіи „завѣдующій.“ Такъ я съ нимъ прожилъ свой вѣкъ, хотя никто меня не опредѣлялъ и не утверждалъ въ этомъ званіи.

Какъ только мы чуть-чуть устроились, явился Иванъ Николовичъ, лично вручилъ мнѣ книгу для записей прихода и расхода и тутъ же далъ мнѣ нѣкоторымъ образомъ маленькій урокъ бухгалтеріи: куда и какъ вписывать нашъ приходъ и расходъ. Книга съ массой собственноручныхъ помѣтокъ Ивана Николовича хранится у меня и о ней придется еще упоминать.

Тогда же намѣчено было и мое содержаніе: 100 р. въ мѣсяцъ и квартира. Взявъ во вниманіе, что Кіевъ городъ не изъ дешевыхъ, плюсъ воспитаніе дѣтей, жилось мнѣ съ школой тѣсновато и въ матеріальномъ отношеніи хуже того, когда я бѣгалъ по частнымъ урокамъ. Уроки у меня были въ домахъ аристократическихъ: Клейнмихели, Канкрины, Демидовы, Антоновичъ (попечитель округа), Ванновскіе, Острянскіе, Старинкевичи и другіе; всё это было оставлено. За то мое духовное положеніе куда же было лучше; новая моя дѣятельность меня подняла и успокоила.

Тамъ работали, потому что этого желали ихъ папеньки и маменьки и часто были съ этимъ одни огорченія. Здѣсь, напротивъ, были только одни жадно желающіе учиться и было много радости и удовольствія.

Одно меня смущало, что школьные взносы иногда прямо попадали на базаръ, когда у меня другихъ рессурсовъ не бывало.

„Да что такое въ самомъ дѣлѣ школа? Развѣ я не могу, думалъ я, какъ тотъ король, который говорилъ, что Франція—это я, въ свою очередь точно также сказать: школа—это я?“

Не знаю какъ чувствовалъ себя король, а мнѣ казалось, что это все таки, по меньшей мѣрѣ, не удобно. Не смотря на всѣ старанія свести концы съ концами у меня къ концу года бывало оказывались передержки, но при докладѣ отчета, Иванъ Николовичъ мнѣ ихъ великодушно сбрасывалъ и особенно сталъ къ этому относиться добродушно, послѣ того, какъ имѣлъ случай коротко познакомиться съ бюджетами столичныхъ школъ.

Въ 1881 г. я около мѣсяца пробылъ въ Петербургѣ. Былъ у Дмитрія Васильевича Григоровича, который встрѣтилъ меня словами:

— „Голубчикъ, мы Васъ ждали.“ Я чуть не растаялъ.

— „Мы для васъ многое можемъ сдѣлать, быстро и оживленно заговорилъ милый писатель: Вы навѣрное нуждаетесь въ хорошихъ гипсахъ, въ оригиналахъ?

— „Конечно, говорю я голосомъ человѣка у котораго захватило дыханіе.

— „Всё, всё сдѣлаемъ.“

Я ушелъ очарованный, но, земля ему перомъ, Дмитрій Васильечъ очень бы хорошо сдѣлалъ если-бы ничего не далъ изъ того, что такъ великодушно обѣщалъ. Нѣтъ, я получилъ таки отъ него, но нѣчто такое, что ужасно мнѣ хотѣлось возвратить ему обратно: коллекціи выброшенныхъ изъ употребленія и разрозненныхъ оригиналовъ. Не сдѣлалъ этого просто, щадя самолюбіе маститаго писателя.

Лѣтомъ 1881 г. навѣстили меня профессоръ Праховъ и Илья Ефимычъ Рѣпинъ, пріятели и друзья мои съ юности; съ Рѣпинымъ пріѣхалъ юноша В. Сѣровъ.

Въ одно утро я собирался показать гостямъ окрестности Кіева, хотѣлъ съ Рѣпинымъ проѣхать въ Китаевъ, которымъ я его особенно заинтересовалъ.

Вдругъ дождь, и дождь этакій довольно безнадежный. Скучно. Мы смотрѣли, какъ тутъ же въ залѣ ученикъ, репетиторъ школы, Пимоненко писалъ по заказу образъ Христа, такъ называемую мѣстную икону для иконостаса, образъ аршинъ около трехъ.

— „А ну-ка дайте мнѣ вашу палитру и кисти,“ говоритъ Илья Ефимычъ къ Пимоненко.

Тотъ далъ, и нашъ мастеръ такъ увлекся, что мы о Китаевѣ и забыли. Оставилъ палитру только къ обѣду.

Образъ мы вели, придерживаясь обыкновенныхъ иконныхъ традицій: красная съ синимъ драпировка и т. д.; Илья Ефимычъ замѣнилъ синій цвѣтъ свѣтлымъ и по немъ сдѣлалъ узоръ изъ терновыхъ вѣнковъ и гвоздей,—орудій страстей Господнихъ. Всѣмъ намъ это показалось очень интереснымъ.

На другой день взглянулъ Илья Ефимычъ:

— „Дайте палитру, я еще попишу, это негодится, что я сдѣлалъ.“

И онъ передѣлалъ весь образъ отъ угла до угла, проработавъ надъ образомъ вчера и сегодня ровно семь часовъ. Отъ вчерашняго узора остались только легкіе признаки.

— „Возьмите палитру, говоритъ Илья Ефимычъ, и оканчивайте сами.“

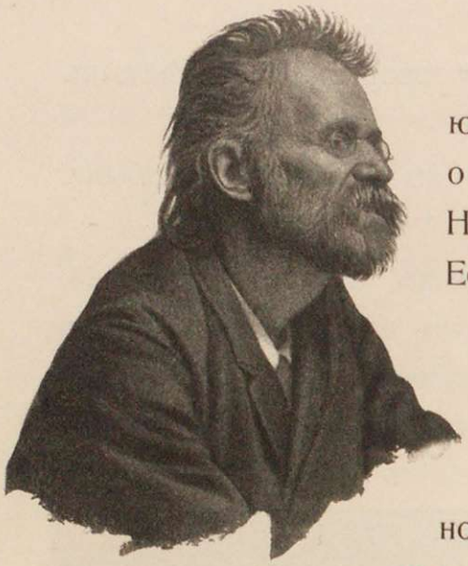
Мы съ Пимоненко только переглянулись; какіе-бы мы были глупцы если-бы позволили себѣ послѣ Рѣпина переписывать.

А. В. Праховъ, И. Е. Рѣпинъ, Н. И. Мурашко.

Образъ остался въ школѣ даже нѣкоторымъ ея украшеніемъ. Мы по немъ написали нѣсколько копій, имѣли всегда приличный заработокъ.

Рѣпинъ тогда работалъ надъ своимъ крестнымъ ходомъ, и интересовался понаблюдать у насъ крестный ходъ 15 іюля въ день св. Владиміра, а къ 20, къ дню св. Иліи, мы проѣхали въ Черниговъ. Тамъ изъ Троицкаго монастыря къ церкви св. Иліи долженъ былъ быть тоже крестный ходъ. Намъ хотѣлось это видѣть, думалось, не участвуетъ ли тамъ, помимо городского населенія, народъ въ своихъ цвѣтныхъ костюмахъ. Я ужъ затрудняюсь сказать, что извлекъ Илья Ефимычъ изъ этой поѣздки: прямо народа мы видѣли немного.

По возвращеніи въ Кіевъ, мои друзья съ большимъ вниманіемъ и радушіемъ были приняты Иваномъ Николовичемъ.



А. Е. Рокачевскій.

Въ школѣ образовался очень серьезный классъ юношей, которые изучали голову и нужно было думать о солидномъ преподавателѣ. Я доложилъ Ивану Николовичу, указавъ на стараго Академика Афанасія Ефимыча Рокачевскаго.

— „Я не почитатель его таланта, его живописи, но тѣмъ не менѣе, его солидный рисунокъ нужно чтить. Это рисунокъ Егорова и вообще нашей старой Русской школы; бездушенъ онъ нѣсколько, но что касается души намъ ее не занимать стать, у насъ ея вдоволь, но это намъ сразу даетъ хорошій тонъ. Онъ, говорятъ, нѣсколько неуживчиваго характера, зато я самъ — человѣкъ уживчивый.“

— „Да, вы уживчивы, говоритъ съ улыбкою Иванъ Николовичъ: приглашайте.“

Сказано, сдѣлано. Въ концѣ лѣта, въ одинъ изъ среднихъ дней недѣли, я отправился къ Рокачевскому. Худой, высокій съ запавшими щеками, и глубоко вставленными темными карыми глазами, суровый, съ своими надвинутыми нѣсколько сѣдыми бровями академикъ возился у себя въ саду съ какими-то посадками.

Мы поздоровались.

— „Будь онъ проклятъ этотъ садъ, онъ у меня забираетъ такъ много силъ и времени.“

Я въ душѣ немного удивился: кто его заставляетъ возиться съ садомъ *) Вошли въ его пыльную, сѣрую, непривѣтливую мастерскую — я прямо и началъ:

— „Вотъ, Афанасій Ефимычъ, вы конечно знаете, что у насъ школа, школа эта растетъ, учениковъ все больше и больше; у насъ бываетъ въ школѣ профессоръ Николай Николаевичъ Ге, но его посѣщенія случайны. Хотѣлось бы поставить дѣло правильно. Не удѣлите ли вы намъ немного вашего вечерняго времени, раза 3 въ недѣлю и хотя раза 2 въ мѣсяцъ днемъ, это была бы для насъ просто роскошь. Подумайте, сейчасъ не говорите ничего, а къ субботѣ надумайтесь, да и дайте намъ знать, какъ вы на этотъ счетъ смотрите...“

Задумался мой длинный, худой господинъ.

— „Знаете, мы съ Ге люди простые, мы всегда готовы: но надо подумать.“

---

*) Теперь, когда я самъ имѣю маленькій садъ, я его понимаю.

— „Конечно, и всѣ условія ваши намъ выставите, средства наши ничтожны, но они все таки есть.“

Странной мнѣ показалась его фраза „мы съ Ге“. Его я рядомъ съ Ге никогда не ставилъ. Ге—мыслитель, Ге—глубокаго содержанія человѣкъ, а предо мною былъ просто портретистъ, превосходный живописецъ иконъ, и ничего больше; но это былъ съ страшнымъ самомнѣніемъ человѣкъ. Это впрочемъ не рѣдкій порокъ артистовъ, но тутъ это особенно свѣтилось въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи. Въ душѣ я уже немножко и смутился, зачѣмъ я тронулъ этого человѣка.

Это былъ академикъ, шутка сказать: ака-де-микъ. Я ушелъ. Онъ, видимо, сейчасъ-же началъ разсуждать:

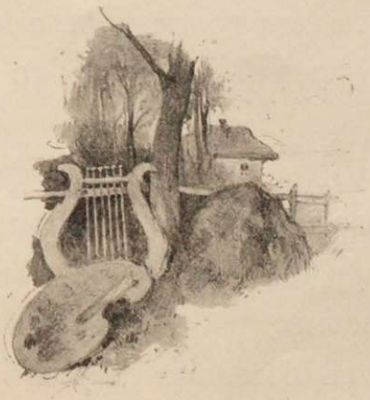
„Какъ это, какой-то Мурашко меня приглашаетъ; это значитъ, я, академикъ, у него служить буду! Нѣтъ, это шалишь, это невозможно.“

Никакого отвѣта я отъ него не дождался.

По утрамъ въ воскресные дни я бывалъ у Ивана Николовича и дѣлалъ ему свои доклады за недѣлю. И тутъ смущенный я началъ докладывать, что сдѣлалъ приглашеніе Рокачевскому, а отвѣта никакого не получилъ, но я пойду за отвѣтомъ самъ, нечего дѣлать.

— „Не ходите, не совѣтую Вамъ, говоритъ Иванъ Николовичъ: Рокачевскій былъ у меня, и мнѣ не понравился; это какой-то нервный господинъ, онъ непремѣнно требовалъ, что-бъ я его пригласилъ; но я прямо сказалъ, что я въ дѣла школы не вмѣшиваюсь, я помогаю нѣсколько школѣ, но тамъ всѣмъ завѣдуетъ Мурашко, и вы Рокачевскаго лучше оставьте и не трогайте.“

Меня очень тронулъ тактъ Ивана Николовича: пригласи онъ его, я былъ бы въ очень глупой роли передъ этимъ страшно заносчивымъ человѣкомъ. Скоро начались бы всякія пикированія на тему: кто главная сила въ школѣ, а потомъ, хоть святыхъ уноси, уже не трудъ совмѣстный, спокойный, а только мука.



Х. П. Платоновъ.

Въ это время поселился въ Кіевѣ художникъ, а впослѣдствіи академикъ Хар. Плат. Платоновъ. Мы съ нимъ были немножко знакомы по Академіи. Я пригласилъ его преподавать въ школѣ и Харитонъ Платоновичъ охотно принялъ предложеніе, не смущаясь скромностью того вознагражденія, которое ему могла удѣлить наша школа. Въ то время Кіевъ имѣлъ мало художественныхъ силъ. Послѣ Рокачевскаго былъ Платоновъ и мнѣ не о чемъ было долго раздумывать. Не знаю, какъ Хар. Пл. шелъ по наукамъ и искусству въ Академіи, но въ Кіевѣ онъ уже выдвигался на частныхъ урокахъ, какъ солидный преподаватель рисованія. Его охотно приглашали; кромѣ того онъ ревниво не оставлялъ и работы кистью. Изъ Академіи онъ вышелъ видимо хорошо усвоивъ себѣ эту условную академическую технику. Харит. Платон. свободно могъ написать этюдъ, пользуясь, не мудрствуя лукаво, тѣми постными тонами и формами, какими работали въ то время, полъ-вѣка назадъ.

Какъ извѣстно, тогда ставили во главу угла идеальныя формы классическихъ статуй и хотѣли ихъ привить, во что бы то ни стало, но выходило изъ этого, Богъ знаетъ, что.

Полагаю, что не ошибусь, если отмѣчу еще вліяніе Харламова, съ которымъ Платонову пришлось близко столкнуться на каникулахъ въ одномъ изъ аристократическихъ имѣній, куда они оба были приглашены. Харламовъ, какъ добрый товарищъ, побывавшій уже заграницей, познакомилъ его съ своей палитрой и помогъ съ бо́льшимъ вкусомъ распоряжаться красками,

искать въ нихъ красоту. Здѣсь пріобрѣлъ Платоновъ тотъ золотисто-загорѣлый тонъ при изображеніи тѣла, который усвоилъ себѣ Харламовъ, копируя и настойчиво изучая Рембрандта. Харламовъ самъ былъ не особенно силенъ въ рисункѣ и по этой части ничѣмъ не могъ подѣлиться съ Харитономъ Платоновичемъ.

Какъ жаль, что Платоновъ въ силу какой-то мягкости характера пошелъ по проторенной дорожкѣ, мирно и не мучая себя стремленіемъ сказать что либо индивидуальное и болѣе глубокое. Онъ писалъ безъ конца своихъ дѣвочекъ-Марусекъ, и съ особенною любовью цыганокъ, тонъ которыхъ такъ подходилъ къ живописному и совершенно готовому усвоеному имъ тону. Рисунокъ, какъ я уже сказалъ, у художника былъ сильно академиченъ: глазъ, ротъ были по канону правильны и очень красивы, но съ отсутствіемъ того живого реализма, съ которымъ работали во всю послѣднюю половину прошлаго столѣтія и работаютъ теперь. Сходство конечно ускользало, да и не особенно преслѣдовалось.

А между тѣмъ, изучая Платонова, просматривая внимательно цѣлый рядъ его работъ, мы находимъ очень дорогую искру въ талантѣ этого художника.

Экспрессія милой улыбки дѣтской у него прослѣжена и производитъ хорошее подкупающее впечатлѣніе. Потомъ я никогда не забуду его мальчика, который представленъ прикусившимъ нижнюю губу и наводящимъ свой дѣтскій лукъ прямо на зрителя. Это такъ забавно и комично, что невольно вызываетъ улыбку узрителя. Артистъ былъ почтенъ золотой медалью за экспрессію отъ Академіи художествъ и вещь была сейчасъ-же куплена.

Интересно знать, что самъ художникъ какъ бы не чувствовалъ, что это лучшая его вещь. Назначивъ за нее самую скромную цѣну и уже, какъ бы спохватившись, за повтореніе, назначилъ цѣну втрое, которую ему охотно и дали.

Написавъ еще двѣ или три живыхъ вещи, художникъ какъ бы замеръ, началъ повторяться и повторяться. Когда въ послѣднюю четверть вѣка заговорили о воздухѣ, о солнцѣ, нашъ артистъ только глубоко вздыхалъ и продолжалъ писать своихъ Марусекъ ни на шагъ изъ мастерской,—хотя окружалъ ихъ небомъ и пейзажемъ.

Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Совѣта старой Академіи Харитону Платоновичу присуждено было званіе академика. Несомнѣнно, любовь къ искусству жила въ его душѣ и онъ даже пытался вырваться изъ заколдованнаго

В. А. Яблочкинъ. Н. И. Мурашко, И. Ф. Селезневъ, М. А. Врубель, Н. К. Пимоненко, Х. П. Платоновъ.

круга привычныхъ своихъ сюжетовъ, но публика его головки любила, они всегда находили сбытъ, писались такъ свободно и у Харитона Платоновича не хватало энергіи добиться чего нибудь на новомъ пути.

Картины эти были дѣти Харитона Платоновича, которыхъ онъ и любилъ и вмѣстѣ съ тѣмъ относился къ нимъ какъ то скептически. Въ душѣ носилъ онъ прекрасный идеалъ искусства, зналъ хорошо иностранныхъ мастеровъ и чувствовалъ свою небольшую величину относительно ихъ.

Такъ смотрѣлъ самъ Хар. Плат. на свои работы, но это не мѣшало ему ревниво относиться къ сужденіямъ другихъ.

„Я могу ругать собственное свое дѣтище, но какой нибудь, посторонній съ своей холодной душой дѣлать этого не долженъ“. Избави Богъ, дать Платонову на выставкѣ какое нибудь чуть чуть сомнительное мѣсто: смирный

и кроткій Харитонъ Платоновичъ дѣлался неузнаваемъ. Онъ могъ безъ словъ забрать свою картину и не показываться больше.

Наша публика любила его улыбающихся Марусекъ. Это были: дѣвочка съ цвѣтами, дѣвочка съ цыплятами, дѣвочка съ пѣтухомъ и т. д. Все это онъ отлично продавалъ. Критика его если не превозносила, то и не задѣвала, а, напротивъ, мѣстная критика была даже весьма почтительна.

Въ школѣ точно также относились къ нему почтительно, хотя и чувствовали его нѣкоторую слабость, но его ласковая внимательность, добродушіе и любовное отношеніе, какъ къ преподаванію, такъ и къ самымъ учащимся подкупали всѣхъ. Кто бы могъ подумать, что этотъ молчаливый человѣкъ былъ когда то однимъ изъ лучшихъ комиковъ одной изъ Петербургскихъ сценъ, зналъ наизусть „Горе отъ ума“ и „Ревизора“. И вотъ надо было его видѣть, какъ онъ оживалъ, режиссируя у насъ на школьныхъ спектакляхъ. Сколько энергіи! Сколько заботливости! Харитонъ Платоновичъ входилъ во все: исправлялъ рѣчи, костюмы, движенія, даже кричалъ. И какъ-же любили его. Всѣ указанія принимались благоговѣйно. Никто не смѣлъ и подумать противорѣчить. Вспоминаю это свѣтлое время: какъ всѣ были милы, счастливы и чисты, какъ дѣти. Пустыхъ вещей у насъ никогда не играли, ставили или Гоголя, или Островскаго.

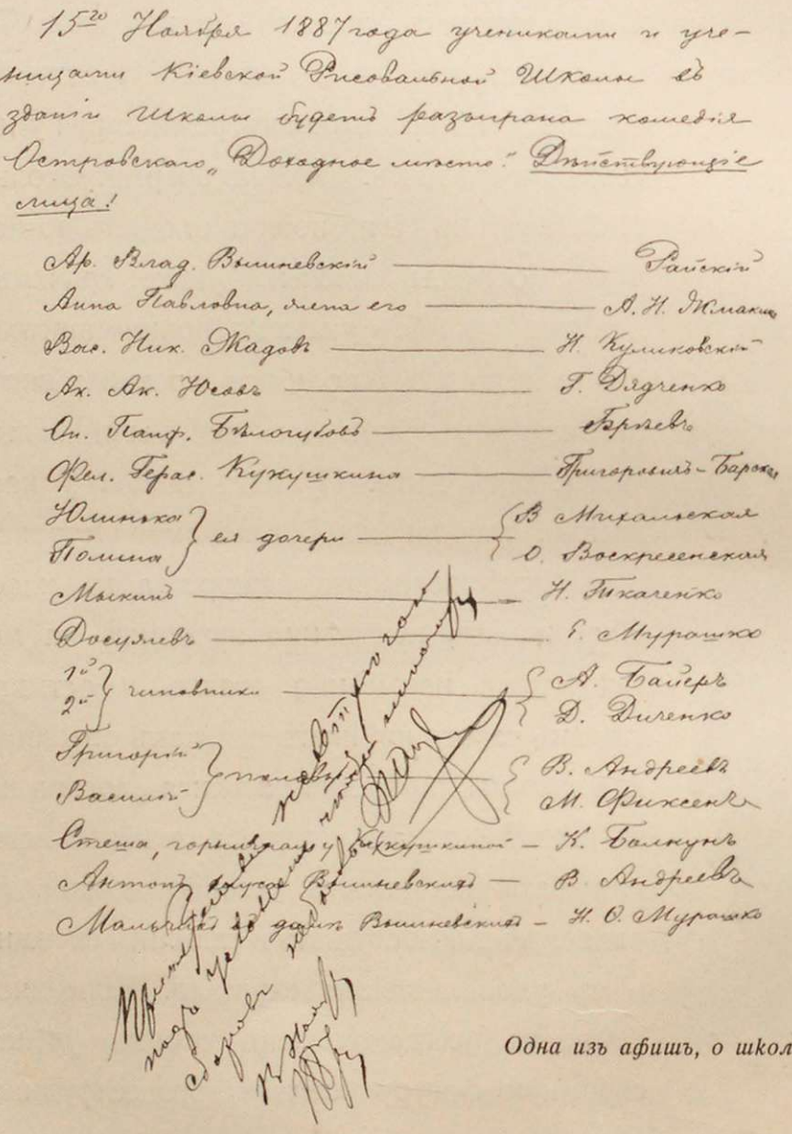
Гримъ къ спектаклю.

Послѣ вечерняго дежурства въ классѣ Харитонъ Платоновичъ неизмѣнно заходилъ на мою половину, гдѣ также неизмѣнно стоялъ и остывалъ для него стаканъ такого крѣпкаго чая, какъ онъ любилъ и лежали двѣ колоды картъ для пасьянса „восемь королей“. Если въ школѣ читалась вечерняя лекція по исторіи искусствъ или батюшка читалъ исторію церкви, мы неизмѣнно вдвоемъ шли послушать и садились скромно въ сторонкѣ и съ удовольствіемъ слушали. Если иногда читалъ я самъ, то всегда впереди своихъ учениковъ видѣлъ скромную фигуру моего милого сотрудника. Такъ протекли многіе годы. Чѣмъ и при какихъ обстоятельствахъ завершилось отношеніе Харитона Платоновича къ школѣ и ко мнѣ, о томъ рѣчь будетъ впереди.

Вечернія занятія со старшей группой всецѣло были поручены Харитону Платоновичу. Дѣти же, юноши малоподготовленные и дѣвицы—вся эта масса

начинающихъ велась мною при помощи учениковъ репетиторовъ, которыхъ было нѣсколько и которые поочередно дежурили въ классахъ.

Очень радующимъ событіемъ, свидѣтельствующимъ о ростѣ школы было открытіе 19 ноября 1882 г. фигурнаго класса. Рисующіе въ головномъ классѣ вѣрили нашимъ преподавательскимъ силамъ и не спѣшили въ старыя школы Москвы и Петербурга, такъ багато всѣмъ обставленныя. Они оставались у насъ и, удовлетворивъ Совѣтъ рисункомъ съ бюста, переходили къ рисованію цѣлой статуи.



15го Ноября 1887 года учениками и ученицами Кіевской Рисовальной Школы въ зданіи Школы будетъ разыграна комедія Островскаго „Доходное мѣсто". Дѣйствующіе лица:

Ар. Влад. Вышневскій — Райскій
Анна Павловна, жена его — А. Н. Жмакинъ
Вас. Ник. Жадовъ — Н. Куликовскій
Ак. Ак. Юсовъ — Г. Дядченко
Оп. Панф. Бѣлогубовъ — Брѣевъ
Фел. Герас. Кукушкина — Григорьевъ-Барская
Юлинька } ея дочери — В. Михальская
Полина } — О. Воскресенская
Мыкинъ — Н. Ткаченко
Досуяевъ — Е. Мурашко
1й } чиновники — А. Байеръ
2й } — Д. Диченко
Григорій } половые — В. Андреевъ
Василій } — М. Фиксенъ
Стеша, горничная у Кукушкиной — К. Балкунъ
Антонъ, слуга Вышневскихъ — В. Андреевъ
Мальчикъ въ домѣ Вышневскихъ — Н. О. Мурашко

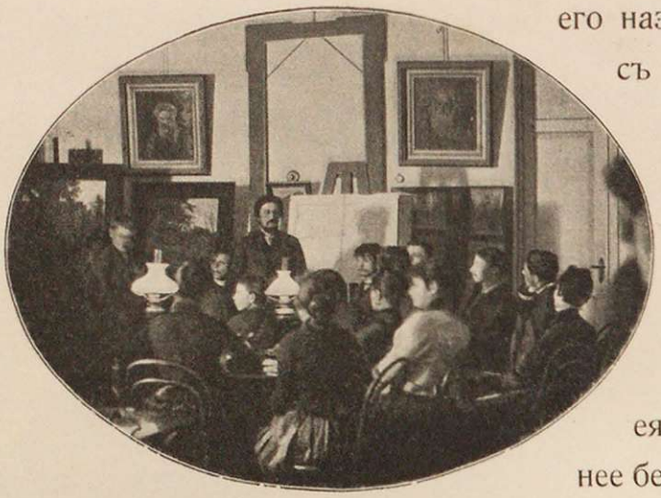
Одна изъ афишъ, о школьномъ спектаклѣ.

Въ 188²/₃ учебномъ году возвратившійся изъ Академіи Художествъ Н. К. Пимоненко приглашается преподавателемъ въ школу и раздѣляетъ труды Х. П. Платонова въ занятіяхъ со старшей группой.

Если не считать отсутствія Н. К., вызваннаго кратковременнымъ учительствомъ въ Каневѣ (во избѣжаніе отбытія воинской повинности) и пребыванія въ Академіи, его дѣятельность въ школѣ въ роли репетитора, а потомъ преподавателя продолжалась непрерывно съ 1879 по 1900 г.

Въ 1885 г. Н. К. Пимоненко пишетъ очень хорошую вещь, которая на выставкѣ въ Петербургѣ производитъ впечатлѣніе. Это была дѣвушка, возвращающаяся изъ церкви позднимъ вечеромъ, послѣ чтенія страстей Господнихъ, съ зажженнымъ фонаремъ. Вещь очень эффектная. Въ 1887 году Н. К. уже получаетъ за свою художественную и педагогическую дѣятельность отъ Академіи Художествъ дипломъ „почетнаго вольнаго общника". Въ послѣднее время—онъ видный членъ передвижныхъ выставокъ и имѣетъ званіе академика.

Магистръ, а впослѣдствіи докторъ астрономіи, астрономъ наблюдатель Кіевской обсерваторіи Вильгельмъ Ивановичъ или, какъ онъ любилъ, чтобы



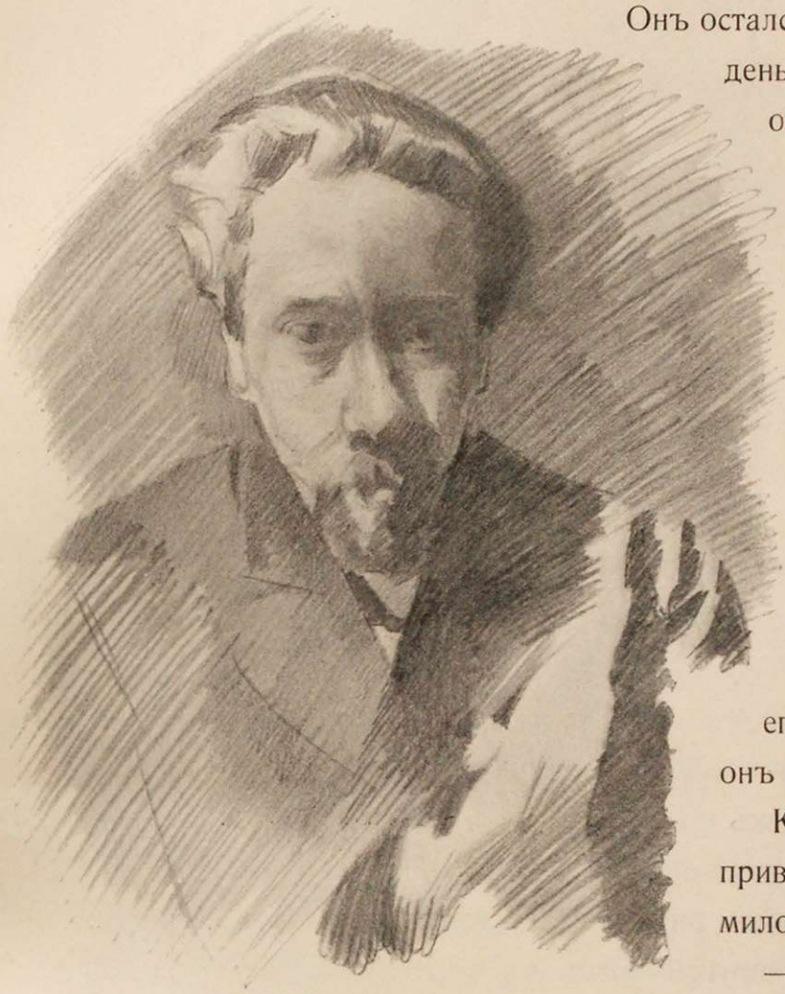
его называли, Василій Ивановичъ Фабриціусъ, съ 1884 г. читаетъ у насъ перспективу. Это былъ для насъ очень интересный человѣкъ, онъ любилъ искусство и самъ очень не дурно работалъ акварелью. У меня сохранились интересные его наброски изъ путешествія по Крыму. Теорія переспективы и чтенія ея часто бываютъ односторонни. Если за нее берется математикъ, то это для слушателя-художника всегда кажется ужасною сушью; если возьмется за чтеніе переспективы художникъ, выходитъ нѣчто легковѣсное, бездоказательное. Но тутъ въ лицѣ Вильгельма Ивановича было очень счастливое соединеніе художника съ математикомъ и нужно очень сожалѣть, что онъ своего курса не напечаталъ. Желаніе и потуги на это были, но судьба рѣшила иначе и прибрала бѣднаго Фабриціуса прежде чѣмъ онъ могъ что-либо сдѣлать: есть одинъ только напечатанный листъ.

Читалъ переспективу В. И. въ школѣ до послѣднихъ своихъ дней. Скончался въ 1895 году совсѣмъ не старымъ еще человѣкомъ.

Акварель В. И. Фабриціуса. Крымскій видъ.

Въ одномъ изъ восьмидесятыхъ годовъ появился у насъ интереснѣйшій человѣкъ, художникъ Валеріанъ Александровичъ Яблочкинъ.

Зашелъ онъ къ намъ на два слова, думая не узнаетъ-ли чего либо о сестрѣ своей, бывшей въ этотъ лѣтній сезонъ въ Кіевѣ въ труппѣ нашего городского театра. Ничего мы ему не могли сказать по этому поводу, но выразили самое непритворное удовольствіе видѣть этого человѣка у себя. Онъ остался у насъ заночевать, а на другой день я ему показалъ кое-что изъ окрестностей Кіева, отвезъ на дачу, гдѣ жила моя семья. Его привѣтливо приняли у насъ да и не могло быть иначе: это былъ не высокій горбатенькій господинъ съ такими чудными манерами воспитаннаго человѣка и красивой пріятной петербургской рѣчью, наблюдательный, остроумный, что сразу привлекалъ къ себѣ, заставляя забыть недостатокъ въ строѣ его фигуры. Вмѣсто двухъ дней онъ пробылъ у насъ два года.



В. А. Яблочкинъ (рис. М. А. Врубеля).

Къ преподаванію въ школѣ мнѣ привлечь его не удалось; онъ съ такой милой улыбкой заявилъ:

— „Котовъ писать—задача не велика, а больше я то ничего и не умѣю“.

Такъ говорилъ о себѣ В. А., съ шутливой скромностью, но онъ былъ прекраснымъ членомъ нашего школьнаго Совѣта. Видимо не любящій одиночества, прекрасно подружился у меня съ семьей, писалъ себѣ въ моемъ кабинетѣ своихъ котовъ, кстати въ моделяхъ недостатка не было. У насъ животныхъ любили и онъ ихъ могъ наблюдать, сколько хотѣлъ во всякое время. В. А. работалъ и произведенія его сбывались и оцѣнивались иногда очень недурно. Мнѣ было очень пріятно имѣть подъ рукою умнаго и въ искусствѣ очень свѣдущаго человѣка. Выросъ В. А. въ столицѣ, кончилъ Академію художествъ, сынъ извѣстнаго режиссера Петербургскаго Императорскаго театра, человѣка широко образованнаго и общественнаго. Въ такой

средѣ, понятно, Валеріанъ Александровичъ, какъ отъ природы не глупый человѣкъ, неминуемо былъ человѣкъ съ содержаніемъ. Работалъ себѣ, слегка почитывалъ, ѣлъ и пилъ съ нами, шутилъ съ семьей и окружающими ребятами—общій другъ и любимецъ. И этотъ милый, привѣтливый человѣкъ вдругъ могъ загрустить, заскучать; навѣрное тому отчасти былъ причиной его физическій недостатокъ, его горбатость. Какъ ни какъ, а все таки онъ человѣкъ не какъ всѣ. И въ эти моменты онъ бѣдный запивалъ. Онъ — домосѣдъ великій —сейчасъ уходилъ изъ дому. Всѣмъ было В. А. сердечно жаль, надо было за нимъ наблюдать; главное, что этотъ человѣкъ сейчасъ совершенно перерождался; изъ человѣка крайне вѣжливаго, кроткаго, онъ превращался въ человѣка задорнаго. Подбоченясь одной рукой, онъ другой трясъ въ воздухѣ кистью руки съ своими худыми, длинными, бѣлыми пальцами и отчаянно грубилъ. Увидѣвъ товарища по Академіи, онъ уже иначе не обращался какъ:

— „Эй, ты утка проклятая!“ и все уже шло въ такомъ родѣ. А на дѣлѣ хотя онъ и топорщился, представлялъ изъ себя фигурку небольшого роста и слабую; обидѣть его ничего не стоило, а лѣзъ онъ неотвязчиво въ такихъ случаяхъ почти ко всякому.

— „Ты знаешъ, кто я таковъ? Я Рафаэль Котовъ!“—кричалъ В. А. у Семадени или въ другомъ такомъ же мѣстѣ, гдѣ часто его уже знали, умѣряли сколько возможно, чтя въ немъ артиста. Какая нибудь группа студентовъ брала его подъ свое покровительство и онъ тутъ пилъ и шумѣлъ, пока это окончательно не утомляло всѣхъ и его не выводили. Тогда онъ перекочевывалъ

въ другое мѣсто. Нужно было его отыскать, ублажить, привесть домой, хоть покормить толкомъ. Горе, что онъ терпѣть не могъ быть дома въ это время: страсть пить и непремѣнно дебоширить. Онъ изъ дому непремѣнно уходилъ. Найдутъ, доставятъ бывало его домой. Вотъ онъ какъ будто и успокоится и въ самомъ дѣлѣ какъ будто конецъ всему — и вдругъ вечеръ, В. А. начинаетъ проситься, выйти въ театръ:

— „Ну, нѣтъ, голубчикъ, Валеріанъ Александровичъ, вамъ рано еще выходить, не выдержите! Тамъ буфетъ, приложитесь и пойдете писать".

— „Нѣтъ, Боже сохрани. Мнѣ одну нотку послушать, понимаете, сегодня „Карменъ," и мнѣ одну нотку!.. Сейчасъ на сердцѣ легче и завтра мы такого кота напишемъ! Я однимъ одинъ разъ написалъ чернаго кота, кота колдуньи старой, понимаете, мнѣ такъ хочется это повторить..."

Говорится это такъ мягко, такъ трогательно, что нѣтъ силъ ему не разрѣшить.

— „Можетъ, пусть съ вами кто нибудь изъ молодыхъ людей пойдетъ?"

— „Не нужно, вѣдь я тамъ вхожу какъ свой, я даже сейчасъ и возвращусь, мнѣ такъ захотѣлось одну нотку послушать"...

Но увы! не выдержалъ нашъ артистъ, приложился разъ въ буфетѣ, потомъ въ другой, а тамъ уже, войдя въ залу и увидѣвъ извѣстную ему фигуру, кричитъ:

— „Эй ты, Фитюшка, ступай сюда"...

Ну, конечно, исходъ одинъ: раба Божьяго подъ руки, и за двери.

Является Яблочкинъ уже утромъ на другой день въ какомъ то пальто до пятъ; рукава такъ же ужасные волокутся, рукъ совсѣмъ не видно: напрасно В. А. старается сдѣлать свой вѣжливый общій поклонъ (какъ онъ, вообще это шутливо умѣлъ дѣлать). Ничего не выходитъ, онъ путается въ какомъ то громадномъ и дрянномъ пальто и ничего больше.

Это человѣкъ, который былъ вообще очень щепетиленъ въ костюмѣ. Цѣлый утренній часъ проводилъ въ умываньи, чисткѣ и вообще въ приведеніи себя въ аккуратнѣйшій видъ. Лукавая горничная подсмотрѣла даже, что онъ иногда на ночь дѣлаетъ себѣ папильотки. Волосы у него были большіе и красивые.

Но разъ уже В. А. самъ пришелъ домой, это значитъ конецъ: больной, разбитый, тутъ ужъ онъ пьетъ только одно молоко: за нимъ самый нѣжный уходъ. И опять это человѣкъ, умница, интереснѣйшій шутникъ-собесѣдникъ, другъ дѣтей и всѣхъ въ домѣ.

Мѣсяца на четыре все благополучно, пока опять его не засосётъ что-то и не наступитъ этотъ проклятый пароксизмъ, который тянется иногда болѣе недѣли, иногда двѣ.

Все это, признаться, насъ такъ истомило, что мы не протестовали, когда онъ началъ думать о выѣздѣ въ деревню, къ своимъ друзьямъ, которые очень его любили и такъ-же по возможности оберегали.

Собрался онъ; была ранняя весна, и было это въ концѣ одного изъ пароксизмовъ. Уложилъ В. А. вещи. Былъ будній день, время, когда всѣ были заняты; проводить Валеріана Александровича на вокзалъ былъ отряженъ нашъ воспитаникъ Гриша Дядченко и долженъ былъ помочь ему купить билетъ и проч. Все сдѣлано какъ по писанному: Гриша купилъ билетъ, усадилъ. Второй звонокъ и Гриша потерялъ уже Валеріана Александровича изъ вида, среди массы переполнявшихъ вагоны пассажировъ.

Утромъ является въ школу Иванъ Федор. Селезневъ. Я первымъ долгомъ сообщаю ему новость, и со вздохомъ говорю:

— „Проводили мы своего милого Валеріана Александровича, нѣтъ ужъ его голубчика!“

— „Хорошо проводили, мы съ нимъ у Штифлера чуть не за полночь сидѣли, я его тамъ и оставилъ“.

— „Какъ?! Да не можетъ быть“.

— „Увѣряю васъ“,— говоритъ Селезневъ“.

— „Что-жъ тутъ дѣлать?

— „Придетъ, или привезутъ его къ вамъ тепленького“.

— „Нѣтъ, надо его бѣднаго отыскать, жаль такъ оставить“.

Нѣсколько юношей къ нему сердечно расположенныхъ отправились на поиски... Въ одной изъ гостинницъ его отыскали, т. е. напали на его слѣдъ. Имъ сказали, что Яблочкинъ пьетъ, ему даютъ понемногу и онъ даже работаетъ...

Пока мы судили да рядили что предпринять, вдругъ онъ самъ появился у насъ, чуть чуть на веселѣ и съ букетомъ цвѣтовъ для моей жены (она была хорошимъ его другомъ). Смотримъ на подходящаго съ шутливыми реверансами В. А. и диву даемся, что за презабавный видъ. Оказывается, В. А. сбрилъ бороду и усы, которые въ сущности къ нему очень шли.

1887.

февр 9.

№ 3

Редакторъ.

Изданіе не періодическое

— „Валеріанъ Александровичъ, что вы съ собой сдѣлали?“—почти въ одинъ голосъ вскрикнули всѣ“.

— „Я хотѣлъ, чтобъ меня никто не узналъ, и потомъ явиться къ Вамъ, чтобы какъ слѣдуетъ проститься“.

— „Какъ проститься? Почему, что такое?“

— „Да развѣ я могъ такъ уѣхать? Что вы могли обо мнѣ подумать? Нѣтъ! я же не свинья какая нибудь. Я какъ сѣлъ въ вагонъ, мнѣ такъ стыдно стало, я бросилъ все и сбѣжалъ изъ вагона“.

— „Да, что вы, голубчикъ, ровно ничего мы не подумали, перебирайтесь-ка вы къ намъ, нечего вамъ по номерамъ путаться“...

Въ этотъ же вечеръ онъ оставилъ гостинницу, прожилъ у насъ еще нѣсколько дней, окончательно успокоился и мы ужъ его проводили всѣ.

Онъ уѣхалъ къ Путивлю въ имѣніе г.г. Шечковыхъ, гдѣ, говорятъ, великолѣпно написалъ Ромео и Джульету въ видѣ кота и прелестной кошечки и, проживъ немного времени, тамъ же умеръ... мы его болѣе не видѣли и не мало о немъ погрустили.

Какъ относился Иванъ Николовичъ къ пребыванію у насъ въ школѣ Яблочкина? Сколько помню, чрезвычайно благодушно. Онъ прямо, не помню, выражалъ ли свое явное одобреніе, что я задержалъ Яблочкина, но его добрую улыбку, какъ сейчасъ вижу, съ которой онъ выслушивалъ иногда мой докладъ о Яблочкинѣ. Кота отъ него мы конечно имѣемъ.

По поводу его у меня въ дневникѣ съ устъ Ивана Николовича еще записана такая деталь:

Ѣхалъ Иванъ Николовичъ изъ Теткино и около Путивля въ тотъ-же вагонъ подсѣли какіе то господа.

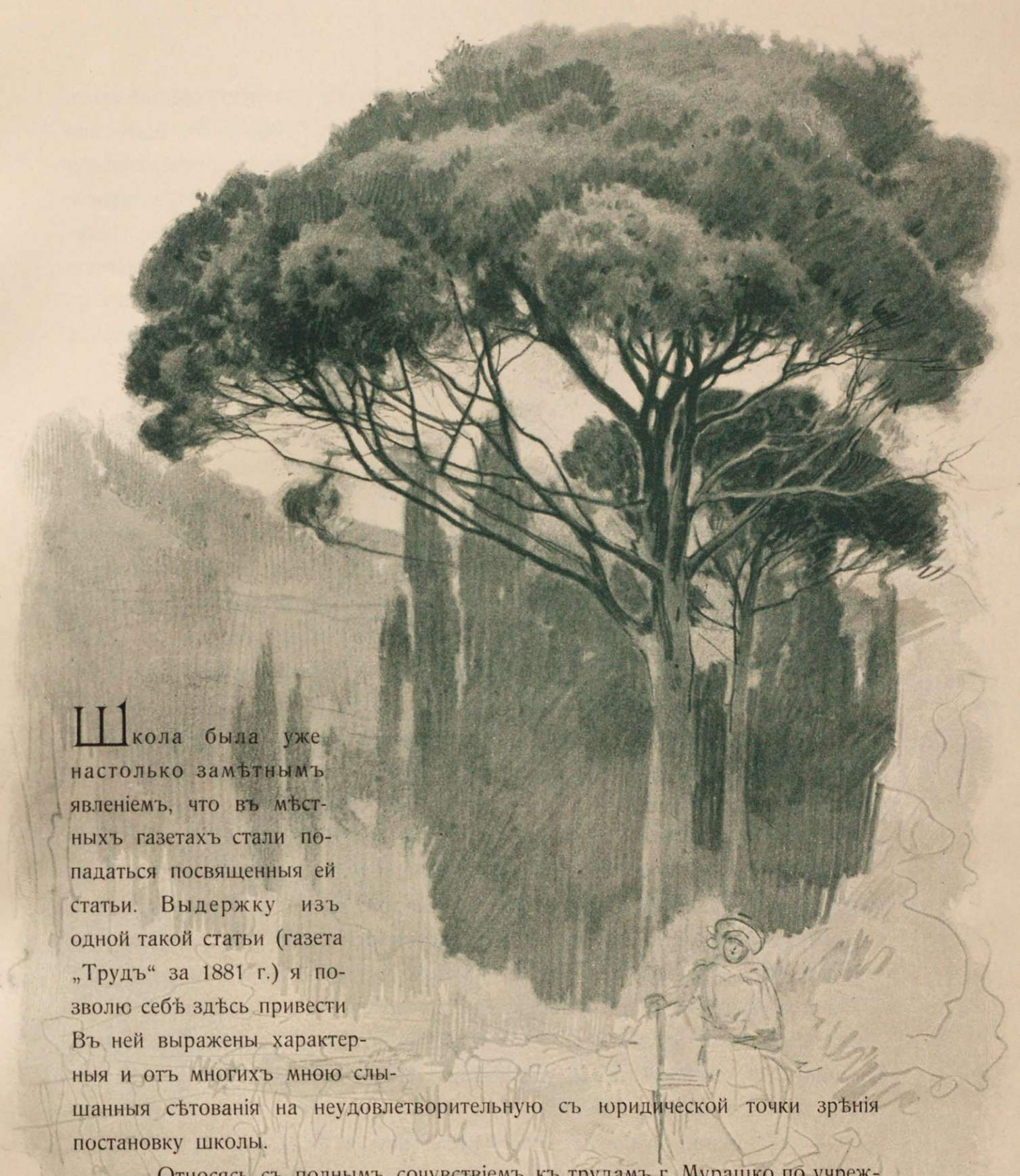
Пошла рѣчь объ искусствѣ и вдругъ тутъ одинъ заговорилъ:

— „Можете себѣ представить, нашъ бѣдный Яблочкинъ попалъ въ мастерскую какого то Мурашки, гдѣ его поятъ и заставляютъ работать; только онъ проспится, его сейчасъ же напоятъ и заставляютъ работать. Только проспится его опять напоятъ. Понимаете этакая эксплоатація“.

— „Я выслушалъ это все, говоритъ, Иванъ Николовичъ, но и отчиталъ же имъ: чтобъ зря не болтали, чего не знаютъ“.

Я представляю себѣ картину, когда Иванъ Николовичъ сказалъ:

— „Да, Яблочкинъ живетъ въ нашей школѣ, которая находится въ полномъ моемъ вѣдѣніи“... Какъ у нихъ должно быть вытянулись лица.



Школа была уже настолько замѣтнымъ явленіемъ, что въ мѣстныхъ газетахъ стали попадаться посвященныя ей статьи. Выдержку изъ одной такой статьи (газета „Трудъ“ за 1881 г.) я позволю себѣ здѣсь привести Въ ней выражены характерныя и отъ многихъ мною слышанныя сѣтованія на неудовлетворительную съ юридической точки зрѣнія постановку школы.

...„Относясь съ полнымъ сочувствіемъ къ трудамъ г. Мурашко по учрежденію возникшихъ по его почину школы и выставокъ, мы позволяемъ себѣ думать, что было-бы крайне желательно *преобразовать школу г. Мурашко изъ частной въ общественную*, и изъ, такъ сказать, временной и случайной въ постоянную; а именно, чтобы принадлежности и пособія школы, пріобрѣтаемыя

на общественныя пожертвованія, составляли бы не частную собственность г. Мурашко, а школы, находящейся подъ извѣстнымъ надзоромъ городской управы или другого общественнаго учрежденія. При такомъ преобразованіи школа могла бы только выиграть, такъ какъ сочувствіе общества къ школѣ, сильное даже въ настоящее время, безъ всякаго сомнѣнія, значительно увеличилось бы: жертвователи знали бы, что жертвуемое ими составитъ не частную собственность, а общественную, которая будетъ переходить отъ поколѣнія къ поколѣнію, чѣмъ упрочилось бы существованіе школы безспорно полезной и необходимой для города Кіева".

Нельзя назвать эти мысли неосновательными, но я никакихъ шаговъ въ указанномъ рецензентомъ направленіи не дѣлалъ. Я зналъ хорошо чувства и расположеніе къ школѣ Ивана Николовича и ни малѣйшей тѣни боязни за существованіе школы не испытывалъ. Но помимо того я боялся обратить школу въ учрежденіе строго регламентированное съ уставомъ, съ правами. Я не говорю уже о тѣхъ тискахъ правительственной опеки, въ какія попадало учрежденіе (вспомнимъ восьмидесятые годы). Чѣмъ болѣе школа росла, тѣмъ болѣе я пугался пріобрѣтать для нея какія либо права, которыя бы могли привлекать къ намъ. Къ намъ должна привлекать только любовь къ самому дѣлу и ничего больше. Ибо и такъ уже казалось у насъ болѣе званныхъ, чѣмъ избранныхъ; а будь только права, то сейчасъ явится масса всякихъ неудачниковъ пробовать, авось, можетъ, здѣсь удастся добыть какую-то бумажку объ окончаніи чего-то, что у насъ требуется и, къ сожалѣнію, имѣетъ силу.

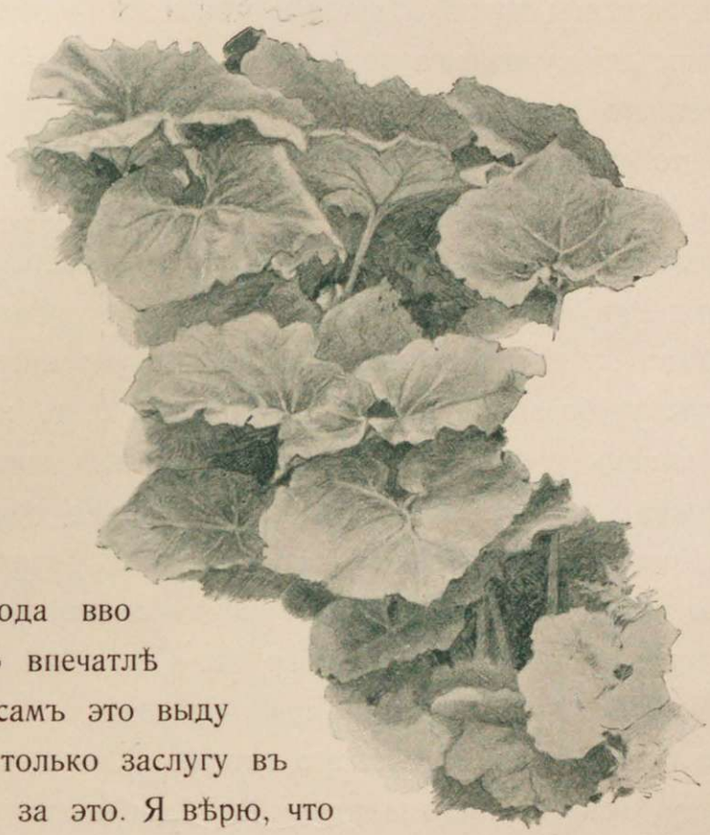
Школа наша была очень полезна своей доступностью для людей всѣхъ возрастовъ и всякихъ положеній. Возьмемъ хоть такой примѣръ. Молодому человѣку, полному жизни и энергіи, вдругъ показалось, что онъ можетъ лѣпить; хочетъ поработать и не знаетъ какъ взяться. Онъ идетъ въ школу. У насъ скульптуры въ тотъ моментъ не преподавали, но показать, какъ это дѣлается, мы всегда могли. Такъ появился у насъ г. Пащенко. Бѣлокурый, симпатичный, славный такой, располагающій къ себѣ своимъ здоровьемъ, своей молодостью.

— „Покажите, пожалуйста, какъ это лѣпить?"

Размѣсили глину, достали цтеки, эти не хитрые инструменты лѣпки и показали.

Такіе господа бываютъ всегда хорошими плательщиками; ему какъ-то совѣстно, странно заплатить какіе-то шесть рублей. Заплативши сразу за два мѣсяца и поработавъ нѣсколько дней Пащенко уѣхалъ къ себѣ въ имѣніе

въ Харьковскую губернію. Теперь это очень недурной скульпторъ, выполнившій уже нѣсколько солидныхъ заказовъ по скульптурѣ, и живетъ въ Парижѣ. Конечно, это не мы его выучили, но мы его направили, поддержали въ нужную минуту.



Съ 1883 года вводится въ школѣ рисованіе по впечатлѣнію. Грѣшный человѣкъ, я не самъ это выдумалъ. Себѣ могу приписать только заслугу въ томъ, что я жадно ухватился за это. Я вѣрю, что это въ будущемъ разработается дальше и будетъ основой всего воспитанія въ дѣлѣ изображеній. Художникъ Николай Дмитріевичъ Кузнецовъ, часто проживающій за границей, человѣкъ образованный и любознательный, проѣздомъ въ Одессу, попалъ къ намъ въ Кіевъ и между прочимъ сообщилъ о видѣнномъ въ одной изъ школъ упражненіи. Я весь какъ огнемъ былъ охваченъ этой идеей. Я вѣдь и самъ думалъ и видѣлъ, что у насъ чего-то не достаетъ. Есть упражненіе въ повтореніи рисованнаго, оно широко практиковалось въ школахъ столицы, было и у насъ: нарисовать предметъ и потомъ въ видѣ наброска по памяти повторить его, не глядя ни на предметъ, съ котораго рисовали, ни на свой сдѣланный рисунокъ. Этакимъ образомъ расшевеливать свою память, на сколько въ ней остается изъ того, что человѣкъ дѣлалъ и на сколько нужны повторенія и дополненія своихъ знаній, ну, хотя бы, анатоміи. Это хорошо, но это не все. Дѣло въ томъ, что юные артисты все время проводятъ и развиваются, срисовывая предметъ неподвижно передъ ними стоящій въ видѣ орнамента, бюста, статуи и, наконецъ даже, если это и живая натура, то

она прочно устанавливается и позируетъ также неподвижно, какъ и статуя. Юноши развиваютъ свою технику, изучаютъ отчасти анатомію построенія и только. Но вѣдь первая задача художника уловить моментъ жизни, движеніе, а не предметъ неподвижный. Есть масса, да прямо міръ переполненъ вещами, которыя не позируютъ, а ихъ нужно изображать и ихъ изображаютъ; таковы: дѣти, животныя, моменты природы, которые мѣняются безостановочно, а самое трудное и главное для художника моменты выраженій лица: выраженіе смѣха, печали, молитвеннаго умиленія и т. д. Все это художникъ можетъ увидѣть, но надо чтобъ это онъ могъ запечатлѣть въ себѣ, закрѣпить въ своей памяти для того, чтобъ потомъ изобразить поразившее его зрѣлище, и дать возможность другимъ созерцать его. Для этого, вдругъ оказывается, есть упражненіе, а мы его не дѣлаемъ, стало-быть не дѣлаемъ самаго существеннаго, самаго важнаго. Я сейчасъ-же ввелъ въ нашей школѣ это упражненіе. Состояло оно въ слѣдующемъ: требовалось, чтобы у учениковъ былъ на готовѣ чистый листокъ бумаги, какъ у каждаго художника, записная книжка; выставлялся на станкѣ хорошій крупный внушительный какой-либо оригиналъ, въ родѣ головы Іоанна Крестителя Иванова въ натуру, (у насъ была такая фотографія съ картины) или снимокъ другой какой нибудь головы типичный, крупный, хорошаго мастера; рисунокъ былъ прикрытъ. Когда всѣ готовы, вниманіе учениковъ возбуждено, имъ открывали сразу оригиналъ. Происходившая при этомъ сцена не лишена психологическаго интереса. Приблизившись къ выставленному предмету, ученики просто замирали. Всѣ были напряженно внимательны, всѣ знали, что этому придается серьезнѣйшее значеніе и не сводили глазъ съ выставленнаго. Нѣкоторые что-то про себя шептали, другіе забавно водили передъ собою пальцемъ по воздуху, но большинство было напряжено спокойно. Проходило пять минутъ, оригиналъ закрывали и уносили. Надо было видѣть молодыхъ людей; они были какъ бы въ маленькомъ сомнамбулизмѣ, никто какъ бы ничего не видѣлъ, кромѣ полученнаго впечатлѣнія; всѣ были полны имъ и старались скорѣй найти себѣ мѣсто, чтобъ сейчасъ же зарисовать то, что они видѣли.

Упражненіе очень трудное, нарисовать солидную вещь, разъ увидѣвъ, задача большая. Когда ужъ они сдѣлали, что могли, имъ можно показать еще разъ, въ продолженіи минутъ трехъ; они опять настораживаютъ свое вниманіе. Юноши съ болѣе слабымъ зрѣніемъ приближаются къ выставленному предмету. Предметъ закрывается вновь и они также оживленно бросаются къ своимъ рисункамъ и дополняютъ его. Можно и въ третій разъ показать, тоже на короткій моментъ. Нужно только настаивать, чтобъ ни въ рукахъ, ни передъ глазами ничего не было; рисунокъ перевернутъ лицомъ къ доскѣ стола, карандашъ положенъ, потому

рисунки фигурного и головного класса

что въ это время должны работать только сила впечатлѣнія и сила зрительной памяти, съ исключительной помощью которыхъ они должны передать видѣнное.

Въ этомъ упражненіи кромѣ желанія развить и усилить зрительную память есть еще одна хорошая сторона, пріучить учащагося видѣть и изображать предметъ въ его общемъ, въ его цѣломъ и отъ общаго уже идти къ деталямъ, т. е. въ этомъ общемъ понемногу вырисовывать детали. Учащійся долженъ пріучаться сразу схватывать главное и существенное, а не такъ, какъ это очень долго дѣлаютъ начинающіе и особенно дѣвицы, которыя какъ бы готовы вишивать предметъ по кусочкамъ; вырисовывать глазъ, потомъ носъ, а потомъ, рисуя другой глазъ, не замѣчать, что онъ ничего общаго не имѣетъ съ первымъ глазомъ и отъѣхалъ уже, Богъ знаетъ, куда.

Упражненія рисованія по впѣчатлѣнію задавались неукоснительно по опредѣленнымъ днямъ въ недѣли и въ нихъ принималъ участіе весь наличный составъ учащихся.

Мы прожили въ домѣ Балано до весны 1882 года. Обсудивъ совмѣстно съ Иваномъ Николовичемъ, мы его оставили, найдя тѣснымъ. Была нужда въ подготовительномъ вечернемъ классѣ. Зала, въ которой читалась перспектива, тоже уже не вмѣщала всѣхъ слушателей. Учениковъ все было больше и больше.

Осмотрѣвъ нѣсколько квартиръ, я остановился на одной, близкой къ центру, не далеко отъ нашего городского театра, показалъ ее Ивану Николовичу; онъ одобрилъ, велѣлъ заключить контрактъ на его имя и распорядился уплачивать за помѣщеніе школы черезъ свою контору.

Тутъ я считаю нужнымъ отмѣтить поступленіе одного мальчика, которому съ двумя другими, выступившими позднѣе суждено было играть видную роль въ жизни школы.

Въ началѣ сентября 1883 г., когда болѣе всего поступало и записывалось къ намъ—является дряхлая старушка съ глубоко запавшими глазами и приводитъ мальчика, на видъ лѣтъ восьми, хотя ему было нѣсколько больше.

— „Вотъ привела вамъ мальчика“, говоритъ старушка и говоритъ, сразу впадая въ суровый недовольный тонъ: „я живу въ бѣдномъ домѣ (вѣрнѣе было сказать бы въ домѣ бѣдныхъ), мнѣ его тамъ держать нельзя; если я его буду тамъ передерживать, насъ выгонятъ и я сама лишусь тамъ мѣста“.

— „Что-жъ дѣлать, я не знаю, у насъ не пансіонъ, у насъ только приходящіе“.

— „Какъ знаете, я брошу его у Васъ, мнѣ некуда съ нимъ дѣваться, онъ круглый сирота. Мать умерла, она была замужемъ, это въ документѣ не прописано, они скрыли, но я докажу! я докажу!“

И глаза старушки страшно засверкали: видно, что старушка была изъ характерныхъ.

— „У васъ, я слышала, богатые покровители, они должны принять участіе, что же мнѣ дѣлать, бѣдной старухѣ“...

Говорила это съ такой внушительной претензіей, которая въ ея глазахъ не допускала ни спора, ни возраженія. Я задумался; ея внучекъ показался для меня необычно привлекательнымъ.

— „Какъ его зовутъ?“ спрашиваю.

— „Володя, а по фамиліи Яни“.

При этомъ она подала мнѣ какой-то истрепанный документъ и дѣтскіе рисунки ея внука: были нарисованы какіе-то паровозы съ густымъ дымомъ. Оказывается, они жили около вокзала.

— „Тутъ по документу онъ просто Андреевъ“, говорю я, разглядывая при этомъ его рисунки.

— „Это ничего, я докажу, у меня процесъ. Они все купили, но я докажу“, говоритъ старуха: „да докажу!“ и глаза у бѣдной чуть не свѣтятся. Очевидно въ жизни старухи это самое больное мѣсто.

Посмотрѣлъ я на мальчика: свѣтленькіе, вьющіеся волосики, бѣленькій, синіе глазки, ну, куда его гнать...

— „Оставьте, говорю, посмотримъ“.

Старуха ушла, кажется, не кивнувъ мнѣ даже головою. Я отвелъ мальчика на свою половину въ семью, и желая пресѣчь всякія возраженія заявляю, что Иванъ Николовичъ проситъ принять этого, мальчика и позаботиться о немъ.

У него кромѣ бабушки никого нѣтъ да и та въ домѣ бѣдныхъ. Мальчикъ былъ внимательный, вдумчивый, но характерный и способный по каждому пустяку такъ распѣтушиться, что куда тебѣ. Я лично очень любилъ этого мальчика. Онъ часто захватывалъ книжки старше своего возраста, но я не препятствовалъ этому. Въ извѣстные часы онъ занималъ мѣсто въ школѣ и рисовалъ. Способности ясно опредѣлились. Мальчикъ скоро былъ замѣченъ преподавателями. Такъ жилъ у меня Володя. Своимъ милымъ дѣтскимъ голосомъ пѣлъ очень драматическую пѣсенку, какъ былъ у него товарищъ, точно братъ родной. Ударили тревогу и товарищъ былъ убитъ. Не помню уже словъ, но знаю, что драматическая пѣсня въ исполненіи 8 лѣтняго карапузика вызывала улыбку. Принявъ мальчика, я цѣлый годъ и не докладывалъ Ивану Николовичу, принявъ расходы на себя. Ну, что стоитъ кормить маленькаго мальчика при семьѣ. Но съ появленіемъ другого мальчика, когда пріемышей

стало двое, да кромѣ кормленія пришлось думать о платьѣ, а еще болѣе объ ихъ умственномъ развитіи. Эта задача для меня уже оказалась не по силамъ и доложить Ивану Николовичу было необходимо, что въ слѣдующемъ году было и сдѣлано.

Рис. Дядченко.

Исторія поступленія другого, воспитывавшагося въ моей семьѣ мальчика такая.

Въ зиму 1883 г. Иванъ Николовичъ при разговорѣ со мною говоритъ:

— „Пожалуйста, если къ Вамъ приведутъ мальчика съ карточкой Григорія Павловича Галагана, то примите его. Онъ меня просилъ за какого-то мальчика и я ему обѣщалъ“.

Прошло около года послѣ этого разговора, но никто не являлся.

Между тѣмъ, въ маѣ 1884 г., приходитъ ко мнѣ, какой-то высокій человѣкъ изъ народа и приводитъ съ собой мальчика, своего сына. Неуклюже одѣтый,—это не былъ народный костюмъ, а какой-то испорченный мѣщанскій, пиджакъ и ватное пальто. Мальчикъ съ большой головою, крайне серьезный; лицо немного въ веснушкахъ. Показалъ мнѣ, вытащивъ изъ кармана затасканную тетрадь съ рисунками, которые сразу обратили мое вниманіе. Это не были обыкновенные дѣтскіе рисунки деревенскаго школяра, которые большею частью состоятъ въ срисовываніи съ „Нивы“ и другихъ попадающихся картинокъ; это

„Палитра"
журналъ художественно-
литературный.

были самостоятельные грубые рисунки съ предметовъ натуры: рука, гребешокъ, кусокъ воза, и это съ такимъ чувствомъ рельефа и правильностью отношеній одной части къ другой, что меня сильно заинтересовало... я подумалъ, подумалъ, что мнѣ дѣлать? Отецъ неотступно проситъ и субъектъ для меня крѣпко интересный. Тотъ мальчикъ, котораго я ждалъ и долженъ былъ принять, не явился, явился другой и интересный.—Будь, что будетъ, думаю себѣ—приму.—Говорю:

— „Дядьку, вы грамотный?"

— „Грамотный," отвѣчаетъ онъ.

— „Вы помните можетъ быть, что нибудь изъ священнаго писанія; напримѣръ, помните, какъ Исаакъ благословилъ вмѣсто своего старшаго сына Исава, да подставленнаго матерью Іакова. Я вашего сына принять не могу. Я подобнаго дѣла самъ рѣшать не смѣю; надо мною есть начальство; начальство это Иванъ Николовичъ. Надо, чтобы онъ вмѣсто того мальчика, котораго мы ждемъ и который не явился, утвердилъ принять вашего сына, который явился. Пусть будетъ вашъ сынъ за того мальчика, котораго рѣшено принять; а потомъ, если онъ окажется хорошимъ, то мы ужъ его не выгонимъ, и я самъ доложу Ивану Николовичу, а такъ просто мнѣ запрещено набирать мальчиковъ. Что намъ съ ними дѣлать? Оставьте сына здѣсь и идите къ Ивану Николовичу, доложите, что пришли поблагодарить за пріемъ мальчика. Старайтесь ровно ничего не говоритъ. Иванъ Николовичъ человѣкъ занятый, тоже распространяться съ вами не будетъ;—много, если скажетъ, это тотъ мальчикъ? Вы кланяйтесь и ничего больше. А если начнете распространяться, объясняться, то испортите все дѣло и достанется и мнѣ, и вамъ, потому что у насъ всякихъ безплатныхъ мальчиковъ и такъ уже гораздо больше, чѣмъ нужно".

Я не былъ свидѣтелемъ объясненія, но оно видимо вышло довольно хорошо. Меня ни для какихъ объясненій не потребовали и мальчикъ былъ принятъ. А черезъ мѣсяцъ, я уже могъ показать его работы, которые были далеко не заурядны.

Онъ серьезнѣйше выполнялъ, что ему задавали, а на поляхъ рисовалъ, то, чего отъ него никто не требовалъ и что было выше его возраста. По положенію онъ долженъ былъ изучать геометрическія тѣла; изобразивъ ихъ, онъ тутъ же рисовалъ гипсовую маску и рисовалъ съ такимъ чутьемъ и ловкостью, что хоть бы и ученику головного класса.

Я въ скорости доложилъ Ивану Николовичу, представивъ его какъ очень способнаго мальчика и показалъ его рисунки. Такъ принятъ былъ въ школу

Рис. Костенко.

Григорій Дядченко. Онъ былъ изъ села Кириловки, гдѣ родился Шевченко, и оказался даже въ какомъ то родствѣ съ поэтомъ, что послужило также маленькимъ козыремъ. Иванъ Николовичъ утвердилъ пріемъ и разрѣшилъ расходы на него вписывать въ расходную книгу.

Въ это же время, привела мать (по виду слуга въ среднемъ домѣ или базарная торговка) сына лѣтъ 14 прося принять его приходящимъ безплатно въ школу, такъ какъ онъ не имѣетъ отца а она тоже бѣдная женщина, а мальчикъ страшно любитъ рисовать. Можетъ изъ него выйдетъ человѣкъ когда нибудь и хорошій работникъ. Мальчикъ серьезный, блондинъ былъ принятъ безъ дальнихъ разговоровъ. Это былъ Костенко, который не замедлилъ оказать выдающіяся способности.

Рис. Костенко.

5

Гриша Дядченко съ поступившимъ раньше Володей Андреевымъ и моимъ сыномъ Евгеніемъ, учившимся въ гимназіи, составили тѣсно связанную группу и давали тонъ въ школѣ въ продолженіи нѣсколькихъ послѣдующихъ лѣтъ. Талантливый Костенко явился центромъ другой группы. Это были умные работящіе дѣтки. Они участвовали въ субботнихъ чтеніяхъ, въ спектакляхъ, а еще болѣе проявили бойкую дѣятельность, когда стали издавать журналъ съ литературнымъ текстомъ и богатыми иллюстраціями. Андреевъ, Дядченко и мой сынъ издавали „Палитру"; группа Костенко издавала „Ученикъ". Школьные журналы съ развитіемъ участниковъ и сами развивались. Идея журнала нашла себѣ подражателей въ послѣдующихъ поколѣніяхъ учащихся и изданіе его подъ разными названіями продолжалось все время существованія школы; (журналы эти имѣли писанный текстъ и рисунки—оригиналы).

Около этого времени у насъ начались субботнія вечернія собранія, или, какъ ихъ коротко всѣ называли, „субботы".

Соберутся ученики и ученицы, такъ себѣ, вольно, посидѣть, потолковать, посмотрѣть художественныя изданія, которыя я, въ эти вечера широко предоставлялъ учащимся изъ школьной библіотеки. Всѣмъ полагался чай и бѣлый хлѣбъ и ничего больше. Кто умѣлъ прочесть что либо вслухъ — читалъ, кто могъ спѣть — пѣлъ. Часто случалось, учащіеся приводили своихъ знакомыхъ молодыхъ музыкантовъ и пѣвцовъ и импровизировался цѣлый концертъ.

Вся забота о порядкѣ этихъ собраній всецѣло легла ужъ на мою жену, мою помощницу во всѣхъ моихъ школьныхъ дѣлахъ.

Ел. К. Мурашко. Рис. А. Мурашко.

Благодаря ея такту и умѣнью, у насъ ни малѣйшей исторіи за все время существованія школы не было.

Н. Н. Ге не разъ бывалъ на этихъ собраніяхъ, всегда просиживалъ до конца, съ интересомъ наблюдая шумливую молодежь, переполнявшую классы. Непринужденное общеніе безъ малѣйшей чопорности лицъ, разныхъ возрастовъ и самыхъ противоположныхъ классовъ общества и эта милая готовность принести свои таланты, кому что Богъ послалъ на общую пользу, его очень радовали.

Въ чтеніяхъ зачастую принимали участіе преподаватели, читалъ иногда я самъ. Старались мы даже приглашать со стороны любящихъ искусство и интересующихся школой. Такъ, въ школѣ читали профессора: Павловъ, Мищенко, Сикорскій и другіе. Проф. Мищенко читалъ въ школѣ много разъ. Между прочимъ, 26 марта 1883 г. (въ день 400-лѣтія Рафаэля) Мищенко прочелъ обстоятельную, спеціально Рафаэлю посвященную лекцію. Были выставлены всѣ, имѣвшіеся въ нашемъ распоряженіи снимки съ картинъ Рафаэля.

Осенью 1883 года появилась въ мѣстной газетѣ „Заря“ статья, содержащая нѣсколько холодный отзывъ о нашей школѣ.

Былъ какъ бы упрекъ на недостатокъ метода, недостатокъ системы. Вотъ, дескать, тамъ, не умѣя рисовать, берутся за краски, а дѣвицы просто забавляются. Это было доведено до свѣдѣнія Ивана Николовича, помимо меня. Онъ отнесся къ этому такъ величаво холодно, что не счелъ нужнымъ даже и заговорить со мною по этому поводу. А я былъ задѣтъ и волновался. Нужно знать, что система и методъ преподаванія были для насъ вещи, на которые мы смотрѣли болѣе чѣмъ холодно, я никогда въ это не вѣрилъ, какъ въ нѣчто живое.

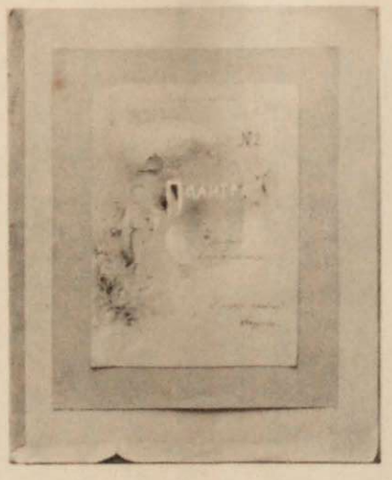
Въ воскресныхъ утреннихъ бесѣдахъ съ Иваномъ Николовичемъ, у насъ выяснялось, что мы должны бояться всякого застоя, и страхъ былъ тотъ, что у насъ уже слишкомъ засѣли прочные и малоподвижные, къ сожалѣнію, методъ и система. Желаніе было, чтобъ каждый свободно развивался, не теряя своей хоть маленькой индивидуальности, развивался согласно своимъ способностямъ, наклонностямъ и возможно менѣе страдалъ отъ ига метода и системы.

Искусство должно давать радость, искусство для того, кто его искренно полюбитъ, должно заставить забывать всякія невзгоды и лишенія; и съ спокойной душою слѣдуетъ знакомить широко со всѣмъ, что есть въ искусствѣ утѣшительнаго и подымающаго. Что тутъ методъ и система! Они, какъ горькая необходимость, непремѣнно у васъ будутъ, когда на вашихъ рукахъ толпа.

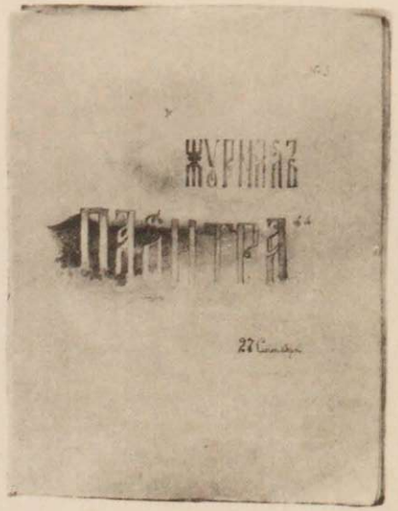
Я заинтересовался тѣмъ лицомъ, которое сдѣлало замѣтку въ газетѣ „Заря", хотѣлъ съ нимъ познакомиться и предложить ему лично ознакомиться со школой. Это сдѣлать оказалось не трудно. Авторъ статьи о школѣ оказался очень милый человѣкъ, помощникъ библіотекаря въ нашемъ университетѣ, Стефанъ Петровичъ Якубовичъ. Написалъ онъ съ чужого голоса и самъ говорилъ потомъ, что ему школа представлялась съ десяткомъ или не больше двумя учащихся и вообще такъ себѣ что-то незначительное; но заглянувъ къ намъ, онъ увидѣлъ цѣлый муравейникъ, гдѣ учились уже сотни юношей, дѣвицъ и дѣтей и все это было въ высшей степени серьезно настроено. Стефанъ Петровичъ кончилъ тѣмъ, что самъ полюбилъ наше учрежденіе и былъ нашимъ несмѣняемымъ чтецомъ на субботахъ. Читалъ онъ больше русскихъ авторовъ и читалъ на рѣдкость умно и выразительно, а Тургенева, котораго, очевидно, любилъ болѣе другихъ, читалъ прямо превосходно.

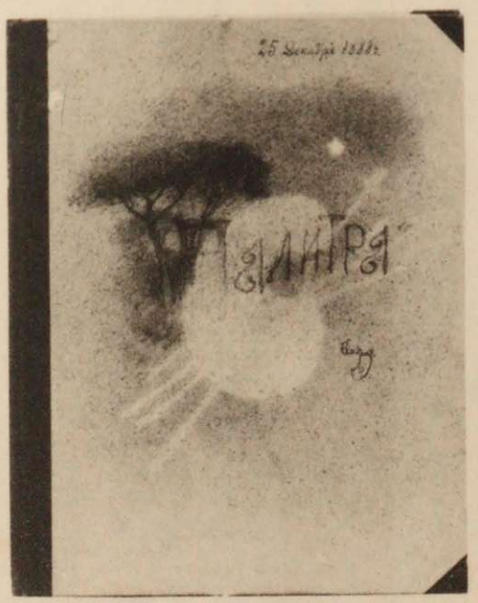
Да и самъ Стефанъ Петровичъ представлялъ изъ себя, можно сказать, тургеневскій типъ: изъ хорошей дворянской семьи, либералъ въ лучшемъ значеніи этого слова; прожилъ въ Германіи лучшіе годы жизни и свое состояніе; слушалъ лекціи извѣстныхъ профессоровъ въ нѣсколькихъ нѣмецкихъ университетахъ; одинокій холостякъ, несмотря на свѣтлые взгляды и широкое образованіе, кончившій жизнь на болѣе чѣмъ скромномъ мѣстѣ помощника библіотекаря университетской библіотеки.

Natur morte составленный Ел. К. Мурашко. Рис. Мендгоъ.



Сборникъ


Журналъ
Палитра


Палитра

26 и 27 февраля 1883 г. устроили самостоятельную школьную выставку изъ работъ учениковъ. Не смотря на скромныя объявленія о ней, ее посѣтило болѣе трехсотъ человѣкъ. Это было веселіе и торжество. Большой подъемъ школьной жизни. Даже моему милому и дорогому хозяину захотѣлось порисовать. Съ 25 февраля Иванъ Николовичъ началъ прибѣгать къ намъ въ школу, именно прибѣгать. Такой живой подвижной былъ Иванъ Николовичъ, что я не нахожу другого слова. У меня въ кабинетѣ усаживался И. Н. и требовалъ себѣ прямо урокъ рисованія. И я теперь горько скорблю, что былъ тогда такой дубиной, что занимаясь съ нимъ, вздумалъ проводить въ преподаваніи обычный школьный путь, который и для спеціально себя посвящающаго искусству и то представляетъ массу сомнѣній о своей пригодности, а я намѣрился имъ повести живого, нервнаго человѣка, крайне занятого, сердце и душа котораго горѣли къ искусству. Я предложилъ Ивану Николовичу нарисовать какой-то орнаментъ изъ гипса.

Иванъ Николовичъ позанимался до Свѣтлаго праздника и бросилъ, подаривъ даже мнѣ всѣ свои принадлежности рисованія, чтобы они и не искушали его. Я виню себя въ томъ, что не съумѣлъ достаточно заинтересовать Ивана Николовича, но отчасти причиной были дѣла, все болѣе и болѣе захватывавшіе вниманіе и время Ивана Николовича.

Только 9 лѣтъ спустя мнѣ представилась возможность вновь лично послужить Ивану Николовичу. Это было въ 1892 г. въ Крыму. Мы рисовали и писали на воздухѣ съ натуры: цвѣты, характерныя крымскія сосны на фонѣ неба или моря, кипарисы, прибрежные камни. Крымскіе пейзажи такъ всѣмъ богаты. Иванъ Николовичъ работалъ съ увлеченіемъ.

Съ какой бы чистой радостью я вспоминалъ эти прожитые вмѣстѣ въ Крыму дни, если бы не горечь воспоминаній, что этимъ днямъ не суждено было уже повториться.

Тяжкій злой недугъ подстерегалъ Ивана Николовича и былъ уже близко.

Рис. И. Ѳ. Селезнева.

Какъ только Адріанъ Викторовичъ Праховъ, проф. исторіи искусствъ Петербургскаго университета появился въ г. Кіевѣ — былъ, нельзя сказать, что увлеченъ, а просто весь захваченъ тѣмъ, что онъ нашелъ у насъ въ Кіевѣ, сначала въ храмѣ св. Софіи, а потомъ въ Кирилловскомъ соборѣ на Куреневкѣ. Все лѣто 1881 года онъ работалъ, привлекая себѣ помощниковъ изъ нашихъ учениковъ и фотографовъ, дѣлалъ снимки съ фресокъ и мозаикъ со стѣнъ собора.

Я былъ лично такъ заинтересованъ и просвѣтленъ имъ на счетъ окружающаго наслѣдія старины; мнѣ открылась сразу такая масса интереса во всемъ этомъ, что мнѣ захотѣлось подѣлиться съ публикой своими мыслями, прочесть что-то въ родѣ публичной лекціи.

Обидно показалось, какъ холодно мы относимся къ предмету, въ которомъ заключается такая масса содержанія и интереса. Но когда я обратился къ

своему ближайшему начальству за разрѣшеніемъ, то оказалось, что не смотря на совершенную безобидность темы, дѣло это совсѣмъ не просто.

Ближайшее начальство въ свою очередь должно было обратиться выше и т. д. Когда я получилъ наконецъ разрѣшеніе, то и время, и настроеніе были совсѣмъ неподходящи. Я уже почти забылъ то, къ чему съ такимъ жаромъ готовился. Такъ все въ моемъ портфелѣ и осталось.

Пр. Праховъ уѣзжалъ на зиму въ Петербургъ, а лѣтомъ 1882 г. уже былъ на лицо въ Кіевѣ. Свое вниманіе онъ перенесъ на Кирилловскій храмъ. Онъ позволилъ себѣ, испросивъ на то разрѣшеніе настоятеля храма, отмыть въ одномъ мѣстѣ штукатурку и былъ пріятно изумленъ, открывъ, что дѣйствительно подъ штукатуркой оказалась старинная фресковая живопись; сначала показалось что то въ родѣ орнамента, а потомъ цѣлое поясное изображеніе ангела. Тутъ ужъ не было никакого сомнѣнія.

Доложено было покойному Императору Александру Александровичу, который, выслушавъ докладъ, выразилъ желаніе, чтобъ храмъ былъ очищенъ отъ штукатурки, и если тамъ ничего не найдутъ, такъ по крайней мѣрѣ не будетъ больше объ этомъ никакихъ и разговоровъ.

Въ 1883 году отпущены были средства и лѣтомъ приступлено было къ очисткѣ храма, открытію фресокъ и ихъ реставраціи. Открытіе превзошло всякія ожиданія. Открыто много и въ художественномъ и въ археологическомъ отношеніи весьма любопытнаго. Открыты фигуры разныхъ святителей, цѣлыя картины и даже нѣсколько весьма интересныхъ надписей. Кирилловскій храмъ, находящійся на окраинѣ Кіева, былъ древній храмъ побѣленный внутри и давно уже привлекалъ къ себѣ вниманіе любителей старины и нашихъ русскихъ историковъ; всѣ задумывались надъ его побѣлкой, всѣмъ казалось, что это не натурально. Судя по времени постройки храма, стѣны должны бы быть украшены фресковой живописью. И это, наконецъ, такъ блестяще оправдалось.

Въ 1883 г. я былъ приглашенъ въ комиссію по реставраціи фресокъ Кирилловскаго собора и заключилъ съ ней условіе, согласно которому обязался своими мастерами подъ руководствомъ проф. Прахова отмывать на стѣнахъ фрески, ихъ реставрировать, а пустыя мѣста заполнить новой живописью, стараясь держаться вкуса и стиля старыхъ изображеній.

Съ весны мы приступили и главнымъ распорядителемъ, мастеромъ у меня былъ, я говорю это съ немалой гордостью, Николай Васильевичъ Глоба, нынѣ директоръ Строгановскаго училища, этого крайне сухого односторонняго учрежденія, которое онъ великолѣпно оживилъ, оживилъ до неузнаваемости.

Съ нимъ работали и другіе, главнымъ образомъ воспитанники школы. Это были чудные юноши, съ которыми мнѣ мало было заботъ. Плата была не дурная: отъ 1 рубля до 12 р. 50 к. за рабочій день. Н. В. Глоба получалъ, конечно, наибольшее вознагражденіе.

Храмъ выстроенъ въ великокняжескую эпоху и въ подражаніе храмамъ св. Софіи и Михайловскому монастырю былъ росписанъ въ томъ же стилѣ. Кто это были, греки или воспитавшіеся возлѣ нихъ славяне, я не знаю. Только ясно, что это живопись того же вида и характера: тѣ-же очерки фигуръ безъ тѣней—стоятъ они какъ-бы духи безтѣлесные; видъ фигуры далекій отъ того реализма, какимъ владѣли до сего язычники-греки въ скульптурѣ и въ живописи. Въ этомъ вся сила Византійскаго искусства, оно даетъ христіанину изображеніе дорогое его сердцу, изображеніе величавое и далекое отъ языческихъ идоловъ.

Но время шло, человѣчество подъ разными вліяніями измѣняло свои вкусы, свои взгляды. Кромѣ того все это потемнѣло, мѣстами поосыпалось и черезъ нѣсколько вѣковъ показалось грубымъ и страннымъ. Я ихъ отлично понимаю, что они взяли да и заштукатурили и забѣлили всѣ фрески. Храмъ вышелъ свѣтлымъ, яснымъ, обновленнымъ. Прошло еще нѣсколько вѣковъ. Любознательному человѣчеству такъ мучительно всегда хочется заглядывать въ прошлое и вотъ рѣшили, эти много вѣковъ тому назадъ сдѣланныя изображенія, открыть.

Фресковая живопись прочна, она впитывается въ штукатурку и съ нею вмѣстѣ каменѣетъ и стерта быть не можетъ, ее только можно сбить со старой штукатуркой, но просто смыть или стереть ее нельзя. Если-бы ее только покрыли новымъ слоемъ штукатурки это было-бы полъ-бѣды, но къ сожалѣнію мѣстами сдѣлали это довольно варварски; что-бы штукатурка приставала, предварительно царапали стѣны. Мы принялись ее отмывать: это не тяжелый трудъ, но кропотливый и требующій много вниманія и терпѣнія; дѣлалось это не съ комфортомъ какимъ либо, а часто на дьявольски неудобныхъ рештовкахъ. Часто молодой человѣкъ сидѣлъ нѣсколько часовъ и совершенно безрезультатно. Изображеніе было навѣрное, но исчезло и вывалилось вмѣстѣ со старинной штукатуркой. За то какое удовольствіе, когда придешь и снизу видишь юношу уже не спокойно отмачивающимъ опредѣленное ему мѣсто, замѣтна какая-то суетливость и нервность.

— „А что г. Отмаръ, есть что нибудь?“

— „Есть!“

— „Что такое?“

— „Да пока драпировка, но добираюсь и до головы“.

Тутъ уже никто не выдерживалъ,— лѣзли къ нему на рештовку собирались даже маленькой группой, нѣкоторые отъ нетерпѣнія начинали помогать товарищу и вдругъ показывается лицо какого нибудь святителя.

Внутренность Кирилловскаго Храма

— „А вѣдь господа кажется интересно? Есть что то величавое“.

— „Ну посмотримъ“...

— „А у васъ, Куринной, что такое?“

— „У меня цѣлая полоса орнаментовъ“...

Идемъ смотрѣть, дѣйствительно не худо: цѣлый орнаментный мотивъ, оригинальный, не заимствованный ни съ Михайловскаго монастыря, ни съ св. Софіи. Все это бережно отмывается, просушивается и покрывается жидкимъ стекломъ; всѣ царапины задѣлываются, закрашиваются въ тонъ предмета.

Много открыто было изображеній, но много оказалось и чистыхъ площадей гдѣ время далеко до нашего появленія уничтожило изображеніе вмѣстѣ съ штукатуркой; иногда въ лицѣ не доставало глаза, уха, иногда была голова, а продолженіе драпировки исчезло; было и такъ, что открывали драпировку, а признаки головы и лица почти не замѣтны, но чутье и юношескіе глаза дѣлали въ этомъ случаѣ большіе подвиги: высматривали и по едва замѣтнымъ точкамъ возстановляли голову. Бывало и такъ, что юноша высмотритъ вдругъ такіе цвѣта и полутоны, что пожалуй только въ нашихъ мозаикахъ въ Софіи можно было что либо подобное высмотрѣть, а отнюдь не въ тѣхъ бѣдныхъ фрескахъ, съ которыми мы имѣли дѣло. Тутъ ужъ выступалъ нашъ профессоръ Адр. Викт., который шутокъ не любилъ.

— „Вы это когда сдѣлали, вчера или сегодня“ — говорить обратившись къ юношѣ пр. Праховъ.

— „Да я ужъ нѣсколько дней это дѣлаю!“

— „Сотрите! Это никуда не годится; это вы дурно высмотрѣли, испортили голову, смойте сейчасъ же все“.

И все смывалось...

На столбахъ, опорахъ храма были фигуры женскія и мужскія, а на простѣнкахъ цѣлыя картины. Въ правомъ маломъ алтарѣ картина и подъ нею даже сохранилась надпись: „Св. Кириллъ поучаетъ еретиковъ“. Въ большомъ алтарѣ расположена евхаристія и подъ нею святители на подобіе, какъ въ нашихъ двухъ древнѣйшихъ храмахъ. Не мнѣ говорить о значеніи и разбирать все это; мы дали большой матеріалъ для археологовъ и ученыхъ.

Всецѣло на мнѣ лежала забота о томъ, чтобы мои помощники своевременно получали свое вознагражденіе. Забота эта отнимала массу времени и энергіи. Нужно было ухаживать за городскимъ архитекторомъ, чтобы не забывалъ присылать своего помощника промѣрять сдѣланную работу, которую проф. Праховъ найдетъ удовлетворительною, ухаживать за этимъ помощникомъ, который всегда ужасно занятъ, всегда ему страшно некогда и для котораго мы были просто, такъ людишки какіе-то. Это былъ человѣчекъ,

какъ клопъ маленькій, а самомнѣнія хоть отбавляй. Мы его не дурно казалось благодарили за безпокойство, но это его смягчало мало. Но такъ или иначе, онъ промѣрялъ, докладывалъ своему патрону и актъ составлялся. Я везу его къ дѣлопроизводителю. Дѣлопроизводитель, что дьякъ въ приказахъ посѣдѣлый, онъ къ намъ былъ хотя и не суровъ, но сухъ и молчаливъ.

— „Михаилъ Игнатьевичъ, вы пошлете эту бумагу къ предсѣдателю?"

— „Какъ? вы думаете сегодня?"— говоритъ Михаилъ Игнатьичъ и дѣлаетъ большіе глаза.

— „А почему бы и не сегодня? Вѣдь послѣ завтра суббота: мнѣ нужно дѣлать расчетъ съ ребятами".

— „Что вы, что вы, такъ нельзя. Оставьте бумагу, пошлемъ".

— „Пожалуйста, Михаилъ Игнатьевичъ, пошлите."

— „Хорошо, пошлемъ!"

Уходя нужно просить сторожа курьера.

— „Пожалуйста Макаръ, милый человѣкъ, тамъ бумага къ предсѣдателю; ты присмотри, да первымъ долгомъ обработай;—монета ему въ руки.

— „Хорошо баринъ, я знаю, это мы на одной ногѣ сдѣлаемъ".

Ну, тутъ ужъ нужно терпѣніе и терпѣніе. Дѣло не только къ этой субботѣ не будетъ сдѣлано, но, дай Богъ, хотя бы къ той субботѣ. Люди съ капиталомъ относятся къ подобнымъ вещамъ совершенно спокойно. Дѣло по дѣлу, а судъ по формѣ, говорятъ они, но для насъ бѣдняковъ это цѣлое горе.

Спустя три-четыре дня ѣду съ окраины въ городъ, являюсь къ дѣлопроизводителю;

— „А что наша бумага?"

— „Отослалъ къ подписи, но еще не получили".

— „А когда получите?"

— „Можетъ быть завтра".

Пріѣзжаю завтра.

— „А что, Мих. Игнатьевичъ, какъ дѣла?"

— „Да еще нѣтъ!.."

— „Эка досада, ну что ему стоитъ подписать и прислать; вѣдь это дѣло одной минуты".

— „Гмъ! Это вы такъ думаете, вѣдь ваше дѣло не одно у него".

— „Такъ что-жъ тутъ дѣлать?"

— „Если завтра не пришлетъ, то мы уже пошлемъ къ нему,"— говоритъ почтенный дѣлопроизводитель.

— „Значитъ я явлюсь къ вамъ не завтра, а послѣзавтра".

— „Да, да, такъ вѣрнѣе будетъ!“

Являюсь послѣ завтра.

— „Какъ дѣла?“

— „Представьте присланы бумаги, а вашей нѣтъ“.

— „Почему?!!“

— „А кто же его знаетъ почему“.

— „Что же мнѣ дѣлать,“—говорю я съ вытянувшимся лицомъ“.

— „Не знаю, подождите немного“.

— „Да ждать я не могу, онъ можетъ заложилъ гдѣ нибудь бумагу, да и забылъ о ней. Какъ же тутъ ждать?“

Тутъ сидитъ великоросъ, подрядчикъ, церковный строитель; я къ нему.

— „Вотъ батенька, каковы дѣла, вторая суббота набѣгаетъ, а я расчета съ своими ребятками сдѣлать не могу“.

— „Что дѣлать, бываетъ“—говоритъ степенный подрядчикъ.

— „Я сбѣгу! Мнѣ просто нельзя показаться въ артели“.

— „Нѣтъ! Этого ты не дѣлай, это послѣднее дѣло“—говоритъ мой серьезный и симпатичный собесѣдникъ.

— „Ну, а какъ же быть то?“

— „Да такъ, что же дѣлать, бываетъ“.

— „Да вѣдь мы всѣ безъ гроша!“

— „Ну что-жъ, ты такъ и скажи, что ты самъ сидишь не солоно хлебавши“.

— „Да вы поѣзжайте сами къ предсѣдателю, говоритъ сжалившійся надъ моей растерянностью Мих. Игн.—Можетъ онъ вамъ и дастъ бумагу“.

— „Вотъ благодарю васъ за совѣтъ, дерну я самъ къ предсѣдателю,— говорю я повеселѣвъ.

— „Поѣзжайте“.

Ѣду, пріѣзжаю, спрашиваю:

— „Дома?“

— „Нѣту, ушли!“

— „Когда же будутъ?“

— „Зайдите часа черезъ два“.

Захожу часа черезъ два“.

— „Дома?“

— „Дома, да у нихъ теперь засѣданіе, не принимаютъ никого“.

— „Что же тутъ дѣлать? Мнѣ такъ нужно его видѣть“.

— „Зайдите завтра, да пораньше вотъ и будетъ дѣло“.

— „Ну, спасибо за совѣтъ, я зайду завтра“.

Отправляюсь къ себѣ за городъ. Утромъ спѣшу къ предсѣдателю, говорятъ:

— „Подождите, баринъ только что вставать изволитъ“.

— „Хорошо, подождемъ“.

Всталъ мой предсѣдатель веселый, здоровый.

— „Что вамъ угодно, нашъ художникъ знаменитый?

— „Да у васъ наша бумага о Кирилловскомъ; вы, вѣроятно, уже просмотрѣли и подписали“.

— „Да неужели она у меня?“

— „Михаилъ Игнатьевичъ говоритъ, что у васъ“.

— „Ну, тогда поищемъ. Да что же вы стоите? Ну, а какъ вамъ кажется эта картина, это у насъ фамильная,“ — спрашиваетъ предсѣдатель, показывая какую-то черную заслонку.

— „Да, кажется, не худо, говорю я. Это что-то итальянское“.

— „Да, это Болонской школы, мнѣ ее очень высоко цѣнили“.

— „Да, очень можетъ быть“, — говорю я уклончиво, потому что чертъ его знаетъ, что оно такое: въ корридорахъ, въ канцеляріяхъ каждаго музея я столько уже видѣлъ этой третьестепенной дребедени, что даже противно.

— „А что если продать эту вещь, какъ вы думаете, что за нее можно взять? Вы тамъ вращаетесь въ разныхъ сферахъ...“

Это значитъ на счетъ Ивана Николовича, думаю я. Эта исторія меня вѣчно преслѣдуетъ. Я въ такихъ случаяхъ стараюсь какъ можно скорѣе увильнуть.

— „Нѣтъ, тотъ, которому бы я могъ бы это рекомендовать, старыхъ вещей не покупаетъ, онъ покупаетъ только новую русскую школу. А это вы къ Богдану Ивановичу Ханенко обратитесь, тотъ у насъ знатокъ и покупаетъ „старыхъ мастеровъ.“

— „Ну, а Александръ Николовичъ?“

— „Можно и къ Александру Николовичу, этотъ даже денежнѣе.“

— „Это вы хорошо говорите, надо къ нему обратиться; а вы не могли-бы въ этомъ случаѣ мнѣ посодѣйствовать?“

— „Такъ, при случаѣ, отчего-же, можно“.

— „Пожалуйста!.. Но гдѣ-же ваша бумага?“

Наконецъ, въ ворохѣ всякихъ бумагъ и документовъ отыскивается и нашъ актъ, тутъ-же, почти не глядя, подписывается и вручается. Я разсыпаюсь въ благодарностяхъ и, полный удовольствія, не ухожу, а улетаю.

Скорѣй къ Мих. Игнат.

— „Вотъ бумага есть“, — говорю я торжествующимъ тономъ.

— „Ну, надо теперь, чтобъ члены подписали“.

— „Какъ же это сдѣлать?“

— „А это Макаръ разнесетъ, они и подпишутъ“...

Ну, теперь, значитъ, все дѣло въ рукахъ Макара.

— „Макаръ, милый Макаръ, любезнѣйшій, почтеннѣйшій Макаръ! Вы это разнесете?“

— „Да они, баринъ, въ разныхъ концахъ города“.

— „Ну, что-жъ, вотъ вамъ на извощика! Хорошо?“

— „Ну, да ужъ, ладно, обработаемъ“.

— „Ну, смотрите-же; значитъ, до завтра?“

— „Такъ точно, къ завтрему все оборудуемъ...

Завтра являюсь.—„Ну, что, Макаръ, какъ дѣла?“

— „Двое подписали, а третій на дачѣ!“

— „Что же вамъ сказали?“

— „Да говорятъ, Богъ его знаетъ, когда онъ пріѣдетъ съ дачи; онъ только въ субботу уѣхалъ!..“

— „Такъ знаете что, качайте вы сегодня послѣ присутствія къ нему на дачу“.

— „Да, выходитъ, такъ надо сдѣлать. Мих. Игнат. тоже говорили“.

— „Такъ пожалуйста, Макаръ, сдѣлай“.

— „Да, ужъ на подметки съ васъ будетъ, сдѣлаемъ“.

— „Получишь и на цѣлые сапоги, только дѣйствуй. Вотъ тебѣ на билетъ и пожалуйста поѣзжай“.

— „Сдѣлаемъ. Ужъ я его розыщу тамъ непремѣнно.“

— „Значитъ, до завтра...“

Наконецъ всѣ подписи добыты.

— „Ну, теперь ужъ вы, Мих. Игн., не зарѣжьте“,—говорю я въ присутствіи своему дѣлопроизводителю.—„Готовьте ассигновки; сколько нужно времени для этого?“

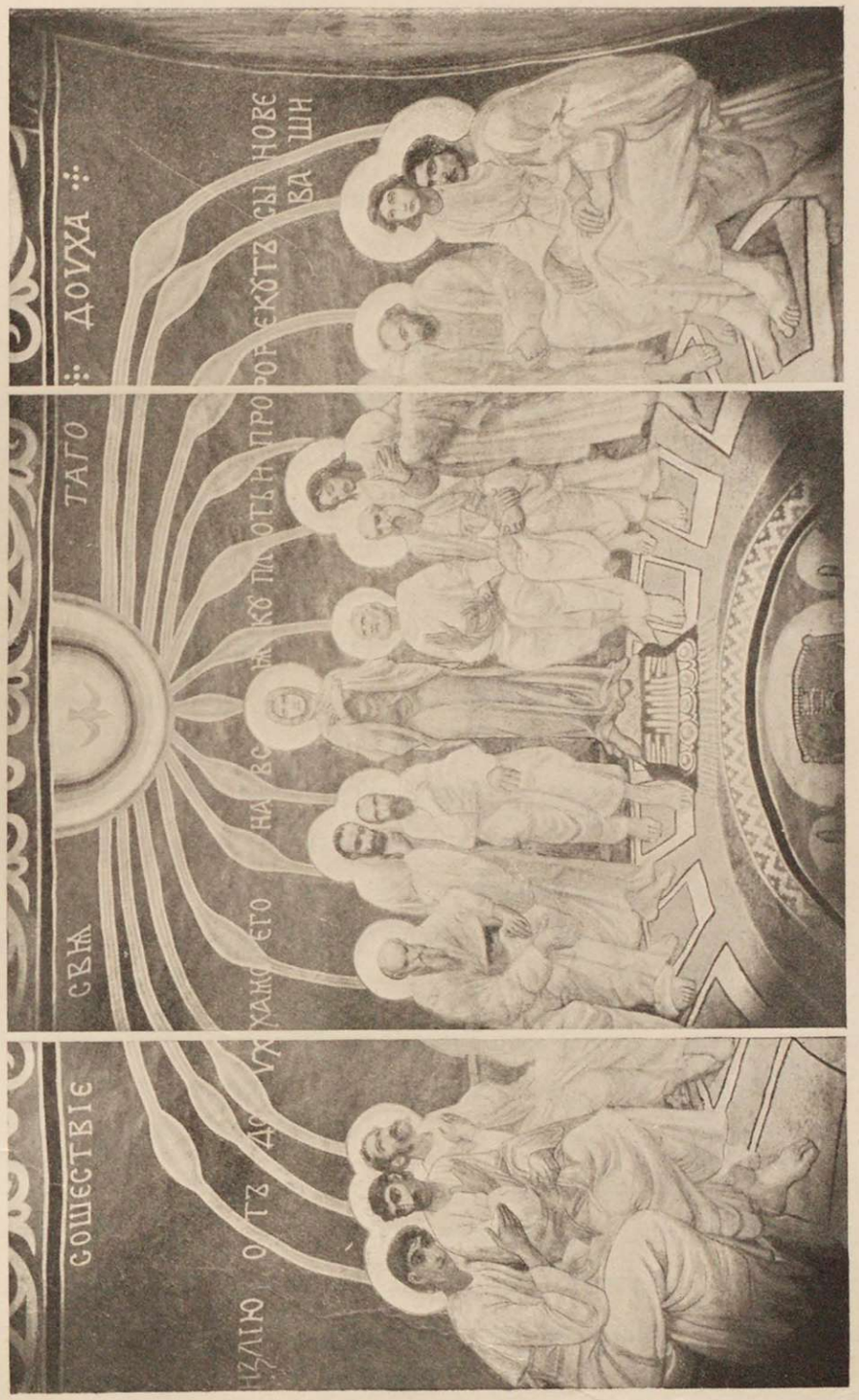
— „Въ одинъ день этого нельзя сдѣлать. Экъ вы художники! Ничего вы этого не понимаете. Мы завтра напишемъ, ихъ подпишутъ,—отошлемъ въ казначейство, а тамъ вы пожалуйте за талономъ.

— „Значитъ, три цѣлыхъ дня еще терпѣть. Ну, ничего; все таки теперь по крайней мѣрѣ все уже ясно, дѣло, можно сказать, въ рукахъ“.

Не сладко это, но бывали случаи и хуже, когда все сдѣлано, все подготовлено, и вдругъ оказывается, что одинъ изъ вліятельныхъ членовъ, никому

ничего не сдавъ, не сказавъ, уѣхалъ въ Петербургъ. Тутъ даже невозмутимый Мих. Игн. иногда возмущался и руками разводилъ—и говорилъ:

— „Ну, уѣзжаешь, скажи хоть слово, мы бы знали, что дѣлать, а то такъ уѣхать и оставить цѣлый рядъ серьезныхъ дѣлъ безъ вниманія“...



Сошествіе Св. Духа. Рис. Врубель.

Однимъ словомъ, я долженъ былъ глубоко почувствовать, что хожденіе по дѣламъ у насъ для не спеціалиста, для художника, это довольно каторжная штука и къ этому нужно воспитаться и приготовиться. Но къ чему человѣкъ не привыкаетъ! Потомъ я втянулся и дѣйствовалъ, какъ заправскій подрядчикъ.

Рис. М. А. Врубель.

Во второмъ рабочемъ сезонѣ Н. В. Глоба не появился, его замѣнилъ Михаилъ Александровичъ Врубель — молодой, или, вѣрнѣе сказать, моложавый человѣкъ, съ свѣтлымъ пушкомъ на мѣстѣ усовъ и бороды, средняго здоровья, даже немножко безцвѣтный лицомъ. Одѣтый небогато, съ темносѣрымъ маленькимъ брилькомъ на головѣ, Михаилъ Александровичъ не производилъ внушительнаго впечатлѣнія, но его прекрасная петербургская, литературная рѣчь, его интеллигентность и умъ скоро заставляли обратить на него вниманіе. При моей попыткѣ съ нимъ поторговаться на счетъ платы (онъ, дескать, такой молодой еще и я его не знаю, чтобъ сразу платить ему столько же, сколько я платилъ Н. В. Глобѣ).

— „Я не такъ уже молодъ, возразилъ онъ, я отбылъ уже воинскую повинность, потомъ могу сказать, что я не дурно рисую и у меня талантъ композиціи“.

Такая прямота мнѣ показалась чуть-чуть забавною, но его серьезный видъ при этомъ заставилъ меня задуматься и принять безъ дальнѣйшаго спора его предложеніе, тѣмъ болѣе, что мы контракта съ нимъ не заключали.

Михаилъ Александровичъ жилъ у меня, по вечерамъ онъ очень мило пѣлъ, имѣлъ слухъ и пріятный голосъ. Театръ онъ, повидимому, очень любилъ. Сужденія его по искусству, вообще, были полны глубокаго пониманія. Михаилъ Александровичъ очень всѣхъ къ себѣ располагалъ и внушилъ уваженіе къ себѣ всей маленькой артели, работающей подъ его ближайшимъ контролемъ, удивительно умѣлъ всегда защищать ея интересы, не задѣвая моихъ

интересовъ, какъ хозяина. Какъ истинно интеллигентный человѣкъ, уважая себя, онъ уважалъ даже самаго маленькаго члена нашей артели. Изучивъ всѣхъ своихъ помощниковъ и всѣмъ давъ посильное дѣло, онъ сразу приступилъ къ изображенію на стѣнѣ громадной картины: „Сошествіе Св. Духа“. У него не было никакого сколько нибудь выясненнаго эскиза, были только небольшіе клочки детальныхъ замѣтокъ руки, ноги или небольшого куска драпировки. Картина какъ то у него цѣльною сложилась въ головѣ и въ очень близкомъ стилѣ, въ которомъ обработанъ весь храмъ. Только безъ той шаблонности и художественной малограмотности, съ которой дѣйствовали предшественники.

Работалъ Михаилъ Александровичъ ее около трехъ мѣсяцевъ. Для такой большущей картины (фигуры всѣ въ полную натуру) это времени не много. А онъ еще долженъ былъ, какъ главный дирижеръ въ росписи храма, постоянно отвлекаться отъ своего труда, одному замѣтить, а другому и собственноручно поправить.

Вечеръ проводили мирно въ моей семьѣ. Какъ будто сейчасъ я вижу предъ собою балконъ; кругомъ брошенный запущенный старый садъ. За чайнымъ столомъ нѣсколько молодыхъ людей, группа дѣтей. Михаилъ Александровичъ весело, мило шутилъ со всѣми и отправлялся къ себѣ въ мезонинъ. Въ открытыя окна мы слышали: или „Ночи безумныя“, или „Благословляю васъ, лѣса“ — популярные романсы того времени. Каждое время имѣетъ свои пѣсни. Часто пѣли еще пѣсню, гдѣ были слова: „А изъ рощи, рощи темной пѣснь любви несется“.

Рис. М. А. Врубель.

Хорошо жилось въ то время, всѣ были молоды, полны силъ и не думали, какъ ужасно жизнь себя покажетъ нѣкоторымъ изъ насъ и хоть бы тому же бѣдному Врубелю.

На утро мы къ шести часамъ уже были въ храмѣ, и такъ изо-дня въ день до субботы, когда дѣлался расчетъ, и мы въ смакъ отдыхали.

Глубокой осенью 1884 г. уже съ Кирилловскимъ храмомъ было все покончено. Тутъ я не могу не припомнить маленькій эпизодъ, имѣющій нѣкоторый интересъ для біографа Врубеля.

Никто такъ невнимательно и небрежно не относится къ деньгамъ, какъ нѣкоторые изъ артистовъ. Къ такимъ принадлежалъ и М. А. Врубель.

Проработавъ лѣто 1884 года, къ концу осени онъ уже былъ довольно въ безденежномъ положеніи.

Заинтересовавшись въ Шато маленькимъ семействомъ англичанъ, состоявшимъ изъ двухъ сестеръ, маленькаго ихъ брата и отца, Михаилъ Александровичъ ежедневно тамъ бывалъ. Всѣ члены семьи выступали на сценѣ. Одной изъ сестеръ Мих. Ал. серьезно заинтересовался.

Отрекомендованный какъ артистъ, М. А. пользовался безплатнымъ входомъ. Въ семьѣ англичанъ относились къ нему, вѣроятно, хотя безъ особенной нѣжности, но дружелюбно. Что такое бѣдный артистъ для дѣльцовъ кафешантана? Бѣдный М. А. торчалъ тамъ цѣлыми днями и вечерами; его предметъ вдругъ на глазахъ куда то исчезалъ и тутъ его занималъ отецъ. Съ грустной улыбкой разсказывалъ объ этомъ самъ М. Ал. Предметъ появлялся, какъ и исчезалъ, безъ всякихъ объясненій.

Это увлеченіе длилось не долго, артисты Шато перекочевали куда то въ другое мѣсто. У Мих. Ал. мелькнула даже мысль сопровождать ихъ, но эта мысль, къ счастью, не была крѣпка.

Скоро онъ получилъ заказъ на мѣстные образа въ Кирилловскій храмъ и уѣхалъ исполнять ихъ въ Венецію.

Я не лишнимъ считаю сказать нѣсколько словъ и о другихъ мастерахъ. Былъ у насъ съ сѣвера еще одинъ мастерёкъ Михаилъ Сергѣичъ Климановъ. Онъ такъ набилъ руку въ старомъ стилѣ, что у него такъ и лилось: сухо, шаблонно, условно, но чистота и ловкость линій при этомъ большая, просто это какъ будто мастеръ не девятнадцатаго вѣка, а прямо вставшій изъ гроба съ 12 вѣка; и самыя его выраженія: „сурмить“, „тра̀вить“, „вохрить“, „въ прозелень пускать“, „прорѣси дѣлать“, все это выраженія не наши.

Работа Климанова цѣликомъ подходила подъ стиль 12 вѣка. Другое дѣло рядомъ съ нимъ работавшій Н. К. Пимоненко. Этотъ какъ ни старался, а все у него было тяготѣніе къ XVI вѣку италіанскаго искусства, и ни какъ онъ отъ этого отдѣлаться не могъ. Тутъ выручалъ насъ умница Врубель; казалось бы почему не Климановъ, который постигалъ такъ стиль 12 вѣка,

но съ Климановымъ совѣтъ былъ совершенно невозможенъ. Его художественной грамоты хватало только лично для него; онъ ни надъ чѣмъ не задумывался, каталъ по разъ навсегда усвоенному образцу: сидитъ фигура— складки идутъ округленно уже принятыми чертами. Стоитъ, онѣ идутъ просто по фигурѣ, по росту. О рельефѣ, о натурализмѣ, о безконечномъ разнообразіи складокъ—тутъ нѣтъ и рѣчи. Мастеръ характера Пимоненко не прочь посмотрѣть складки по натурѣ или бросить хоть и на манекенѣ, посмотрѣть, какъ это ложится, какъ освѣщается. Для Климанова же это смерть; это ему совершенно не нужно. Онъ разъ навсегда заучилъ и композицію, и всѣ детали, и ворочаетъ себѣ, ничтоже смутяся.

Въ храмѣ Климанову принадлежатъ двѣ большихъ настѣнныхъ картины изъ жизни Богородицы; по своему, онѣ очень интересны.

Пріѣхалъ въ Кіевъ Иванъ Федоровичъ Селезневъ, когда-то подготовленный мною лично прямо въ Академію Художествъ, а теперь только что ее окончившій и направлявшійся на казенный счетъ заграницу. Проф. Прахову захотѣлось дать ему дѣло и ему достался очень аппетитный кусокъ: росписать главный куполъ и лежащій ниже барабанъ. Это меня, какъ подрядчика, очень подрѣзало, но Иванъ Федоровичъ такой милый человѣкъ, какъ не подѣлиться съ нимъ; о моихъ правахъ даже рѣчи не было. Ив. Ф. по части технической пользовался нашей опытностью; ему терли краску и ему прислуживали мои люди.

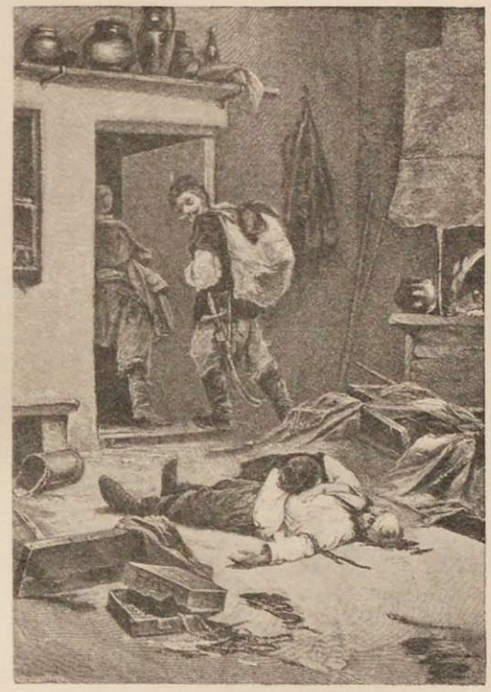


Рис. И. И. Ижакевичъ.

Къ работѣ своей Ив. Ф. отнесся очень любовно, и сдѣлалъ свое дѣло, насколько могъ, хорошо.

Ужасно исковерканная площадь старой окаменѣвшей штукатурки ему страшно мѣшала, а лицо Христа, кажется, его просто измучило, оно пришлось прямо на какой-то кривой поверхности. Крещеніе Іисуса Христа написано А. П. Платоновымъ.

Изъ учившихся въ школѣ юношей, работавшихъ въ Кирилловскомъ, назову: Отмара, Куриного, Ижакевича, Егоричева. Мальчиками пробовали свои силы Костенко и, кажется, Замирайло. Исключая Костенко, который такъ много обѣщалъ и такъ преждевременно умеръ, всѣ они представляютъ очень почтенныхъ работниковъ на нивѣ искусства.

Ижакевичъ оказался очень талантливымъ иллюстраторомъ и, вообще, прекраснымъ художникомъ. Весьма привлекательныя его работы у насъ въ Кіево-Печерской Лаврѣ. Способный человѣкъ былъ и хорошо работалъ, землякъ нашъ изъ Глухова, Отмаръ, а рядомъ съ нимъ отдѣлывалъ по угламъ ангеловъ Сам. Гайдукъ и такіе румянцы имъ разводилъ, писалъ, вообще, такъ ярко, что мы его съ трудомъ помѣщать могли. Адріану Викторовичу, не обратившему достаточно вниманія на условность его красокъ, показалось, что онъ открылъ въ Гайдукѣ особеннаго колориста. По протекціи Ад. Викторовича Гайдуку помогли даже побывать за границей. Пользуясь пребываніемъ М. А. Врубеля въ Венеціи, отправили съ какой-то случайно ѣхавшей семьей и Гайдука туда же. Но изъ этого ничего не вышло.

Скажу съ грустью, что Высшему Распорядителю судебъ не угодно было намъ доставить великое счастье воспитать звѣзду первой величины: выходили всё звѣздочки; правда, иногда были случаи блестящаго загоранія, ослѣпительно блестящаго, какъ, напримѣръ, Костенко, вслѣдъ за окончаніемъ школы написавшій картину, имѣвшую успѣхъ въ Парижскомъ Салонѣ. Но почему-то вдругъ трагически все это погасало и умирало.

Рис. И. И. Ижакевичъ.

Для характеристики прошлаго и, вообще, человѣческихъ слабостей я долженъ упомянуть, что при окончательномъ расчетѣ за Кирилловское была часть моихъ денегъ удержана; и дѣлопроизводитель мнѣ сказалъ, что это такъ всегда дѣлается.

— „Можетъ оказаться какая нибудь трещина въ ближайшее время. Кого же намъ приглашать, какъ не Васъ, и на какія средства, а пройдетъ не много времени и мы вамъ все это выдадимъ. Такъ, что вы смотрите на эти деньги, какъ у Васъ въ карманѣ: на нихъ такъ, ни съ того, ни съ сего никто посягательства не сдѣлаетъ“.

Я, прождавъ цѣлый годъ, явился получить свои деньги. Но объ нихъ уже забыли.

— „Какія это деньги, для чего задержаны?“ Оказалось, что нужно еще навести какія то справки. Мнѣ пришлось безсчетное число разъ объ этомъ

навѣдываться и въ концѣ концовъ мнѣ показали росписку, что явились трещины, матовыя пятна, ихъ исправили и деньги мои сполна получилъ кто то; какъ я ни пѣтушился, чуть не кричалъ въ присутствіи, что я былъ на лицо, никуда не выѣзжалъ; кто же смѣлъ, не давъ мнѣ знать, выводитъ тамъ какія то матовыя пятна, что въ сущности представляетъ минутное дѣло—ихъ исправить. На мой счетъ ставить мастера, не предупредивъ меня—это дико и странно!

Всѣ только подымали брови и разводили руками. Въ дѣлѣ бумага то есть, а кто и когда это распорядился, никто не знаетъ, а кто и знаетъ, то помалкиваетъ.

Два года мы работали, много потрачено труда и знаній. Когда святили соборъ, чиновники какіе то праздновали, говорили рѣчи, но рѣшительно ни о комъ изъ насъ не вспомнили. Удивляться тутъ нечему. Мы люди маленькіе, но точно то же было съ человѣкомъ покрупнѣе насъ. Когда открыли и освящали памятникъ Богдану Хмѣльницкому, то о талантливѣйшемъ творцѣ его Микѣшинѣ тоже забыли. Онъ писалъ тогда въ „Новомъ Времени:“ „Сижу, и слезы капаютъ на бумагу. Ни одинъ памятникъ мнѣ такъ дорого нравственно и матеріально не стоилъ, какъ этотъ, и никто не потрудился извѣстить меня объ его освященіи“.

Мы не плакали, но вздохнули узнавъ какъ *смачно* и сколько тамъ было выпито и съѣдено.

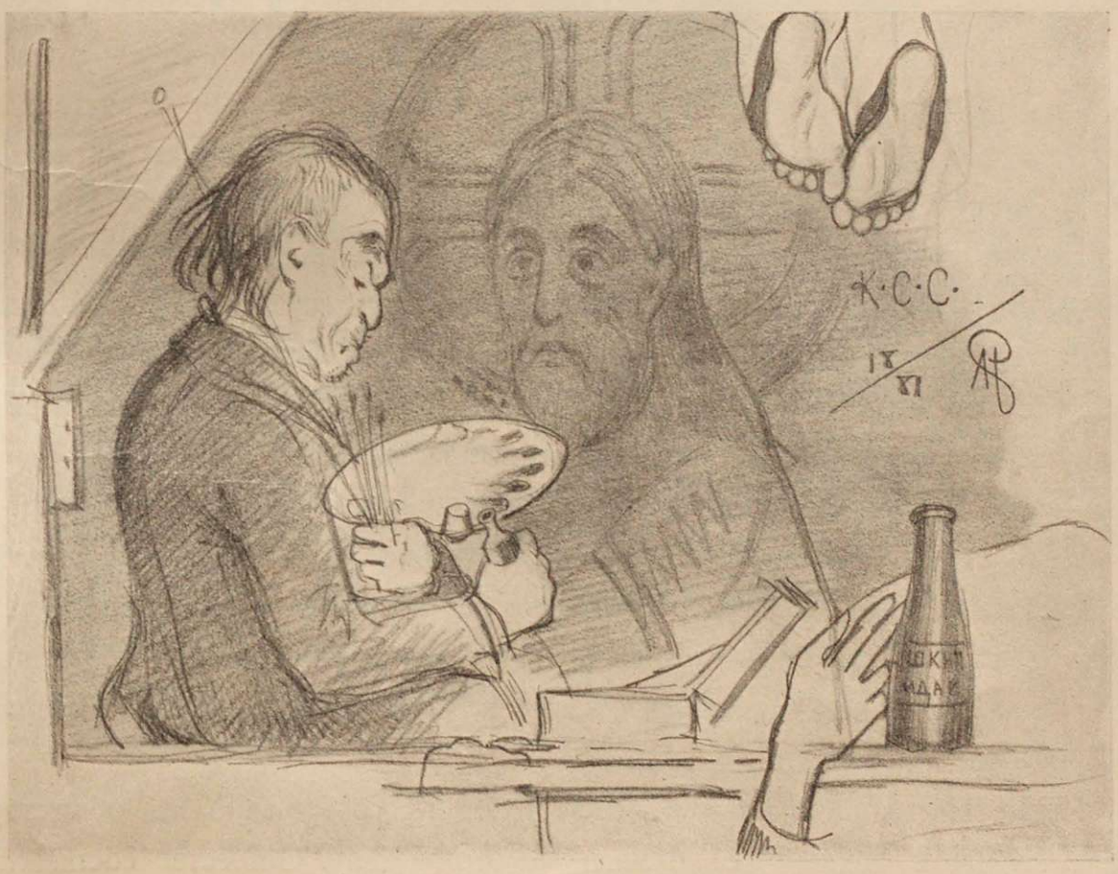


Рис. А. В. Прахова.

Въ 1883 году Иванъ Николовичъ сильно хлопоталъ, чтобы составить у насъ общество поощренія искусствъ. Содѣйствіемъ многихъ почтенныхъ и денежныхъ членовъ уже онъ заручился. У меня въ дѣлахъ школы есть подписной листъ, гдѣ подписались такіе почтенные граждане Кіева, какъ Галаганъ, Ригельманъ, Тарновскіе, Репнинъ, Бродскіе, Бунге и другіе; конечно, на первомъ мѣстѣ представители семьи Терещенко. Много работали надъ уставомъ и выработали проэктъ его; но все это вдругъ пошло какъ то въ сторону.

Когда зашла рѣчь о предсѣдателѣ общества, то, казалось, тутъ не могло быть никакихъ особыхъ разсужденій: предсѣдателемъ долженъ быть Ив. Ник., главный жертвователь и творецъ всего этого дѣла, всей душой ему преданный. И вдругъ выбрали ни къ селу, ни къ городу какую то барыню, аристократку, правда, молодую и красивую, но „что ей Гекуба и она Гекубѣ". Избраніе это меня крайне непріятно удивило и когда я заявилъ объ этомъ Ивану Николовичу, онъ добродушно отвѣтилъ мнѣ:

— „N. N. Моя хорошая пріятельница и я ничего противъ не имѣю".

Я въ этомъ обществѣ ни ногой не былъ; я могъ претендовать на избраніе меня въ члены и помимо моего заявленія, какъ неусыпнаго работника въ этомъ дѣлѣ, которое ихъ главнымъ образомъ должно было интересовать. Но я былъ большимъ чудакомъ, если такъ думалъ: они избрали Генералъ-Губернатора, Митрополита и т. д.

Иванъ Николовичъ видимо тоже охладѣлъ совершенно къ обществу и сдалъ въ нашъ архивъ всѣ бумаги по этому дѣлу. Общество составилось,

чѣмъ то занялось, оно кого то и что-то поощряло, но намъ лично отъ этого общества не было ни тепло, ни холодно. Кое-какъ просуществовавъ года четыре—пять, общество, собственно говоря, прекратило свое существованіе, потому что измѣнило свой уставъ и задалось другими цѣлями, превратившись въ общество древностей и искусствъ, гдѣ исторія и археологія были на первомъ мѣстѣ. Предсѣдателемъ былъ избранъ именно тотъ, кому и слѣдуетъ быть главой такого общества, Богданъ Ивановичъ Ханенко.

Очень виднымъ событіемъ 1884 года была выставка картинъ И. К. Айвазовскаго, устроенная въ залѣ Университета въ концѣ января.

И. К. вступилъ со мною въ переписку и, когда получено было мною разрѣшеніе воспользоваться университетскимъ заломъ, пріѣхалъ одинъ изъ родственниковъ Айвазовскаго и художникъ Феслеръ съ транспортомъ картинъ Айвазовскаго. Совмѣстно съ пріѣхавшими мы устроили довольно богатую выставку, имѣвшую успѣхъ.

Художникъ Феслеръ, уже пожилой человѣкъ, часто посѣщалъ школу и однажды выразилъ желаніе въ виду учениковъ написать картину. Это дѣлалъ его патронъ иногда съ немалымъ эфектомъ. Г. Феслеръ массу копировалъ картинъ Айвазовскаго, чѣмъ собственно и жилъ, былъ его подражателемъ и вотъ хотѣлъ и этотъ tour de force показать намъ. И дѣйствительно показалъ. Это были первые дни маслянной.

Съ картины И. К. Айвазовскаго.

Милый, привѣтливый, симпатичный старичекъ показалъ намъ кисти и свою палитру. Холстъ въ 12, 8 вершковъ былъ приготовленъ; онъ усѣлся около 10 часовъ утра и началъ намъ изображать ночь на морѣ, луну, и конечно лучъ отъ нея на водѣ, и мирно плывущій корабль. Но въ началѣ 12 часа у хозяйки были на столѣ блины, которые отлагательства не терпятъ и мы должны были отправится закусить: что мы и сдѣлали довольно основательно.

Не смотря на такой перерывъ въ 1 часъ съ минутами картина была совершенно готова, къ восторгу всей школы.

У Иван. Конст. еще быстрѣй это выходило. Что можно сказать на это? Зри, но сему не подражай; ибо это важно не для художественнаго исполненія,

а для фабричнаго производства. Въ Вѣнѣ да и вообще заграницей, уже есть цѣлыя мастерскія, которыя изловчаются катать по нѣсколько швейцарскихъ видовъ въ одинъ день.

Добрый и честный Феслеръ, окончивъ свой трудъ, сказалъ, что это его шутка, а что онъ къ этой картинѣ напишетъ у себя дома en pendant. Сѣрый день и волнующееся море и что это будетъ нѣчто иное. Многое въ волнахъ моря наблюдалось имъ самимъ и изображается нѣсколько иначе чѣмъ у Ив. Конст. И дѣйствительно сдѣланная на дому картинка, хотя дѣлана была урывками, заняла почти три недѣли и представляла изъ себя уже совсѣмъ другой интересъ. Этюды Феслера съ натуры были еще интереснѣе, но онъ ихъ не цѣнилъ и удивился, что они понравились Ивану Николовичу, который за нихъ очень хорошо заплатилъ. Конечно, тутъ ужъ поставлено было ему въ плюсъ и его симпатичное отношеніе къ нашей школѣ. Нужно отдать справедливость, этюды его довольно тонки, правдивы. Безъвыѣздно живя въ Ѳеодосіи, Феслеръ даже незналъ, что цѣнится въ послѣднее время въ искусствѣ. Радовался наивно, какъ мальчикъ, когда мы искренно расхваливали его этюды. Онъ чуть не съ слезами умиленія говорилъ.

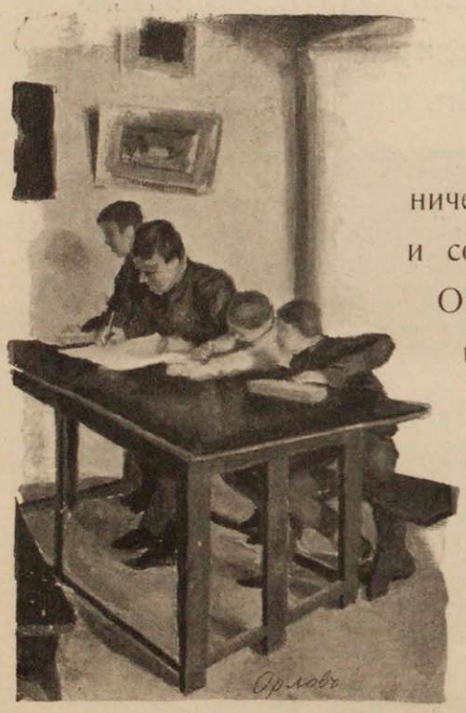


Рис. Н. Н. Орлова.

— „Теперь я знаю, что требуется. Я такъ давно ничего не видѣлъ, говорилъ онъ, обходя наши галлереи и собраніе въ домѣ Терещенко. — „Теперь я понимаю. О! теперь я напишу“. Но бѣдный Феслеръ поѣхалъ отъ насъ; и вскорѣ мы съ великой грустью услыхали о его смерти въ Ѳеодосіи. Ему, кажется, не было 60-ти лѣтъ.

Пріѣхалъ Ив. Конст. къ концу выставки. Объѣздъ съ визитами всѣмъ сильнымъ міра сего, педантично былъ продѣланъ, не забыты были и редакціи.

Я лично посѣтилъ Ив. Конст., а онъ три раза былъ у насъ, настойчиво желая застать меня дома. Изъ сего я увидѣлъ, что великіе люди бываютъ весьма осторожны и внимательны къ маленькимъ.

Уѣзжая изъ Кіева, Иванъ Константиновичъ подарилъ школѣ одну изъ не большихъ своихъ картинокъ, а сборъ съ выставки пожертвовалъ пополамъ, одну часть на нашу школу, другую въ пользу недостаточныхъ студентовъ.

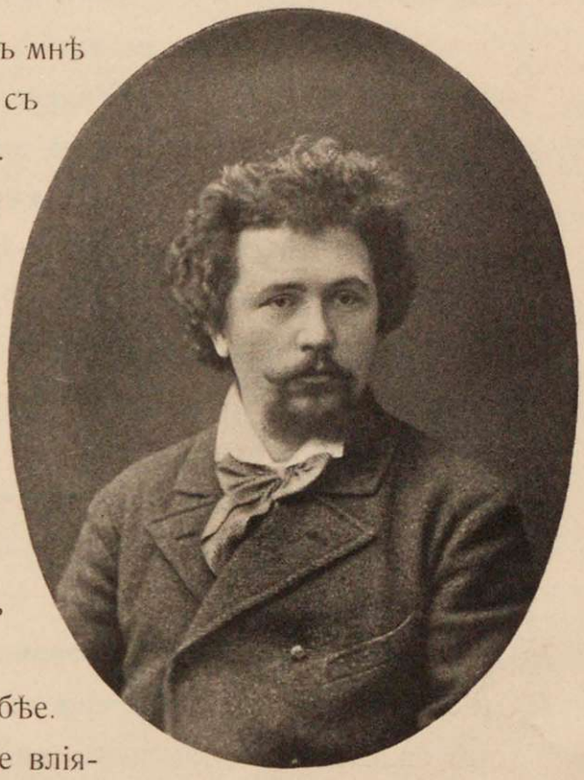
Въ концѣ 1884 года открылась у насъ и устроилась въ самой школѣ выставка картинъ другого русскаго мариниста Р. Г. Судковскаго. Онъ самъ и дирижировалъ устройствомъ выставки; ученики школы помогали.

Руфимъ Гавриловичъ, молодой, здоровый, красивый, съ вьющимися темными кудрями, типичный, былъ сынъ священника, которому везетъ, былъ не множко грубоватъ въ обращеніи и у него было много враговъ и завистниковъ. Увѣряли, будто Р. Г. такъ обратился разъ къ лицу, разсматривавшему его произведенія.

— „Какъ вамъ нравится эта картина? Тутъ мнѣ одинъ сказалъ, что это худо, я его чуть съ лѣстницы не спустилъ. Скажите ваше мнѣніе".

Ну, какое ужъ тутъ мнѣніе при этакомъ вступленіи. Конечно, это анекдотъ, но онъ отлично рисуетъ покойнаго Руфима Гавриловича. Съ нимъ было нѣчто иное, но весьма близкое. Меценатъ, извѣстное лицо въ городѣ, предложилъ ему за одну изъ картинъ свою цѣну.

А онъ ему: „Да мнѣ эту цѣну предлагалъ одинъ, такъ я его такъ отдѣлалъ, что ужъ онъ больше не предложитъ".



Р. Г. Судковскій.

Это я такъ пишу, а сказано было грубѣе. Меценатъ представлялъ изъ себя лицо крайне вліятельное и Судковскій очень потерялъ, вслѣдствіе своей выходки. Хорошей продажи у насъ не было; продано было нѣсколько небольшихъ картинъ и ничего больше. Моря у насъ не знаютъ, оцѣнить его не могли. Глупѣйшая статья въ газетѣ, навинченная не далекимъ человѣкомъ, хотя не дурнымъ художникомъ, но пристрастнымъ и завистливымъ, еще больше испортила дѣло. Однимъ словомъ, не было ему удачи.

Руфимъ Гавриловичъ пріѣхалъ съ женою. Оба были привѣтливы и ласковы и много проводили времени съ нами. Въ сущности Руфимъ Гавриловичъ былъ человѣкъ добрый. Къ школѣ былъ очень благожелательнымъ и подарилъ одинъ изъ своихъ этюдовъ. Неудачей выставки Р. Г. былъ нѣсколько огорченъ, но объяснялъ себѣ тѣмъ, что кіевляне моря не знаютъ и его не любятъ. И жаль, что его кіевляне не поняли и не оцѣнили. На выставкѣ была одна чудная вещь, Судковскій написалъ на званіе профессора и думалъ выставить въ Академіи художествъ. Изображено было сѣрое ранее утро; моряки рыболовы дружно выбрались въ море на большихъ челнахъ. Море не волновалось, а какъ бы только дышало, мѣстами подымалось и опускалось. Руфимъ Гавриловичъ по долгу сидѣлъ передъ этой картиной и когда я подходилъ, онъ говорилъ:

— „Какъ это хорошо!“

— „Да“, говорилъ я улыбаясь.

— „Нѣтъ! Вы не подумайте, что это я хвалю, потому что это моя картина; нѣтъ, это очень хорошо въ природѣ и я уловилъ. Эту картину я выставлю въ Петербургѣ, тамъ ее оцѣнять.

Картину оцѣнили на всемірной выставкѣ въ Антверпенѣ и продана она была за 5000 руб., ровно вдвое, чѣмъ она цѣнилась въ Кіевѣ Но, увы, уже бѣднаго Руфима Гавриловича не было на свѣтѣ.

Въ началѣ января 1885 года выставка закрылась. Онъ уѣхалъ къ себѣ въ Очаковъ и скоро, заболѣвъ тифомъ, умеръ, это преисполнило насъ глубокой горестью.

Это была большая сила. Поживи Судковскій еще немножко, это была бы гордость наша; онъ немножко держался еще избитой старой школьной композиціи, но и въ этой избитой формѣ онъ столько давалъ правдивыхъ, серьезныхъ и художественно красивыхъ наблюденій, что уже съ нимъ нужно было считаться; это была такая пріятная разновидность съ Айвазовскимъ.

Ежегодно нами устраивались выставки въ пользу школы изъ картинъ мѣстныхъ галлерей. Матеріальный интересъ этихъ выставокъ не великъ, но онѣ оживляли и подымали развитіе учащихся, которымъ предоставлялись такія выгодныя условія для изученія выставленныхъ произведеній, какихъ не было на другихъ выставкахъ. Устраиваемыя нами выставки представляли большой интересъ для всѣхъ Кіевлянъ. Тамъ публика знакомилась съ такими превосходными мастерами, какъ Ковалевскій, Клеверъ, Мещерскій, Орловскій и другіе, которые не входили въ составъ членовъ общества передвижныхъ выставокъ и картинъ, которыхъ поэтому на другихъ выставкахъ въ Кіевѣ не могли увидѣть.

Чтобы покончить съ лѣтописью выставокъ за этотъ періодъ, отмѣчу, что въ 1882 г. была въ университетскомъ залѣ выставка польскихъ художниковъ, гдѣ большое впечатлѣніе производилъ „Станчикъ“—Матейко. Мнѣ эта вещь и сейчасъ безумно нравится.

Отчетъ школы.

1881 годъ.

Выдано Ив. Ник. Терещенко	2261 р.
Пособіе отъ думы	300 „
Выставка въ пользу школы	258 „
Отъ Ник. Арк. Ригельмана	50 „
Балъ въ Биржевомъ залѣ	132 „
Балъ въ залѣ Думы	400 „
Внесено за право ученіе	1262 „

Въ школѣ работали:

Н. И. Мурашко
Х. П. Платоновъ } Преподователи.

Клименко
Рѣзниченко } Ученики репетиторы.

Учащихся мужскаго пола	132
„ женскаго пола	12
„ воскресныхъ	50

1882 годъ.

Выдано Иваномъ Николовичемъ	3649 р.
Пособіе отъ Думы	300 „
Выставка въ пользу школы	315 „
Внесено учащимися	1146 „

Въ школѣ работали:

Н. И. Мурашко
Х. П. Платоновъ } Преподаватели.

Моховъ
Шульга } Ученики репетиторы.

Учащихся мужскаго пола 142
„ женскаго пола 14

1883 годъ.

Выдано Иваномъ Николовичемъ на содерж. школы 2437 р.
Пособіе отъ Думы . . . . . 300 „
Выставка въ пользу школы . . . . . 553 „
За наемъ сарая получено . . . . . 75 „
Внесено учащимися . . . . . 910 „

Въ школѣ работали:

Н. И. Мурашко
Х. П. Платоновъ } Преподаватели.

Приходько
Скляровъ
Гайдукъ } Ученики репетиторы.

Учащихся мужскаго пола 146
„ женскаго пола 20

1884 годъ.

Выдано Иваномъ Николовичемъ . . . . . 5459 р.
Уплачено имъ-же квартиро-хозяину . . . . . 1800 „
Съ выставки И. К. Айвазовскаго . . . . . 336 „
Съ школьной выставки . . . . . 587 „
За наемъ сарая получено . . . . . 75 „
Внесено учащимися . . . . . 1110 „

Въ школѣ работали:

Н. И. Мурашко
Х. П. Платоновъ
Н. К. Пимоненко
} Преподаватели искусствъ.

В. И. Фабриціусъ препод. перспективы.

Маковскій
Приходько
} Ученики репетиторы.

При школѣ воспитываются В. Андреевъ и Гр. Дядченко.

Учащихся мужскаго пола 157
„ женскаго пола 24

Описаніе рисунковъ.

Стран.

Портретъ Ивана Николовича Терещенко.

5 Молодой художникъ г. Быстренинъ очень удачно занялся офортомъ. Мнѣ лестно вспомнить, что въ бытность его въ Парижѣ, былъ объявленъ конкурсъ на одинъ изъ плакатовъ. Преміи: были 1-я въ 1000 фр., 2-я въ 500 и 3-я въ 250. Г. Быстренинъ первой преміи не получилъ, но за то же ее никто не получилъ. Говорятъ, французы очень ревнивы, и когда приходится уступить премію иностранцу, они дѣлаются особенно строги и придирчивы. Нашъ г. Быстренинъ получилъ за свой проэктъ 500 фр. и былъ очень доволенъ. Объ этомъ, очень много говорили.

9 Возлѣ сидящаго Н. Ф. Селезнева полулежитъ М. С. Кушниръ, трагически поплатившійся жизнью въ Одессѣ, въ 1906 г. Былъ все время очень почтеннымъ преподавателемъ искусствъ во многихъ заведеніяхъ въ Кіевѣ.

11 Виньетка изъ нашего журнала „Палитра". Рис. В. Андреевъ. Въ настоящее время директоръ Императорской гранильной фабрики.

12 Портретъ завѣдывающаго школой Н. И. Мурашко, въ годъ открытія оной.

15 Виньетка. Рисов. Бурдановъ, изъ одной афиши о школьномъ спектаклѣ.

17 Портреты почтенныхъ основателей фамиліи Терещенко. Снимки сдѣланы съ портретовъ, писанныхъ Н. Д. Кузнецовымъ, заведеніемъ Кульженко. Фотографировалъ Н. П. Негель.

18 Концовка, изъ школьнаго журнала „Ученикъ". Рисов. г. Даниловъ.

19 Виньетка изъ рисунка В. Андреева.

Портретъ А. В. Прахова съ фотографіи.

20 Портретъ И. И. Шишкина съ фотографіи.

24 Рисунокъ В. Андреева.

25 Рисунокъ его-же, изъ царскаго сада; виденъ римско-католическій храмъ въ Кіевѣ.

29 Концовка, изъ журнала „Ученикъ", рис. Даниловъ.

30 Рисунокъ Г. Г. Бурданова (Богдановъ); рисунокъ сдѣланъ въ бытность его въ одной изъ среднихъ группъ въ школѣ; онъ получилъ премію за этотъ рисунокъ. Премія эта была, вѣроятно, книжечка стоимостью въ двугривенный, но радость была великая.

31 Виньетка В. Андреева.

37 Виньетка его же.

38 Виньетка одной изъ ученицъ школы.

40 Портретъ Н. Н. Ге. Снимокъ съ писанного И. Е. Рѣпинымъ съ натуры.

42 Рисунокъ ученика школы Беруса на заданную тему Н. Н. Ге: „искушеніе Христа въ пустынѣ".

43 Рисунокъ ученика г. Баловенского, спеціалиста-скульптора впослѣдствіи.

44 П. М. Поповъ. Портретъ съ фотографіи. Снятъ уже пожилымъ. Въ школѣ онъ былъ мужчиной полнымъ молодости и силъ.

46 Сдѣланная имъ каррикатура.

47 Концовка изъ нашего журнала „Палитра".

48 Уголокъ изъ окрестностей Китайской пустыни.

49 Портретъ І. К. Буткевича (съ фотографіи).

50 Этюдъ, писаный въ Палестинѣ. І. К. интересовался написать голову Христа и подбиралъ этюды. Эта модель ему казалась подходящей.

51 Эскизъ, писаный тамъ же.

52 Виньетка, сдѣланная П. А. Скляровымъ подъ впечатлѣніемъ Крыма.

54, 55 Объясненіе въ текстѣ.

56 Рисунокъ сдѣланъ значительно позже описываемаго времени.

57 Къ сожалѣнію, картинка эта слабо представляетъ почтеннаго художника; лучшія произведенія его—это портреты.

58 Маленькій барельефъ, сработанный послѣ заграничной поѣздки.

59 Виньетка г. Замирайло изъ нашего журнала „Ученикъ".

64 Собачка была другомъ маленькихъ школяровъ; иногда пробиралась въ классъ во время устной лекціи. Чрезвычайно бывала удивлена необычной тишиной, и когда никто не хотѣлъ ни на минутку отвлечься для нея, она съ глубокимъ вздохомъ забиралась

Стран.

подъ стулъ къ кому либо и тамъ была до конца лекціи.

65 Виньетка, рис. уч. г. Мендгогъ.

67 Виньетка изъ работъ, посылаемыхъ при отчетѣ въ Академію Художествъ.

69 Рисунокъ Н. В. Глоба. Въ Малороссіи.

70 Концовка изъ раб. Г. К. Дядченко.

71 Рисунокъ М. Зайцева, нынѣ члена передвижныхъ выставокъ.

73 Рисунокъ г. Летаева, бывшаго репетитора школы.

78 Рисунокъ его же.

78—79 2-й портретъ Ивана Николовича въ болѣе возмужалые годы. Иванъ Николовичъ особенно интересовался какъ Володей Андреевымъ, такъ и Гришей Дядченко; послѣднему былъ нанятъ превосходный репетиторъ, который почти только грамотного Гришу долженъ былъ приготовилъ въ 3-й классъ Реального училища. Ихъ отмѣтки по училищу я съ удовольствіемъ всегда представлялъ Ивану Николовичу.

Журналъ,какъ только появлялся, его первымъ просматривалъ Ив. Ник., оставляя его на нѣкоторое время у себя, и потомъ онъ уже поступалъ въ распоряженіе школы и ея библіотеку. Мальчиковъ знали уже. Добрѣйшая Пелагея Георгіевна, напримѣръ, заботилась, чтобъ мальчики были прилично одѣты и жертвовала на это особенно.

79 Заставка изъ журнала „Палитра", рисов. Богдановъ и Дядченко.

81 Портреты съ фотографіи Высоцкаго 1882 г. въ Кіевѣ.

82 Портретъ съ фотографіи г. Лазовскаго.

83 Концовка съ школьной афиши о спектаклѣ.

84 Снимокъ съ портрета, писаннаго Н. К. Пимоненко.

85 Одна изъ головокъ, писанныхъ Х. П. Платоновымъ.

86 Талантливѣйшій силуэтъ нашего Совѣта, сдѣланный Н. К. Пимоненкомъ. Здѣсь всѣ чрезвычайно похожи. Скромная фигура горбатенькаго Яблочкина, далѣе—завѣдующій, внимательно слушающій своихъ сотрудниковъ, И. Ф. Селезневъ съ приподнятой рукой, М. А. Врубелъ съ присущей ему убѣдительностью уясняетъ рисунокъ. Выше его самъ Н. К. Пимоненко, до парижской поѣздки, съ своимъ вѣчно нависающимъ ему на лобъ чубкомъ, и въ заключеніе въ старой шляпёнкѣ милый и любимый всѣми Х. П. Платоновъ.

87 Гриша Дядченко въ роли Тита Титыча Брускова: „Въ чужомъ пиру похмѣлье".

89 Маленькій жанръ, писанный Н. К. Пимоненко и какъ бы посвященный Н. И. Мурашко; отсюда—двойная подпись.

90 В. И. Фабриціусъ читаетъ перспективу въ школѣ, съ фотогр. г. Лазовскаго.

91 Подписанъ.

Стран.

92 Черный котъ Яблочкина.

93 Котъ его же.

95 Рисунки Яблочкина.

96 Котъ его же.

97 Рисунокъ—этюдъ изъ Крыма В. Андреева.

99 Листики, рис. Данилова.

101 Рисунки по впечатлѣнію съ головы Іоанна Крестителя съ картины Иванова.

102 Сцена изъ школы; писалъ ученикъ Викт. Поповъ.

103 Крымскіе татары, съ офорта Вл. Андреева.

105 Рисунокъ перомъ В. Андреева изъ костюмнаго класса.

106 Рисунокъ каранд., сдѣланный тамъ же Гр. Дядченко.

108 Портретъ кобзаря О. Вересая, рис. Костенко. Иллюстрація къ Гоголю его же.

109 Рисунокъ, сдѣланный въ фигурномъ классѣ уч. Мартыненко.

110 Портретъ почтенной надзирательницы школы. Трудно не поставить ей въ заслугу отсутствіе малѣйшихъ исторій въ этомъ опаснѣйшемъ единеніи разныхъ половъ и возрастовъ, тогда, какъ исторіи флирта бывали вездѣ, не исключая и института. Насъ Богъ миловалъ отъ всего этого, и это много благодаря ея такту, безъ малѣйшей суровости, но, тѣмъ не менѣе, твердому требованію отъ юношества полной нравственной выдержки.

Между страницами вставлены заглавные листы—виньетки журнала „Палитра", съ портретами трехъ главныхъ иниціаторовъ журнала.

102—103 Володя Андреевъ.

106—107 Гриша Дядченко.

108—109 Сынъ мой Женя.

Они же и издавали его все время, причемъ офиціальнымъ редакторомъ былъ младшій изъ нихъ — Володя; литературной частью завѣдывалъ сынъ мой.

Гориллы (а это должны быть онѣ) на виньеткѣ Дядченко — не случайность. На основаніи будто бы сходства онъ имѣлъ тогда данное В. А. Яблочкинымъ прозвище горилла; если надо было крѣпче, то—горибла, а нѣжнѣе—горибало, горибалятко. Сынъ-же мой назывался химикомъ, а торжественнѣе—антикъ-химикъ.

Эти дѣтки были въ продолженіе десятка, даже съ лишкомъ, лѣтъ моимъ утѣшеніемъ и радостью, а сейчасъ это уже люди и всѣ превосходные, трезвые, умные работники на нивѣ жизни. Въ дѣтствѣ и юношествѣ рядомъ съ моей текущей жизнью они прекрасно, безъ будированія, а даже весело, справились съ своимъ образованіемъ, какъ среднимъ, такъ и высшимъ. Прошли все съ наградами. Ясно показали, что развитіе образованія не мѣшаетъ развитію искусства, а ему способствуетъ.

Жили много лѣтъ при школѣ; ихъ вліяніе особое, не видимое, не замѣтное, но, тѣмъ не менѣе, сильно отражалось на многомъ въ школѣ.

112 Забавный ростъ нашего издаваемаго журнала; съ нимъ вмѣстѣ росла и школа. Начатый въ осьмушку листа, онъ скоро не могъ уже помѣщаться на обыкновенной писчей бумагѣ, и кончился заключеннымъ даже въ особенный переплетъ, вырѣзанный изъ дерева ученикомъ Ѳ. Шавринымъ.

113 Жанровая сценка, рис. Гр. К. Дядченко.

114 Роспись Кирилловскаго храма.

117 Фотографическій снимокъ.

123 Фотографія съ картины. Очень обидный ракурсъ; ноги крупны, головы мелки.

124 Съ этюда акварелью Врубеля.

125 Съ рисунка его же.

126 Упражненіе карандашемъ его-же.

127 Иллюстрація къ Гайдамакамъ.

128 Дѣтская сценка въ Малороссіи, иллюстрація для „Нивы“.

129 Шутка безобидная надъ однимъ изъ артистовъ.

130 Одна изъ многихъ Марусекъ покойнаго автора Х. П. Платонова.

131 Подписано.

132 Школьная сценка.

133 Портретъ съ фотографіи.

Рисун. Бѣлана, ученика школы.

Кіевская Рисовальная Школа

1875—1901.

М 234/246.

Воспоминанія Стараго Учителя.

Выпускъ третій.

ТИП. С. В. КУЛЬЖЕНКО. КІЕВЪ.

Государственная БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. Ленина
629057.

Работа въ Кирилловскомъ храмѣ была выгодна для меня первый годъ, второй уже годъ я едва свелъ концы; едва, что называется, выскочилъ. Что было причиною этому? Да можно сказать многое.

Въ первомъ году было больше реставраціи, это оказалось проще для насъ и выгоднѣе, а на второмъ году пришлось записывать цѣлые большіе куски стѣнъ картинами, а плата была назначена по $2^1/_2$ руб. за кв. аршинъ. Кому охота ломать себѣ голову особенной расцѣнкой, да и не легкое это дѣло; комиссія это огуломъ и сдала 7000 кв. аршинъ орнаментовъ, фоновъ фигуръ, картинъ все на одну цѣну: валяй все за два съ полтиной да и баста. Фонъ, орнаментъ протянуть очень даже выгодно, а ужъ соорудить композицію какую либо, то ужъ тутъ другое дѣло, приходится терять время, пока человѣкъ думаетъ, да передумываетъ. У насъ иногда было такъ, что пока комиссія судила, да рядила, чѣмъ заполнить открывшіяся, чистыя безъ всякихъ признаковъ фресокъ, стѣны, моя артель была безъ работы, и это насъ очень подкосило; не роспускать же мнѣ мастеровъ, пока комиссія окончательно придетъ къ чему нибудь; можно было бы и роспускать, но у меня не хватало на это духу; куда же голодныхъ роспускать? А назначеніе моему заработку было точно опредѣленное: проѣхать, наконецъ, за границу и пройтись какъ бы по святымъ мѣстамъ: поклониться Мадоннѣ Рафаэля въ Дрезденѣ, пробраться въ Венецію, гдѣ поклониться Тиціану, въ его взятіи Богоматери; отправиться во Флоренцію, да и въ Римъ, гдѣ Капелла Св. Сикста, Микель Анджелло, Станцы Рафаэля и прочее, и прочее, а потомъ взяться за новыхъ мастеровъ, Парижъ, Берлинъ, осмотрѣть школы, музеи, всемірную выставку

въ Антверпенѣ, да и домой, обогащенный новыми впечатлѣніями. Мнѣ уже сорокъ лѣтъ, а я еще ничего подобнаго не видѣлъ, только сердце мое трепетало желаніемъ. Я уже много разъ хвалился Ивану Николовичу, что я тоже богатый человѣкъ, у меня чуть ли не тысяча рублей отложена съ заработковъ въ Кирилловскомъ. Иванъ Николовичъ улыбался, радовался за меня, поощрялъ мою мысль проѣхать за границу.

Но тутъ случилось нѣчто совсѣмъ непредвидѣнное: въ 1885 году въ Кіевѣ разразился тифъ въ очень тяжелой, эпидемической формѣ; несчастіе постигло и насъ, одинъ за другимъ слегли всѣ члены моей семьи и живущіе у меня воспитанники школы Вл. Андреевъ и Григ. Дяченко. Школа была закрыта. Наиболѣе серьезно пострадали сынъ и жена моя; были моменты, когда они были на волоскѣ отъ смерти, около шести недѣль пришлось имъ, бѣднымъ, проваляться. За всѣми болящими, кромѣ двухъ сестеръ милосердія, ухаживали мы съ братомъ Александромъ, случайно зажившимся въ то время въ Кіевѣ. Мы рѣшили самымъ нахальнымъ и дерзкимъ образомъ не обращать никакого вниманія на заразительность тифа и лично ухаживать самымъ ближайшимъ образомъ за больными; мы освѣжали комнаты, переносили ихъ изъ одной комнаты въ другую, благо что помѣщеніе было большое; Господь милосердный къ намъ, мы не заразились и всѣ остальные потихоньку оправились. Мы были совершенно отрѣзаны отъ міра, только нѣсколько разъ получали записочки отъ Ивана Николовича, полныя сердечнаго сочувствія и ободряющаго требованія потерпѣть, пока дастъ Богъ все кончится хорошо и мы заживемъ опять, какъ жили.

Послѣ солидной по всѣмъ требованіямъ науки, сдѣланной дезинфекціи въ квартирѣ и школѣ, послѣдняя была открыта и свободно заполнилась учащими и учащимися.

Гриша и Володя изобразили тѣхъ чудищъ, какія имъ въ горячкѣ и въ бреду представлялись, это были микробы, микрококи и бациллы, и напрасно ихъ ученые изображаютъ въ видѣ точекъ и запятыхъ; мои бѣдные мальчики видѣли ихъ зубатыми и рогатыми, изображенія я представилъ Ивану Николовичу, онъ смѣялся и былъ сердечно радъ, что все это благополучно кончилось.

Тутъ же я, съ довольно постнымъ лицомъ, доложилъ Ивану Николовичу, что нахожусь въ своемъ обычномъ положеніи, т. е. въ томъ, которое такъ картинно представляетъ Ив. Фед. Горбуновъ: „семьсотъ получаемъ, семьсотъ проживаемъ“.

Стало быть для моей заграничной поѣздки нужно или устроить выставку или какой нибудь спектакль. Должны же граждане поддержать своего работника.

— „Ничего этого не нужно, говоритъ Иванъ Николовичъ, я Вамъ дамъ тысячу рублей, да и поѣзжайте за границу, Вамъ это очень нужно сдѣлать“.

Я безъ словъ только могъ крѣпко пожать обѣ руки своего добраго хозяина и покровителя.

Хотя Иванъ Николовичъ и намекалъ мнѣ, не бросить ли мнѣ службу въ Реальномъ Училищѣ, чтобы отдаться совершенно школѣ, но сдѣлать это было такъ сразу трудно. Я просилъ только на этотъ разъ Ивана Николовича, такъ какъ онъ былъ хорошъ съ Попечителемъ Учебнаго Окр., то попросить его разрѣшить мнѣ отпускъ мѣсяца на четыре.

— „Я мимо хожу, говоритъ Иванъ Николовичъ, зайду, онъ это для меня сдѣлаетъ“.

Чуть ли не въ этотъ же день навѣстилъ школу Иванъ Николовичъ.

— „Ну, я заѣхалъ Вамъ сказать, что Попечитель согласенъ дать Вамъ отпускъ на четыре мѣсяца“.

— „Ахъ, какъ я счастливъ, какая это для меня радость“.

— „Можете, значитъ, опредѣлить себѣ время и подайте прошеніе вашему директору, какъ ближайшему начальству объ отпускѣ“.

И Иванъ Николовичъ, какъ добрый геній, такъ же быстро улетѣлъ отъ насъ, какъ и прилетѣлъ.

Написалъ я выразительное прошеніе; подалъ, прося дать мнѣ отпускъ съ 15 марта по 15 іюля.

Вдругъ мое ближайшее начальство распѣтушилось и говоритъ:

— „Я Вамъ ни за что такого отпуска дать не могу“.

— „Что Вы, я говорю, Максимъ Петровичъ *), это разъ въ жизни бываетъ и это дѣлается чисто съ научной цѣлью, какъ же это можно запрещать?“

— „Можете воспользоваться каникулами“.

— „Да вѣдь въ томъ то и дѣло, что каникулы вездѣ каникулы и я многаго изъ того не увижу, что долженъ бы увидѣть“.

Замолкъ мой начальникъ, замолкъ и я, щадя его самолюбіе. Вѣдь отпускъ мой собственно у меня въ карманѣ. Разъ старшее начальство ничего не имѣетъ, то уже младшее спрашивается только, чтобы соблюсти форму..... Выждалъ я день-другой и опять обращаюсь къ своему директору.

— „Такъ какъ-же, Максимъ Петровичъ, съ моимъ отпускомъ?“

— „Да вѣдь я вамъ сказалъ, что я не согласенъ“.

— „Ну, это не возможно такъ! Вы такъ легко говорите объ этомъ, а для меня это вопросъ жизни и смерти“.

---

*) Имя измѣнено.

— „Что жъ, Вы смотрите такъ, а я иначе.

— „Тогда я покорнѣйше попрошу довести это дѣло до свѣдѣнія Попечителя; и я Вамъ, Максимъ, Петровичъ долженъ сказать, что Попечителю даже докладывали обо мнѣ; онъ ничего не имѣетъ противъ отпуска“.

— „Это ничего не значитъ. Мы часто съ г. Попечителемъ расходимся во мнѣніяхъ, онъ думаетъ такъ, а я иначе. Я долженъ буду ему написать свое мнѣніе объ этомъ“.

— „Будьте такъ добры, я объ этомъ только и прошу“.

Выждавъ нѣсколько дней, спрашиваю письмоводителя, какъ мое дѣло.

— „Уже пошла о Васъ бумага, тамъ, батенька, цѣлый листъ кругомъ исписанъ“.

— „Что Вы!.

— „Да ужъ это такъ у насъ“.

Пропустивъ нѣсколько дней, пошелъ я самъ лично къ Попечителю. Утромъ я въ залѣ у кабинета жду своей участи. Входитъ Правитель Канцеляріи съ толстымъ портфелемъ подъ мышкой.

— „Что у Васъ такое?“—спрашиваетъ

— „Да я по поводу отпуска“.

— „Хорошо, я сейчасъ доложу и узнаю“.

Слышу, онъ докладываетъ первымъ обо мнѣ.

— „Да тамъ что то директоръ очень много написалъ по этому поводу“,— слышу я голосъ Попечителя.

— Да Вы, Ваше Превосходительство, можете его командировать заграницу“.

— „Командировать, командировать“,—говорилъ какъ бы обрадовавшійся этой мысли Попечитель.

Я больше ничего не слыхалъ, а вылетѣлъ полный восторга на улицу, едва замѣтивъ швейцара, который подалъ мнѣ платье.

Мой четырехъ-мѣсячный отпускъ возбуждалъ еще вопросъ о жалованьѣ, оставить-ли мнѣ его, или дать отпускъ безъ содержанія. Но тутъ уже этотъ вопросъ устранялся самъ собою, разъ меня командируютъ съ научною цѣлью за границу. Пошло это дѣло въ высшія инстанціи: къ Министру, а потомъ на ВЫСОЧАЙШЕЕ ИМЯ. Вездѣ прошло скоро и благополучно. Ближайшее мое начальство, которому о ходѣ дѣла я ничего не сообщилъ, только иронически улыбалось, но къ 15 марта 1885 года у меня были уже въ карманѣ разрѣшеніе командировки, паспортъ и деньги, и я выѣхалъ за границу.

Я за границей.

Не страхъ, а чувство необыкновеннаго умиленія овладѣло мною. Не безъ робости переѣзжалъ я границу, но, переѣхавъ, я встрѣтилъ самую радушнѣйшую привѣтливую услужливость и очень былъ тронутъ. Очень, очень слабо подготовленный по языкамъ, я крайне подозрительно перемѣнилъ немножко русскихъ денегъ на австрійскія. Увидѣлъ печатный листокъ, коммерческій бюллетень на сегодня, убѣдился, что молодой еврей не воспользовался ни на одинъ центъ моимъ незнаніемъ языка. Тогда я размѣнялъ у него же побольше.

На одной изъ станцій была большая остановка. Я вышелъ на платформу. Чудный вечеръ, та же самая луна, та же самая Большая Медвѣдица, такъ же точно, какъ и у насъ, могла пробѣжать, пробѣжала высокая дѣвушка черезъ рельсы и что-то пѣла. Когда она возвращалась, то ей преградилъ дорогу молодой бравый парень, и они оба какъ то уклонились отъ свѣта въ тѣнь, и я, право, не думаю, чтобы они тамъ толковали о русской политикѣ.

Скоро мы двинулись дальше, я чувствовалъ одно только, что путешествіе это царство небесное на землѣ. Какая новость впечатлѣній, картина за картиной, одна живая сцена смѣняетъ другую. Это не театръ, а сама настоящая жизнь назидательная и глубоко-трогательная. Конечно, это также для всякаго, у кого хоть капельку ума больше, чѣмъ у курицы, и у кого хоть кусочекъ теплаго сердца. Кажется, требованія мои не велики, но представьте, что встрѣчалъ я за границей людей, которые оказались ниже и этой мѣрки. Они ѣдутъ сюда, пользуются какими то дрянными удовольствіями, за которыми и ѣхать то не стоило, и въ концѣ концовъ недовольны, брюзжатъ, скучаютъ. Этакіе бѣдняки, какъ ихъ приходится жалѣть.

Первое сильное впечатлѣніе—это Краковъ съ его старинными храмами и музеями. Въ Краковѣ живетъ великій мастеръ Матейко, и мнѣ казалось, что я долженъ засвидѣтельствовать ему мое великое къ нему уваженіе и почтеніе. Онъ меня не приметъ,—это его дѣло. Мнѣ только что раз-

Матейко. *„Станчикъ“.*

сказали, что Матейко уклонился принять двухъ какихъ то австрійскихъ принцевъ. Это сдѣлало сенсацію, но я былъ такъ высоко настроенъ, что былъ къ этому совершенно равнодушенъ. Пошелъ въ Краковскую Академію Художествъ нашелъ секретаря г. Горжковскаго. Это образованный человѣкъ, студентъ Кіевскаго Университета другъ, Матейко и стражъ его покоя; помимо его, никто къ Матейко попасть не можетъ. Переговоры предвѣщали мало хорошаго. Мнѣ былъ указанъ случай съ принцами, потомъ пошли сѣтованія о томъ, что Матейко страшно занятъ, что онъ великій труженикъ и глубоко религіозный человѣкъ, онъ даже соблюдаетъ неуклонно всѣ посты и обряды.

— „Ну, Господь съ Вами, передайте ему эту карточку и переведите хорошенько то, что я напишу сейчасъ, а я завтра утромъ зайду къ вамъ".

На карточкѣ я написалъ: „Русскій живописецъ на пути въ Римъ на поклоненіе нашимъ великимъ старымъ мастерамъ долгомъ счелъ лично засвидѣтельствовать также свое почтеніе великому, уважаемому мастеру". Это была послѣдняя недѣля поста. Я явился утромъ къ г. Горжковскому. Мнѣ интересно было знать, если меня не примутъ, то какой мотивъ для этого изберутъ. Но вдругъ мнѣ Горжковскій говоритъ:

— „Я васъ впущу къ нашему мастеру, но долженъ Васъ предупредить, что онъ усталъ очень, онъ говѣлъ сегодня, принималъ Святыя Тайны, и потому я Васъ прошу, Вы не задерживайте мастера надолго".

— „Да что же Вы думаете, я нахалъ какой нибудь, чтобы испортить день уважаемому мастеру".

Мы пошли по лѣстницѣ вверхъ, сдѣлали нѣсколько разныхъ переходовъ и подошли къ двери, ключъ отъ которой былъ въ карманѣ Горжковскаго. Онъ отперъ, и я не безъ волненія очутился въ большой передней, увѣшанной разными художественными работами, и тутъ же была дверь въ мастерскую, въ которую скрылся Горжковскій доложить обо мнѣ. Скоро онъ явился опять и предложилъ мнѣ войти.

Я увидѣлъ въ глубинѣ мастерской невысокаго человѣка съ грустнымъ усталымъ выраженіемъ. Онъ стоялъ, сложивъ и медленно потирая руки, какъ бы ожидая моего появленія. Я почтительно подошелъ къ нему. Онъ протянулъ мнѣ руку и тутъ только засвѣтилось что то похожее на привѣтливость. Улыбки я у Матейко не видѣлъ. Онъ заговорилъ по-русински, что-то близкое къ малорусскому нарѣчію.

— „Вотъ смотрите и скажите тамъ у Васъ, что мы не дикіе, мы такіе же, какъ всѣ. Милости просимъ!"

Я обратилъ вниманіе на картину, которая была громадна и занимала всю мастерскую. Это была „Іоанна Д'Аркъ". Матейко попросилъ Горжковскаго устроить меня на мѣстѣ, съ котораго бы отлично была видна вся картина. Оказалось, что для этого нужно было взойти на небольшое возвышеніе и тамъ сѣсть въ кресло, и передъ Вами тогда разворачивается вся богатая, полная разнообразія композиція мастера. Картина еще не была кончена, но тѣмъ ярче выдѣлялись нѣкоторые куски ея. Я не былъ пораженъ, я зналъ, чего можно ожидать отъ этого мастера, но быть на мѣстѣ самаго производства и видѣть самого мастера, это чрезвычайно интересно. Проникнутый глубокимъ чувствомъ уваженія и благодарности за разрѣшенное мнѣ удовольствіе, я схожу съ своего возвышенія, благодарю и прощаюсь съ мастеромъ. Онъ не холоденъ ко мнѣ, онъ выразилъ мнѣ всякія добрыя пожеланія, но остался такимъ же меланхоличнымъ, какимъ я его и встрѣтилъ. Оставшись съ Горжковскимъ, который показывалъ мнѣ еще многое интересное изъ порядковъ и устройства Академіи, я заговорилъ о томъ, что Матейко грустенъ.

— „Да знаете, у него сейчасъ семейныя дѣла довольно невеселы, его супруга больна и должна даже жить внѣ Кракова. Потомъ онъ великій патріотъ, а мы сейчасъ удручены тѣми слухами, какіе доходятъ до насъ. У Васъ тамъ такія притѣсненія поляковъ, и все больше и больше. У насъ на дняхъ была одна госпожа изъ Кіева, она сообщила, что въ университетъ, напримѣръ, поляковъ принимаютъ такой же процентъ, какъ евреевъ".

Я вспыхнулъ и рѣшительно запротестовалъ, я горячо увѣрялъ, что барыня напутала, что у насъ многое дурно, я спорить не буду, но страшно досадно, когда это дурное еще раздуваютъ и преувеличиваютъ. Какой интересъ это дѣлать? Я бы эту барыню разорвалъ въ кусочки. Никогда мы поляковъ не смѣшивали съ евреями и ни о какой процентной нормѣ пріема поляковъ я прямо не слыхалъ, ибо ея нѣтъ. Что касается евреевъ, то это есть, къ сожалѣнію, но этому находятъ тамъ какія то оправданія.

— „Будьте такъ добры, говорю, передайте это пану Матейко".

— „Да, это я передамъ съ удовольствіемъ, потому что у насъ тутъ такое теченіе, что какъ ни хорошо намъ у нѣмцевъ, но все таки намъ болѣе братская народность,—это славянская, русская, и такъ хотѣлось бы идти на дружескія лучшія отношенія между нами".

Я отъ всей души присоединился къ высказанному пожеланію и затѣмъ заявилъ Марьяну Владиславовичу Горжковскому:

— „У насъ въ школѣ много поляковъ; они будутъ очень довольны мо-

имъ визитомъ, еще болѣе мы были бы счастливы, если бы я привезъ какой либо маленькій рисуночекъ самого Матейко, это бы у насъ было какъ святыня".

Марьянъ Владиславовичъ обѣщалъ и выполнилъ, хотя и далеко позже. Въ школьной коллекціи имѣется очень типичный рисунокъ Яна Матейко. Мы разстались полные добрыхъ чувствъ. Я поѣхалъ на Вѣну.

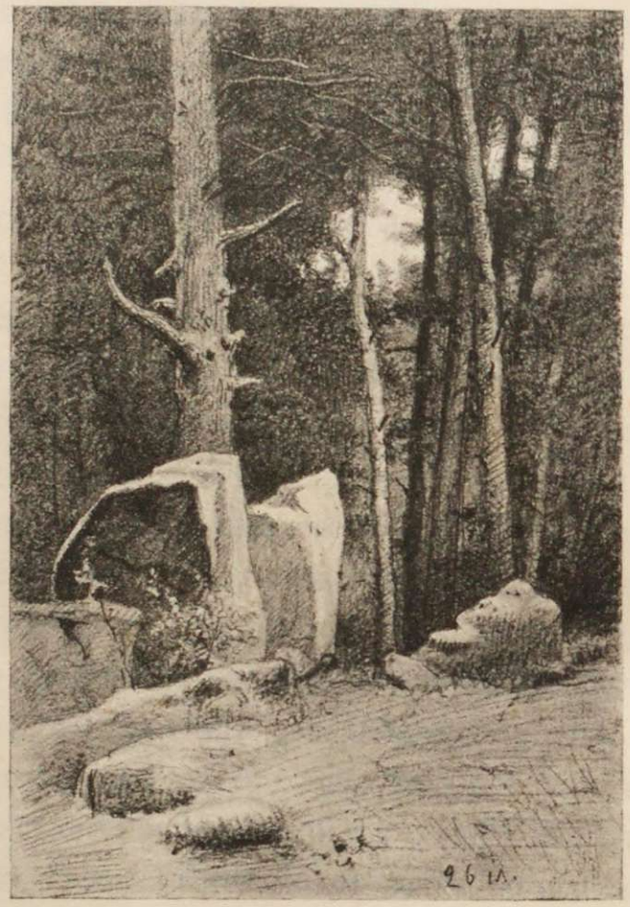


Рис. Н. И. Мурашко.

Канова. *„Тезей“.*

Св. Стефанъ, постройки модернъ, красивыя и эффектныя, великолѣпные и богатые, музеи старыхъ и новыхъ мастеровъ—все осмотрѣно, всему я отдалъ должное вниманіе. Одно своеобразное впечатлѣніе отмѣчу: я не могъ смотрѣть знаменитаго Тезея Кановы, побѣждающаго центавра. Этому произведенію устроено особое помѣщеніе ввидѣ небольшого храма. Я вошелъ и сразу увидѣлъ съ необычайной жизненной энергіей закинутую правую руку съ толстой дубиной. Онъ, схвативъ за горло центавра лѣвой рукой, осадилъ его назадъ, и еще моментъ, Тезей долженъ хряснуть центавра черезъ все лицо по головѣ дубиной. Это до того мнѣ показалось грубо и безпокойно, что я, не ожидая этого момента, вышелъ. Таково мое личное впечатлѣніе. Вещь эта знаменитѣйшая, сдѣлана съ великимъ знаніемъ и искусствомъ, но почему то не сродная душѣ моей.

У меня былъ проводникъ русскій еврей, онъ выдавалъ себя за нѣмца; я прикидывался, что этому вѣрю: это мнѣ ничего не стоило, а ему дѣлало удовольствіе.

Изъ Вѣны я направился въ Венецію. Живописная дорога, маленькія приключенія, вслѣдствіе слабаго знанія языка, все это я пропускаю. Поздним вечеромъ, почти ночью, подъѣзжаю къ Венеціанскому вокзалу, схватываю свои ручныя вещи и пересаживаюсь прямо въ гондолу. Какая то гостиница, я занимаю самую маленькую комнату. Осматриваюсь, выглядываю въ окно: слабые кое-гдѣ огоньки противоположныхъ зданій, внизу плескъ воды. Подъ этотъ плескъ я крѣпчайше заснулъ. На утро я вышелъ изъ отеля, никого не безпокоивъ и ничего не спросивъ, вышелъ въ неширокую улицу. Въ толпѣ я замѣтилъ бѣднаго и лѣниво, задумчиво куда то плетущагося не стараго итальянца. Я ему сейчасъ же вручилъ четко, чуть не печатными буквами написанный адресъ М. А. Врубеля: Piazza San Mauricio № 74. Онъ сначала удивился, но я мимикой показалъ: „шагай, молъ милый человѣкъ, какъ написано, а я за тобою". Онъ улыбнулся и зашагалъ, показывалъ мнѣ разныя зданія, тараторилъ, я кивалъ ему головою. Черезъ нѣсколько минутъ мы были у Врубеля.

Съ нѣжно-дружескою привѣтливостью мы встрѣтились. Проводника я своего отпустилъ, сунувъ ему въ руку, что слѣдовало, и остался у своего молодого друга. Въ сумерки мы велѣли перенести изъ отеля мои вещи, и я зажилъ въ квартирѣ радушнаго и привѣтливаго Михаила Александровича. Помѣщался онъ въ бель-этажѣ дома чуть не XIV вѣка. Двѣ комнаты были расписаны аль-фреско, лѣпные потолки, все это какъ то особенно настраивало. Четыре образа мѣстныхъ для Кирилловскаго храма въ Кіевѣ были начаты. Христосъ и Богоматерь были вполнѣ выяснены, начатъ Кириллъ и менѣе всего сдѣланъ Меѳодій. Врубель требовалъ моего мнѣнія, я находилъ все правильнымъ, говорить послѣднее слово было трудно, т. к. Михаилъ Александровичъ былъ во всемъ крайне своеобразенъ, даже въ самомъ веденіи работы. Кромѣ чувства красоты тона, онъ необычайно чувствовалъ форму; въ этомъ живописцѣ плотно находился и скульпторъ. Его Христосъ, будучи вполнѣ натушеванъ, такъ сказать, вылѣпленъ силою разнообразныхъ и тонкихъ полутоновъ, былъ безъ зрачковъ. Глазъ былъ обработанъ какъ, у мраморной статуи. На мой вопросъ, почему это такъ, онъ говорилъ:

— „Да это же пустяки, зрачекъ навесть ничего не стоитъ. Это роскошь. Но я его не трогаю потому, что онъ мнѣ мѣшаетъ поточнѣе округлить, охарактеризировать форму глаза. Мнѣ кажется выраженіе ясно и найдено".

Я соглашался съ этимъ, только улыбаясь; я зрачкамъ придавалъ значеніе. Богоматерь точно также смотрѣла слѣпой. Типъ Богоматери онъ взялъ съ общей знакомой намъ госпожи въ Россіи. Это было ярко выражено, и я не могъ этого не замѣтить. Онъ разсмѣялся.

— „А Вы узнали?“

— „Да, только Вы дали ей другое выраженіе; въ натурѣ это неудержимая крикуха, а у Васъ кроткое, тихое выраженіе“.

— „Развѣ она крикуха? нѣтъ, это Вы ее не знаете“.

Видимо, у насъ отъ одного и того же субъекта были различныя впечатлѣнія.

Врубель по нѣсколько часовъ сряду не отрываясь съ большою любовью работалъ надъ этими образами. Онъ, работая кистью и масляными красками своеобразно, не прокрашивалъ цѣлыя площади, какъ обыкновенно, а все прокладывалъ штрихами, дѣлая это тонкими кистями. Какъ въ хорошей строгой гравюрѣ, штрихи шли по всѣмъ поворотамъ складокъ. Это даетъ всему и сейчасъ въ оконченномъ видѣ своеобразный видъ.

Утромъ, послѣ кофе, которое намъ подавала слуга, я уходилъ, рисовалъ и писалъ въ музеѣ Академіи, или что либо осматривалъ. А Врубель, не отрываясь, сидѣлъ за образами. Я приходилъ около 4-хъ часовъ, усталый, изнервированный и иногда прямо нападалъ на Врубеля.

— „Да когда же Вы, наконецъ, сдѣлаете зрачки у Христа?“ Михаилъ Александровичъ смѣялся.

— „А развѣ это Васъ тревожитъ?“

— „Да мнѣ это подымаетъ нервы, это ни скульптура, ни живопись“.

— „А я, представьте, и не замѣчаю, говорилъ онъ, что у Христа зрачки не сдѣланы“.

Работалъ Врубель безъ всякой модели; ни манекена, ни натурщика никогда для этихъ образовъ не было. Натурщикъ изъ Академіи приходилъ рано утромъ, чистилъ кисти и уходилъ. Разъ попросилъ Врубель меня подержать и показать свою руку, для руки одного изъ святыхъ, но это продолжалось не болѣе двухъ трехъ минутъ и Михаилъ Александровичъ, внимательно взглянувъ, поблагодарилъ и отпустилъ меня.

Въ Венеціи я прожилъ до 5-го апрѣля. Обѣдали мы въ очень скромной траторіи. Мы были тутъ самые важные гости. За нами сеньоръ Эторе очень ухаживалъ. Обыкновенными посѣтителями тутъ были приказчики лавочекъ, небогатые хозяева, одинъ гондольеръ, одинъ камердинеръ изъ ресторана, все люди далеко не высокаго полета, всѣ приходятъ съ грошевыми газетками въ карманѣ. Всѣ необычайно вѣжливы, хотя шумливы, болтаютъ безъ умолку, но мы знаемъ, что нашего мѣста никто изъ нихъ не займетъ, а если и займетъ, то моментально всѣ подвигаются, или же лишній уходитъ за другой столъ. Здѣсь у каждаго въ извѣстный часъ свое мѣсто. Мы со всѣми ими

кланяемся даже на улицѣ. Сеньоръ Эторе въ синей курткѣ, въ сѣрыхъ панталонахъ и въ шапочкѣ на-бокъ предлагаетъ намъ: ризо, вальаванъ, или грансьеволо и т. д. Пили крайне умѣренно дешевое вино, переходили на піаца санъ Марко, а чаще возвращались домой. Я писалъ письма, а Михаилъ Александровичъ еще немного просматривалъ что либо въ своихъ образахъ. Часто мы заходили въ какой либо изъ храмовъ. Врубель очень увлекался мастеромъ Джіамъ Беллини, дѣлалъ даже съ него акварельные наброски. Любовались мы много и Тьеполо. Въ паллацо дель Абіо онъ особенно хорошъ. Тутъ увидѣлъ Михаилъ Александровичъ дочь служителя, которая намъ отворяла зало, ангелоподобное существо лѣтъ пятнадцати. Михаилъ Александровичъ предложилъ ей попозировать. Она позвала мать; та охотно дала свое согласіе, и мы на другой день послѣ обѣда ее рисовали. У меня вышло нѣчто миловидное и всѣмъ понравилось, я былъ очень доволенъ. У Врубеля нѣчто грубоватое, просто нѣсколько пятенъ. Но прошло немного дней, я, посмотрѣвъ на свой этюдъ, увидѣлъ: чтобъ написать такое нѣчто поверхностно-смазливое, нечего было ѣхать въ Венецію, нечего было безпокоить прекрасную Вержинію. Такія лица на бонбоньеркахъ, сколько хотите. Когда же посмотрѣлъ на этюдъ Врубеля, сильно неконченный, но у него щека горѣла живымъ пятномъ, глазъ неоконченъ, но опять почувствована чудно голубизна зрачка, губы остались только нарисованы, но и въ нихъ уже намѣченъ характеръ, улыбка, какая была только у Вержиніи. Мы намѣревались еще придти разъ порисовать, но не собрались. Свой этюдъ я все-таки сохранилъ и до сего дня.

Слуга наша некрасивая дѣвушка, но съ поэтическимъ именемъ, Беатриче, часто ходила съ подвязанной щекой, у нея болѣли зубы; Венеція и зубная боль для меня, такъ необычно настроеннаго, были вещи несовмѣстимыя. Но что дѣлать, это такъ.

Единственнымъ нашимъ гостемъ былъ молодой брюнетъ, длинный еврей изъ Россіи. Я не могу назвать его высокимъ, онъ у насъ за столомъ, бѣдный, такъ какъ то складывался и не зналъ куда дѣть свои тонкія, длинныя ноги. Это былъ пѣвецъ, теноръ. Но увы, онъ тутъ лѣчилъ у какого то знаменитаго профессора горло. Пѣть ему было строжайше запрещено, а всетаки онъ не могъ жить, чтобы не пѣть, и онъ намъ потихоньку пѣлъ цѣлыя аріи. Былъ частымъ нашимъ гостемъ, мы его просто прикармливали, а Врубель ссужалъ его и деньгами, которыхъ у самого почти едва хватало. Пишу это для характеристики Врубеля. Онъ давалъ, не помышляя о возвратѣ. Самъ бралъ, думалъ всегда, что свободно возвратитъ, но если это не складывалось,

онъ какъ то не огорчался. Денежная математика у него прямо была слаба, это ужъ черта, присущая многимъ артистамъ.

Я разстался съ Врубелемъ, онъ меня проводилъ въ гондолѣ до вокзала. Я направился въ Болонью, гдѣ увидѣлъ Св. Цецилію съ предстоящими святыми, и послѣ красивыхъ колористовъ Венеціи мнѣ Рафаэль по своимъ сочетаніямъ красокъ показался простъ, почти грубъ, но выраженіе Св. Цециліи божественно и дѣлаетъ глубокое впечатлѣніе.

Изъ Болоньи я прямо попалъ во Флоренцію, и опять искусство, искусство и искусство. Конечно, я не стану пускаться въ описанія. Все это прекрасно описано многими ученѣйшими людьми. Познакомился я тутъ съ Клавдіемъ Петровичемъ Степановымъ. Русскій человѣкъ, а художникъ иностранный; подражатель Винеа и глубокій почитатель Мейсонье. Если и брался за русскіе сюжеты, отъ нихъ Русью не пахло. Онъ и сюжеты, впрочемъ, выбиралъ такіе, которые по обстановкѣ, по костюму были въ стилѣ картинъ Винеа. Цѣль достигнута: онъ похожъ на Винеа, пишетъ ли онъ Чеботарева (сцены изъ нашего прошлаго) или скупого рыцаря по Пушкину — это все равно, главнымъ образомъ щегольство выписываніемъ деталей.

Ужасно оскорбленъ былъ въ музеѣ плохимъ портретомъ работы Кипренскаго, стоящимъ между великими мастерами. Какъ это обидно! Тутъ бы, кажется, и показать себя; написать такъ какъ никогда не писалъ, и вдругъ жалкая третьестепенная какая то робкая помазенька. А развѣ мы такимъ знаемъ Кипренскаго? Вѣдь это мастерище, и въ первой манерѣ широкой молодой размашистой и потомъ, когда захотѣлъ поражать тонкостью и законченностью. Хотя въ послѣднихъ замѣтно отсутствіе простоты, искренности, а всетаки виденъ мастеръ первостепенный, которому не даромъ предложили занять мѣсто между великими мастерами.

Наслаждался я какъ и въ Венеціи и здѣсь собраніемъ рисунковъ. Прошелъ раза два по этому дивному сказочному переходу изъ музея паллаццо Уффици въ музей паллаццо Питти. Этотъ поразительный переходъ корридорами въ версту длиною, гдѣ Вы то опускаетесь по лѣстницѣ внизъ, то подымаетесь и идете прямо. Стѣны почти сплошь увѣшаны гравюрами; а больше всего портретовъ. Вы взглядываете въ окно: море крышъ; идете дальше, видите подъ Вами мутныя воды Арно. Набережная, опять крыши, верхъ какого-то храма и на первый разъ Вы никакъ не разберетесь и не знаете, на что Вамъ обращать вниманіе. На то ли, что по сторонамъ развѣшано, или думать о томъ, когда этотъ проходъ окончится и куда онъ наконецъ Васъ приведетъ. Здѣсь все просто и бѣдно, на Васъ смотрятъ толь-

ко сотни глазъ развѣшанныхъ портретовъ разныхъ папъ, королей и правителей, то суровыхъ и величавыхъ, то лукавыхъ и скрытныхъ, и, наконецъ, Вы вступаете въ роскошную обстановку мозаичныхъ половъ и раззолоченныхъ лѣпныхъ потолковъ. Тутъ найдете въ одной круглой залѣ собраны самыя безцѣннѣйшія вещи въ мірѣ: Рафаэля, Микель, Анджело, Венеру Медицейскую, Тициана, Дюрера, Гольбейна и др.

Я во Флоренціи прожилъ недолго и переѣхалъ въ Римъ.

Семирадскій.

Въ Римъ я попалъ утромъ въ одинъ изъ весеннихъ дней и прямо къ своему бывшему нѣжно-любимому ученику, котораго когда то прямо приготовилъ въ нашу Академію Художествъ. И вотъ онъ лауреатъ, живетъ посланный на казенный счетъ въ Римъ. Я вхожу къ нему. Онъ встрѣчаетъ меня словами:

— „Я былъ увѣренъ, что Вы пріѣдете, Вы такъ рѣшительно сказали въ послѣдній разъ, когда мы встрѣчались, что пріѣдете ко мнѣ въ Римъ, такъ говорятъ только твердо рѣшившіе и когда говорятъ, то ужъ выполняютъ".

— „А всетаки, милый Ваня, ущипните меня, мнѣ кажется, это сонъ",— говорилъ я.

Но нѣтъ это не сонъ; всю жизнь мечталъ я объ этомъ и, наконецъ, мечта исполнилась. Вѣдь я принадлежу къ семьѣ, которая живетъ и всегда жила искусствомъ; имена великихъ творцовъ попали мнѣ въ уши, какъ я только всталъ на ноги, и, наконецъ, я здѣсь, я съ ними. Какъ же тутъ не прослезиться.

— „Ну, знаете, Васъ такъ нельзя никуда показать. Вы такъ обросли волосами, что у насъ въ Римѣ Васъ пугаться будутъ",—говоритъ мой другъ.

— „А я думалъ, что у Васъ въ Римѣ иначе и не ходятъ, какъ такъ: длинные волосы, борода по поясъ",—отшучиваюсь я.

— „Никто у насъ такъ не ходитъ, что Вы вообразили".

Мы отправились къ парикмахеру, который меня сдѣлалъ истиннымъ европейцемъ.

Котарбинскій.

Покончивъ съ этимъ дѣломъ, мы отправились къ братьямъ Свѣдомскимъ. Тутъ же встрѣтили Котарбинскаго, который тогда еще не былъ знаменитостью и представлялъ изъ себя очень простого веселаго господина, полнаго очень милыхъ шутокъ. Свѣдомскіе тоже отличались радушіемъ и привѣтливостью къ землякамъ. Всѣ были очень просты. Тутъ еще забѣжалъ какой то испанецъ—уже большое имя въ искусствѣ и очень удачно продававшій свои картины. По его виду трудно было угадать въ немъ художника, таковъ могъ быть и приказчикъ въ хорошемъ магазинѣ. Тутъ можно сказать, что настоящіе художники совсѣмъ не строятъ изъ себя художниковъ; никакихъ тутъ длинныхъ волосъ, никакихъ вычурностей въ костюмѣ. Простенькій, чистенькій пиджачишко и больше ничего. Павелъ Александровичъ Свѣдомскій отпустилъ модель, сложилъ свою страшно тяжелую палитру, которую по мѣсяцамъ не чистилъ, и мы пошли къ извѣстному Кородети обѣдать. Тутъ я познакомился съ Рицциони. Очень серьезный, какъ будто терпѣть не могъ не только смѣяться, но даже и улыбаться. Требованія за столомъ его были страшно однообразны умѣренны по цѣнности своей. Модели говорили, что онъ очень скупъ и жилъ замкнуто. За столомъ шуткамъ не было конца: Котарбинскій говорилъ, что покойный папа, вмѣсто ключей отъ рая, захватилъ въ торопяхъ ключи отъ своего погреба и теперь не знаютъ, какъ быть съ этимъ и гдѣ онъ можетъ быть теперь въ такомъ случаѣ. Я потянулся къ графину съ водой и тутъ въ первый разъ услышалъ, что это гадость, надо пить вино, ибо вода, когда попадаетъ въ калошу и то противно, а то ее еще отправлять въ желудокъ.

Началъ я свои хожденія по музеямъ, утромъ музей, а послѣ работалъ съ модели.

Замѣчательно, что въ капеллѣ Св. Сикста, въ первый свой пріѣздъ, я кромѣ Микель Анджело, ничего не видѣлъ. Тутъ его Страшный Судъ на потолкѣ, его пророки и прочее. Ни направо, ни налѣво я не въ состояніи былъ заинтересоваться и смотрѣть на что либо, а тутъ были: Гирландайо, Перуджино, Пинтурикіо и Сандро Ботичели, въ послѣдніе годы 19-го вѣка сдѣлавшійся чуть не Богомъ всѣхъ декадентовъ. Какъ они его ни обожали, а всетаки не принизили, это въ самомъ дѣлѣ, чудный и интересный мастеръ. Мнѣ нужно было вернуться въ Россію, прочитать три тома исторіи Вышеславцева и сконфуженнымъ поѣхать при первой возможности вновь и уже менѣе обращать вниманіе на самаго Микель Анджело, а хорошенько разсмотрѣть этихъ его сосѣдей, по своему великолѣпныхъ и дивныхъ мастеровъ.

Я очень высоко чту и люблю Вышеславцева, хотя совсѣмъ не могу такъ уже подъ рядъ всѣхъ обожествлять мастеровъ, какъ это дѣлаетъ высокочтимый мною писатель. Для него Рафаэль просто Богъ и конецъ. Онъ и рисовальщикъ, и композиторъ, и даже колористъ, хотя я совершенно согласенъ съ однимъ нѣмецкимъ профессоромъ педагогомъ: какъ это ни забавно, онъ по двѣнадцати-бальной системѣ даетъ Рафаэлю полные баллы за композицію и рисунокъ, за колоритъ же даетъ ему едва девять. Да и то для твореній Рафаэля той эпохи, когда онъ ознакомился кое съ кѣмъ изъ Венеціанскихъ колористовъ, а то по колориту это былъ просто иконникъ. Для Вышеславцева такое мнѣніе прямо святотатство.

Мастерская Свѣдомскаго въ Римѣ.

Для знакомства съ Римомъ мнѣ много помогъ Федоръ Петровичъ Рейманъ, привѣтливый и безмѣрно добрый, мягкій человѣкъ, такой, съ которымъ нужно самому быть начеку, чтобы не злоупотребить какъ нибудь его добротой. Для меня и вообще подобныхъ мнѣ, слабыхъ въ языкѣ, слабыхъ въ знаніи окружающаго, безъ Федора Петровича и Римъ не Римъ. Въ Римѣ я навѣстилъ и Бронникова. Бронниковъ, какъ и Рейманъ, превосходно зналъ итальянскій языкъ. Послѣдняго я особенно любилъ слушать, когда онъ говорилъ по итальянски. Никто изъ итальянцевъ не принималъ его за русскаго и не вѣрилъ, чтобъ это могъ говорить и знать такъ языкъ иностранецъ. Совсѣмъ зажившійся въ Римѣ Бронниковъ былъ и женатъ на итальянкѣ. Оба привѣтливѣйшіе люди. Пріятнымъ долгомъ считаю отмѣтить здѣсь, что Бронниковъ пожертвовалъ школѣ не этюдъ, а прямо съ выставки въ Россіи картину.

Интересная личность самого Бронникова. Съ далекаго сѣвера въ началѣ 50-хъ годовъ, кажется, безъ всякихъ средствъ Бронниковъ попалъ въ Петербургъ, поступилъ въ академію, которую съ успѣхомъ кончилъ. Будучи въ

душѣ историкомъ, чѣмъ онъ могъ быть задѣтъ и заинтересованъ у насъ на родинѣ? Сѣрая жизнь Николаевскаго времени, ни музея, ни малѣйшаго собранія, да тутъ простого боярина нельзя себѣ представить, какой онъ можетъ быть. Его посылаютъ за границу. Онъ въ Римѣ. И тутъ его сразу охватываетъ духъ исторіи. Онъ въ Ватиканѣ, въ музеѣ, въ галлереяхъ. И на него тутъ со всѣхъ сторонъ, какъ живые, смотрятъ римляне, въ своихъ чудныхъ портретныхъ, необычайно реальныхъ изображеніяхъ. И у талантливаго человѣка въ умѣ создаютса цѣлыя картины.

Въ Римѣ, недалеко отъ палаццо Фарнезино, въ прекрасномъ помѣщеніи есть одна частная галлерея старинныхъ мастеровъ живописи и тамъ чудное собраніе бюстовъ временъ римскихъ императоровъ. Это совершенно живыя лица, обрюзглые объѣдалы, гордые, характерные. Тутъ-то и черпалъ свои любопытнѣйшіе типы покойный Бронниковъ, и какъ затесался въ Римъ, то такъ тамъ на всю жизнь и остался. Все его тутъ плѣнило, включительно до красивой живой женской модели, на которой онъ женился. Живопись его гладенькая и есть что то непріятное розоватое въ колоритѣ тѣла. Но, тѣмъ не менѣе, это мастеръ далеко не безынтересный.

Нужно было не откладывать визита и нашему знаменитому мастеру Генриху Ипполитовичу Семирадскому. Живо вспоминается мнѣ мое первое знакомство съ нимъ.

Давно то было, но житейскія случайности выплываютъ съ такою ясностью, что даже не вѣрится, неужели это было такъ давно, а я уже старикъ. Никакой разницы съ растеніемъ: бутонъ, цвѣтокъ, увяданіе и смерть. Какъ это просто и какъ послѣднее нежелательно.

Были шестидесятые годы. Я въ Академіи художествъ числился на среднемъ счету. Но въ одинъ изъ мѣсяцевъ, шутка сказать, Семирадскій попалъ въ первый номеръ, а я во второй. Увы, ни въ Академіи, ни въ жизни это больше не повторялось. Такъ или иначе сидимъ мы съ Семирадскимъ рядомъ, въ среднемъ классѣ Академіи. До этого были мы съ нимъ немного знакомы, что называется шапочно, да и послѣ нашего сидѣнія ближе не сошлись; у него былъ свой кружокъ друзей, а у меня свой. Но тутъ, сидя рядомъ, мы разговорились и какъ то были въ ударѣ поболтать. Я уже много лѣтъ не видѣлъ своей милой родины и воспоминанія о ней для меня были сладчайшимъ утѣшеніемъ. Я выросъ въ ближайшемъ общеніи съ народомъ; разсказы изъ народнаго быта такъ и лились. Эти разсказы по просьбѣ друзей были даже записаны, и въ 70-хъ годахъ напечатаны В. Б. Антоновичемъ и Драгомановымъ, но я искренне не придавалъ имъ никакого значенія. Разсказы

лились, и Генрихъ Ипполитовичъ тоже не отставалъ. Мы болтали и работали, но насъ выдавалъ хохотъ и, кажется, хохотали и тѣ, что насъ окружали. Намъ сдѣлали замѣчаніе разъ, а потомъ второй разъ уже съ угрозой, что лишатъ мѣста и на этотъ мѣсяцъ не позволятъ продолжать рисунокъ. Пришлось смириться. Но я отлично припоминаю одинъ довольно странный разговоръ. Сидя рядомъ, однажды я спрашиваю:

— „Вы полякъ, Семирадскій"?

— „Почему Вы думаете, что я полякъ? Что моя фамилія на скій оканчивается, такъ ужъ я и полякъ. У меня древне-славянская фамилія Се-мирадскій. Есть Семиградскіе и поляки, а я какой же полякъ".

Ничего не потерялъ бы онъ въ моихъ глазахъ, какъ ничего и не выигралъ, уклонившись сказать, что онъ полякъ. Для чего ему понадобилось мистифицировать меня, умѣреннаго народолюбца и самаго искреннѣйшаго шестидесятника, и сейчасъ сказать не могу.

Я носилъ сивую шапку, свитку съ видлогою и даже дивилъ собою Петербургъ, но рѣшительно не раздѣлялъ проповѣдей околачивающагося между нами, юношами, дядюшки Ч., который, со слезами умиленія, признавалъ, что есть только одинъ народъ въ мірѣ, это народъ украинскій. О нѣмцѣ какомъ нибудь онъ говорилъ съ ироніей, но самый непріятный въ мірѣ народъ — это кацапы, цапы, русапеты. Съ ними рѣшительно не стоитъ имѣть какое либо дѣло и самое лучшее избѣгать всякаго сношенія. Эти разглагольствованія мнѣ мало нравились и были вредны тѣмъ, что многіе изъ насъ держались тѣсно своего кружка. Получалось нѣчто узкое, институтское, ничтожное знакомство съ окружающимъ міромъ, безграничное идеализированіе своей народности и небрежное отношеніе къ той, которая насъ окружала; такое настроеніе не развивало, а притупляло ту необходимую и важную наблюдательность, которою только и долженъ жить художникъ.

Я назвалъ себя умѣреннымъ народолюбцемъ. Можетъ быть, это забавно, но мнѣ, старику, хочется быть искреннимъ. Любя въ народѣ, этомъ кормильцѣ нашемъ, хорошія стороны, я не могъ никогда закрыть глаза и на его, не скажу дурныя, но во всякомъ случаѣ сомнительныя стороны. Кто живетъ въ ближайшемъ общеніи съ народомъ, тотъ ихъ знаетъ. Это нашъ меньшій братъ, мы для него что-то должны сдѣлать и ничего не дѣлаемъ, за то онъ намъ и даетъ себя почувствовать, иногда крѣпко почувствовать. Когда изломаетъ любовно холенныя деревца въ вашемъ маленькомъ саду, когда обнесетъ пять лѣтъ ожидаемые фрукты незрѣлыми даже, то невольно почешешься и подумаешь: что это тамъ эти петербуржцы пишутъ, пишутъ, пишутъ, а

ничего толкомъ намъ не придумаютъ. Надо имѣть или сердце гр. Толстого, или крѣпкую, высокую ограду вокругъ сада, но такъ какъ ни того, ни другого нѣтъ, то изъ меня получился умѣренный народолюбецъ.

Прошло два, три года, мы очень рѣдко встрѣчались съ Семирадскимъ, а потомъ и совсѣмъ разошлись на жизненномъ пути: онъ въ Римъ, а я просто въ житейскій омутъ. Но, конечно, до меня доходили слухи о Семирадскомъ. Онъ написалъ „Грѣшницу", и картина имѣла успѣхъ не только у насъ, но и за границей. Онъ одинъ изъ первыхъ взялъ крупныя деньги, что у насъ еще было необычно. Лицо, которое подало мысль написать эту картину и какъ бы косвенно сдѣлало заказъ, было, говорятъ нѣсколько смущено цѣною въ десять тысячъ за картину; тѣмъ не менѣе картина была взята. Г. И. Семирадскій, еще совсѣмъ молодой человѣкъ, сразу сталъ на ноги, на него сразу явился спросъ, а затѣмъ немного лѣтъ — и Семирадскій знаменитость. У него въ Римѣ собственный домъ и ателье, туда потянулись любители. Нашъ Павелъ Михайловичъ Третьяковъ, попавъ въ Римъ, конечно, зашелъ и къ Семирадскому. Тишайшій Павелъ Михайловичъ высмотрѣлъ, облюбовалъ и выторговалъ картину и уже оставалось только заплатить и взять ее, когда Павелъ Михайловичъ увидѣлъ надпись фамиліи художника, сдѣланную на картинѣ по-польски.

— „Вы ужъ мнѣ, Генрихъ Ипполитовичъ, подпишите картину по-русски".

— „Это почему"?

— „Да у меня русская галлерея и всѣ подписи русскія".

— „Нѣтъ, я этого не сдѣлаю. Картина подписана, такъ и останется".

— „Тогда я картины у Васъ не возьму".

Такъ и разошлись, и Семирадскаго нѣтъ въ галлереѣ Третьякова. Этотъ разсказъ передается съ маленькими варіантами, но суть его одна и та же.

Рѣшительно не могу сказать, имѣлъ ли право требовать Павелъ Михайловичъ, чтобы картина была подписана непремѣнно по-русски.

Картина воспитанника русской академіи, шесть лѣтъ продолжавшаго получать щедрое пособіе отъ русскаго правительства на дальнѣйшее свое образованіе, была русской картиной, это, такъ сказать, наше дѣтище и могла быть свободно подписана по-русски, но Генриху Ипполитовичу Семирадскому показалось интереснымъ первую свою выдающуюся картину украсить буквами въ вершокъ величиною по-польски. Эка важность. Такъ эта подпись красуется въ музеѣ Александра III и никто на это не обращаетъ вниманія. Правительство оказалось выше этихъ мелочей, и честь ему и слава. Полякъ подписался по-польски—вотъ и все.

Прошло восемнадцать лѣтъ отъ послѣдней моей встрѣчи съ Генрихомъ Ипполитовичемъ. И меня самого судьба привела въ Римъ. Однажды собрался я съ двумя товарищами, живущими въ Римѣ и хорошо знакомыми Семирадскому, пройти къ нему. Вошли въ комнату передъ мастерской и должны были задержаться, потому что въ самой мастерской Генрихъ Ипполитовичъ принималъ какого то кардинала и объяснялъ ему свое послѣднее произведеніе.

Генрихъ Ипполитовичъ привѣтливо къ намъ выглянулъ и своей улыбкой и мимикой ясно показалъ, что его гость скоро уходитъ и онъ весь будетъ нашъ. По стѣнамъ висѣли этюды и картины, и мы, не стѣсняясь, болтали. Скоро кардиналъ былъ вѣжливѣйше выпровоженъ и Генрихъ Ипполитовичъ обратился прямо ко мнѣ.

— „Не знаю Вашей фамиліи, не помню Вашего лица, но Вашъ голосъ прямо говоритъ, что мы непремѣнно товарищи по академіи".

— „Какъ же, говорю, рядомъ сидѣли". Я ему напомнилъ, онъ сейчасъ же вспомнилъ даже одинъ изъ моихъ разсказовъ.

Войдя въ мастерскую, мы видѣли начатую имъ большую картину „Христіанскую мученицу при Неронѣ". Это было въ 1885 г., а въ 1897 году я видѣлъ ее законченной на международной выставкѣ въ Венеціи. Объ этой картинѣ былъ разговоръ, что будто бы сюжетъ ея взятъ изъ романа Сенкевича. Это, конечно, невѣрно, картина задумана гораздо раньше.

Мы немного побыли и раскланялись, искренне поблагодаривъ хозяина.

Не много дней прошло, и вѣжливый Генрихъ Ипполитовичъ отдалъ мнѣ визитъ.

Тутъ вспомнили старину и оказалось, что у Генриха Ипполитовича въ Академіи не все шло, какъ по маслу. Образованный человѣкъ, кончившій университетъ, онъ поступилъ въ Академію художествъ и, добравшись до высшаго натурнаго класса, вдругъ запнулся.

Классъ былъ довольно многолюдный, около полутораста человѣкъ; были тутъ люди, которымъ лѣтъ подъ тридцать. Работы ихъ ежемѣсячно собирались, и какъ работы малыхъ ребятъ нумеровались. Вотъ, дескать, этотъ мѣсяцъ ты паинька первый номеръ, а ты второй, тридцатый, восемьдесятый, сто первый, все по порядку. Этотъ вздорный пріемъ для малыхъ дѣтей оказался негоденъ и выброшенъ, а то для этакихъ верзилъ аршина по три это не могло быть и справедливымъ. Я понимаю, что выбрать десять или двадцать рисунковъ изъ полутораста еще можно, да и то не безъ ошибокъ, но чтобы строго и справедливо различить 129-го отъ 130-го, это прямо невозможно.

Получившій первый номеръ дурѣлъ отъ восторга, а такъ какъ громадное большинство были люди слабо развитые и мало интеллигентные, то они прямо не знали, что съ собою дѣлать. За первымъ номеромъ шла медаль, сначала малая серебряная, потомъ большая серебряная, малая золотая, большая золотая, медаль за рисунокъ, медаль за живопись, медаль за эскизъ. Получали по восьми медалей. Дѣлалось такъ, какъ будто вся задача Совѣта профессоровъ состояла въ томъ, чтобы человѣка довести до бѣлаго каленія и раздуть самолюбіе до умопомѣшательства, и это было не рѣдко. Много этакихъ медалистовъ достукивались даже до заграничной поѣздки на казенный счетъ. Много ихъ, но „имя ихъ Ты, Господи, вѣси". Они возвращались изъ заграницы, привозили какой нибудь дутый вздоръ и терялись въ неизвѣстности. Но рѣдко кто изъ нихъ не тронутъ маніей величія, благодаря раскаляющему пріему воспитанія и безъ того болѣзненнаго самолюбія мнимыхъ артистовъ.

И вотъ въ такой-то группѣ Генриху Ипполитовичу пришлось получать сотые номера, да еще этакъ сто тридцатый и сто сороковой. И такой былъ идіотскій обычай, что далекій номеръ давалъ и далекое мѣсто отъ натурщика, что еще болѣе затрудняло возможность выбиться и уяснить себѣ, что отъ него хотятъ. Казалось бы чего проще, трудно человѣку, посади его ближе къ натурщику, уясни и дѣло пойдетъ. Но кто же это сдѣлаетъ? Профессора всѣ старики и генералы, нѣкоторые генеральствомъ своимъ страшно заняты; у профессора Басина такъ и застыла мина глубокаго пренебреженія ко всему. Онъ двигался, какъ какой нибудь индѣйскій богъ-истуканъ въ процессіи. Подъ каррикатурой профессора Нефа такъ и подписано было:—Фи снаете, я генералъ.

Говорятъ, что этой фразой онъ встрѣчалъ всѣхъ своихъ знакомыхъ. Но я долженъ оговориться, что это былъ простодушный, добрый человѣкъ и прекрасный для своего времени художникъ. Финляндецъ—плохо говорилъ по-русски.

— „Однажды," —разсказывалъ Генрихъ Ипполитовичъ, —„былъ мѣсячный смотръ рисунковъ. Я бѣгу и встрѣчаю товарища, возвращающагося съ выставки рисунковъ, спрашиваю—не замѣтилъ, какой номеръ моего рисунка?

— Говоритъ,—восьмидесятый. Ну, слава Богу, таки подвинулся. Какой же ужасъ, когда я увидѣлъ, что въ этотъ мѣсяцъ всѣхъ и было только восемьдесятъ человѣкъ рисующихъ. Меня просто отчаяніе взяло. Дома у меня близкіе, совершенно равнодушные къ моимъ занятіямъ, начали меня утѣшать. Въ классѣ, продолжалъ разсказывать Генрихъ Ипполитовичъ, за спиною всѣхъ,

рисую стоя, положивъ папку на столъ. Натурщикъ стоялъ въ довольно дурацкой позѣ съ копьемъ. Набросилъ я контуръ голаго тѣла. Скучно, такъ бросить все и хочется, руки не подымаются. Кое какъ, заставляя себя, намѣтилъ я, что у него палка въ рукахъ, и вижу, небрежно царапая, что у меня верхняя часть палки не совпадаетъ съ той, которая продолжается подъ рукой. Но это же глупость, это дитя можетъ нарисовать. Вдругъ просовывается за спиной это чудище Басинъ, заглядываетъ съ своей миной и своимъ гнусявымъ голосомъ говоритъ: что это, ты и палки не умѣешь нарисовать? Я не знаю, какъ его не убилъ на мѣстѣ. Я такъ былъ взбѣшенъ этой грубостью, этой небрежностью. Онъ прошелъ, но, кажется, остановись онъ на моментъ, и была бы исторія. Но это было послѣднее испытаніе. Товарищъ уступилъ мнѣ свое мѣсто ближе къ модели, и дѣла мои пошли совершенно иначе. Мнѣ стало сразу ясно, чего отъ меня хотѣли и въ чемъ дѣло. Черезъ полъ-года, я уже имѣлъ двѣ медали".

Время, когда Генрихъ Ипполитовичъ работалъ на золотую медаль, онъ вспоминалъ съ удовольствіемъ. Конкуррентовъ было, какъ всегда, нѣсколько, всѣ были очень работящіе и собирались въ отведенныя имъ въ академіи мастерскія еще до разсвѣта. Генрихъ Ипполитовичъ вспоминалъ, какъ онъ покупалъ, рано утромъ превкусный горячій хлѣбъ и угощалъ другихъ. Такъ, чайкомъ, да хлѣбомъ пробавлялись до вечера, а проработавъ непрерывно весь день, позволяли себѣ побаловаться обѣдомъ.

На мой вопросъ, пользуется ли онъ теперь, какъ и другіе, фотографіей, Генрихъ Ипполитовичъ сказалъ, что нужно быть во всеоружіи. Смѣшно, если противникъ выступаетъ противъ васъ съ оружіемъ аршина въ два, а вы противъ него съ оружіемъ въ нѣсколько вершковъ.

Но, можно сказать, что Генрихъ Ипполитовичъ пользовался фотографіей, какъ артистъ.

Вообще, можно сказать, что онъ и съ моделью обращался очень смѣло и самостоятельно. Зачастую онъ дѣлалъ съ модели только рисунокъ и отправлялъ ее. Дальше онъ писалъ силою впечатлѣнія, выдерживалъ въ картинѣ свой стиль и свой, ему одному присущій, вкусъ колорита и формы. Почти также относился онъ и къ пейзажу, который у него всегда великолѣпенъ, хотя и далекъ отъ того суроваго реализма, который преслѣдуется теперь.

Одинъ изъ живущихъ въ Римѣ мнѣ говорилъ, что Генрихъ Ипполитовичъ въ одной изъ картинъ, рисуя группу фигуръ на солнцѣ, отъ одной изъ фигуръ не сдѣлалъ падающей тѣни, и когда онъ ему замѣтилъ, художникъ отвѣтилъ:

— „Чертъ съ ней, когда она мнѣ мѣшаетъ“.

Картина была великолѣпно продана и безъ тѣни.

Аналогичный случай былъ и съ Иваномъ Константиновичемъ Айвазовскимъ. Рѣшено было соорудить большой портретъ Пушкина на берегу моря.

Пушкина написалъ большой нашъ артистъ И. Е. Р., а море и все окружающее писалъ Иванъ Константиновичъ. Тутъ то въ падающей тѣни, въ ея направленіи Иванъ Константиновичъ сильно погрѣшилъ.

— „Иванъ Константиновичъ, а вѣдь направленіе тѣни не вѣрно“, замѣтилъ Р.

— „Ахъ какой вы педантъ“! отвѣчалъ Айвазовскій. Тѣмъ дѣло и кончилось; тѣнь, конечно, осталась, какъ была.

Я проговорился Семирадскому, что у меня есть порученіе посмотрѣть въ лавочкахъ антикваріевъ, не найдется ли чего интереснаго.

— „Я охотно помогу Вамъ въ этомъ“, любезно согласился Генрихъ Ипполитовичъ. „Я со многими знакомъ и съ большимъ удовольствіемъ всегда копаюсь въ старинныхъ вещахъ“.

Мы въ нѣсколько пріемовъ обошли всѣ антикварныя лавочки и тутъ Генрихъ Ипполитовичъ показалъ себя большимъ знатокомъ.

Генрихъ Ипполитовичъ, какъ художникъ былъ трудолюбивъ, и все сдѣланное имъ хорошо продавалось. Драматическіе сюжеты были не его дѣломъ, но онъ и ихъ ловко, умѣло эксплоатировалъ. Свои „свѣточи“, эту дутую драму, громадную картину онъ, конечно, достойно продать не могъ, но онъ ее шумно пожертвовалъ краковскому музею.

Грѣшно было бы не вспомнить, что Семирадскій, узнавъ, что я завѣдую рисовальной школой, по первому моему слову далъ полъдесятка своихъ рисунковъ и одинъ этюдъ красками для школы.

Новое искусство я какъ то зналъ и ясно его себѣ представлялъ. Но старые мастера, особенно предшественники Рафаэля были для меня новостью. Не хотѣлось мнѣ оторваться отъ нихъ и ѣхать изъ Рима. Я списался съ Иваномъ Николовичемъ, онъ поддержалъ меня въ моей мысли пропустить парижскій салонъ и пробыть подольше въ Римѣ, что я и сдѣлалъ.

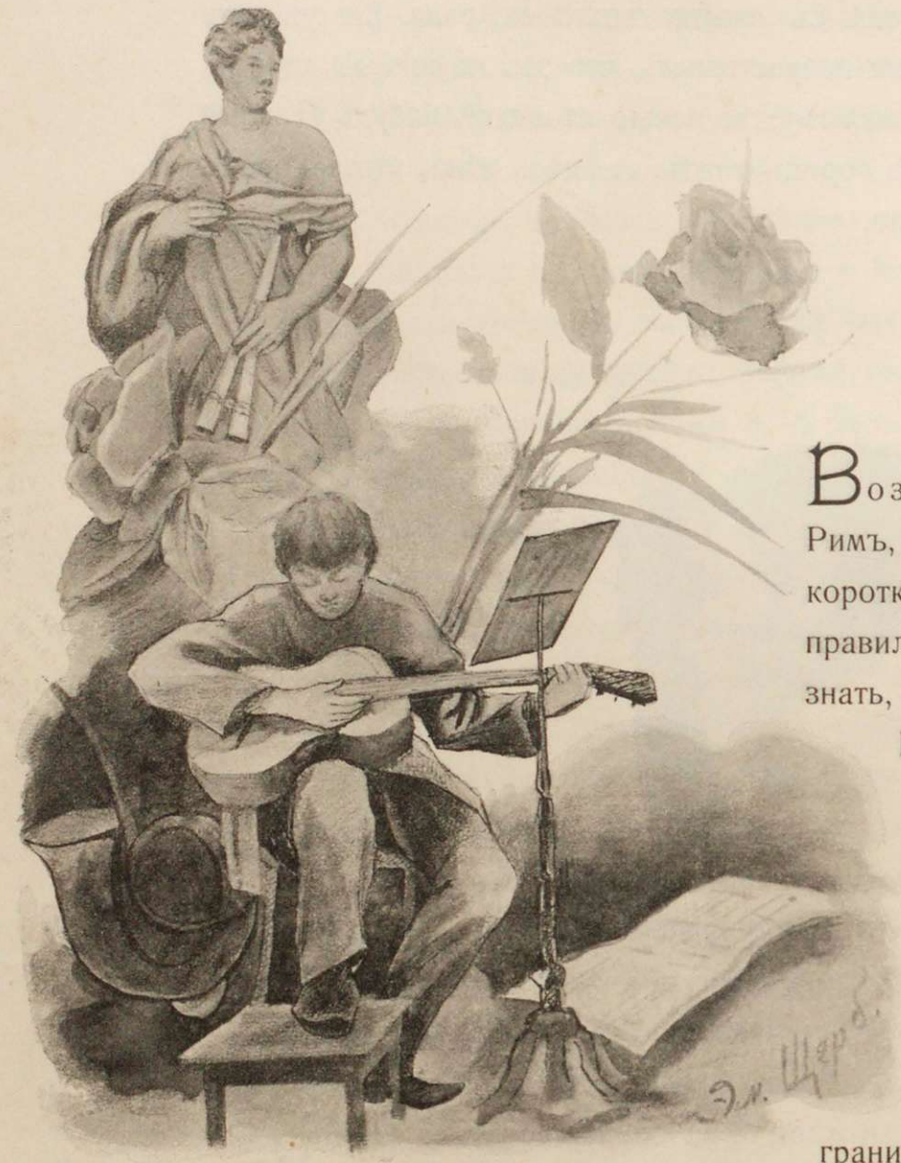
Списавшись съ Иваномъ Николовичемъ, я пріобрѣлъ для него маленькую, но очень изящную картину П. А. Свѣдомскаго. Не могу не упомянуть, что даже металлическая рама была художественна и представляла изъ себя интересный уникумъ.

Я такъ много обязанный своему милому хозяину, не скупился на письма, даже охотно ихъ иллюстрировалъ, какъ могъ.

Изъ Рима я направился въ Неаполь. Осмотрѣвъ, по возможности, музей.

Говорю „по возможности“, потому что нашему брату на музей положить три—четыре дня, это все равно, что ничего. Все это будетъ поверхностный осмотръ не болѣе. Нужны мѣсяцы, а то и болѣе.

Отправился я съ другомъ своимъ и ученикомъ въ Помпею. Какое сильное впечатлѣніе. Я совѣтую кромѣ осмотра Помпеи днемъ, выйти изъ дома въ лунную ночь и взглянуть на городъ съ окружающаго его вала. Вы увидите мертвый городъ. Вы сразу можете почувствовать, что это не сонный городъ, это не то, что вы чувствуете въѣзжая глухою ночью въ какой нибудь уѣздный городокъ. Вы чувствуете тамъ, что городъ спитъ. А здѣсь нѣтъ, этотъ городъ умеръ! Это трогательно и страшно.



Возвратившись изъ Неаполя въ Римъ, я пробылъ тамъ недолго и послѣ короткой остановки въ Миланѣ, я отправился прямо въ Парижъ. Нужно знать, что средства у меня маленькія. Прежде чѣмъ издержать какую нибудь монетку, такъ ой-ой, какъ задумаешься. Стало быть качай въ третьемъ классѣ и ничего больше. Насчетъ языковъ, я какъ будто полюбилъ больше всего итальянскій; при дальнѣйшихъ поѣздкахъ за границу, я началъ даже кое-что мараковать на немъ. Но гдѣ же тутъ на старости узнать нѣсколько языковъ. Тутъ нашъ русскій языкъ родненькій, если не изучишь его своевременно, то потомъ наплачешься, а то еще иностранные, да еще и нѣсколько. Ну, конечно, учебники всѣ по-боку, одну книжечку съ фразами въ карманъ, да и маршъ, а тамъ ужъ, какъ Богъ дастъ. Гдѣ фразы изъ книжки не помогаютъ, приходилось дополнять мимикой. Иногда въ пути попадаются братья-славяне: полякъ или чехъ какой нибудь. Ну на это смотришь, какъ на счастливѣйшую случайность. Чувствуешь себя сейчасъ легче и свободнѣе. Но это совсѣмъ не такъ часто бываетъ, какъ можно думать. Мои личныя впечатлѣнія заставляютъ

меня сказать, что я въ пути встрѣчалъ болѣе привѣтливыхъ и добродушныхъ чѣмъ какихъ нибудь суровыхъ букъ.

Попавъ на неудачный поѣздъ, до Парижа я ѣхалъ долго съ пересадками и никого мнѣ не попалось изъ земляковъ. Мнѣ было очень тяжело, нервы мои были очень напряжены. Въ Парижъ пріѣхалъ я утромъ. У меня былъ адресъ въ Hotel de Petersbourg. Тамъ долженъ быть русскій коммиссіонеръ. Схвативъ свой маленькій ручной багажъ (ужъ этимъ я старался себя не стѣснять)—къ извощику. Вижу, что онъ требуетъ съ меня цѣлое состояніе за доставку. Конецъ великъ, это правда, но отвалить сразу, чуть ли не 15 франковъ, это ужасъ. Я употребляю всю силу своей мимики, а онъ себѣ куритъ сигару, и едва отводитъ глаза отъ своей газеты. Я тогда прямо къ городовому. Показываю ему на пальцахъ, что требуетъ съ меня извощикъ. Онъ меня выслушалъ съ полнымъ вниманіемъ, отвелъ меня въ сторону, усадилъ на тротуарный столбикъ и краснорѣчиво мимикой показалъ мнѣ сидѣть и ждать. Онъ скрылся и черезъ двѣ или три минуты уже лихо подъѣзжалъ въ экипажѣ, соскочилъ и усадивъ меня показалъ также на пальцахъ, что нужно уплатить всего лишь 4 франка. Прежде чѣмъ я отъѣхалъ, онъ записалъ номеръ моего извощика. Пока онъ записывалъ, я уже приготовилъ маленькую полуфранковую монетку, которую и сунулъ этому милому человѣку.

— „Merci, говорю, дяденька, будьте здоровы.“

Какъ онъ меня понялъ, я уже не знаю, но только онъ очень мило улыбался.

Подъѣхавъ къ Hotel de St.-Petersbourg, я не вставая съ извощика, попросилъ съ себѣ русскаго коммиссіонера. Черезъ минуты двѣ явился высокій пожилой человѣкъ.

— „Что же Вамъ угодно, господинъ?“

Боже мой, кажется никакая музыка не сравнится съ звуками родныхъ словъ.

— „Милый человѣкъ, Вы говорите по-русски, ахъ какая прелесть! Можете представить я уже нѣсколько дней въ пути и ни звука на родномъ языкѣ“.

— „Что же Вы желаете?“

— „Мнѣ нужно пожить въ Парижѣ. Мнѣ нужно устроиться такъ, чтобы это не было дорого.“

— „О, это не въ нашемъ отелѣ нужно искать, проговорилъ онъ съ улыбкой. Но сегодня Вы останетесь у насъ, а вечеромъ я Васъ устрою иначе.“

Тутъ я былъ прекрасно накормленъ, напоенъ и даже въ заключеніе взялъ

ванну. Но счетъ подали такой, что я только крякнулъ. Привязался я было къ слову service.

— „Что это за сервизъ такой? Разбилъ я что нибудь что-ли?“

— „Нѣтъ, это, говоритъ, за прислугу“.

— „Да тутъ вертѣлись всякіе, но я всегда даю при выходѣ“.

— „То, говоритъ, дѣло Ваше, то особая статья“.

Вечеромъ схватилъ старикъ весь мой багажикъ, усѣлся со мною вмѣстѣ на извозца и мы двинулись въ путь. Ѣхали мы долго, наконецъ Rue du plaisir, улица, какъ будто, поскромнѣе другихъ. Входимъ въ нижній этажъ одного дома. Столовая, содержатель ея господинъ Гохъ, великолѣпно говоритъ по-русски и по-польски. Старикъ мой потребовалъ себѣ зразы и кашу по-польски. Это, говоритъ, я люблю, и это Вы не вездѣ достанете. Я познакомился, уговорился—на верхнемъ этажѣ мнѣ будетъ маленькая комната, обѣдъ внизу, цѣна совершенно нашинская. Я былъ очень радъ. Занялъ свою комнату, гдѣ была кровать, столъ и одинъ стулъ, для большаго количества мебели здѣсь не было и мѣста.

Когда я вечеромъ сошелъ внизъ, то въ столовой нашелъ большое общество. Говорили больше по-русски и по-польски. Много я увидѣлъ тутъ людей еврейскаго происхожденія. Я подсѣлъ къ столу, потребовалъ себѣ стаканъ чаю. Возлѣ меня сидѣлъ молодой человѣкъ, который сейчасъ же заговорилъ:

— „Вы какъ здѣсь, съ паспортомъ или безъ паспорта?“

— „Я съ паспортомъ, только вѣдь у Васъ его не спрашиваютъ“.

— „Да, но мы здѣсь всѣ подъ присмотромъ полиціи. Тутъ почти всѣ бѣжавшіе изъ Россіи. Вы не боитесь быть между такими? За нами всѣ шпіонятъ“.

— „Вотъ и прекрасно; если эти шпіоны не идіоты, они прекрасно увидятъ, что я ничего общаго съ Вами не имѣю. Буду ходить себѣ по музеямъ, галлереямъ и ничего больше, на ночь буду приходить домой“.

— „Можетъ быть Вамъ нуженъ проводникъ?“

— „Да, я буду очень радъ, я такъ плохо знаю языкъ, а города совсѣмъ не знаю“.

— „Ну такъ я буду Васъ провожать. Вы дадите мнѣ три франка въ день и хоть разъ покормите. Я онень хорошо знаю Парижъ; знаю, какъ лучше проѣхать въ омнибусѣ и гдѣ что дешевле можно купить. Вы на одной экономіи извощиковъ выиграете больше, чѣмъ стоитъ мое жалованье“.

Я согласился и это былъ мой проводникъ; въ свободные часы онъ вмѣстѣ съ другимъ также молодымъ человѣкомъ прямо прислуживалъ у Гоха. По-

слѣдній былъ простой и мало интеллигентный юноша. Было въ немъ что-то плутоватое и грубое, а мой проводникъ былъ ученикъ старшаго класса Минской гимназіи. Какъ онъ попалъ сюда, ужъ Богъ его знаетъ. Видно только, что жилось здѣсь не сладко, если пришлось быть просто лакеемъ кухмистера Гоха. Разъ вечеромъ онъ мнѣ говоритъ:

— „Приходите сегодня въ столовую, у насъ сегодня интересное собраніе".

Позднимъ вечеромъ лампы были зажжены, столы сдвинуты въ сторону, рядами стояли стулья и на нихъ сидѣла публика. Было много евреевъ и еврекъ, все людъ средняго возраста и моложе. За столомъ, который служилъ мѣстомъ для президіума сидѣло трое. Одинъ изъ нихъ первый сталъ держать рѣчь. Онъ всталъ и оказался высокимъ крѣпкаго тѣлосложенія евреемъ съ рябымъ характернымъ лицомъ. Онъ говорилъ:

— „Я былъ учителемъ русскаго языка въ Одессѣ. Какая иронія. Я училъ своихъ враговъ ихъ языку. Но мы утѣшимся, когда вспомнимъ, что не все же тамъ наши враги, тамъ есть и друзья. Изъ много-милліоннаго русскаго народа и вообще я не беру однихъ русскихъ, будемъ брать всѣхъ, намъ нужно одинъ милліонъ убѣжденныхъ революціонеровъ и тогда побѣда наша. Не трудно представить возлѣ одного убѣжденнаго человѣка непремѣнно есть кто либо, на кого онъ будетъ вліять... Это будетъ два милліона, а если мы возьмемъ семью изъ пяти—шести человѣкъ, гдѣ работаютъ искреннимъ образомъ двое, они не могутъ не заразить другихъ. Уже будетъ шесть милліоновъ сочувствующихъ. Это уже сила, а къ силѣ вы знаете, уже льнутъ всякіе убѣжденные и неубѣжденные. Масса идетъ за силой и тутъ къ намъ перебѣгутъ со всѣхъ лагерей, ища поживы. Это намъ все равно, такъ составляется вообще всякая сила".

Онъ говорилъ довольно долго, но я отмѣтилъ только, что могло свободно задержаться въ головѣ. О стенографированіи, конечно, я не думалъ.

За нимъ говорила какая то сіонистка, блѣдная, некрасивая, въ темныхъ очкахъ. Она подошла къ столу, ея блѣдное лицо воодушевлялось и она дѣлалась страшно живописной и интересной. Она взывала къ толпѣ слушателей:

— „Насъ ненавидятъ, нами пренебрегаютъ и у насъ нѣтъ никакого самолюбія, чтобы уйти. Масса малодушныхъ измѣняетъ намъ, прячется въ космополитизмъ, оставляютъ религію. Мы клеймимъ ихъ презрѣніемъ, мы ихъ клянемъ, но сами равнодушно смотримъ на бѣдствующій народъ."

У ней была не одна только лирика, такъ сказать. Она принялась за цифры, за статистику и съ цифрами въ рукахъ она рисовала ту землю, куда требовала переселенія.

Послѣ нея говорилъ какой то французъ, говорилъ съ большимъ пафосомъ, сильно жестикулируя, говорилъ долго. Я, къ сожалѣнію, ничего не понялъ. Онъ писалъ въ одной газеткѣ изо-дня въ день и велъ извѣстія изъ Россіи, подъ рубрикой: „Извѣстія изъ страны мрака и невѣжества". Говорилъ еще кто-то, говорилъ о томъ, что русскій народъ совсѣмъ не худо относится къ евреямъ. Тутъ кто-то поднялся, великолѣпно говорящій по-русски и попросилъ слова:

— „Надо господа прямо смотрѣть на дѣло. Народъ одно, а въ этомъ народѣ есть сословіе, это совсѣмъ другое; это сословіе, для котораго народъ служитъ лошадью, на которой сидятъ и ѣдутъ; правда, иной разъ ѣдущій объ этомъ вздохнетъ, иногда даже слезу уронитъ, но отъ этого лошади не легче. Когда же сидящій видитъ, что за его спиной на ту-же лошадь взбирается еще кто-то другой и этотъ другой еврей, я думаю, что тутъ довольно основанія для вражды".

Шумъ, крики, что это односторонне, что сидящій на лошади—бездѣльникъ, а еврей необходимый въ государственной жизни. Возлѣ меня сидѣлъ какой то небритый, въ сѣромъ очень бѣдномъ, затасканомъ костюмѣ, неспокойный, нервный. Я бы подумалъ, что онъ немножко уже принадлежалъ къ душевнобольнымъ, какихъ я уже тутъ видѣлъ. Онъ часто не выдерживалъ и совершенно громко говорилъ:

— „Ишь, какъ вретъ!"

— „Ишь!"

— „А? Не можетъ быть?" Шипѣлъ онъ съ ироніей.

Тутъ онъ вдругъ всталъ и заявилъ:

— „Господинъ Масловъ не такъ выразился: не на лошади сидитъ еврей, а на шеѣ сѣдока".

Смѣхъ. Предсѣдатель всталъ за столомъ и заявилъ:

— „Это господинъ Трубецкой. Я надѣюсь, что этимъ все сказано".

Трубецкой пошаталъ головой и иронически разсмѣялся. Я рѣшительно не думаю, что это былъ князь. Вѣроятно это забавное совпаденіе фамилій и ничего больше.

Дальше тутъ начались прямо личныя препирательства. У стола оказался человѣкъ съ видомъ стараго студента, съ рѣчью начитаннаго и можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ ученаго человѣка. Смыслъ его рѣчи былъ таковъ, что во главѣ партіи теперь стоитъ такой человѣкъ, что погубитъ и партію, и все дѣло. Что онъ Маркса совсѣмъ не понимаетъ и пр. Грущу, что не въ курсѣ этого дѣла и для меня многое тутъ не было ясно. Но ясно, что тутъ разы-

грались самыя обыкновенныя людскія страстишки. На почвѣ ревности, за власть, за роль главы и такъ далѣе. Этотъ удивительно симпатичный для меня шатенъ съ красивой бородкой говорилъ совсѣмъ не симпатичныя вещи.

— „Я бы его сжегъ, я бы его самъ разорвалъ на кусочки“, говорилъ онъ о своемъ соперникѣ, видимо не въ силахъ сдерживаться. И это навѣрно такъ, потому что возлѣ себя я слышалъ фразы:

— „Какъ будто бы при тебѣ было лучше!“

Этому господину не далъ дальше распространяться, среднихъ лѣтъ, типичный загорѣлый еврей, видно бѣднякъ ремесленникъ слесарь съ своими черными неотмываемыми руками. Онъ всталъ и всѣ затихли.

— „Тише! Вниманіе! Шлема говоритъ!“

Онъ, польщенный такимъ къ себѣ отношеніемъ, началъ говорить страшно ломанымъ русскимъ языкомъ; онъ его плохо зналъ, а тутъ, на чужбинѣ, пожалуй, и совсѣмъ его позабылъ.

— „Я хотѣлъ бы знать тутъ одну цѣль“, сказалъ онъ. „Я вижу тутъ два цѣль, три цѣль. Мы слыхали прошлую субботу Вороновъ ругалъ Новосильска; сегодня Новосильски ругаетъ Воронова. Намъ это некогда, намъ нужна одна цѣль, а не два цѣль“.

— „Браво, Шлема! браво!“

Шлема еще что-то поплелъ и сѣлъ.

Засѣданіе было закрыто, и всѣ разошлись. Потомъ, обѣдая тутъ же, я познакомился съ разными типами. Я помню юношу съ волосами, какъ смоль черными. Онъ почти бредилъ Россіей, она не сходила у него съ языка:

— „Скоро, скоро я вернусь въ Россію. Тамъ будетъ большой переворотъ. Вы пріѣдете, уже ничего не найдете, что оставили!“

— „Полно Вамъ, милый юноша, совѣтую Вамъ искать другой способъ для возвращенія“.

— „Нѣтъ, Вы ничего не знаете!“

Я умолкалъ, не хотѣлъ его разочаровывать. Гдѣ этотъ юноша теперь? Я думаю, его кудри уже посѣдѣли. Онъ кое-чего дождался, но я думаю, что это совсѣмъ не то, чего онъ ждалъ...

У меня, за стѣной, жилъ полякъ, который прекрасно говорилъ по-русски. Жилъ онъ тѣмъ, что въ одномъ коллегіумѣ училъ французовъ англійскому языку и, кажется, бѣдствовалъ. У него была жена, двое дѣтокъ; жена очень привлекательная, но съ страдальческимъ выраженіемъ лица. Видно, что это были очень интеллигентные люди, которымъ жилось очень не легко. Утромъ

я встрѣтилъ его на улицѣ съ корзинкой съ провизіей, идущимъ съ рынка. Онъ меня остановилъ:

— „Знаете, г. Мурашко, Вы будьте осторожнѣе съ вашимъ проводникомъ!“

— „А что?“

— „Да, можетъ, это и глупость, но все-таки лучше быть осторожнымъ. Слуга Гоха и Вашъ проводникъ, вѣдь тоже пока не больше, какъ такой же слуга, только безъ жалованія: этотъ ловкій Гохъ находитъ, что имъ достаточно давать столъ, который ему они своими услугами должны отработать; ну, видно все это не сладко. И вотъ, Вашему проводнику приказано высмотрѣть, гдѣ у Васъ деньги; они ужъ даже знаютъ, что Вы получили по переводу“.

— „Да, это не трудно, потому что я съ проводникомъ моимъ ихъ получалъ“.

— „Вотъ видите, какъ это ихъ поджигать можетъ. Они оба мечтаютъ бѣжать въ Америку“.

— „Почему же Вы знаете?“

— „Да видите, они еще не такіе закоренѣлые преступники, чтобы вести свой планъ втихомолку. Я слышалъ ихъ бредъ. Я пилъ свой кофе, и они полусловами, подмигиваніями все выдали и даже вашу фамилію“.

Я, конечно, проводника болѣе не принялъ къ себѣ; кстати, у меня съ Парижемъ почти всѣ счеты были покончены. Черезъ день я уѣхалъ въ Антверпенъ.

Интересно, какъ отнеслась ко мнѣ полиція и тѣ шпіоны, о которыхъ мнѣ говорили. Я ихъ не видѣлъ.

Думаю, что какой-нибудь и увязался за мной слѣдить, да разъ прослѣдовалъ за мной въ Лувръ, на другой день тоже въ Лувръ, потомъ въ галлерею Люксенбургъ, а потомъ опять въ Лувръ! Онъ взялъ да и плюнулъ, думая про себя, что я за любитель такой искусствъ, что буду съ нимъ шляться по музеямъ, пойти разъ хорошо, два, а это чертъ знаетъ что, это жизни своей не радъ станешь.

Кружокъ товарищей по академіи 1864—1867 г. г.

Стоятъ: Богомоновъ, Макаровъ, Софійскій, Пановъ, Кривковичъ. Сидятъ: Трегубовъ, Шевцовъ, Праховъ, Шустовъ. На полу: Англичаніангъ, Мурашко, Рѣпинъ и Антокольскій.

Немногихъ художниковъ въ Парижѣ я посѣтилъ въ этотъ разъ. Былъ съ большой пользой для себя, какъ пейзажиста, у г. Похитонова; его пріемы въ изображеніи неба очень интересны. Художникъ Н. Д. К. выразился о немъ, что Похитоновъ открылъ и владѣетъ секретомъ сдѣлать въ пейзажѣ ровно столько, сколько нужно; потому что мы всѣ дѣлаемъ больше, чѣмъ нужно.

Да, остановиться во время въ передачѣ природы, это не такъ просто, какъ кажется.

Посѣтилъ я еще Харламова, Лемана и своего хорошаго и стараго пріятеля Мордка Митусевича Антокольскаго, такъ свободно окрещеннаго въ Марка Матвѣевича. Покойнику я не могу не посвятить нѣсколько больше строкъ, чѣмъ другимъ.

Юношей, лѣтъ восемнадцати, я намѣренъ былъ приступить къ экзамену по рисованію въ академію. Землякъ, опытный уже въ искусствѣ, говоритъ мнѣ:

— „Отчего бы тебѣ не порисовать еще немножко въ классѣ Академіи, чтобы навѣрняка приступить къ экзамену?“

— „Какъ же это сдѣлать?“

— „А вотъ я тебя проведу. У насъ есть такой милый классъ, куда ни

*) Н. А. К.
Николай Дмитриевъ
Кузнецовъ

одинъ профессоръ и носа не показываетъ. Ты тамъ себѣ засядь и упражняйся съ гипсовой головы".

Сказано, сдѣлано. На другой день онъ велъ меня по длиннымъ и высокимъ корридорамъ Академіи, въ одну изъ дверей впустилъ меня и самъ вошелъ. Большая комната была установлена бюстами, статуями и скамейками и человѣкъ шесть, семь, въ разныхъ мѣстахъ этой большой комнаты, рисовали и лѣпили, а нѣкоторые похаживали и даже покуривали. Мнѣ нашлось мѣсто противъ одного большого бюста.

— „Вотъ тутъ себѣ сядь, да и катай углемъ", говоритъ землякъ; „а часика черезъ три я зайду взглянуть".

Обводя комнату глазами и знакомясь съ обстановкой, я увидѣлъ на стѣнѣ таблицу, на которой написано: Дежурный профессоръ такой-то. Я указываю земляку на таблицу и спрашиваю, какъ быть, если зайдетъ профессоръ.

— „Да это форма. Никакой діаволъ сюда не зайдетъ. Не безпокойся и рисуй себѣ".

Тутъ подошелъ служитель и попросилъ меня въ какой то истрепанной книжкѣ расписаться. Я еще болѣе удивленно посмотрѣлъ на земляка, спрашиваю, какъ быть съ этимъ. Онъ разсмѣялся.

— „Что же, распишись и ничего болѣе".

Я скромно вывелъ свою фамилію подъ фамиліями уже находящихся въ этой комнатѣ.

— „Вѣроятно, они эти списки провѣряютъ".

— „Кому тамъ ихъ провѣрять? нужно очень. Сиди себѣ и работай".

Такъ я и началъ работать и познакомился съ окружающими. Кажется, не далѣе какъ на другой день, только что я усѣлся, входитъ юноша, еврей. Темные, густые, короткіе волосы, немножко выдающіяся скулы, крупный ротъ и задумчивое выраженіе лица.

Онъ скромно сбросилъ пальто и тихой, дѣловой походкой прошелъ къ своему мѣсту. На доскѣ, подъ мокрымъ холстомъ, была начата имъ лѣпка изъ глины, и онъ приступилъ къ продолженію своей работы. Мнѣ показалось, что онъ сразу преобразился, сталъ прямѣе, живѣе, выше; онъ то отходилъ отъ своей работы, то прямо какъ бы впивался въ нее, то подбѣгалъ и пытливо разсматривалъ оригиналъ, съ котораго лѣпилъ. Лѣпилъ онъ со статуи Лаокоона голову и часть великолѣпнаго античнаго торса. А мы себѣ похаживали, да покуривали,— сказано, свободное искусство.

Какъ теперь вспоминаю, мнѣ ясно представляется, что если кто работалъ, то работалъ онъ одинъ, а мы такъ себѣ, что-то ковыряли. Такъ прорабо-

тавши часа два, онъ воткнулъ въ глину свои цтеки, накрылъ работу холстомъ и также безшумно вышелъ, какъ и вошелъ. Никому ни слова, ни звука. Онъ скрылся, а мы невольно потянулись къ его доскѣ и подняли холстъ.

— „Ишь ты, жидюга, какъ ловко",—сказалъ кто-то изъ нашей маленькой толпы.

— „Да, очень хорошо, чертъ возьми".

И осторожно закрывъ его работу, мы молча отошли къ своимъ столамъ. Я думаю, что мы безотчетно почувствовали маленькій конфузъ. Мы тѣ, которые могли здѣсь и не быть. Можетъ быть, кто-нибудь прочтетъ это и скажетъ: что за скромность такая. Но это опытъ всей моей жизни. Какой-то великій философъ, устраивая въ проектѣ свою республику, рѣшилъ, что всѣхъ поэтовъ, музыкантовъ, скульпторовъ, живописцевъ слѣдуетъ гнать вонъ. Я его понимаю. Онъ имѣлъ въ виду всю эту толпу непризнанныхъ или, вѣрнѣе, незванныхъ, потому что избранныхъ немного и ихъ не выгонишь. Они поборютъ и законодателя, и сердца своихъ гражданъ. Безъ поэтовъ земля не останется, но рифмоплетовъ, конечно, слѣдуетъ гнать, какъ трутней.

Всѣ искусства завлекательны, на нихъ молодежь ловится, какъ мухи на медъ. Открывать школы можно и въ Перми, и въ Саратовѣ, и на Кавказѣ, но завлекать въ школы мундирами, форменными шапками, правами—это по моему мнѣнію большое недоразумѣніе.

Но будемъ продолжать о давно прошломъ.

Черезъ нѣсколько недѣль, я нарисовалъ съ выставленнаго для цѣлой небольшой группы бюста Аполлона, получилъ за рисунокъ тройку и бѣжалъ, не слыша подъ собою ногъ, заявить земляку, что я съ сего дня ученикъ Академіи.

Въ 1864 году къ веснѣ большая художественная выставка въ Академіи. Мы, конечно, похаживаемъ, критикуемъ и критикуемъ безъ конца. И теперь, анализируя прошедшее, я чувствую, что въ этомъ одностороннемъ критиканствѣ нашемъ было что-то такое совсѣмъ дрянное и для насъ прямо зловредное. Мы совсѣмъ не учились, и некому было ни остановить, насъ, ни указать намъ... Напримѣръ передъ нами какая нибудь программа, картина на заданную тему. „Черно, асфальтомъ писано!" брякнулъ кто-то и это уже повторяютъ всѣ и какъ гуси тянутся дальше. Что-бы остановиться! Правда, можетъ и черно, но вѣдь за это старики дали медаль, есть же тутъ что нибудь такое, за что и выдана награда. Дѣйствительно есть: прекрасный рисунокъ, красивый силуэтъ и вполнѣ удовлетворительный рельефъ, вещи для учащагося совсѣмъ не такіе уже простыя, чтобы мимо ихъ проходить, не замѣтя.

Далѣе картина Бронникова, только что присланная изъ Рима „Ювеналъ читающій свои сатиры“, картина съ массой фигуръ. Подошли, посмотрѣли и глубокомысленно рѣшили, что живопись точно на фарфорѣ, и прослѣдовали дальше. А это интереснѣйшая для своего времени картина: тутъ впервые римляне нарисованы живыми людьми, безъ всякихъ условныхъ римскихъ носовъ и проч. Нарисованы такими, какими могутъ быть люди, которые ѣдятъ и пьютъ, и пьютъ иногда весьма изрядно, какіе же тутъ могутъ быть особенно идеализированные носы и т. д.

Раб. Антокольскаго.

Идемъ и вдали видимъ знакомую фигуру молодого еврея. Онъ ходитъ одиноко, забавно какъ то подперевъ свою голову и внимательно всматриваясь въ произведенія, какія были передъ глазами. Очень можетъ быть онъ и критиковалъ въ душѣ эти произведенія, но, навѣрное, шире и глубже чѣмъ мы. При входѣ въ скульпторное отдѣленіе видимъ у дверей на стѣнѣ, въ величину крупнаго часового циферблата, какое-то произведеніе, вырѣзанное изъ дерева. Всматриваемся: изъ темнаго орѣховаго дерева сдѣлано что то вродѣ окна бѣдной избы и въ него высунулась фигура стараго портного еврея. Старикъ въ рубахѣ, вырѣзанной изъ свѣтлой пальмы: открывъ ротъ и сузивъ свои старческіе глаза, онъ старается попасть ниткой въ иголку. Экспрессія выдержана превосходно; подъ произведеніемъ надпись: „Антокольскій. Малая серебряная медаль“...

—„А вы знаете кто это?“ Заговорилъ одинъ изъ насъ, „это вонъ тотъ еврей, который шагаетъ по выставкѣ, какъ аистъ по болоту. Молодчина, очень хорошо“.

Мы были тронуты—все-таки нашъ товарищъ и выдѣлился. Хотя онъ отчужденъ отъ насъ, какъ еврей, а медаль, это ужъ неминуемо маленькая отрава для чистаго дружескаго чувства и еще болѣе отчуждала. Но на дѣлѣ это былъ милый, привлекательный товарищъ, безъ конца шутливый, веселый, простой и должно быть очень добродушный. Хотя, говорятъ, дальнѣйшіе успѣхи, глупыя медали, совершенно неожиданное и не въ примѣръ прочимъ полученное почетное званіе академика доканало и его. Онъ изъ Мордка Митусовича превратился въ Марка Матвѣевича и будто-бы сильно измѣнился. Я въ моментъ его ошеломляющей славы не былъ на лицо и сказать этого не могу, а въ моемъ впечатлѣніи онъ остался все такимъ же простымъ и добрымъ. Познакомился я съ нимъ, встрѣтившись въ совершенно особой нашей маленькой

компаніи изъ земляковъ и просто хорошихъ подходящихъ по духу товарищей. Это были Рѣпинъ, Праховъ, Пановъ, человѣка два архитекторовъ. Сюда присталъ и Антокольскій скульпторъ, остальные были живописцы, всѣхъ человѣкъ 14. Собирались по вечерамъ, послѣ занятій въ академіи и поочередно въ квартирѣ каждаго... Кто нибудь позировалъ, его рисовали, а одинъ изъ товарищей читалъ. Читалъ больше и чаще А. В. Праховъ. Онъ не рисовалъ, а былъ между нами самый такъ сказать умный, самый книжный.

Онъ въ это время кончилъ гимназію, занимался искусствомъ, работалъ много въ Эрмитажѣ и, страстно любя искусство, онъ все-таки поступилъ въ университетъ. Много было внутренней ломки и страданія, пока юноша остановился и предпочелъ университетъ Академіи, въ которую имѣлъ страстное желаніе поступить, но поверхностное научное образованіе, какое она давала и еще болѣе близорукость глазъ рѣшили: онъ былъ студентомъ университета. Это былъ чистый идеальный юноша, какіе бываютъ въ нѣмецкихъ или еврейскихъ семьяхъ. И онъ жилъ въ высоконравственной и уважаемѣйшей семьѣ. Таковъ былъ и Антокольскій. Послѣдній жилъ и работалъ съ нами, но ѣлъ и пилъ всегда въ какой нибудь еврейской семьѣ, и сколько я его знаю, онъ, кажется, ни на одинъ день не былъ оторванъ отъ семьи. А мы всѣ были рѣшительно оторваны отъ семей, предоставлены самимъ себѣ, и разница между нами была какъ будто невидная, а громадная: чистыми юношами между нами были только эти двое. Говоря это, я конечно имѣю въ виду женскій вопросъ, этотъ проклятый вопросъ молодежи. Присутствіе такихъ двухъ людей между нами, имѣло прекраснѣйшее сдерживающее вліяніе, у насъ совершенно не было сквернословія, ни малѣйшаго тяготѣнія къ сальнымъ анекдотамъ, и это безъ малѣйшей натяжки, а какъ-то само собой выходило. Ну кто будетъ разсказывать при миломъ Маркусѣ (какъ звали иногда Антокольскаго) или при Адріанѣ, чрезвычайно вѣжливомъ, привѣтливомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сдержано серьезномъ, какую нибудь игривую дребедень?

Сшутить какую нибудь шутку Антокольскій былъ величайшій охотникъ. Но шутки эти были самаго невиннаго свойства. Напримѣръ, сидимъ, общая тишина: онъ вдругъ спрашиваетъ и немножко съ польскимъ акцентомъ.

— „Николай, Вы будете завтра дома?“

— „Буду, буду голубчикъ, непремѣнно буду“.

Онъ преравнодушно и пресерьезно отвѣчалъ:

— „Я тоже буду дома!“

Или „Смотрите“, говоритъ онъ, показывая въ пустое мѣсто. „Вы ничего не видите?“

— „Нѣтъ не вижу“.

— „Я тоже ничего не вижу!“

Ну послѣ подобныхъ шутокъ, часто подымалась возня, барахтанье. На это и я былъ большой охотникъ.

Антокольскій былъ худоватъ, но прекрасно сложенъ и славная крѣпкая грудь. Я былъ гораздо слабѣе, но за то рѣшительнѣе и нападалъ обыкновенно я. И вотъ онъ такъ ребячился, а у него уже были задуманы чудныя вещи. И эта милая голова была полна ими.

Кое-гдѣ въ обществѣ пробуждался интересъ къ Евангелію, странно, можетъ и несуразно толковалось многое. Это коснулось и нашего кружка. Антокольскій былъ заинтересованъ очень, хотя ясно чувствовалось, что онъ своей религіи никогда не измѣнитъ. Но Христа онъ какъ то полюбилъ и результатомъ этого были его выдающіяся произведенія.

Въ Академическомъ переулкѣ въ довольно бѣдной студенческой комнатѣ жилъ и помѣщался Антокольскій со всѣми принадлежностями лѣпки: инструментами, станками, глиной, присутствіе которой ощущалось и на столѣ, и на полу.

На станкѣ у окна помѣщалось его послѣднее произведеніе: это были двѣ вылѣпленныя поясныя фигуры: Іуда прильнулъ къ груди Христа. Голова Іуды была, сколько мнѣ помнится незначительна, это былъ пухлый еврей и не болѣе, да его и не было особенно видно. За то опущенная голова Христа была превосходна. Впечатлѣніе ея не изгладимо и до сего дня. Онъ съ такой грустью смотрѣлъ на Іуду и полный такой красоты, достоинства и снисхожденія къ этому бѣдному увлекшемуся грѣшнику, что я сейчасъ вывожу его профиль. И личность Христа видимо интересуетъ Марка Матвѣевича до послѣдняго дня: то онъ изображаетъ его торжествующимъ, призывающимъ къ себѣ, то страдающимъ.

Любопытно, въ какой странной формѣ выражались первые труды его. Прежде всего онъ жанристъ. Употребляю это слово, какъ мы привыкли его употреблять.

Его занимаетъ самый близкій окружающій міръ, окружающіе его типы. Онъ дѣлаетъ портного, высунувшагося въ окно; потомъ поясное, маленькое изображеніе скупого, считающаго на подоконникѣ деньги. Эти вещи явились черезъ годъ одна послѣ другой; за первую работу скульпторъ получилъ малую серебряную медаль,—за вторую большую серебряную. Затѣмъ слѣдовала группа Христа и Іуды. Она была выставлена въ Совѣтѣ Академіи и рукой ректора Бруни было начертано: „благоволеніе отъ Совѣта“.

Мнѣ лично его скупой не понравился, и когда я сказалъ это Антокольскому, онъ отвѣчалъ, что жалѣетъ, что взялъ малый размѣръ (головка около вершка, даже менѣе). „Я, говорилъ онъ, хотѣлъ изобразить скупого и необычайно жаднаго человѣка". И тутъ онъ показалъ на своей физіономіи и отчасти фигурѣ, какъ жадный считаетъ одну монетку за другой. Если-бы онъ хоть въ половину выразилъ то, что представилъ, это было бы классическое произведеніе. Не знали мы тогда еще моментальной фотографіи. Это конечно сильно ему помогло бы.

Большой группой друзей мы собирались два раза въ недѣлю вечеромъ: чай, хлѣбъ, общее рисованіе и чтеніе. Небольшая комната, а насъ всегда болѣе десяти человѣкъ. Подъ конецъ вечера лампа гасла отъ недостатка кислорода... Молодости все это не по чемъ.

Изъ большой группы выдѣлялась другая маленькая, которая собиралась почти каждый вечеръ у И. Е. Рѣпина. А. В. Праховъ былъ нашимъ чтецомъ и усерднымъ развивателемъ. Его семья, гдѣ мы нерѣдко бывали привѣтливо приняты, и старшій братъ Адріана Викторовича — Мстиславъ Викторовичъ, бывшій профессоръ университета, также служили благотворными факторами нашего развитія. А. В. Праховъ систематически занимался съ Рѣпинымъ нѣмецкимъ языкомъ. Шестовъ, архитекторъ, усерднѣйшій долбилка всѣхъ академическихъ устныхъ лекцій. И. Е. Рѣпинъ къ лекціямъ честнѣйше относился и всѣ экзамены аккуратно сдавалъ въ опредѣленные сроки. Антокольскій и азъ многогрѣшный были вольными, распревольными слушателями и никакихъ лекцій не сдавали. Такъ составилась группа изъ пяти насъ: три интеллектуальныхъ богача и насъ двое съ Шестовымъ, самыхъ обыкновенныхъ смертныхъ.

Шестовъ великолѣпно имитировалъ покойнаго Горбунова, чудесно читалъ Глѣба Успенскаго, и кажется изрѣдка недурно читалъ и я. Однажды просмотрѣвъ дома драму „Клавиго" Гете, я такъ прочиталъ въ кружкѣ, что А. Праховъ сказалъ:

— „Знаешь, что Микола: я самъ для тебя переведу кое-что изъ Гете. Ты прочтешь".

Ничего онъ не перевелъ, но прочитано должно быть было недурно. Отъ времени до времени читалъ свой писанный на жаргонѣ романъ Антокольскій.

Читалъ онъ его и переводилъ своимъ ломаннымъ русскимъ языкомъ. Помню массу комическихъ сценъ, бытовыхъ еврейскихъ: сцены съ евреями, попавшими впервые на желѣзную дорогу, ихъ растерянность, когда они забывали свои вещи, ихъ крики объ остановкѣ поѣзда и тому подобное. Осно-

вной фабулы не помню. Помню Антокольскій стѣснялся, что могъ писать въ то время только на своемъ жаргонѣ. Праховъ поощрялъ его писать хоть на жаргонѣ, а за переводчикомъ дѣло не станетъ. Каковъ Антокольскій въ своей литературѣ, таковъ онъ былъ въ это время и въ скульптурѣ. Онъ лѣпилъ сидящую у плетня торговку яблоками; она заснула, къ ней подкрадывается мальчикъ, и не сводя глазъ съ лица торговки, протягиваетъ руку къ яблоку. Это очень хорошо выражено; еще лучше три еврея, спорящихъ о талмудѣ, гдѣ было довольно комическихъ чертъ. Послѣ этого, уже подъ конецъ моего пребыванія въ Петербургѣ (1866 г.), онъ затѣваетъ очень своеобразную и довольно крупную вещь: инквизиція въ Испаніи.

Въ нижнемъ этажѣ, или, скорѣе, подвалѣ каменнаго зданія прямо въ стѣнѣ дверь, налѣво въ углу каменная лѣстница и на лѣвой же стѣнѣ вверху окно. Посрединѣ большой столъ, за которымъ, какъ видно, сидѣло нѣсколько людей и праздновали пасху. Но вотъ на лѣстницѣ показались члены инквизиціи, и бѣдные евреи шмыгнули въ среднюю дверь. Спину одного изъ нихъ, что-то суетливо схватившаго со стола, видно. Онъ также старается скорѣе скрыться. За столомъ осталась одна только фигура, которая приподнялась, полная рѣшимости и готовности встрѣтить страшныхъ гостей. Все это было сформовано изъ бѣлаго гипса, а въ окно на лѣвой стѣнѣ вставлено красное стекло, и свѣтъ, проходя черезъ него, давалъ всему темную, вечернюю окраску и усиливалъ настроеніе всей этой сцены. Въ то время уже были споры о предѣлахъ живописи и скульптуры, и выходило такъ, что Антокольскій какъ бы врывается не въ свою сферу: корявый плетень, бѣдное платье старухи, корзина, все это предметы живописные, но не скульптурные. Въ послѣднемъ произведеніи Марку Матвѣевичу совсѣмъ въ скульптурѣ показалось тѣсно, и онъ долженъ былъ прибѣгнуть, если не къ окраскѣ предмета, то во всякомъ случаѣ къ какому-то особому освѣщенію черезъ цвѣтное стекло.

А. В. Праховъ, увидя его группу, прямо сказалъ:

— „Вы, Антокольскій, непремѣнно должны взяться за живопись. Вы видите, какъ Васъ тянетъ къ краскамъ. Вы въ скульптуру вводите уже розовый свѣтъ и цвѣтъ“.

Я не замѣтилъ, чтобы М. М. Антокольскій особенно смущался нападками: онъ улыбался, и больше ничего.

Въ это время я тяжело заболѣлъ и чуть живымъ доставленъ былъ въ Малороссію.

Немного прошло времени, какъ зашумѣло вокругъ имени Антокольскаго.

Въ одной изъ мастерскихъ въ Академіи онъ выставилъ фигуру Іоанна Грознаго. Великая Княгиня, Тургеневъ и весь интеллигентный Петербургъ долгомъ сочли посмотрѣть это внушительное и поражающее произведеніе. Передъ зрителемъ была сидящая фигура, въ простомъ домашнемъ длинномъ платьѣ, въ скуфьѣ на головѣ. Воткнувъ свой жезлъ, сидѣлъ, ни на кого не глядя, этотъ недобрый мучитель, а въ данный моментъ великій мученикъ собственной своей совѣсти. Впечатлѣніе сильное. Тургеневъ писалъ, что пораженъ этою смѣсью простого, будничнаго съ трагическимъ.

Юдофобы на этотъ разъ косились и, кажется, молчали. Антокольскій, получивъ сразу званіе почетнаго академика и заказы, уѣхалъ за границу.

Интересно, что Великая Княгиня заказала ему выполнить въ мраморѣ сцену изъ „Инквизиціи". Маркъ Матвѣевичъ много говорилъ объ этомъ, но сцена такъ въ эскизѣ и осталась. Дѣйствительно, тутъ было нѣчто фальшивое. Это была не живопись, но и не скульптура. Она только ясно говорила, что талантъ Антокольскаго—особый талантъ. Онъ никогда не помирился бы на выполненіи одной внѣшней красоты голаго тѣла, чѣмъ скульптура главнымъ образомъ занята. Антокольскаго всегда интересовала душа человѣка и экспрессія лица, какъ выраженіе этой души.

Прошло много лѣтъ. Мы не встрѣчались. Я только слышалъ, что Антокольскій кавалеръ ордена почетнаго легіона, первая золотая медаль на выставкѣ въ Салонѣ и т. д., и т. д. Черезъ нѣсколько лѣтъ Маркъ Матвѣевичъ сдѣлалъ цѣлую выставку своихъ работъ въ Петербургѣ. Тутъ мнѣ пришлось почитать много о немъ. Конечно, его хвалили, но одна большая и распространенная газета, съ своимъ зубатымъ критикомъ, не разносила, а прямо поносила бѣднаго Антокольскаго. Просто жидъ, говорятъ, и кончено. Передавали, что Маркъ Матвѣевичъ былъ удрученъ этими незаслуженными нападками. „И за что?" говорилъ онъ. Эта выставка ему самому стоила громадной затраты энергіи и средствъ.

О Спинозѣ, напримѣръ, говорили: „эка важность стеганое одѣяло сдѣлать! Нѣтъ ты голое тѣло покажи". Куда, какіе любители и знатоки оказались! И зачѣмъ имъ это голое тѣло? А Спиноза—это одна изъ трогательнѣйшихъ фигуръ покойнаго мастера. Сидитъ больной философъ задумавшись. И это не тупая дума, а какая то ясная, глубокая, содержательная и притомъ кротость, благодушіе, кротость безпредѣльная. По поводу Іоанна Грознаго тоже говорили, что это дескать, пустая вещь. Взялъ и скопировалъ Гудоновскаго Вольтера, вотъ и все тутъ. Когда это сказали, точно кипяткомъ и жаромъ обдали Влад. Васильевича Стасова, стараго и усерднаго защитника М. М. Антокольскаго.

— „Какъ!“ съ трубами и литаврами! завопилъ Вл. Вас. „Да онъ его и не видалъ, въ глаза не видалъ“.

И почему бы это онъ не видалъ? Все крайности, похоже на ребячество.

Эта дивная статуя произведеніе XVIII вѣка. Вольтеръ сидитъ въ креслѣ, положивъ свои старческія руки на локотники, и сатанински улыбается. Онъ старчески выдвинулся чрезвычайно живымъ и натуральнымъ движеніемъ впередъ. Есть легенда, что императоръ Николай Павловичъ этой статуи видѣть не могъ, велѣлъ ее разбить и выбросить. Ее спрятали въ Публичной Библіотекѣ, гдѣ мы съ цѣлой компаніей нашей группы ее свободно видѣли. Видѣлъ ее и Антокольскій, но что онъ могъ изъ нея позаимствовать? Простоту творчества? Такъ у насъ былъ образецъ простоты и прелести передъ глазами: въ Лѣтнемъ саду сидитъ съ растегнутымъ воротомъ дѣдушка Крыловъ. Я не знаю ничего милѣе этой статуи, окруженной дѣтьми: какимъ то благодушіемъ вѣетъ отъ нея. Вольтеръ, Грозный, Крыловъ каждый самъ по себѣ и содержателенъ, и хорошъ. Статуя Вольтера теперь въ Эрмитажѣ очень хорошо поставлена и освѣщена, а прежде она очень плохо стояла и освѣщалась въ Публичной библіотекѣ.

Прошло семнадцать лѣтъ, какъ мы разстались съ Антокольскимъ. Я въ Парижѣ и направился къ Марку Матвѣевичу. Чуть-чуть маленькое смущеніе. И „вы“ сказать ему не могу, и сказать „ты“ считаю нахальствомъ съ своей стороны. Но этотъ вопросъ онъ самъ скоро разрѣшилъ.

— „Вѣдь мы, кажется, были на ты“, заговорилъ, привѣтливо улыбаясь, Маркъ Матвѣевичъ: „къ чему намъ церемоніи?“

— „Это уже какъ позволишь, Маркъ Матвѣевичъ“, сказалъ я, тронутый его привѣтливостью и простотой.

Вышла его жена, красавица, одѣта великолѣпно даже для Парижа. Обстановка, конечно, совсѣмъ не та, что была въ Академическомъ переулкѣ въ Петербургѣ. Но никакъ нельзя подумать, что тутъ живетъ еврей. Представьте себѣ музей христіанскаго искусства, и Вы будете имѣть точное представленіе о квартирѣ Марка Матвѣевича. Онъ оказался страстнымъ любителемъ и собирателемъ предметовъ искусства XIV, XV, XVI вѣка. Я не замѣтилъ ничего миѳологическаго, а именно только изображенія разныхъ мадоннъ и христіанскихъ святыхъ. И въ этомъ ярко сказался характеръ Антокольскаго: его душѣ только говорили тѣ мастера, которые крайне искренни и вся сила которыхъ въ выраженіи души, въ выраженіи внутренняго мира.

Въ самомъ любезномъ разговорѣ жена Антокольскаго сообщила мнѣ, что Маркъ Матвѣевичъ очень любитъ своихъ старыхъ друзей и меня даже

недавно вспоминалъ; что онъ получилъ множество всякихъ отличій, что онъ, можно сказать, прямо полный генералъ.

— „Но только“, добавила она не безъ грусти, „онъ совсѣмъ себя держать не умѣетъ“.

Посмотрѣлъ я на Марка Матвѣевича: бѣлье на немъ прекрасное, но та же черная блузка, тотъ же ремень, которымъ онъ любилъ всегда подвязываться, та же худая фигура средняго роста. Совершенно тотъ же, что былъ въ Академическомъ переулкѣ, тотъ же плохой ломаный русскій выговоръ. Я чуть не разсмѣялся и не сказалъ:

— „Милый, славный Маркъ Матвѣевичъ! Совсѣмъ ты себя держать не умѣешь!“

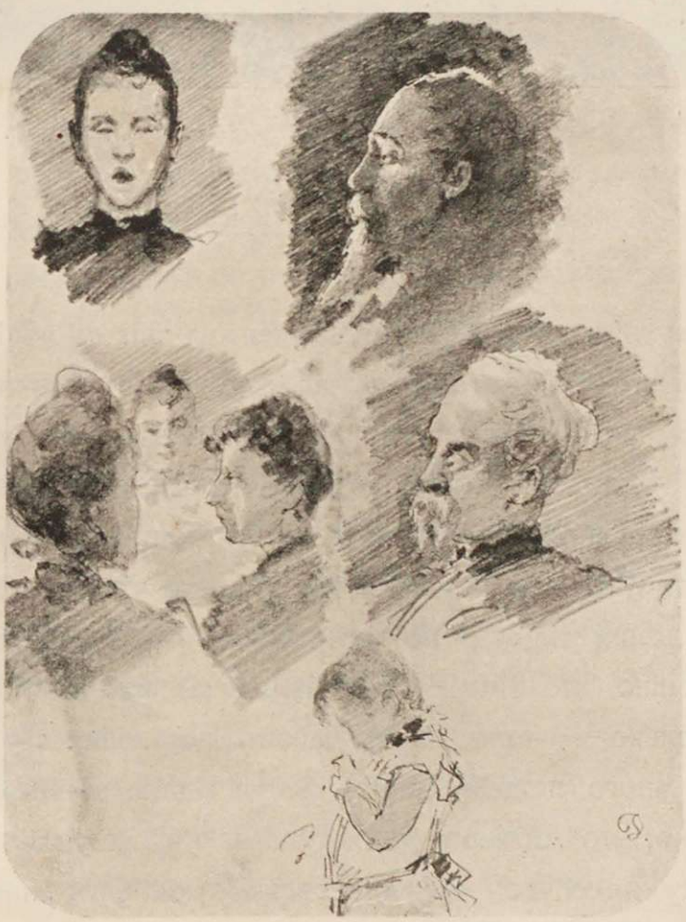


Рис. Гр. Дядченко.

Составъ Совѣта Школы въ восьмидесятыхъ годахъ

В. И. Фабриціусъ, П. М. Натансонъ,
Н. К. Пимоненко, И. Ф. Селезневъ,
Х. П. Платоновъ, Н. И. Мурашко.

Изъ Парижа я направился въ Антверпенъ, а попалъ въ Брюссель. Случилось это очень просто. Тотъ, кто провожалъ меня, далъ мнѣ подробнѣйшій адресъ: на такой то улицѣ у вокзала повернуть налѣво и направо будетъ аптека, тамъ ужъ я найду молодого поляка, который непремѣнно будетъ радъ меня видѣть, какъ соотечественника, и поможетъ мнѣ устроиться въ Антверпенѣ. Адресъ написанъ по французски чрезвычайно четко, почти что печатными буквами.

Пріѣхать я долженъ, судя по расписанію, въ Антверпенъ въ 2 часа дня. Тутъ ужъ я не знаю, кто ошибся. Или мои часы, или спутали что нибудь съ расписаніемъ. Только я около двухъ часовъ остановился у громаднаго вокзала, гдѣ было много людей, много суеты. Вдали виднѣлся большой городъ. Ну, конечно, это Антверпенъ, подумалъ я и схватилъ свой чемоданишко. Къ извощику и сейчасъ ему адресъ въ руки. Онъ сначала тронулъ лошадей. Но, по мѣрѣ того, какъ онъ вникалъ, вчитывался въ адресъ, лошади его все придерживались имъ; наконецъ, онъ совсѣмъ остановился и оборотился ко мнѣ полный изумленія. Я не понималъ, въ чемъ дѣло. Наконецъ онъ рѣшилъ обратиться къ полицейскому, передавъ ему мой адресъ. Полицейскій быстро что-то заговорилъ ко мнѣ. Я ничего не понималъ, и думаю

прахъ его бери этого аптекаря, кричу имъ: „exposition“. Это слово я зналъ. Вези дескать на выставку. Тамъ есть русскій отдѣлъ, навѣрное есть кто либо изъ русскихъ, и я справлюсь со всѣмъ, что мнѣ нужно.

Мой полицейскій просіялъ—кричитъ вопросительно:—„Exposition? Anvers?“

— „Вѣрно!“ говорю.

Моментально онъ помѣстился рядомъ со мною, командуетъ извощикомъ и мы оглобли назадъ и на вокзалъ. Я все хорошенько не понимаю, въ чемъ дѣло, но мой полицейскій не даетъ мнѣ дохнуть, схватываетъ мой чемоданчикъ, отпускаетъ извощика и скорѣй къ начальнику станціи. Оживленно что-то толкуетъ, начальникъ смѣется, одобряетъ меня за то, что я не успѣлъ выбросить своего желѣзнодорожнаго билета и показываетъ мнѣ вывѣску своего вокзала:

— „Ахъ, чортъ возьми! Это Брюссель!“

Полицейскій усадилъ меня на отходящій поѣздъ. Мнѣ ужасно хотѣлось обнять его и расцѣловать. Давъ ему хорошую монетку, я уѣхалъ и только черезъ два часа былъ въ Антверпенѣ.

Нашъ отдѣлъ не важно выглядѣлъ. Лучше всего я помню и сейчасъ картину Р. Г. Судковскаго, духъ его могъ радоваться успѣху.

Я прожилъ тутъ съ недѣлю. Тутъ какъ будто понялъ и освоился во французскомъ отдѣлѣ съ Пюви-де-Шаваномъ. Простъ и грубъ казался онъ мнѣ, но это та простота, какая въ стилѣ письма и изложенія Льва Николаевича Толстого въ послѣднихъ произведеніяхъ. Тутъ была громадная картинища во всю длину большой залы. Десятковъ до двухъ комнатъ наполнены художественными произведеніями: это красиво по формѣ, то по рисунку, тамъ веселитъ глаза какая нибудь красочная комбинація. Ходишь, ходишь и въ концѣ концовъ попадешь къ Пюви-де-Шавану. Тутъ и засядешь. Ничего у него такого нѣтъ, что вы сейчасъ видѣли у другихъ: ни тонкаго рисунка, ни щегольства красками, а сядете передъ картиной, и вамъ на глаза ничего другого не попадаетъ, кромѣ его произведенія. Картина изъ древней греческой жизни называется „Pro Patria“. Жизнь временъ Иліады Гомера. Простота необычайная. Женщина хлопочетъ у очага, другая моложе, лежитъ прямо на травѣ съ ребеночкомъ. Подошелъ старикъ, говоритъ что-то серьезное, простое, житейское; женщина слушаетъ, не сводя глазъ съ своего ребеночка. Въ глубинѣ молодежь упражняется въ стрѣльбѣ изъ лука. Тутъ и судьи, и руководители молодежи. Пейзажъ все уходитъ въ глубину. Вдали горы. Вы сидите и не замѣтите, какъ вамъ покажется, что и вы участвуете во всей этой простой, хорошей, безхитростной жизни и никуда вамъ и уйти не хочется.

Изъ Антверпена я уѣхалъ въ Дрезденъ. Кто не знаетъ этого моря искус-

ства. Мадонна Гольбейна, Мадонна Рафаэля. Какое бы мнѣ удовольствіе было сойтись съ тѣмъ меньшиствомъ, которое говоритъ:

— „Ничего особеннаго, все это преувеличено, все это самовнушеніе, гипнозъ массы на отдѣльнаго индивидуума". Коротко и просто!

Нѣтъ, не согласенъ! Я остаюсь не при особомъ мнѣніи, а говорю съ толпой: есть что-то въ Мадоннѣ Рафаэля захватывающее.

Она дивно поставлена, сильно освѣщается скрытымъ окномъ. Комната невелика, размѣръ картины не теряется, а производитъ внушительное впечатлѣніе.

„Богоматерь съ Младенцемъ" раб. В. М. Васнецова.

Я много видѣлъ Мадоннъ, люблю очень Ботичелли и очень чту Рафаэлевскія Мадонны, конечно, не всѣ одинаково. Есть очень трогательныя головки Мадонны, но головки Христа, часто ничего не выражающія, просто привлекательныя дѣтскія головки, и ничего болѣе. Задача написать маленькаго Христа, это просто нечеловѣческая задача, и мнѣ кажется за весь 19 вѣкъ никто серьезно за это и не брался. Есть въ англійской школѣ двѣнадцатилѣтній Христосъ, и потомъ потуги изобразить младенца Христа у Виктора Михайловича Васнецова. Честь и слава ему. Я отбрасываю всѣхъ европейскихъ художниковъ, послѣ старыхъ мастеровъ съ нимъ однимъ только можно считаться. Есть древнее изображеніе Богоматери на нерушимой стѣнѣ нашего Софійскаго храма. Я вижу въ ней матерь. И Викторъ Михайловичъ пошелъ отсюда, хотя, можетъ быть, да кажется такъ оно и есть, что когда Викторъ Михайловичъ задумалъ написать свою Мадонну, онъ нашей Софійской не видѣлъ. Но Византійское искусство у насъ въ крови, мы безсознательно выростаемъ на немъ. Мадонны Виктора Михайловича идутъ отсюда и это лучшія изображенія за весь 19 вѣкъ... Труднѣйшая задача написать Христа младенца имъ не рѣшена, хотя въ его головкахъ есть всетаки нѣчто значительное, чего у другихъ уже абсолютно нѣтъ. Тѣмъ не менѣе, скажу что у Виктора Михайловича дѣтское личико младенца Христа болѣзненно, нервно. Таково оно

хайловича дѣтское личико младенца Христа болѣзненно, нервно. Таково оно у насъ въ Кіевѣ въ Владимирскомъ храмѣ и еще болѣе въ новомъ храмѣ Воскресенія въ Петербургѣ. Въ этомъ лицѣ я вижу отраженіе всѣхъ бѣдъ и злосчастій нашего послѣдняго времени. Тутъ чудятся мнѣ всѣ войны, казни, убійства.

Не таковъ младенецъ у Рафаэля: это здоровое, могучее дитя, это дитя поразитъ своей великой мудростью и при смиреніи проявитъ величіе спокойствія. Такъ онъ сидитъ и такъ онъ смотритъ.

Первой поѣздкой за границу и первыми впечатлѣніями я просто былъ подавленъ и разобрался со многимъ только при послѣдующихъ моихъ путешествіяхъ.

Во время заграничныхъ поѣздокъ я не ограничивался осмотромъ разныхъ школъ и ателье. Въ нѣкоторыя изъ нихъ, наиболѣе меня заинтересовавшія, я прямо записывался ученикомъ. Мнѣ интересно было посмотрѣть всѣ порядки школы, просто вдохнуть въ себя ея атмосферу, изучить новыя теченія. Всякая новинка въ мірѣ искусства здѣсь служитъ предметомъ жаркихъ дебатовъ. Записываясь ученикомъ, я думалъ, что удивлю кого нибудь, что я буду самый старый изъ посѣтителей. Ничуть не бывало. Я видѣлъ нѣсколько такихъ же, какъ я, и поступленіе мое никого не удивило.

Когда я въ одной изъ Мюнхенскихъ школъ, работая съ натурщика, сталъ намѣчать контуръ, ко мнѣ подошелъ руководитель и говоритъ:

— „Что Вы царапаете бумагу? Вы должны чувствовать форму и къ листу должны относиться совсѣмъ не какъ къ плоскости, а Вы на немъ свѣтотѣнями должны такъ дѣйствовать, какъ бы лѣпите изъ глины, тѣнью углублять одну сторону и свѣтомъ вызывать другую“. Дернулъ мнѣ по рисунку и отошелъ.

„Вотъ милый человѣкъ, думаю: показалъ“.

Я снялъ рисунокъ съ доски, да его и зафиксировалъ; ишь, какъ онъ славно его дернулъ углемъ и уходящій контуръ связалъ съ воздухомъ. Этотъ листъ я закрѣпилъ, а себѣ взялъ другой листъ и продолжаю. Когда я продолжилъ по указанію руководителя, подошелъ уже другой и проситъ относиться смѣлѣе, менѣе робости и больше вниманія къ формѣ.

— „Вотъ такъ, вотъ такъ!“ говоритъ, а уголь въ его рукѣ такъ и заходилъ у меня по рисунку. Когда онъ отошелъ, я опять подумалъ: что мнѣ продолжать своей робкой рукой по его смѣлымъ ловкимъ виртуознымъ мазкамъ. Снялъ съ доски и опять закрѣпилъ его на бумагѣ, а себѣ взялъ новый чистый листъ и продолжаю, наношу вновь сдѣланное; вѣдь мнѣ нужна практика,

чего же тутъ стѣсняться. И образовалась у меня такимъ образомъ цѣлая серія рисунковъ, просмотрѣнныхъ руководителями, на разныхъ стадіяхъ выполненія.

— „Для чего Вы это дѣлаете“, спрашивала меня одна наивная молодая дѣвица, рядомъ со мной что-то пачкающая.

— „А для того, мадемуазель, что чту своего учителя. Если бы такой педагогъ, какъ почтенный Ажбе, подошелъ, да только хукнулъ мнѣ на рисунокъ, я бы и тогда уже надъ нимъ задумался“.

— „Какой Вы чудакъ! хи-хи-хи“.

— „Да подите жъ Вы, такой я ужъ есть“.

Я собралъ эту серію рисунковъ и, оставляя школу, на прощаніе взялъ да и выставилъ ихъ. Всѣ такъ и ахнули:

— „Ахъ, какъ это интересно!“

Самая популярная въ Парижѣ школа Жюльена. Ее даже называютъ „академіей“. Эта пресловутая академія представляетъ собою громадныхъ размѣровъ залу, гдѣ могло размѣститься человѣкъ до 200. Кромѣ большихъ оконъ въ стѣнахъ, были три громадныя застекленныя отверстія еще въ потолкѣ. Зала вся увѣшена рисунками и живописными этюдами. Много мебели для работъ: станки, табуреты и проч. Все это имѣетъ нѣсколько поношеный и запыленный видъ.

Когда мы подходили, мой проводникъ предупредилъ меня, что это самое людное ателье и что тамъ есть всякіе типы: возможно, что меня примутъ за нѣмца, раздастся шипѣніе, но на это не слѣдуетъ обращать вниманіе. Мы потихоньку вошли въ залу. Посрединѣ было пустое пространство, которое занято бываетъ только при зимнемъ наплывѣ учениковъ. Направо большая группа человѣкъ 60 работающихъ живописцевъ, налѣво человѣкъ 15 скульпторовъ, у которыхъ была отдѣльная мужская модель. Въ это время у живописцевъ была передышка. Работавшіе были не на мѣстахъ. Разбившись на группы, они болтали и насъ даже не замѣтили.

Мы увидѣли въ массѣ молодежи французовъ, англичанъ, нѣмцевъ, американцевъ и другихъ. Модель сидѣла, завернувшись въ простыню, лицомъ къ небольшому окошечку, тутъ же въ сторонѣ чугунная печка, въ которой теперь нужды не было. Видно было, что это обычное мѣсто отдыхающей и обогрѣвающейся зимой модели. Возлѣ нея болтали нѣсколько молодыхъ людей. Модель сидѣла спиной къ толпѣ, и видны были только отдѣлившіеся отъ прически вьющіеся волосы и кусочекъ бѣлой спины.

Мы начали осматривать развѣшенные въ качествѣ образцовъ рисунки и

этюды учащихся и мнѣ скоро показали двѣ работы учениковъ Кіевской рисовальной школы. Одинъ—рисунокъ не выдѣлялся отъ другихъ, тоже, правда, прекрасныхъ рисунковъ, но за то этюдъ красками С. Костенко представлялъ собою дѣйствительно нѣчто выдающееся и на него нельзя было не обратить вниманія. Въ сребристыхъ свѣтахъ онъ былъ такъ натушеванъ, что давалъ очень пріятный рельефъ. Это не тотъ рельефъ, который такъ претъ изъ рамы, что даже противно бываетъ смотрѣть. Эта фигура выдавалась, будучи въ глубинѣ картины. Въ техникѣ было что-то Васнецовское.

Сердце сжалось при мысли, что юноша, авторъ картины, былъ въ это время тяжко боленъ.

Но вотъ староста, избранный учениками изъ своей среды, знакомъ показалъ модели, что пора ей занять свое мѣсто. Она взошла на возвышеніе и простыня была отброшена. Всѣ сѣли по мѣстамъ.

Въ этой школѣ были, между прочимъ, такія упражненія: модель стояла только 25 минутъ и послѣ отдыха уже измѣняла позу. Такимъ образомъ за два часа упражняющійся долженъ сдѣлать четыре рисунка съ модели въ разныхъ ея поворотахъ.

Тутъ то въ отдыхи велись горячіе споры.

У насъ въ школѣ бывали разговоры по поводу требованія тишины во время урока, и у насъ попадались молодцы, бывалые уже въ разныхъ школахъ, которые особенно этимъ огорчались, называя такое требованіе рутиной, педантизмомъ и проч.

— „Вотъ, говорили они, у насъ въ Парижѣ свищутъ, поютъ и работаютъ!“

Да, бываетъ. Въ отдыхѣ, когда дѣло не столь серьезно, руководителя нѣтъ... пожалуй, кто либо и побалтываетъ, а то кто и мурлычитъ себѣ какой либо мотивъ, только что подхваченный на улицѣ. Но чуть дѣло серьезнѣе, то въ классѣ полная тишина и заговорившій можетъ нарваться на замѣчаніе товарищеское, но въ весьма категорической формѣ.

Между учащимися были поборники стараго академическаго направленія, попадались и новаторы. Одни отстаивали многое такое, къ чему другіе или были равнодушны, или прямо отрицали. Понятно бывали горячія схватки. Все была, главнымъ образомъ, славная молодежь и между ними попадались импрессіонисты и декаденты. Искренній декадентъ или импрессіонистъ, да еще хоть капельку талантливый вносилъ большую долю оживленія. Одинъ изъ таковыхъ мнѣ особенно нравился. Въ спорахъ онъ былъ сравнительно сдержанъ и довольно ловко отпарировалъ нападенія, а нападали на него часто цѣлой толпой. Начинался споръ часто какой нибудь шуткой во время перерыва:

— „Monsieur Боде, зачѣмъ вы рисуете модель? вѣдь импрессіонисты анатоміи не признаютъ?“

— „Я тоже думаю, что знаніе анатоміи артиста не дѣлаетъ!“

— „Такъ къ чему же рисовать вамъ этихъ глупыхъ голяковъ, какъ вы говорите?“

— „Я пріобрѣтаю знаніе, которое, какъ всякое знаніе, мнѣ не помѣшаетъ. Знаніе даетъ свободу, знаніе анатоміи дало вашему великому Рубенсу возможность наворотить ту массу скучнѣйшихъ композицій, передъ которыми вы ахаете и которымъ, вѣроятно, вы будете счастливы подражать!“

— „Къ чему же подражать?“

— „Это, впрочемъ, дѣло ваше, я тѣмъ болѣе подражать не буду, но вы не имѣете основанія говорить, что импрессіонисты не учатся. Я работаю вмѣстѣ съ вами и еще столько же работаю дома“.

— „Вы Рубенса, значитъ, не признаете?“

— „Я знаю заповѣдь: не сотвори себѣ кумира.“

— „Не все ли равно кумиръ: Рубенсъ или вашъ Мане?“

— „Да ужъ если быть справедливымъ, то у насъ святцы должны быть одни и тѣ же. Развѣ вы можете не чтить славнаго Мане?“

— „Какъ-же! какъ-же Онъ открылъ синьку“.

— „Вздоръ, эту синьку открыли другіе, его неудачные послѣдователи, а онъ первый указалъ вамъ черноту тѣней. Вы изъ подражанія всякимъ Рюисдалямъ рыжей сепіей и асфальтомъ до сего дня писали бы ваши пейзажи“.

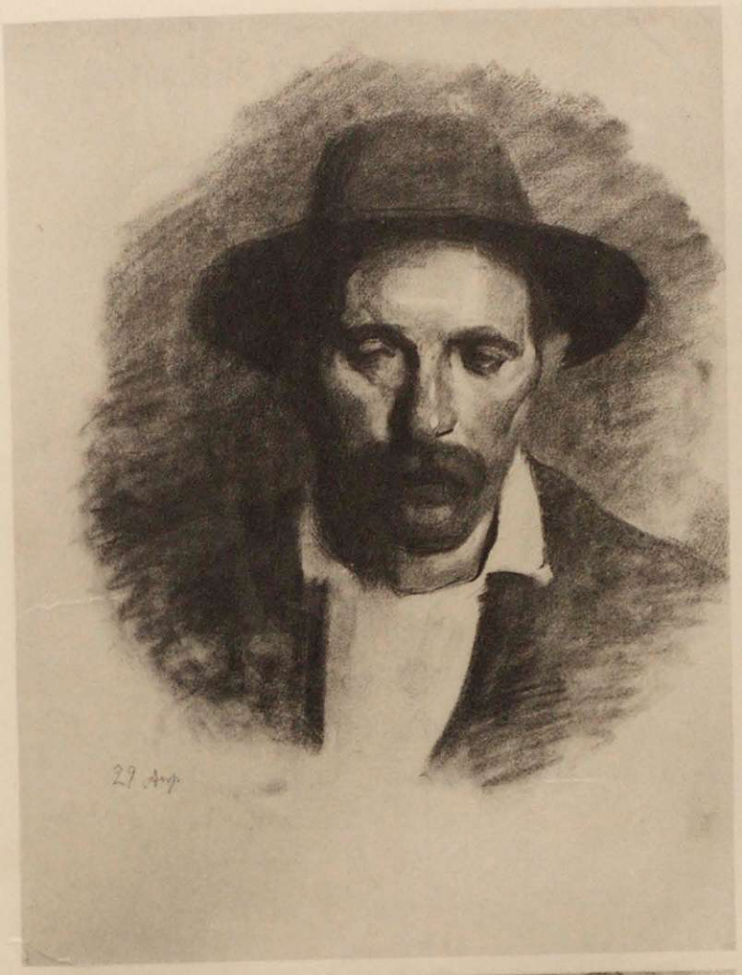
— „Ну, изводить синюю краску, это еще не Богъ знаетъ что“.

— „При чемъ тутъ синяя краска? Импрессіонисты первые указали фальшь вашихъ драпировокъ на бѣгущемъ или скачущемъ. Вы вертящееся колесо рисовали со всѣми спицами, которыхъ не видите. А ваша условная академическая композиція? Всю эту ложь вы спокойно преподносите публикѣ, мы первые стараемся отъ этого избавиться и мы же, кромѣ ругани, ничего не получаемъ“.

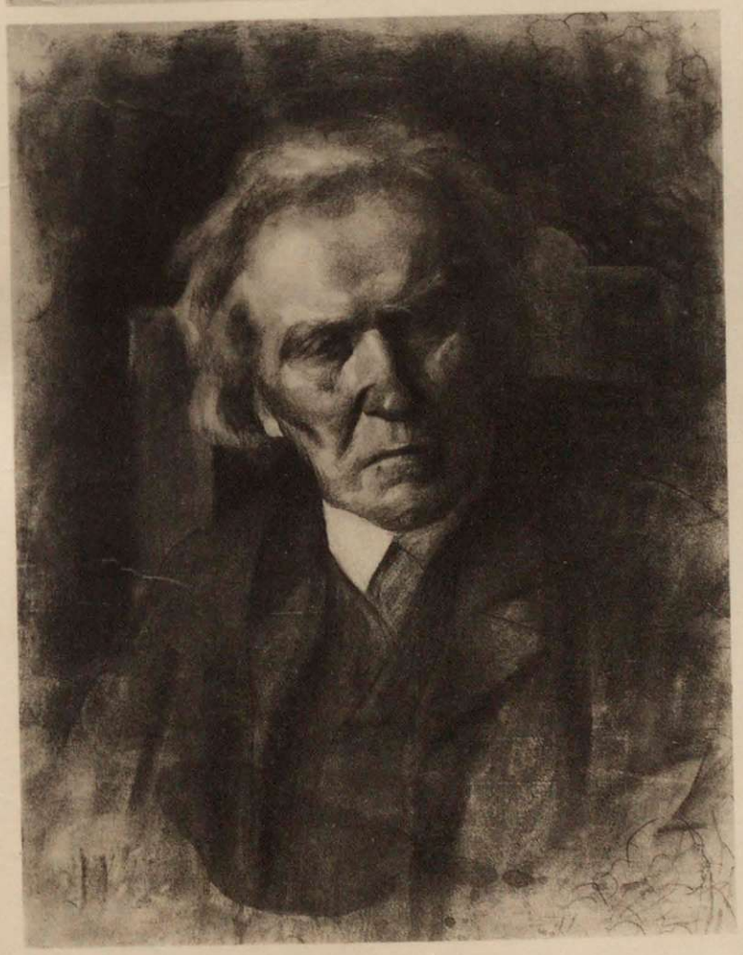
— „Ну, нѣтъ, ваши главари охулки на руку не положатъ, загребаютъ куши изрядные“.

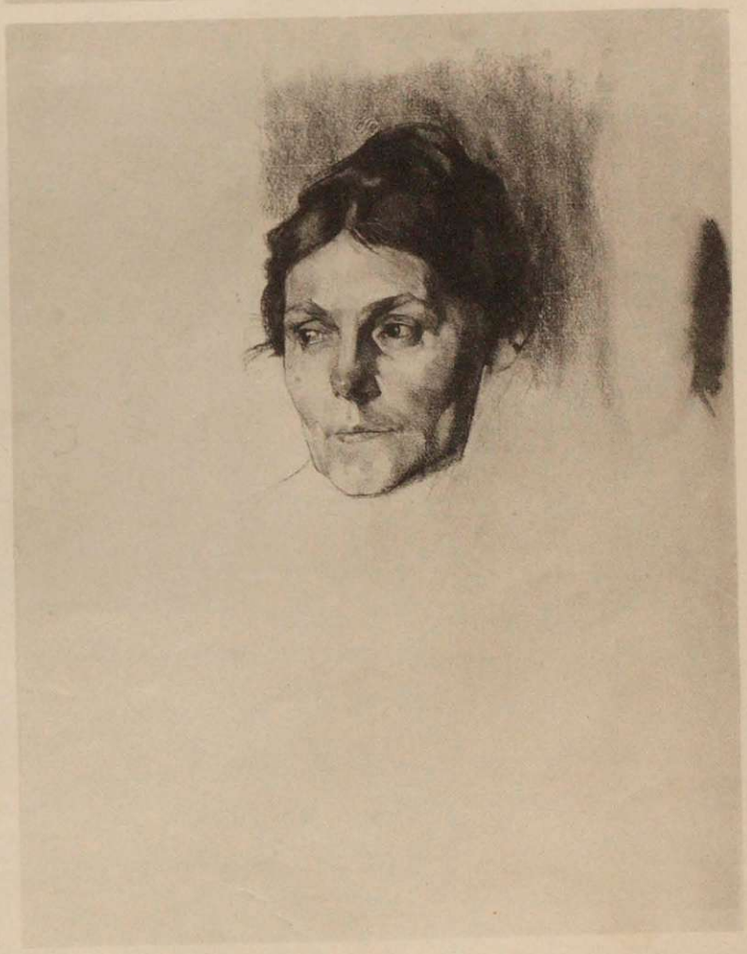
— „Я не знаю, я говорю объ искреннихъ работникахъ, у которыхъ кумиръ златой не играетъ первой роли. Они далеко не слуги испорченной вами публики, привыкшей къ вашимъ изображеніямъ, какъ египтяне къ своимъ іероглифамъ, которые, вѣроятно, также дико отворачивались отъ малѣйшей новизны и забрасывали камнями новаторовъ“.

— „При чемъ тутъ камни? Вы такъ ловко умѣете гипнотизировать публику,


29 Aug

3 M.



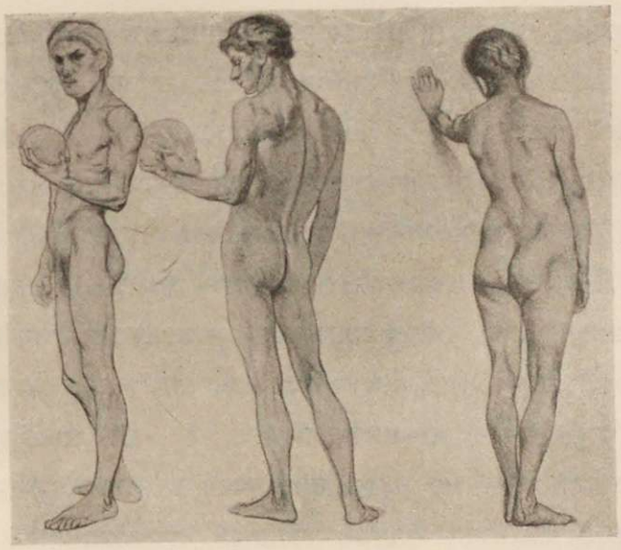


что она ахаетъ надъ вашей грубѣйшей и нахальной мазней, выставляемой у Дюранъ Рюэля".

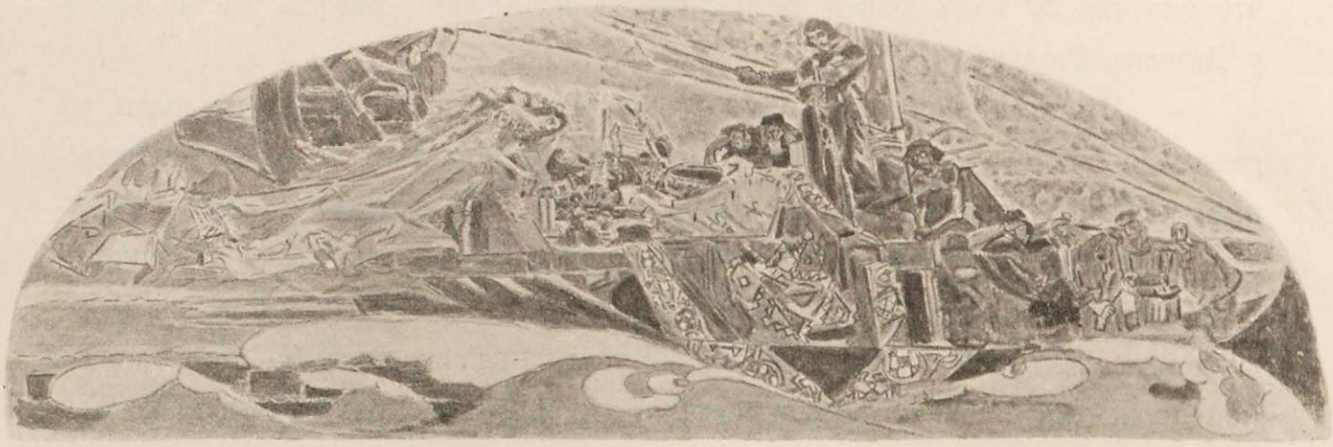
— „Мы такъ много говоримъ объ этомъ, что вамъ стыдно не знать, въ какомъ я отчаяніи отъ всего этого. Къ намъ пристаютъ люди невѣжественные, хватаютъ вершки знаній, бравируютъ своимъ новаторствомъ и роняютъ то дѣло, которому мы свято и честно служимъ. Но вѣдь въ вашемъ лагерѣ также не мало этихъ жалкихъ, скучныхъ, наводняющихъ выставки академическихъ ремесленниковъ. Но они сходятъ за артистовъ. Къ этой банальной дребедени публика такъ привыкла, что и не разбирается нисколько; публика шипитъ, когда мы ее будимъ. А нѣкоторые прямо раздражаются, какъ быки на красный платокъ. А вы насъ же обкрадываете, всѣмъ добытымъ нами вы отлично пользуетесь. Послѣ Барбизонцевъ и импрессіонистовъ развѣ не ясно видно, какъ измѣнилась живопись въ богатствѣ красокъ".

— „Довольно. Модель передъ нами, вотъ источникъ, изъ котораго мы будемъ всѣ черпать и провѣрять наше творчество".

— „Аминь", послышалось гдѣ то въ сторонѣ, и всѣ затихли.



Рисунки учащихся одной изъ Мюнхенскихъ школъ.



„Принцесса Греза“ Врубеля.

Возвратившись изъ своей заграничной поѣздки, немного отдохнувъ, немного пописавъ съ натуры, я открылъ занятія въ школѣ. Мы стали готовиться къ скромному празднику десятилѣтія школы, и я писалъ отчетъ за все время существованія школы и составлялъ рѣчь. День для праздника мы назначили 22 октября.

Я волновался, ждалъ, какъ большой чести, читать рѣчь свою при большомъ собраніи публики.

Приготовивъ рѣчь свою, я раньше прочиталъ ее Ивану Николовичу, онъ сдѣлавъ нѣкоторыя поправки, одобрилъ ее. Рѣчь вся состояла въ исторіи возникновенія нашей школы. Это былъ простѣйшій безхитростный разсказъ, далекій отъ всякой сухости, статистики и цифръ. Публики собралось полная наша зала. Группа художниковъ и кое-кто изъ почетныхъ гостей были приглашены Иваномъ Николовичемъ къ нему въ домъ на завтракъ, а въ самой школѣ былъ устроенъ для учениковъ чай и закуска, здѣсь оставалась распорядительницей моя жена, неукоснительная въ моей жизни помощница. Не могу ужъ сказать, гдѣ было шумнѣе и веселѣе. Въ школѣ было бѣднѣе, но тамъ была сама молодость, не нуждающаяся въ подогрѣваніи. У Ивана Николовича же собрался народъ болѣе зрѣлый, сдержанный и серьезный, но и здѣсь радушіе и привѣтливость хозяевъ оживило всѣхъ и рѣчи такъ и лились рѣкой.

Я сказалъ краткую рѣчь, въ которой высказалъ все свое счастіе видѣть свою мечту о школѣ осуществленной, но добавилъ, что умру съ улыбкой на устахъ только тогда, когда дождусь у насъ музея.

Пили за молодыхъ хозяевъ, пили за отсутствующихъ почтенныхъ ста-

риковъ Николу Артемьевича и Пелагею Георгіевну, которымъ мы всѣмъ обязаны. Гости долго не расходились, и въ самомъ дѣлѣ, просто никому не хотѣлось уходить.

Въ одномъ изъ имѣній Александра Николовича Терещенко нужно было расписать церковь. Онъ обратился къ архитектору, который пріѣхалъ, обмѣрилъ храмъ, составилъ планъ. И дома, вытащивши изданія Гагарина и Солнцева, добавивъ отъ себя переплетухи въ такъ называемомъ русскомъ стилѣ, состряпалъ проектъ. Этотъ проектъ не удовлетворилъ заказчиковъ и Иванъ Николовичъ, неизмѣнный заботникъ о своей школѣ, предложилъ чтобы дѣло расписанія церкви дано было нашимъ школярамъ, дабы дать имъ маленькій заработокъ. Ну тутъ уже долженъ былъ я выступить на сцену. Я взялъ чертежи къ себѣ домой, и начали мы думать и гадать, какъ поступить. Рѣшили, что стыдно намъ расписывать по чужимъ образцамъ. Мы должны сами шевельнуть мозгами и составить что либо свое.

Это было въ 1886 году. Михаилъ Александровичъ Врубель, возвратившійся изъ Венеціи, былъ налицо, я къ нему прямо и обратился съ предложеніемъ, составить маленькій проектецъ, какъ бы онъ думалъ расписать эту церковь. Врубель и засѣлъ, расписалъ три маленькихъ картончика. Все вмѣстѣ должно было выражать извѣстную идею, которую М. А. намъ и изложилъ на бумагѣ. Привожу слова М. А. Врубеля буквально:

„Девизъ мотивовъ".

„Живи въ трезвомъ днѣ, укрѣпляясь опытомъ, что непогоды смѣняетъ радуга. Стремись къ заповѣдямъ Христовымъ и когда столкнется стремленіе съ мудростью жизни юдольной, бери (терніи и крестъ) труды и препятствія, что заслоняютъ путь къ равновѣсію. Предпочти опыту заповѣдь Христову, не страшись труда и препятствій: въ ночи страданій узритъ Христосъ Утѣшитель".

По его проекту, низъ церкви въ видѣ панели окрашивался въ сѣро-землистый тонъ, далѣе холодно-зеленоватый, кончавшійся орнаментомъ очень искусно переплетающихся цвѣточковъ ромашки. Середина церкви въ широкихъ орнаментахъ и въ тонахъ радуги. Верхъ—куполъ глубоко синяго тона и тамъ Спаситель...

Трудъ М. А. былъ интересенъ, какъ и все, что выходило изъ его рукъ, но онъ былъ слишкомъ эскизенъ; это былъ какъ бы набросокъ для проекта. Мнѣ не хотѣлось этимъ ограничиться, и я попросилъ одного изъ юношей, живущихъ при школѣ, сдѣлать еще одинъ проектъ, но въ большемъ масштабѣ и въ болѣе законченномъ видѣ. Юноша этотъ былъ Ефимъ Михайловичъ

Маковскій, нашъ художникъ и поэтъ. Дня три посидѣлъ онъ, и проектъ былъ готовъ. По его плану, низъ былъ расписанъ въ темныхъ тонахъ, чѣмъ выше, тѣмъ свѣтлѣе, а куполъ въ самыхъ легкихъ и свѣтлыхъ тонахъ. У юноши въ отношеніи колорита былъ недурной, вкусъ и по комбинаціи красокъ его немудреный проектъ не былъ лишенъ пріятности.

— „Ну, вы, Ефимъ Михайловичъ, изложите же намъ тоже, какая идея въ вашей росписи. Вѣдь это, такъ сказать, музыка безъ словъ, а вы переведите это на слова".

За этимъ дѣло не стало. Ефимъ Михайловичъ присѣлъ, притихъ и не прошло и полъ-часа, какъ онъ уже намъ декламировалъ своимъ немножко глуховатымъ голосомъ:

„Покой души, скорбей забвенье
Здѣсь слезы умиленья
И радость бытія
Тревогъ найду я здѣсь успокоенье,
Здѣсь вѣчной радости звѣзда;
Передъ Тобою Искупитель
Здѣсь вѣра чистая моя".

— „Ну, стихи ваши лучше вашего проекта. Отлично".

Собралъ это я все и показалъ Ивану Николовичу.

— „Если бы это былъ мой храмъ, сказалъ Иванъ Николовичъ, то я остановился бы на проектѣ Врубеля, это очень оригинально. Но тутъ послѣднее слово принадлежитъ Пелагеѣ Георгіевнѣ. Вѣроятно, она выберетъ Маковскаго, да оно такъ будетъ и лучше, и проще".

Такъ оно и вышло, стихи Маковскаго подкупили совершенно Пелагею Георгіевну, выборъ былъ сдѣланъ, и мы съ конца апрѣля приступили къ работѣ. Я составилъ артельку человѣкъ съ семи, и къ концу іюня работа была кончена. Намъ щедро заплатили. Пелагея Георгіевна даже 50 рублей подарила моей маленькой артели, и мы разъѣхались счастливые и довольные.

Конецъ каникулъ 1886 г. я прожилъ въ Коростышевѣ. Рѣка Тетеревъ, камни, хатки, старыя крупныя сосны. Это дало мнѣ такіе мотивы для моихъ этюдовъ, что кажется, лучше этого я ничего въ жизни своей не писалъ. Болѣе десятка вещей было послано въ Академію на выставку, и всѣ онѣ были проданы. Одна картина куплена Академіей художествъ для музея. Выше этого я никогда не подымался.

Вмѣстѣ со мною въ Коростышевѣ жили Яблочкинъ, Пимоненко, ученики Дядченко и Андреевъ; по сосѣдству же поселился Х. П. Платоновъ.

Упомянувъ объ участіи въ нашихъ школьныхъ дѣлахъ Врубеля, я съ глубокой грустью подвожу итоги этого интереснаго человѣка и художника. О Врубелѣ нѣтъ средняго мнѣнія. Онъ для однихъ геній, для другихъ нѣчто весьма странное, ни на что не похожее изъ того, къ чему такъ привыкли. Врубеля очень трудно объяснить другому, его только можно показать и спросить: пріемлется это или нѣтъ? Пріемлется онъ—ладно, а не пріемлется лѣзть изъ-за этого на стѣнку, какъ я вижу изъ опыта, совсѣмъ не слѣдуетъ. Вотъ его кусочекъ моря со всѣми цвѣтами, со всѣми переливами. Сумбурно это, безформенно, странно. Я самъ это видѣлъ въ натурѣ, но я и не подумалъ и не посмѣлъ это изобразить, а онъ сдѣлалъ. Мнѣ нравится, я цѣню то, что онъ посмѣлъ взяться и сдѣлать совершенно своеобразно то, за что никто не брался. Кромѣ того, у него была своя фантазія, свои представленія, свое творчество, по наитію свыше. Это я говорю относительно внутренняго содержанія, а что касается внѣшняго, то онъ страстно любилъ краски и извлекалъ изъ нихъ такую силу и красоту гармоніи, какой обыкновенный пописывающій себѣ художникъ и не воображаетъ. Вотъ это то и приходится въ немъ чтить.

Въ Римѣ, въ сумерки, онъ однажды остановилъ меня.

— „Пойдемте, говоритъ, вонъ тамъ къ фонтану; тамъ въ это время такой тонъ мутной синевы въ водѣ получается, что мнѣ нужно посмотрѣть: онъ мнѣ нуженъ на завтра“.

Смотрѣлъ я съ нимъ и ничего не видѣлъ, а онъ смотрѣлъ, и затихъ, и онѣмѣлъ, а завтра дѣйствительно у него что-то подобное появилось въ его громадномъ плафонѣ, который онъ дѣлалъ по заказу одного московскаго мецената.

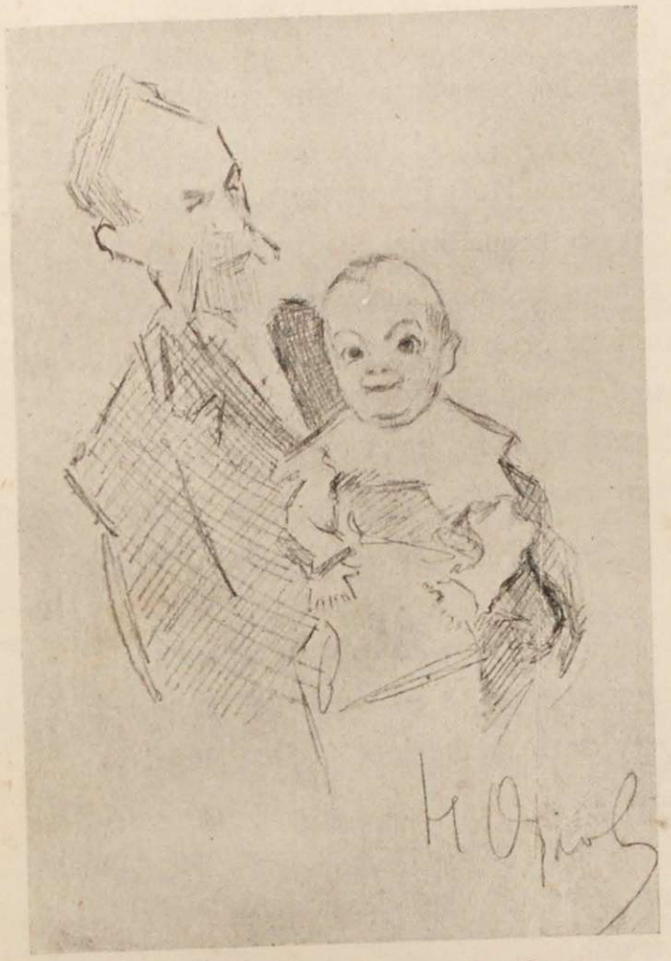
Врубель не сказалъ своего послѣдняго слова, привести все къ одному знаменателю ему, бѣдному, не пришлось. Какой то злой рокъ лежитъ на массѣ нашихъ талантливыхъ людей. Н. Н. Ге говорилъ, что на Руси у насъ только 14 художниковъ. Къ этимъ немногимъ единицамъ принадлежитъ Врубель. 14 человѣкъ на многомилліонную Русь немного. Казалось бы, жизнь ихъ должна сложиться хорошо, да не такъ выходитъ на дѣлѣ.

Въ Кіевѣ М. А. Врубель работалъ на свободную тему картину (акварель) для Ивана Николовича. Потомъ, живя въ домѣ одного богатаго господина, имѣлъ тамъ, кажется, урокъ рисованія и писалъ большой холстъ, гдѣ хотѣлъ представить моленіе о чашѣ Христа въ Геѳсиманскомъ саду. Затѣмъ я его вижу живущимъ самостоятельно въ домѣ окнами на Днѣпръ и на наши чудныя заднѣпровскія дали. Здѣсь Врубель дѣлаетъ свои удивительные аква-

рельные эскизы на тему „Pietas“ для Владимирскаго собора. На одну и ту же тему онъ ихъ сдѣлалъ шесть и трудно сказать, который изъ нихъ интереснѣе другихъ. Всѣ они чрезвычайно и глубоко выразительны и по краскамъ любопытны. Годы проходятъ, а эти эскизы какъ бы выростаютъ въ своемъ значеніи.

До 1888 года включительно М. А. Врубель проводитъ въ тѣсномъ сношеніи съ нами. Учитъ въ школѣ, дѣлаетъ безъ конца свои композиціи: нарисовалъ очень выразительную фигуру Печорина и лѣпилъ Демона. Слѣпокъ изъ глины долго хранился у насъ, пока не разсыпался: это было суровое молодое лицо съ кучей волосъ на головѣ. Сформировать его намъ никому не приходило въ голову. Все своеобразное такъ трудно воспринимается. Его интереснѣйшій этюдъ масляными красками: „Дѣвочка въ цвѣтныхъ коврахъ“. Это такой каскадъ цвѣтовъ и красокъ. Теперь онъ виситъ въ домѣ Ивана Николовича, на стѣнѣ и бьетъ всѣ окружающія его картины, дѣлая ихъ постными, безцвѣтными, скучными и привлекаетъ къ себѣ глаза. А было время. что эта вещь чуть не извалялась, стоя иногда въ передней лицомъ къ стѣнѣ. Эта яркая своеобразная вещь была какъ то трудно пріемлема, пока она, наконецъ, съ честью не заняла свое мѣсто на стѣнѣ. Бѣднаго Врубеля чуть не считали слегка помѣшаннымъ. Такъ бываетъ трудно своеобразному талантливому иногда между нами, обыкновенными людьми. Понемногу его поняли и оцѣнили. Но его всетаки лучше оцѣнили въ Москвѣ, съ легкой руки Саввы Ивановича Мамонтова, этого интереснѣйшаго и почтеннѣйшаго любителя искусствъ.

Выставка, устроенная въ школѣ въ дни 50-лѣтія со смерти А. С. Пушкина.



Мурашко съ внукомъ. *Рис. Орлова.*

Прочиталъ недавно въ газетахъ, что за одну изъ картинъ И Е. Рѣпина даютъ 17 тысячъ, но онъ уклонился уступить картину, такъ какъ покупатель не пожелалъ объявить свое имя. Мнѣ вспомнилось при этомъ, какъ различно цѣнится одинъ и тотъ же авторъ въ различное время. Не много лѣтъ назадъ на выстанкѣ передвижниковъ въ Петербургѣ была выставлена картина Рѣпина „Монахиня". Я былъ въ это время по дѣламъ въ Петербургѣ, и, между прочимъ, мнѣ поручено было Иваномъ Николовичемъ осмотрѣть выставки и если что подвернется подходящее, то и купить.

Какъ только открылась передвижная выставка, я сейчасъ туда. Прошли сильные міра. Прошелъ въ одиночку и молчаливый, внимательный П. М. Третьяковъ. Вижу, что онъ постоялъ, постоялъ возлѣ „Монахини" и прошелъ дальше. Подошелъ я къ картинѣ, мнѣ она сразу понравилась, но я въ такихъ случаяхъ не полагался на одного себя. У меня было человѣчка два, не посовѣтовавшись съ которыми, я ничего рѣшительнаго не дѣлалъ. Кстати одинъ изъ нихъ былъ тутъ же, профессоръ Павелъ Петровичъ Чистяковъ. Я его подъ руку подвожу къ картинѣ, спрашиваю:

— „Какъ Вамъ нравится эта вещь? хочу пріобрѣсть ее для моего края".

— „Что же вещь хорошая! Могу только поздравить, если пріобрѣтете".

Я сейчасъ же въ кассу.

— „Какая цѣна „Монахини" Рѣпина?—Говорятъ 2000 р.".

— „Оставьте за мной, говорю: я сейчасъ ѣду къ автору".

— „Пожалуйста, говоритъ распорядитель, какъ сойдетесь, дайте знать, потому что на нее можетъ быть тутъ же спросъ“.

Я сейчасъ же къ старому своему пріятелю.

— „Покупаю твою картину „Монахиню“.

— „Пожалуйста!“

— „Можетъ, ты намъ уступишь что нибудь? Двѣ тысячи за одну головку какъ будто дороговато немножко“.

— „Что тебѣ сказать на это, говоритъ задумчиво Илья Ефимовичъ. Когда мы жили въ Академическомъ переулкѣ, за такую вещь были бы рады и 25 рублямъ, вѣдь мы цѣнились не больше. А теперь видишь, какъ мнѣ приходится жить. Мнѣ теперь въ мѣсяцъ приходится тратить гораздо больше, чѣмъ тогда въ годъ, а много ли такихъ вещей напишешь въ году... Иногда просто одну. Портреты я могу писать, сколько угодно, но я ихъ такъ не люблю. Когда откажусь какъ нибудь, то такъ счастливъ бываю, такъ чувствую себя хорошо. Такъ вотъ и суди, что я могу взять за такую рѣдкую модель, какъ эта монахиня“.

— „Ну быть по сему, я сейчасъ телеграфирую, а ты мнѣ дай карточку, что „Монахиня“ тобой продана“.

Черезъ полъ-часа я уже вручилъ карточку завѣдывающему выставкой.

На другой день, еще не успѣли приколоть билетика о томъ, что картина продана, какъ входитъ П. М. Третьяковъ. Посмотрѣлъ опять на „Монахиню“, да прямо къ завѣдывающему и тамъ спокойно спрашиваетъ, что стоитъ эта вещь.

— „Да эта вещь уже, Павелъ Михайловичъ, продана!“

— „Какъ продана?! эта вещь мнѣ нужна, заговорилъ уже совсѣмъ непокойно Павелъ Михайловичъ; это какъ разъ pendant къ моему „Протодіакону“.

— „Ну, что же Вы вчера не сказали?“

А Павелъ Михайловичъ любилъ иногда, какъ мудрый купецъ, выждать немножко, да поторговаться.

Въ какой мѣрѣ Павелъ Михайловичъ досадовалъ, что упустилъ эту вещь, я въ такой же мѣрѣ радовался, что выхватилъ ее для Ивана Николовича.

Вспоминается мнѣ еще одинъ эпизодъ, связанный съ покупкою картины.

Дѣло было въ 1898 году. Давно не видалъ я Ивана Николовича, жившаго въ то время въ Москвѣ. Соскучился я за нимъ, да и были кое-какія школьныя дѣла къ докладу, и я рѣшилъ съѣздить въ Москву.

Я засталъ Ивана Николовича, несмотря на недугъ свой, занятаго разными художественными пріобрѣтеніями. Въ данный моментъ пріобрѣтенія были музейнаго характера. Старыя лампадки, подсвѣчники, оклады иконъ, крестики и пр. Мы даже засѣли переписывать все это, но скоро увидавъ, что это совсѣмъ не такъ легко и просто, оставили это дѣло. Мы не столько писали, сколько смаковали каждую вещь.

Я былъ отпущенъ въ Петербургъ осмотрѣть вновь открывшіяся выставки. Годъ вышелъ какъ то бѣденъ. Ни въ Академіи, ни у передвижниковъ ничего особеннаго выдающагося не было. Въ Академіи даже вышло нѣчто сенсаціонное. П. М. Третьяковъ обошелъ выставку разъ и въ другой, и какъ бы въ отчаяніи пошелъ въ складъ ученическихъ работъ, тамъ же въ Академіи. Вытащилъ тамъ на свѣтъ пейзажный этюдъ г-жи Федоровой, съ тѣмъ и уѣхалъ. Это было нѣчто обидное даже.

Я тоже остановился только на передвижникахъ. Осмотрѣлъ выставку. Мнѣ приглянулась картина Степанова; себѣ не довѣряя, потихоньку опять выпытываю мнѣніе у того, другого. Спрашиваю Чистякова.

— „Хорошо, говоритъ нарисовано. Вы смотрите вещь небольшая, а у него и руки охарактеризованы“.

Врубель подвернулся, спрашиваю и его:

— „Какъ это вамъ нравится?“

— „Да, какъ вамъ сказать, пріемъ письма болѣе похожъ на акварель, чѣмъ на маслянныя краски, но это ничего, вещь не лишена извѣстной пріятности, и характерно, хорошо разсказано“.

Я къ Рѣпину: это ужъ послѣдній совѣтникъ:

— „Покупаю Степанова на выставкѣ“.

— „Чтобъ тебѣ, вотъ ужъ убилъ бобра. Дѣйствительно, публика ахаетъ, ахъ, какъ выписано и сапоги, и собака. А для меня это . . . . не хочу даже сказать. Вѣдь это же все подражательно. Ужъ если ты для Ивана Николовича хочешь, такъ купи того, кому онъ подражаетъ, это художника Винеа“.

— „Фу, ты, голубчикъ. Да мы совсѣмъ о разныхъ вещахъ говоримъ. Это ты разнесъ моего пріятеля Клавдія Петровича Степанова, что въ академіи, а я торгую у передвижниковъ, какого-то еще совсѣмъ молодого москвича Степанова“.

— „Ахъ, этого! это совсѣмъ другой разговоръ. Это должно быть очень

талантливый человѣкъ: Москвой отзывается немного, ну, да это что же, это ничего, мнѣ тамъ многое нравится".

— „Ну, вотъ это мнѣ пріятно. Посмотрю еще да и по рукамъ".

На другой день, взявъ съ собою своего бывшаго питомца, Володю Андреева, я отправился на выставку. Посмотрѣли еще разъ картинку.

— „Пойди, говорю, спроси, какая цѣна, да потихоньку; не говори, для кого и что, а такъ себѣ".

Спросилъ, говоритъ: „800 рублей".

— „Цѣна божеская. Бей депешу Ивану Николовичу:"

— „Покупаемъ Степанова 800 рублей".

Слышу я, что о Степановѣ уже шумокъ. Ѣду на другой день съ тѣмъ же Володей. Возлѣ картины топчется какая то кучка зрителей, я заволновался— вотъ, думаю, выхватятъ изъ подъ носа картину.

— „Иди Володя, вотъ тебѣ пятьдесятъ рублей. И такъ, на всякій случай скажи, что вотъ, молъ, если за картину возьмете 750 рублей, такъ вотъ вамъ и задатокъ".

— „Ну, какъ?" спрашиваю . . .

— „Немножко какъ будто замялись, а потомъ, вѣроятно, рѣшили не упускать покупателя".

— „Ты же ничего не сказалъ?"

— „Нѣтъ, они спросили, на кого записать картину. Я говорю Андреевъ, Владимиръ Анатоліевичъ, и баста".

— „Вотъ и прекрасно!"

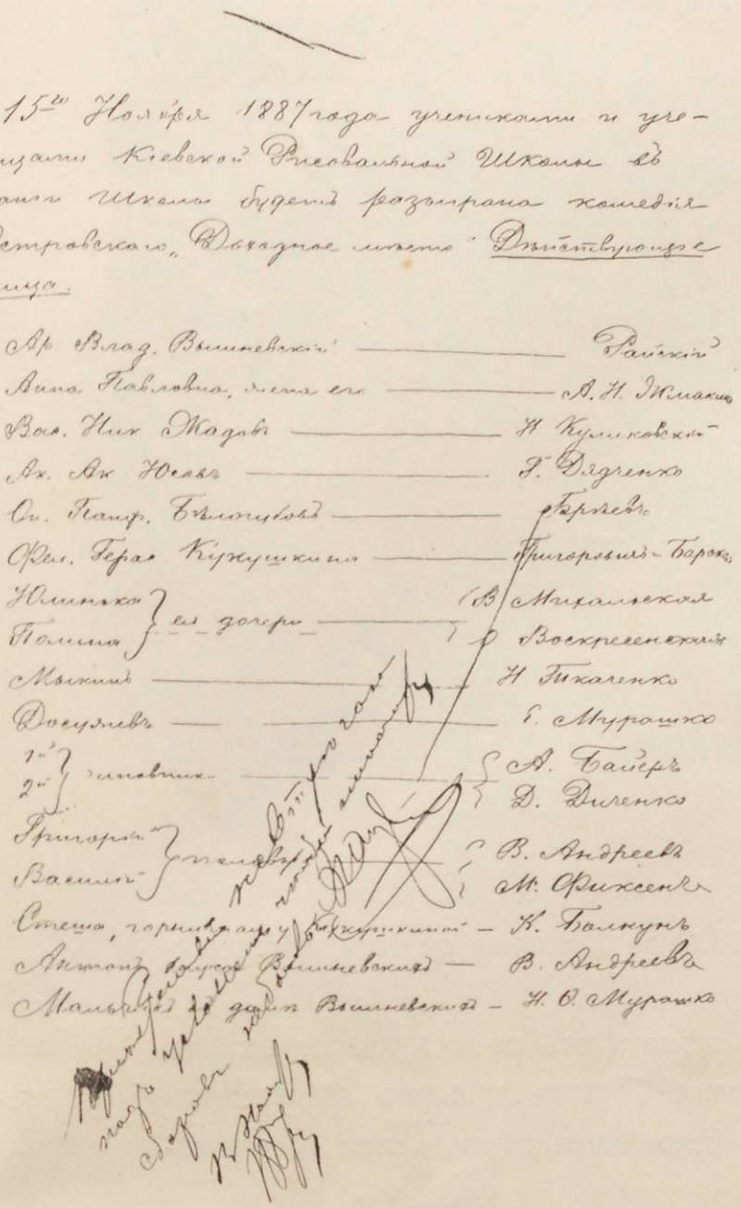
Я доложилъ Ивану Николовичу, что картина куплена за 750 рублей, что изъ оставшихся 50 рублей мы часть пропили и проѣли съ нашими бывшими школярами, а часть ушла П. А. Склярову въ задатокъ за заказанную копію съ картины Судковскаго. Иванъ Николовичъ меня выслушалъ и я, какъ говорится, не встрѣтилъ возраженія.

Тѣмъ дѣло, казалось бы, и кончилось. Но много позже я узналъ, что около этой продажи былъ шумъ и много разговоровъ на тему, какъ Николай Ивановичъ Мурашко купилъ картину за 750 рублей, а отъ Ивана Николовича получилъ 800 рублей.

Быть можетъ, это мнѣ въ наказаніе за маленькое лукавство, что я скрылъ истиннаго покупателя картины. Но если бы узнали, что картина покупается для Ивана Николовича Терещенко, боюсь, что цѣна была бы назначена иная.

Школа все разросталась и въ 1884 году была переведена на Большую Владимирскую улицу въ домъ Тамары, гдѣ была снята большая квартира въ

бель-этажѣ и поменьше въ I-мъ этажѣ для вечернихъ классовъ. Въ бель-этажѣ былъ хорошій залъ, въ которомъ послѣ рисованія часъ посвящался лекціи по какому либо изъ спеціальныхъ предметовъ. Первымъ регулярнымъ лекторомъ былъ у насъ В. И. Фабриціусъ, которому была поручена перспектива и о которомъ я уже упоминалъ.



Афиша школьнаго спектакля.

Съ 1886 года у насъ начались правильныя лекціи по исторіи искусствъ. Читалъ кіевлянинъ по рожденію и воспитанію Гр. Гр. Павлуцкій, тогда приватъ-доцентъ, а нынѣ профессоръ Университета Св. Владимира по каѳедрѣ исторіи искусствъ. Гр. Гр. былъ нашимъ неизмѣннымъ лекторомъ съ 1886 года и до закрытія школы.

Съ 1887 года начинается чтеніе лекцій по пластической анатоміи. Вначалѣ читалъ анатомію П. М. Натансонъ, а послѣ него Гр. К. Дядченко, бывшій воспитанникъ школы, вернувшійся въ 1895 году художникомъ изъ Петербурга. Ему же были поручены лекціи по перспективѣ послѣ смерти В. И. Фабриціуса.

29 января 1887 года въ день 50-ти лѣтія со дня смерти А. С. Пушкина въ школѣ былъ вечеръ, посвященный его памяти. Былъ выставленъ портретъ поэта и снимки съ картинъ, иллюстрирующихъ жизнь Пушкина и его произведенія. Очень интересный рефератъ прочелъ преподаватель реальнаго училища Степовичъ; съ обычнымъ мастерствомъ прочелъ нѣсколько отрывковъ С. П. Якубовичъ*) и очень мило декламировали дѣтки-ученики школы.

*) О немъ я имѣлъ случай уже упоминать.

„Христосъ предъ Пилатомъ“ неоконченная картина Крамского.

Въ мартѣ 1887 г. съ великою грустью узнали о кончинѣ великаго русскаго мастера Крамского. 24 онъ скончался, а 28 была школьная суббота, посвященная его памяти.

Иванъ Николаевичъ Крамской былъ однимъ изъ самыхъ уважаемыхъ въ художественномъ кругу людей. Рано долженъ былъ добывать средства къ жизни, онъ до конца своихъ дней былъ человѣкомъ труда, и сама смерть застала его не въ постели, а за работой.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ числѣ 11 конкурентовъ, имѣющихъ малыя золотыя медали, Иванъ Николаевичъ Крамской оставилъ академію.

Это были все славные мастера; нѣкоторые изъ нихъ, живя и теперъ между нами, еще полны силъ и творчества и продолжаютъ работать.

Каждый, чуть знакомый съ искусствомъ, знаетъ имена Рѣпина, Лемоха, К. Маковскаго, Кошелева, Корзухина, Журавлева, Сѣдова, Шустова и другихъ. Все это мастера, двинувшіе современное искусство, но самый почтенный и уважаемый былъ между ними Ив. Н. Крамской. Нѣкоторые имена вамъ покажутся болѣе громкими, болѣе блестящими, какъ, напримѣръ, И. Е. Рѣпина съ его „Бурлаками“ и „Грознымъ“, или К. Маковскаго съ его „Боярскимъ пиромъ“, но всѣ они почтительно разступались передъ Ив. Николаевичемъ, а

Ив. Ник. Крамской.

онъ какъ будто бы ничего такого особенно бьющаго въ глаза, широкаго, большого и не сдѣлалъ.

Въ 1884 году написалъ онъ, самъ глубоко душой страдая, картину „Неутѣшное горе". А портреты, которыхъ много написалъ Крамской, съ перваго взгляда кажутся чѣмъ то менѣе важнымъ, менѣе значительнымъ, чѣмъ свободное творчество; но вотъ много времени прошло, а мы затрудняемся указать портретиста, который бы хоть немножко могъ замѣнить Ив. Николаевича и отнять у него частицу славы перваго нашего портретиста. Одного лишь человѣка можно по портретамъ поставить рядомъ съ Крамскимъ, это И. Е. Рѣпина, который, не стѣсняясь, называетъ себя ученикомъ Крамского и Чистякова и къ обоимъ относился всегда съ необычайной почтительностью. Портреты Крамското по представленію внутренняго человѣка будутъ всегда стоять высоко, но не въ этомъ дѣло. Сила души, сила внутренняго содержанія покойнаго такова, что мы, глядя на портреты Ивана Николаевича, ни одну минуту не думали, что онъ тутъ весь. Мы всегда ждали отъ него еще чего то больше и больше. Дѣйствительно, рядомъ съ портретами, рядомъ съ добываніемъ насущнаго хлѣба, Крамской работалъ много лѣтъ надъ громаднымъ холстомъ, показывая его только самымъ близкимъ, никому ни однимъ словомъ о своемъ трудѣ не заикаясь. Мы не знаемъ, этотъ послѣдній трудъ его можетъ быть не только не конченъ, но можетъ даже хорошо и не выясненъ.

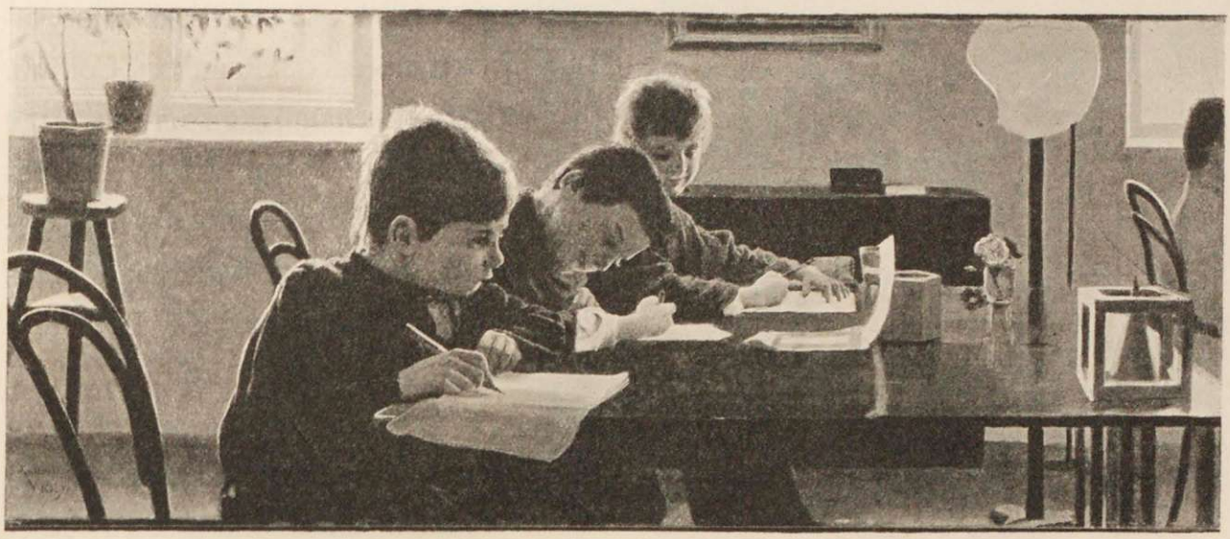
Итакъ, группа оканчивающихъ воспитанниковъ оставила Академію. Странно сказать, но чувство товарищества играло въ этомъ поступкѣ немалую роль. Они конкуренты на большую золотую медаль говорили: „Всѣ мы медали не получимъ, а получитъ кто нибудь одинъ. Стоитъ ли изъ-за этого биться".

Молодые люди основали особую артель, общежитіе съ квартирами, съ мастерскими и даже съ школой. Это были силачи; во главѣ стоялъ Крамской. Совершенно понятно, что имъ скоро показалось въ этомъ общежитіи тѣсно. Крамской былъ въ это время привлеченъ къ большой и серьезной работѣ.

Старый заслуженный профессоръ Ал. Тар. Марковъ получилъ заказъ расписать въ Москвѣ куполъ храма Христа Спасителя. Сдѣлавъ достойный стараго профессора эскизъ, самъ выполнить его не пожелалъ. Маркову помогалъ сначала академикъ Макаровъ, большой мастеръ дѣтскихъ портретовъ и художникъ въ то время извѣстный, но съ фигурой, представляющей самого Творца Саваоѳа, справиться не могъ, хотя въ эскизѣ профессора, казалось, Онъ и довольно опредѣленъ; тутъ нужна была такая сила, какъ Иванъ Николаевичъ Крамской. Онъ съ честью рѣшилъ эту задачу. Куполъ представляетъ одно изъ эффектнѣйшихъ изображеній во всемъ храмѣ Спаса въ Москвѣ.

Рамки петербургской жизни нашимъ молодымъ художникамъ кажутся тѣсными, имъ хотѣлось бы всю Русь охватить, познакомить съ высокимъ искусствомъ. И вотъ у Г. Г. Мясоѣдова и все того же И. Н. Крамского является мысль объ устройствѣ передвижной художественной выставки. Стоялъ ли во главѣ правленія Крамской, или уступалъ эту честь другимъ моложе себя, онъ отъ перваго и до послѣдняго дня былъ душой и главною силою этого общества.

Не распространяясь о впечатлѣніи его картинъ, о строгости его рисунка и другихъ сторонахъ его произведеній (это бы меня далеко отвлекло), скажу въ заключеніе только, и скажу это съ величайшую гордостью и удовольствіемъ, о его симпатичномъ отношеніи къ нашей школѣ. Его совѣты, мнѣ лично словесные и письменные по дѣламъ школы, служили мнѣ всегда цѣннѣйшимъ указаніемъ. Я скажу прямо, что если въ постановкѣ самой сути дѣла преподаванія искусства есть у насъ нѣчто опредѣленное, простое и ясное, то мы не малой долей этого обязаны Крамскому.



„Въ школѣ“, раб. Костенко.

Въ 1891 году школа переходитъ въ новое еще большее и на этотъ разъ послѣднее свое помѣщеніе, въ домъ Михельсона на Большой Владимирской улицѣ. Домъ этотъ еще достраивался, когда нашъ переходъ былъ туда уже намѣченъ, и домохозяинъ любезно согласился на всѣ отвѣчающія нуждамъ школы передѣлки. Составъ преподавателей пополняется новыми лицами. Въ 1892 г. вновь приглашаются Ив. Вас. Косиченко, окончившій Московское Училище Живописи, Ваянія и Зодчества, художникъ О. И. Троицкая (акварель и живопись на фарфорѣ) и о. Григорій Прозоровъ, читавшій исторію Отцевъ Церкви.

Въ 1892 году профессоръ университета Св. Владимира И. А. Сикорскій прочелъ въ школѣ двѣ чрезвычайно любопытныхъ лекціи о мимикѣ человѣческаго лица и демонстрировалъ сокращеніе мышцъ, измѣняющихъ выраженіе лица подъ вліяніемъ электрическихъ токовъ. Для опытовъ служили два солдата, пришедшіе съ ученикомъ школы офицеромъ К. Хотя они бодрились, но были взолновнаы; предстоящіе опыты, очевидно, представлялись имъ чѣмъ то страшнымъ и пожалуй даже опаснымъ. Конечно, за свое хотя и напрасное безпокойство они были надлежаще награждены.

Издавна завелся и все время существованія школы поддерживался порядокъ разсмотрѣнія и оцѣнки работъ учащихся. Это дѣлалось періодически и не менѣе 3 разъ въ годъ: въ началѣ занятій для разсмотрѣнія каникулярныхъ работъ, предъ Рождествомъ и предъ Пасхой. Собирался Совѣтъ не только изъ преподавателей школы; очень часто въ трудахъ Совѣта принимали участіе поселившіеся въ Кіевѣ профессора Академіи Художествъ П. І. Ковалевскій и В. Д. Орловскій. Б. И. Ханенко, такъ много удѣляющій вниманія ис-

Сем. Ант. Мариничъ и группа учениковъ школы:

Байеръ. Шинкаренко. Мариничъ.
Бокалъ. Андреевъ. Костенко.
Дядченко.

кусству, также неоднократно участвовалъ въ засѣданіяхъ Совѣта. Всегда желанными гостями были художники, которыхъ судьба забрасывала въ Кіевъ въ дни Совѣта, какъ, напримѣръ: Котарбинскій, Станиславскій, Бодаревскій, Кузнецовъ и др.

Озабочиваясь всячески развитіемъ учащихся, Совѣтъ не ограничивался указаніемъ лучшихъ работъ и переводомъ достойныхъ въ старшіе классы, а часто мотивировалъ свои рѣшенія и давалъ общія руководящія указанія.

Для иллюстраціи приведу нѣсколько выдержекъ:

Напримѣръ, въ рѣшеніи Совѣта отъ 17 февраля 1889 г. между прочимъ читаемъ:

„Вучичевича пейзажи показываютъ несомнѣнныя его способности, но онъ какъ будто принадлежитъ къ той группѣ немногихъ, какъ покойный Мехеда, В. Маковскій, Ларіоновъ и другіе пейзажисты, сомнѣвающіеся, нужно-ли пейзажисту учиться въ школѣ. Указываютъ отчасти на молодого художника Вжеща, что вотъ онъ дескать не учился въ школѣ, но объ этомъ Совѣтъ предоставляетъ сказать самому Вжещу.“

Далѣе слѣдуетъ собственноручная приписка Е. К. Вжеща:

„Ученикамъ, ссылающимся на меня, скажу искренне: не только, жалѣю, но мучусь, что я не прошелъ строгаго изученія рисунка, и кажется мнѣ, что очень скоро они увидятъ меня на школьной скамьѣ рядомъ съ начинающими учиться рисовать.“

Въ рѣшеніи Совѣта отъ 29 марта 1892 года между прочимъ сказано:

„Лучшій рисунокъ съ торса Лаокоона Бурданова. Торсъ этотъ у всѣхъ не законченъ, не смотря на то, что было прибавлено времени для рисованія: это доказываетъ, что юноши не дорожатъ временемъ или внѣ школы никогда не рисуютъ и техника рисунка не развита.“

„Фаустъ и Маргарита“, раб. Костенко.

„Мельникову за домашнія работы (котъ, пейзажъ, спящая фигура и пр.) похвала отъ Совѣта. Видна внимательная наблюдательность надъ окружающимъ, стремленіе перенесть на бумагу полученныя впечатлѣнія; какъ то, такъ и другое полезно для учащихся“... и т. д.

„Съ базара“, раб. Костенко.

Въ 1893 году въ Кіевѣ была открыта выставка картинъ подъ названіемъ I-ой весенней выставки. Это названіе было вдвойнѣ кстати и по календарю, и потому, что участвовали все молодыя силы. Изъ 32-хъ участниковъ, 22—воспитанники Кіевской рисовальной школы.

Выставка эта была сочувственно встрѣчена мѣстной прессой. Заговоривъ о прессѣ, не могу не вспомнить, что у нея есть серьезный счетъ съ очень талантливымъ и много обѣщавшимъ юношей С. Костенко; я уже разсказывалъ, какъ онъ поступилъ въ школу.

Мальчикъ Костенко очень скоро выказалъ большія способности въ рисованію и любилъ почитывать.

Въ 86 году онъ уже заинтересовалъ собою В. М. Васнецова, и тотъ его взялъ къ себѣ. Костенко ему помогалъ въ Владимирскомъ соборѣ, не оставляя рисовальной школы. Въ 90 году Костенко уже занимаетъ мѣсто на выставкѣ своей жанровой картиной изъ дѣтской жизни; картина въ день открытія выставки была куплена и заказано даже повтореніе. Слѣдующую картину онъ пишетъ изъ сценъ рынка, и ревнивые передвижники, къ которымъ попасть собственно довольно трудно, принимаютъ его трудъ и дѣлаютъ его членомъ-экспонентомъ. Юношѣ 22 года, видъ совершенно интеллигентнаго человѣка, любимецъ Н. Н. Ге, который во всякій пріѣздъ въ Кіевъ удѣлялъ ему много времени, даже, скажу болѣе, былъ съ нимъ неразлученъ. Это сильно вліяло на Костенко. Юноша не курилъ, строго соблю-

Преподаватель школы Костенко на урокѣ.

далъ нравственную чистоту. Это уже неоспоримое вліяніе честнаго и чистаго старика. На моихъ глазахъ юноши бросали курить, ѣсть мясо и перерождались подъ его вліяніемъ.

Молодому мѣщанину Костенко талантъ открываетъ широко двери вездѣ. Онъ радушно принятъ въ одномъ знатномъ и богатомъ домѣ, только одинъ природный талантъ его ввелъ туда. Въ это время уже онъ работалъ надъ картиной изъ Фауста, много читалось, много говорилось. Костенко изобразилъ Фауста и Маргариту въ саду; въ этой сценѣ присутствіе Мефистотеля не обязательно. Помню по этому поводу интересныя разсужденія Н. Н. Ге, онъ говорилъ, что особое изображеніе Мефистофеля для художника не представляетъ интереса: нужно такъ представить Фауста, чтобы въ немъ былъ и Мефистофель, такъ какъ Фаустъ и Мефистофель это, въ сущности, одно лицо, это двѣ человѣческія стороны, которыя каждый въ себѣ заключаетъ. Я не знаю, насколько это вѣрно и принадлежитъ-ли такое сужденіе лично Ге, или оно есть и въ литературѣ. Говорилось много. Молодой художникъ вложилъ всего себя въ свое дѣтище и въ 1892 г. картина появляется на выставкѣ.

„Торговки“ раб. Костенко.

У насъ художникамъ картина нравилась, мнѣ лично даже очень. Главное, что это не пейзажъ, гдѣ сегодня дубъ направо, завтра дубъ налѣво и такъ далѣе, не какая либо сцена изъ нашей повседневной жизни. Если тутъ у молодого художника есть какой либо недочетъ, то къ нему нужно отнестись чрезвычайно внимательно, какъ того требуетъ само дѣло, которое страшно серьезно.

Въ то время, какъ мы поздравляемъ юношу, въ газетѣ появляется фельетонъ, полный скалозубства, и скалозубства безшабашнѣйшаго, гдѣ Маргарита почему то автору напомнила праздничнаго поросенка, прочее было въ томъ же родѣ, и тутъ же почтенный рецензентъ, захлебываясь, расхваливаетъ пейзажи, въ которыхъ ровно ничего не было сколько нибудь цѣннаго для искусства. Учился человѣкъ, дрессированный, не идіотъ, и почему же ему не написать прилично пейзажа, годнаго закрыть въ комнатѣ обои.

Прочли мы, двинули плечами; не привыкать стать къ этому, видѣли уже подобное, но на Костенко это подѣйствовало сразу удручающе.

Чтобъ разсѣяться, идетъ онъ вечеромъ въ тотъ почтенный домъ, гдѣ его такъ мило принимали, и вдругъ крайне самолюбивый юноша замѣчаетъ, скользитъ какая то усмѣшечка на его счетъ. Кто то не совсѣмъ удачно пошутилъ. Костенко растерялся. Будь это человѣкъ того же круга, онъ отлично самъ отшутился бы и тѣмъ бы дѣло кончилось. Но Костенко сконфузился, ни слова не могъ найти въ отвѣтъ и, совершенно павши духомъ, скоро ретировался.

„Передъ звѣринцемъ“, раб. Костенко.

Итакъ, значитъ, сынъ торговки и ничего болѣе; таланта нѣтъ и ничего нѣтъ. Смерть и ничего болѣе. Пришелъ домой и слегъ. Товарищи думали— горячка, но прошло нѣсколько дней, онъ оправился. Мнѣ пришлось хорошенько пожурить его.

— „Развѣ можно придавать такое значеніе газетѣ, да еще воскресному фельетону. Да Вы знаете, что бы сдѣлалъ французъ въ такомъ случаѣ. Онъ купилъ бы въ нѣсколькихъ экземплярахъ этотъ номеръ газеты и самъ первый съ хохотомъ читалъ бы его вездѣ. Развѣ для художника страшно, что его выругали, вздоръ. Молчаніе—вотъ, гдѣ смерть артиста, а ругань это вторая степень послѣ похвалъ, она еще болѣе дѣлаетъ его популярнымъ, чѣмъ похвалы, послѣднія иногда просто покупаются, добываются заискиваніемъ, а ругань чаще искренняя и поучительна“.

Такъ я говорилъ, а самъ думалъ, что это во Франціи такъ, тамъ умѣютъ разобраться во всемъ, у насъ же печатному слову полная слѣпая вѣра, между тѣмъ пишущіе не всегда на высотѣ такого довѣрія общества.

„Мороженщикъ“, раб. Костенко.

Послѣ такой рецензіи у насъ картина успѣха у публики уже имѣть не будетъ. Борьба съ этимъ у насъ трудная. Самому Рѣпину и то пришлось въ подобномъ случаѣ считаться съ отзывомъ прессы. Рѣпинъ писалъ „Вечерницы“ и ее одинъ, казалось бы, уже знатокъ въ искусствѣ, владѣлецъ галлереи приторговалъ, увидѣвъ въ мастерской, и далъ задатокъ. Когда картина была окончена и выставлена, ее въ прессѣ обругали, нашли типы грубыми, вульгарными и прочее. Заказчикъ подъ впечатлѣніемъ статьи отказался отъ картины, предоставивъ возвращеніе задатка на усмотрѣніе художника.

Художникъ, конечно, задатокъ возвратилъ. Хорошо, что

нашелся человѣкъ, котораго нельзя было поколебать тѣмъ, что напечатано, который имѣлъ свое самостоятельное сужденіе о вещи. Но этотъ человѣкъ былъ Третьяковъ, а на такой исходъ не всегда можно разсчитывать.

Довольно прошло времени, пока успокоился Костенко и принялся вновь за дѣло, принялся онъ опять со всей своей молодой энергіей. Онъ и читалъ, воспитывая себя этимъ и работалъ въ школѣ, вернувшись въ нее послѣ нѣкотораго перерыва, но уже въ качествѣ преподавателя, и помогалъ Васнецову въ соборѣ, имѣя въ виду заработать немножко, чтобы проѣхать за границу. Осуществить эту цѣль помогло и наше мѣстное Общество поощренія искусствъ. Въ 1893 году Костенко уѣхалъ за границу. Въ 1894 году весною уже онъ выставилъ картину въ Парижскомъ Салонѣ. Для молодого художника это успѣхъ громадный. О Костенко заговорили въ нашей столичной прессѣ, а оттуда перепечатали и у насъ. Вы видите, какъ все складывается остро не спокойно. Натура Костенко впечатлительная, нервная, поборовшая горе, неудачи, не справилась съ радостью внезапнаго и, остраго успѣха. И вотъ однажды, возвратившись изъ Салона, Костенко начинаетъ избивать своего консьержа, ни въ чемъ неповиннаго стража своего дома. Черезъ часъ его, буйствующаго и убѣжавшаго изъ дому, подымаютъ на улицѣ въ горячкѣ. Костенко попадаетъ въ домъ ужасный, домъ умалишенныхъ. Такъ, кажется, и кончилъ нашъ бѣдный молодой художникъ Костенко.

„Трудный аккордъ“, раб. Костенко.

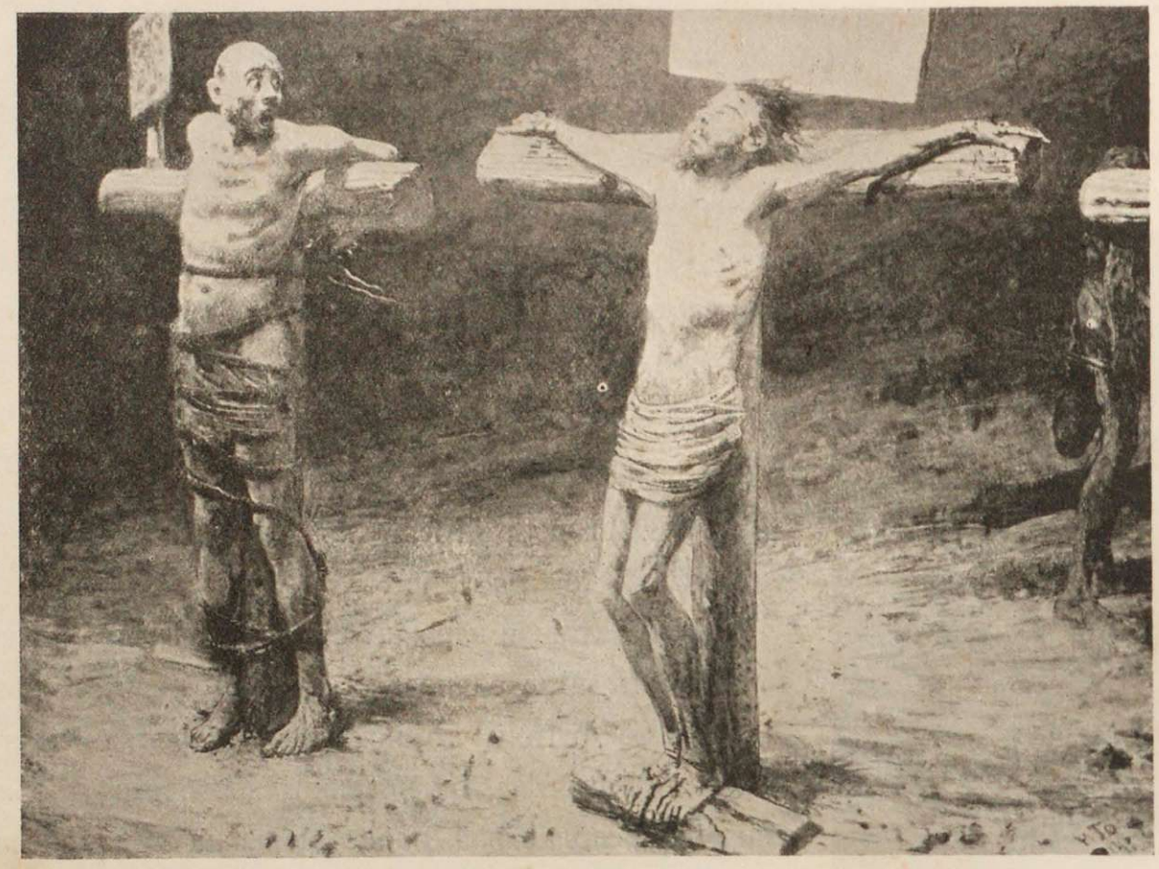
Н. Н. Ге.

Въ 1894 году въ Кіевѣ появились снимки съ картины Н. Н. Ге „Распятіе“.

Его послѣднія картины волновали сильно всѣхъ видѣвшихъ ихъ; волновали крайне различно, возбуждая то ругань, то поклоненіе. Послѣдняя его картина „Распятіе“, совершенно своеобразно и оригинально исполненная, производила на меня впечатлѣніе технически грубой вещи. Христосъ представленъ мертвымъ, замученнымъ человѣкомъ. Растрепанные сухіе волосы, уста, прикрытые слипшимися волосами усовъ и прочее, все это производило сильное впечатлѣніе, но своимъ реализомъ скорѣе пугало, чѣмъ трогало душу. Не говоря уже о какомъ либо изяществѣ, полное отсутствіе чего либо величаваго отталкивало отъ себя большинство зрителей. Но увлеченные рѣчами словолюбиваго и краснорѣчиваго Н. Н. Ге ничего не видѣли въ этомъ произведеніи, кромѣ могучей силы, и оно ихъ, какъ видно, искренно трогало. Въ картинѣ, впрочемъ были разбойники, внушительно написанные, было грозное, бурное темное небо. Но смотря на ликъ Христа, этотъ заостренный приподнятый кверху носъ, узкій въ ракурсѣ лобъ, невольно думаешь:

— Несомнѣнно это мертвецъ, но не Христосъ, Котораго я чту и чье Евангеліе стараюсь читать, чтобы полюбить Его еще болѣе.

Я недоумѣвалъ и ждалъ Ге, чтобы онъ намъ все уяснилъ. Ждать пришлось не долго. Въ концѣ мая 1894 г. явился Н. Н. Ге въ помѣщеніе рисовальной школы и скромно прошелъ въ комнату юношей, репетиторовъ школы. Тамъ, кромѣ трехъ живущихъ въ помѣщеніи школы, собрались и другіе. Юношамъ Н. Н. отдавалъ всю свою теплую сердечность и свою душу. Онъ съ ними былъ просто неузнаваемъ, къ людямъ же моего возраста, людямъ, которыхъ



„Распятіе“, раб. Н. Н. Ге.

считалъ безнадежными, уже прочно установившимися и какъ бы недоступными для его вліянія, онъ относился иначе. Н. Н. смотрѣлъ или черезъ наши головы, или сквозь насъ, но во всякомъ случаѣ не на насъ. Ге неохотно намъ отдавался, но бывая у юношей, какъ человѣкъ деликатный, долгомъ считалъ хоть на минутку заходить и ко мнѣ, (я жилъ въ томъ же помѣщеніи, гдѣ и школа). Такимъ образомъ, онъ зашелъ и на этотъ разъ ко мнѣ въ пріемную, гдѣ, кромѣ меня, были еще два преподавателя. Поздоровавшись, Ге присѣлъ къ намъ. Я непритворно высказалъ радость видѣть Ге у себя и поскорѣе постарался навести разговоръ на его „Распятіе“.

— „Буду говорить вамъ прямо искренно, „Распятіе“ мнѣ не нравится“.

— „Чѣмъ?“

— „Оно мнѣ непріятно, мнѣ тяжело на него смотрѣть.“

— „Вотъ, вотъ этого я и хотѣлъ, такъ и слѣдуетъ, это совѣсть въ васъ заговорила.“

— „Нѣтъ, Христосъ у Васъ просто грубъ и некрасивъ.“

— „Да это вы всѣ говорите. Распяли Христа, да хотите, чтобъ я его вамъ красиваго нарисовалъ, этакъ въ видѣ Лаокоона, что ли. Нѣтъ, другіе къ этому не такъ относятся.“

„Распятіе“, раб. Н. Н. Ге (фрагментъ).

Я пошелъ быстро въ мастерскую и принесъ фотографію съ картины и говорю:

— „Вотъ я его показывалъ одному интеллигентному еврею и онъ прямо сказалъ, что одно изъ Евангелій начинается родословной Христа. Это показываетъ ясно, что Христосъ былъ хорошаго рода, а это какой то простолюдинъ.“

— „Ну, чтожъ, это видно только, что вашъ еврей не читалъ Тита Ливія.“

— „Для меня это тоже не Христосъ.“

— „Да вы всѣ это говорите. Но я повторяю, многіе къ этому не такъ относятся, у меня перебывало полторы тысячи душъ народа. Я цѣлую кипу писемъ получилъ; въ Петербургѣ это понравилось. Левъ Николаевичъ пришелъ смотрѣть:—Ну ты, говоритъ, уходи, я какъ воспріемникъ, когда дитя принимаютъ—родители не присутствуютъ. Я вышелъ, хожу внизу по тротуару. Прошло немного времени, бѣжитъ дѣвочка—иди, дѣдушка, скорѣй, тамъ папа плачетъ, рыдаетъ, едва его успокоили. Что вы смотрите на эту фотографію? Что она вамъ можетъ сказать? На ней тамъ черно, гдѣ у меня свѣтло. Пріѣзжайте ко мнѣ на хуторъ, тамъ вы увидите картину, тамъ мы будемъ говорить.“

— „Съ дорогой душой, добрѣйшій Ник. Ник., полечу къ вамъ, потому что этимъ живу теперь.“

Тутъ Николая Николаевича попросили въ залу, гдѣ собрались всѣ ученики и и ученицы школы. Это было 30 мая 1894 г. Ге такъ тепло, привѣтливо, жизненно толковалъ съ нами; говорилъ, что ему нужно только семь картоновъ нарисовать, и тогда все будетъ ясно. 31-го Н. Н. былъ еще въ Кіевѣ, къ нему ходилъ одинъ изъ преподавателей школы, приглашать его сказать послѣднее слово въ этомъ учебномъ году, передъ закрытіемъ школы. Н. Н., какъ всегда, съ большимъ добродушіемъ отнесся къ приглашенію, сказалъ, что пришелъ бы съ большимъ удовольствіемъ (онъ такъ любилъ говорить съ учениками), но что на этотъ разъ не можетъ придти, во-первыхъ, ему очень нездоровится, а во вторыхъ, онъ хочетъ непремѣнно собраться и уѣхать къ себѣ домой. Такъ онъ и сдѣлалъ. I-го іюня Ге былъ въ Нѣжинѣ у сына своего Петра Николаевича, ночью добрался до своего хутора возлѣ ст. Плиски и тутъ же въ ночь съ перваго на второе іюня скончался послѣ кратковременнаго, но сильнаго страданія на рукахъ своего второго сына Николая Николаевича.

Присланная мнѣ телеграмма, безграмотнымъ моимъ слугой не была мнѣ вручена своевременно. Когда я пріѣхалъ по приглашенію Н. Н. на хуторъ, то ужъ мнѣ ничего не пришлось толковать и выяснять съ уважаемымъ мастеромъ.

Я вмѣсто Ге, живописнѣйшаго старика, изъ котораго огнемъ била жизнь, засталъ и увидѣлъ только свѣжій земляной холмикъ.

Съ чувствомъ встрѣченный сыномъ Н. Н. Ге тутъ же я засталъ ученика школы Яремича, очень любимаго покойнымъ юношу. Онъ мнѣ показалъ альбомы, развернулъ всѣ подмалевки и многія задуманныя, но не доведенныя до своего окончанія вещи.

И вотъ тутъ-то разсматривая три тостыхъ альбома, я увидѣлъ, какъ много работалъ Ге надъ головою Христа. Въ нѣкоторыхъ рисункахъ ликъ Христа полонъ красоты и величія. Выражено это безъ деталей, безъ обработки, но видно, что Ге ловилъ и это, но рядомъ съ этимъ ему хотѣлось выразить и прямо человѣческое страданіе, страданіе ужасное, реальное, страданіе всѣми нервами, мускулами и кровью.

Родные Н. Н. вспоминаютъ, какъ онъ говорилъ, что не признаетъ принципа: искусство для искусства, что ему нѣтъ дѣла ни до какихъ рамокъ, что онъ служитъ правдѣ во имя нравственныхъ интересовъ общества. Главнымъ же образомъ Н. Н. настаивалъ на томъ, что довольно уже умиляться, созерцая „Распятіе“.

— „Я сотрясу ихъ всѣ мозги страданіемъ Христа“, гремѣлъ онъ, впадая, въ экстазъ: „я заставлю ихъ рыдать, а не умиляться. Возвратясь съ выставки, они надолго забудутъ о личныхъ своихъ интересахъ“.

Спрашивается, достигъ ли Ге этого? Я бы сказалъ: нѣтъ, но изъ ума не выходитъ мысль: а что если мы испорчены массою слащаво-условнаго, фальшиваго въ искусствѣ, избалованы тѣмъ, чтобъ искусство насъ только тѣшило, забавляло. Не потеряли-ли мы даже способности читать, вдумываться въ подобныя произведенія? Это ужасно! Вѣдь поразила же картина до слезъ, чуть не до истерики нашего великаго философа. Стало быть, неминуемо тамъ должно содержаться нѣчто такое, что должно такъ дѣйствовать.

Н. Н. Ге въ своемъ имѣніи.

В. М. Васнецовъ за работой въ храмѣ св. Владимира.

Въ 1896 году былъ открытъ соборъ Св. Владимира, расписанный главнымъ образомъ В. М. Васнецовымъ. И знатоки искусства, и широкая публика сошлись въ высокой оцѣнкѣ этого событія. Безчисленные снимки и копіи съ живописи Владимирсккаго собора распространились далеко за предѣлы роднаго края. Установилось мнѣніе, что В. М. Васнецовъ въ основу своихъ трудовъ положилъ Византійскій стиль, и это яко бы намъ, православнымъ, особенно любезно и дорого. Такъ ли это? Многому ли могъ поучиться нашъ художникъ у Византійскаго искусства, застывшаго на условныхъ формахъ, желтыхъ безцвѣтныхъ ликахъ. Если сопоставить Васнецовскихъ Святителей съ изображеніями въ Софіевскомъ соборѣ или Михайловскомъ монастырѣ, то замѣтимъ, какъ чудесно Васнецовъ выхватилъ изъ Византійскаго искусства все, что только было въ немъ чуть-чуть живого. Ну, а дальше нужно было вдохновляться другими образцами.

Духъ художника воспитывается и выростаетъ незримо ни для кого, даже для него самого. Мы знаемъ, что чуть покончивъ съ образованіемъ, нашъ артистъ ѣдетъ въ Парижъ. Проходитъ нѣсколько лѣтъ. Въ 1885 году, какъ только В. М. задумалъ и рѣшилъ взяться за работы въ храмѣ Владимира, онъ опять отправляется за границу, осматриваетъ Палермо, Венецію, Равенну, гдѣ сохранились дорогіе остатки Византійскаго искусства, и ѣдетъ въ Римъ къ Рафаэлю, Микель Анджело и трогательнымъ и глубокочуствующимъ прерафаэлитамъ.

Въ 1885 же году мы съ Вик. Мих. Васнецовымъ столкнулись вмѣстѣ въ Римѣ; я пріѣхалъ раньше, зналъ нѣсколько необходимѣйшихъ итальянскихъ словъ, могъ ходить по римскимъ улицамъ безъ проводника. Ватиканъ, а въ немъ Сикстинская капелла уже были мною порядочно изучены. Какъ хорошо знакомый, повелъ я Виктора Михайловича въ капеллу Св. Сикста, гдѣ работы Микель Анджело потолокъ и на стѣнѣ „Страшный Судъ".

— „Ну я, говорю, васъ тутъ оставляю. Когда за вами зайти? Теперь 12 часовъ".

— „Раньше трехъ, говоритъ, не приходите".

Я сдѣлалъ большіе глаза.

— „Неужели вы три часа будете смотрѣть эту стѣну и потолокъ?"

— „Да ужъ смотрѣть, такъ смотрѣть".

Я пришелъ ровно въ три часа за Васнецовымъ, и онъ только оттиралъ свою шею, потому что все время смотрѣлъ то на стѣну, то на потолокъ.

Тутъ мы съ Викторомъ Михайловичемъ разговорились о томъ, что раньше видѣли, о старыхъ Итальянцахъ. В. М. относился къ нимъ съ большой симпатіей и потому, какъ онъ объяснилъ мнѣ Николо Аллуно, я убѣдился, что онъ ихъ понималъ глубже моего, хотя я ихъ ужасно полюбилъ, этихъ старыхъ Итальянцевъ. Кисти Николо Аллуно мы видѣли „Распятіе". Возлѣ Христа изображенъ Іоаннъ, навзрыдъ плачущій, и между прочимъ Викторъ Михайловичъ замѣтилъ, что это самъ художникъ такъ чувствовалъ, онъ самъ такъ бы плакалъ, такъ и изобразилъ. Это мнѣ показалось очень вѣрно.

Великое искусство мастеровъ Возрожденія прекрасно отразилось на нашемъ мастерѣ, и это В. М. не умаляетъ. Здѣсь, по моему, простая преемственность законная и естественная, какъ въ наукѣ, такъ и въ искусствѣ. Художникъ взялъ отъ Византійскаго искусства тѣ композиціи, которыя ему казались подходящими, а именно для изображенія Богоматери и Евхаристіи, хотя въ Евхаристіи есть отступленіе: нарисованъ Христосъ одинъ, а не такъ, какъ въ Софіи, въ Михайловскомъ и въ Кирилловскомъ, гдѣ двѣ фигуры Христа.

Но съ другой стороны изображеніе рая, кромѣ ангеловъ, ничего Византійскаго не имѣетъ. Жалѣть ли намъ объ этомъ? Да нисколько!

Византійское искусство величавое, но скоро застывшее, холодное. Въ немъ совершенно нѣтъ мѣста чувству. А у Васнецова такъ много теплоты и чувства разлилось по всему: возьмите этихъ рѣющихъ въ воздухѣ ангеловъ, жмущихся то къ Спасителю, то къ самой фигурѣ Бога Отца. Этого въ Византійскомъ искусствѣ нѣтъ; эти глубоко трогательные мотивы дали ему старики Итальянцы, начиная съ Джіотто, для которыхъ это излюбленный мотивъ. У меня и тѣни нѣтъ

мысли считать Васнецова какимъ либо подражателемъ. Онъ только взялъ то что отвѣчало его душѣ, и истолковалъ все по своему.

Знакомство съ старыми мастерами дало В. М. смѣлость композиціи, научило смѣло и ловко заполнять фигурами большія пространства. Въ той же Сикстинской Капеллѣ В. М. могъ видѣть, какъ пропадала живопись, взятая робко, мелко.

Картины Перуджино, Пинтурикіо, Боттиччели и другихъ мастеровъ сами по себѣ весьма интересны, но онѣ рѣшительно погибаютъ, потому что мелки. Вліяніе Микель Анджело на нашего дорогого мастера громадно въ Страшномъ Судѣ. Суровый Христосъ, полный Божественнаго гнѣва и возлѣ молящая Его Богоматерь, это мотивъ чисто микель-анджеловскій, но опять таки отнюдь безъ всякаго подражанія. У Микель Анджело Богоматерь, покорная, у насъ Она-заступница. Она робко положила руку на плечо Христа, Она молитъ о милосердіи.

Здѣсь сказался русскій національный художникъ. Не упустилъ В. М. изобразить въ своемъ „Страшномъ Судѣ" и змія, котораго вы увидите на всѣхъ даже древнѣйшихъ, народныхъ, лубочныхъ картинкахъ. Композиція на неправильной, прорубленной дверью площади, представляла чрезвычайныя трудности, но художникъ геніально нашелся. Онъ эту скучную почти непобѣдимую геометрическую форму двери вкомпоновалъ въ картину, онъ сдѣлалъ ее пьедесталомъ для ангела. Этотъ симметричный, какъ орнаментъ, ангелъ цѣликомъ принадлежитъ Византійскимъ формамъ, а все прочее совершенно родственно старымъ Итальянцамъ. Только все это прошло черезъ душу художника, все имъ создано по-своему и глубоко прочувствовано.

Итакъ Викторъ, Михайловичъ Васнецовъ совсѣмъ намъ не тѣмъ дорогъ, что онъ писалъ въ Византійскомъ стилѣ, и не тѣмъ, что онъ русскій художникъ и отъ него бы такъ Русью и несло, но и не тѣмъ, конечно, что въ В. М. отразилось западное старое итальянское искусство, къ которому я такъ неравнодушенъ.

Васнецовъ дорогъ тѣмъ, что онъ истинный художникъ, что онъ писалъ искренно то, чѣмъ было тронуто и полно его сердце.

Въ девяностыхъ годахъ школа была особенно оживлена. Учащихся было столько, что днемъ приходилось устраивать двѣ смѣны. Въ старшей группѣ набиралось до двухъ десятковъ учениковъ, рисовавшихъ то съ античныхъ статуй, то съ живой натуры. У меня въ дневникѣ подъ 19 января 1894 года записано: „сегодня въ школѣ большой духовный праздникъ, такъ сказать, крестъ въ полномъ кругу. Мы дождались полнаго натурщика. Весь голенькій мальченочекъ въ видѣ маленькаго Іоанна позируетъ для цѣлой группы“.

Въ 1895 году въ Академіи были закрыты головной и фигурный классъ, такъ что пріемный экзаменъ былъ установленъ прямо въ натурный классъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ у насъ были повышены требованія къ ученикамъ старшихъ группъ и увеличено число часовъ занятій натурнаго класса.

Въ началѣ осени и весной, если погода благопріятствовала у насъ бывали экскурсіи куда либо въ окрестности Кіева, такъ богатыя живописными мѣстами. Работали прямо съ натуры подъ руководствомъ моимъ или кого нибудь изъ преподавателей. Многое при этомъ изучалось такое, чего въ четырехъ стѣнахъ ни наблюдать, ни объяснять не приходилось.

Академія Художествъ выслала намъ въ даръ двадцать два ящика гипсо-

выхъ пособій. Къ числу школьныхъ лекторовъ прибавился еще одинъ А. Д. Карицкій, преподаватель естественной исторіи, который съ большой любовью прочелъ цѣлый рядъ лекцій, избирая темы, имѣющія отношеніе къ искусству, напримѣръ о глазѣ, о цвѣтахъ и проч. Контингентъ учениковъ школы попрежнему былъ самый разнообразный: тутъ и ремесленники, и учащіеся разныхъ учебныхъ заведеній, и офицеры; былъ даже и очень усидчиво работалъ въ младшихъ группахъ профессоръ университета Св. Владиміра по кафедрѣ хирургіи Морозовъ.

Группа преподавателей школы:
Г. К. Дейнека, Н. И. Мурашко, А. А. Яценко, Ив. В. Косиченко.

Исторія школы была бы неполной, если бы я не упомянулъ о Семенѣ Антоновичѣ Мариничѣ, моемъ товарищѣ по Академіи. Началъ онъ въ своей родной Семеновкѣ (Черниговской губ.) сапожнымъ мастерствомъ. Благодаря своему брату Кузьмѣ, хорошему художнику, попалъ въ Петербургъ, гдѣ учился въ Академіи, помогалъ затѣмъ брату въ исполненіи заказовъ, главнымъ образомъ — копій съ картинъ Эрмитажа, давалъ уроки рисованія. Такъ протекъ цѣлый рядъ лѣтъ. Но затѣмъ какъ то все рухнуло. Смерть брата Кузьмы; болѣзнь рукъ, скорчившая пальцы; невольное бездѣліе и матеріальная нужда заставили Семена Антоновича покинуть Петербургъ и возвратиться на родину; но родные—зажиточные кожевенные заводчики не приняли его. Семену Антоновичу пришлось поступить къ какому то помѣщику прямо сторожемъ. Но и тутъ не повезло. Случился пожаръ, Семену Антоновичу было это поставлено въ вину, и онъ вновь очутился безъ крова. Родные дали на дорогу, и Семенъ Антоновичъ пріѣхалъ ко мнѣ. Это было въ 1880 году. Семенъ Антоновичъ поселился у меня и прожилъ въ моей семьѣ до самой своей смерти. Это былъ человѣкъ необыкновенно мягкой, чистой и нѣжной души. Жилъ онъ весь погруженный въ свои воспоминанія о петербургской жизни. Всѣ бѣды, свалившіяся на голову Семена Антоновича, такъ повліяли на его мягкую натуру, что онъ навсегда утратилъ душевное равновѣсіе. Хотя проявляемыя Семеномъ Антоновичемъ странности и были совершенно безобиднаго характера, но все же оказалось невозможнымъ не только устроить Семена

Антоновича на какомъ нибудь мѣстѣ, но даже одѣть сколько нибудь прилично, ему, напримѣръ, ничего не стоило начать вытирать пыль рукавами и полами сюртука. Вмѣстѣ съ тѣмъ своей добротой и совершенной незлобивостью Семенъ Антоновичъ привлекалъ къ себѣ всѣ сердца, и въ особенности дѣтей и животныхъ.

Сплошь и рядомъ мнѣ приходилось видѣть Семена Антоновича гдѣ нибудь въ корридорѣ, окруженнаго толпой школяровъ разныхъ возрастовъ и повѣствующаго объ Академіи, объ Эрмитажѣ, о картинахъ брата. Разсказывалъ Семенъ Антоновичъ очень живо и интересно, слушали его съ напряженнымъ вниманіемъ и кто знаетъ, какіе честолюбивые планы роились въ то время въ молодыхъ головахъ. Семенъ Антоновичъ былъ большой почитатель Пушкина. Изъ Евгенія Онѣгина и Цыганъ онъ говорилъ на память цѣлыя строфы.

Если кто нибудь изъ учениковъ, показывая Семену Антоновичу свои работы, спрашивалъ:

— „Ну, какъ Вы, Семенъ Антоновичъ, находите?“

Тогда Семенъ Антоновичъ отдѣлывался двумя-тремя—неизмѣнно поощрительными словами и сейчасъ же переходилъ на свою любимую тему:

— „Когда мы жили съ братомъ Кузьмой“ и т. д.

Интересно, что за всю свою жизнь у меня Семенъ Антоновичъ не притронулся ни къ кисти, ни къ карандашу.

Въ 1897 году въ Академіи Художествъ былъ конкурсъ рисовальныхъ школъ, въ которомъ и наша школа приняла участіе. 22-го октября 1898 года я имѣлъ удовольствіе на публичномъ актѣ сообщить о результатахъ этого конкурса, весьма для школы благопріятныхъ. 13-ти ученикамъ за работы были присуждены похвальные отзывы; изъ числа преподавателей мнѣ, Ив. В. Косиченко, Гр. К. Дядченко и О. И. Троицкой выражена благодарность, а Х. П. Платоновъ и Н. К. Пимоненко представлены были къ ВЫСОЧАЙШИМЪ наградамъ; само же преподаваніе признано живымъ и художественнымъ.

Этотъ день совпалъ съ 35-ти лѣтіемъ моей педагогической дѣятельности, и актъ почтили своимъ присутствіемъ Б. И. Ханенко, Попечитель Округа, Вельяминовъ-Зерновъ, Графиня Мусина-Пушкина, проф. И. А. Сикорскій и др.

Оглядываясь назадъ, я не стану утверждать, что эти годы ушли понапрасну.

Изъ школы вышла цѣлая группа первоклассныхъ дѣятелей: такія имена, какъ Пимоненко, Крыжицкій, Сѣровъ, Васютинскій (медальеръ), Вершининъ (мозаичистъ), Андреевъ (иллюстраторъ), Глоба (Директоръ Московскаго Строгановскаго Училища) и др. сдѣлали бы честь любой школѣ.

Школа воспитала цѣлый легіонъ учителей рисованія, а это не малая вещь, такъ какъ рисованіе уже признано важнымъ образовательнымъ предметомъ и вводится, какъ обязательный предметъ обученія.

Обучая ремесленниковъ, составляющихъ около 50% отъ общаго числа учащихся, Кіевская рисовальная школа подняла значительно качество такихъ мѣстныхъ художественно-промышленныхъ работъ, какъ иконописныя, ювелирныя, типографскія, фотографическія, столярныя и пр.

Доказательствомъ служатъ возникновеніе и широкое развитіе такихъ фирмъ, какъ Кульженко, Маршакъ, Ал. Ив. Мурашко, Кимаеръ и др., гдѣ много работало бывшихъ учениковъ школы.

1. 2 3 *Группа учениць рисовальной школы.*

Сидят на полу (с лева на право):
1) – М. Розен. 2) Белогорская. 3) Е. А. Крюгер.
Стоят: 4) А. П. Шлейфер. 5) Л. А. Дородницына
6) – Певницкая. 7) – С. Сакович. 8) Е. Казимир.
9) – А. А. Крюгер. 10) – 11) Лавкина.

Рис. В. Андреева.

Долгое время при Академіи Художествъ состоялъ руководителемъ педагогическаго класса г. Шеміотъ. Покойный Шеміотъ, какъ художникъ, не имѣлъ ни малѣйшаго значенія, но мнилъ себя величайшимъ педагогомъ, и въ Академіи въ него вѣрили; видимо, что нѣкоторые сами не знали и того, что зналъ этотъ педагогъ, а зналъ онъ очень немного. Шеміотъ ровно ничего не выдумывалъ, а цѣликомъ бралъ все изъ нѣмецкихъ идей и теченій и главнымъ образомъ, къ сожалѣнію, почему то все изъ Берлина, потому что прихвати онъ Вѣну и Мюнхенъ (я не говорю уже о Парижѣ), у него бы это все было не столь узко и педантично. А еще лучше, если бы все имъ видѣнное переваривалось въ собственномъ мозгу и сердцѣ: тогда это было бы не пустое и холодное обезьянничаніе, а нѣчто живое. Въ Совѣтѣ состоящей при Академіи школы были люди пошире его, но мы въ провинціи слышали только Шеміота. Онъ просматривалъ работы всѣхъ провинціальныхъ школъ и его голосъ былъ самымъ вѣсскимъ. Шеміотъ очень насъ допекалъ неясностью системы и отсутствіемъ программы, отсутствіемъ всякихъ по этому поводу объясненій. Мы показывали результаты своихъ трудовъ, а размазывать, какъ мы пришли къ этому, находили прямо скучнымъ и маловажнымъ. Тѣмъ болѣе, что, видимо, никакого пороху особенно не выдумывали.

Наконецъ, я лично получилъ что то въ родѣ выговора отъ этого скучнаго для меня и такъ много помышляющаго о себѣ педанта. Онъ мнѣ казался настоящимъ петербургскимъ чиновникомъ. Узнай я его ближе, быть можетъ, многое бы я увидѣлъ въ немъ совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ; еще, пожалуй, пріятелями были бы. А тутъ, не знаю, откуда и съ чего у насъ сложи-

лись отношенія болѣе чѣмъ холодныя. Я отвѣтилъ ему письмомъ, гдѣ подъ покровомъ почтительности была отпущена изрядная доза ироніи. Увы, я былъ побитъ столичнымъ ловкачемъ: Шеміотъ нашелъ остроумный и ловкій выходъ. Онъ поправилъ всѣ грамматическія ошибки въ моемъ письмѣ и прислалъ мнѣ его обратно. Я взволновался не на шутку. Обратился даже къ моему доброму хорошему пріятелю профессору В. Д. Орловскому съ просьбою усмирить этого господина. Я получилъ отъ В. Д. милое письмо, которое сохранилось у меня и въ которомъ онъ пишетъ, что не стоитъ волноваться.

„Не могу предвидѣть, какъ онъ впредь отнесется къ вашей школѣ, но я „полагаю, что это для васъ безразлично, репутація вашей школы упрочена „настолько, что пошатнуть ее мудрено“.

Конкурсы рисовальныхъ школъ были каждые три года. Съ слѣдующей посылкой нашихъ работъ уже была цѣлая исторія.

Шеміотъ прямо рѣшилъ даже не раскупоривать ящиковъ и доложить Совѣту Академіи, что я опять не прислалъ необходимыхъ по формѣ списковъ, объясненій и что самый форматъ школьныхъ работъ для ихъ выставки не подходитъ. Совѣтъ, уважая докладъ Шеміота, рѣшилъ сдѣлать надлежащую нахлобучку завѣдывающему школой Мурашко, а на работы все таки взглянуть и можетъ быть тогда придется и вообще выругать. Раскупорили ящики, вытащили оттуда чуть не саженные рисунки, какихъ дѣйствительно никто не посылалъ. Это были рисунки Костенко, Куринного, Данилова, Егоричева и другихъ. Совѣтъ Академіи долженъ былъ положить гнѣвъ на милость и всѣ работы наши выставить. Мы получили напечатанный въ отчетѣ прекрасный отзывъ о нихъ.

Въ смыслѣ порядка я долженъ согласиться, что грѣшилъ по славянской неряшливости, думая только о себѣ лично, нисколько не считаясь съ тѣмъ, что люди получатъ десятокъ тысячъ рисунковъ, и въ этомъ случаѣ тормазить ихъ невыполненіемъ извѣстнаго порядка и грѣшно, и неумно. Впредь это уже не повторялось, школа наша получила секретаря, который не допускалъ ни малѣйшихъ отступленій отъ требованій извѣстнаго порядка. Всѣ необходимые списки, объясненія были точно выполняемы и прилагаемы къ работамъ.

Посылая работы въ Академію Художествъ, мы нѣкоторымъ образомъ несли осла на плечахъ: намъ это рѣшительно не было нужно, это была уступка нашему холодному и малосвѣдующему обществу. Искусствомъ оно интересовалось мало, но бумагой Императорской Академіи Художествъ, все-таки хоть немножко можно было кой кого пронять: вотъ дескать какъ къ намъ даже, въ самомъ Петербургѣ относятся.

Ибо что могла, намъ сказать Академія?

Я пережилъ Шеміота и былъ грустнымъ свидѣтелемъ, какъ многое изъ его дѣлъ было выброшено, и одинъ изъ заступившихъ его мѣсто, жаловался, что имъ нужно по крайней мѣрѣ пять лѣтъ борьбы, пока они выметутъ всю Шеміотовщину. Это говорилъ мнѣ молодой человѣкъ, а я въ это время думалъ: „эхъ, молодой человѣкъ! Не горячись, годубчикъ, и знай, что тебя тоже въ свою очередь, кто-то вымететъ".

Такой исходъ былъ тѣмъ болѣе вѣроятенъ, что этотъ замѣстившій Шеміота, очень не далеко ушелъ отъ него: тѣ же самомнѣнія, педантизмъ и микроскопическій талантъ.

Забавно сказать, что послѣдній отзывъ Академіи о работахъ нашей школы (1897 г.), самый блестящій. Это просто бочка меда, но ее всетаки ухитрился испортить педантъ педагогъ. Вотъ все хорошо дескать, но въ системѣ, говоритъ, отсутствуетъ плоскій орнаментъ. Орнаментъ есть! и въ должной мѣрѣ, но нѣтъ! Вотъ подай еще и плоскій орнаментъ. Тутъ есть отчего прямо въ обморокъ упасть. Мы сократили систему, выиграли 2—3 мѣсяца времени: казалось, если бы это увидѣлъ живой человѣкъ, то сразу бы ему должно броситься въ глаза, какъ заслуга: система сокращена, а результатъ хорошъ, значитъ бей въ барабанъ и по всѣмъ школамъ объявить, что и безъ плоскаго орнамента результатъ можно получить удовлетворительный, только выигрывается безцѣнное время. Но тутъ видимо у человѣка такъ твердо засѣла въ головѣ система, что онъ ничего кромѣ нея не видитъ. Будь ты хоть семи пядей во лбу, пусть тебя хоть растошнитъ отъ этой системы, а ты ее, выполни отъ аза до ижицы неукоснительно.

Мы прикладываемъ здѣсь всю нашу систему преподаванія. Она одобрена Совѣтомъ Академіи, стройность ея и послѣдовательность, такъ ясна, такъ подкупаетъ. И въ сущности все это мало стоитъ. Это упорядочиваетъ только занятіе преподавателя съ толпой.

Здѣсь я нахожу умѣстнымъ привести нѣсколько отрывковъ изъ моего письма Ивану Николовичу Терещенко, посланнаго изъ Флоренціи въ 1900 г.

Въ свое, время мы всѣ учились скверно. Профессора величаво похаживали, ученики—большинство порисовывали и какъ всегда избранное меньшинство мучилось и достукивалось кое до чего. Профессоръ подходилъ, онъ

мастеръ, дѣлалъ замѣчанія: тамъ убавить, а тамъ прибавить. Такіе же замѣчанія дѣлаетъ и подошедшій съ свѣжимъ взглядомъ товарищъ. Но это ученіе слабое, шаткое: почему прибавь и почему убавь? Теорія центра рисунка у насъ въ рукахъ одного П. П. Чистякова. У него учились Рѣпинъ, Полѣновъ и Васнецовъ отчасти. Насколько послѣдній учился меньше, настолько у него рисунокъ расшатаннѣе сравнительно съ двумя первыми. Говорю это, не отвергая его громаднаго таланта.

Да и вообще мы не обижены талантами и много единицъ можно насчитать, съ великой добросовѣстностью относящихся къ рисунку, формѣ и колориту. Ну колоритъ это пожалуй дѣло природы и дарованія, но рисункомъ каждый посвящающій себя искусству, долженъ обладать и упомянутые обладаютъ имъ, но они достукались до этого каждый по своему и цѣною гигантскаго труда. Есть пріемы пренесуразые. Напримѣръ извѣстный по своей дикости пріемъ Якоби, а вѣдь онъ былъ профессоромъ Академіи. У насъ въ Совѣтѣ разъ былъ обсуждаемъ одинъ неловкій пріемъ, но обсужденіе кончилось сразу высокомѣрнымъ заявленіемъ одного изъ членовъ. (Пимоненко).

— „Я самъ такъ рисую!“

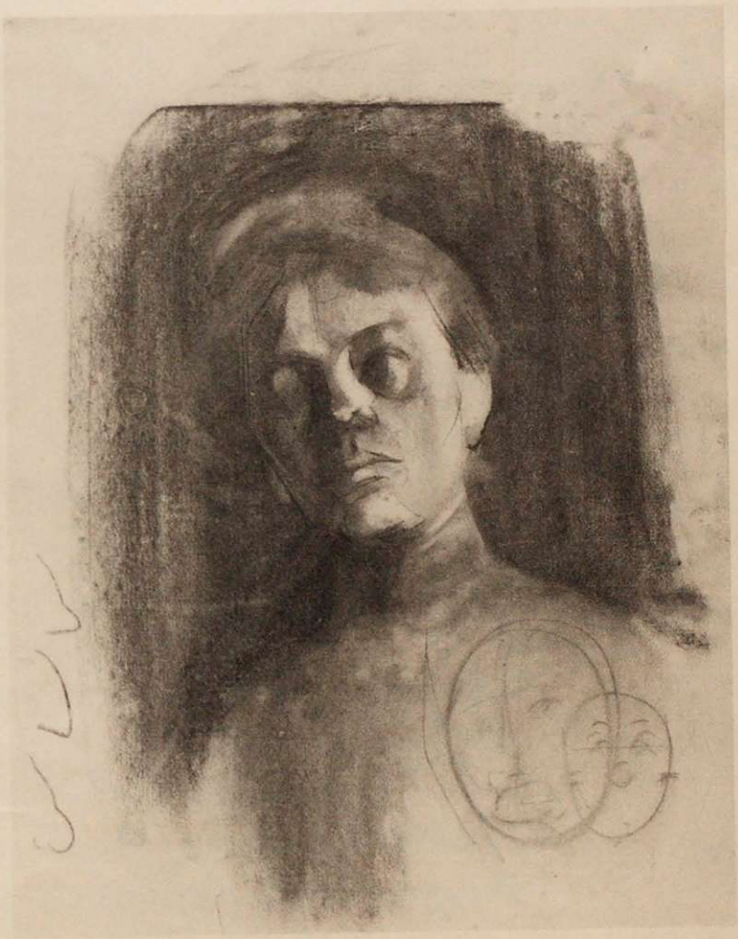
На это можно сказать только, что очень жаль: лучшіе пріемы, лучшіе результаты. Юность такъ гибка, что прилаживается и даетъ свои результаты и съ несуразыми пріемами, но что неправильно, то неправильно и лучшее врагъ хорошаго.

Какъ это тамъ въ Мюнхенѣ, въ Парижѣ всѣ умѣютъ рисовать. Не всѣ художники, но всѣ умѣлые. Разверните любой журналъ у нихъ и вы встрѣтите имена очень молодыхъ людей, имена неизвѣстныя, и всѣ они рисуютъ такъ, какъ у насъ могутъ рисовать только уникумы, наши лучшіе мастера, и все оригинально, ничего заимствованнаго. Возьмите любой русскій журналъ, ну хоть „Ниву“ и сравните въ немъ русскій рисунокъ и иностранный, какъ наглядна наша дряблость, неумѣлость, почти то только и хорошо, что позаимствовано чужое. Только нѣкоторые, какъ исключеніе, пріобрѣвшіе громкія имена кое какъ тягаются съ иностранцами, а тамъ за границей это дѣлается легко и какъ бы не составляетъ вопроса.

Кто не знаетъ такой простой вещи, какъ отвѣсъ. Это даже смѣшно, но войдите у насъ въ школу, отвѣса ни у кого нѣтъ. Вотъ тамъ только одинъ, въ углу особенно старательный, бьется и у него на ниткѣ корка хлѣба привязана.

— „О стало быть, отвѣсъ тутъ знаютъ!“

Къ сожалѣнію ничего не знаютъ. Съ отвѣсомъ нужно обращаться точно



и умѣло и это конечно долженъ быть инструментъ, а не корка хлѣба. Инструментъ, съ которымъ молодые юноши французы дѣлаютъ чудеса. Говорю „молодые“, потому что это необходимо лишь въ извѣстной стадіи развитія глаза и руки. Потомъ онъ ужъ и безъ отвѣса отлично видитъ. Вотъ такому то никакой ракурсъ, никакое положеніе фигуры не страшно.

Всѣ вышеизложенныя мысли были набросаны мною на Капри, но какъ онѣ подтверждаются на выставкѣ въ Парижѣ.

Грустно писать, что мы занимаемъ на выставкѣ съ трудомъ третье мѣсто,

„Жарти“. *Карт. Пимоненко.*

уступая пальму первенства французамъ и нѣмцамъ, съ прочими, какъ англичане напримѣръ, мы тягаемся съ трудомъ. Мы не можемъ выдвинуть у себя такого блестящаго мастера, какъ Альма Тадема. Будучи такъ трезвы и вдумчивы и въ этомъ не можемъ потягаться съ ними, когда они выставятъ такихъ мастеровъ, какъ Беръ Джонсъ, Лейтонъ и друг.

Нашему отдѣлу въ Парижѣ, если его нужно характеризовать однимъ словомъ будетъ опредѣленіе „Скука“. А потомъ окажется, что рисунокъ у насъ слабъ и техника коряво-дерябая. Отсюда и будетъ понятно, что при всемъ къ намъ расположеніи (намъ напримѣръ отвели на выставкѣ почетнѣйшее мѣсто) когда пришлось насъ въ серьезъ и поточнѣе оцѣнить, то мы просто полетѣли кувыркомъ. В. М. Васнецовъ вмѣсто grand prix или золотой медали получилъ серебряную, Кузнецовъ такую же, Полѣновъ бронзовую. Маковскіе оба (какъ бы предчувствуя) прямо заявили, что если имъ не будетъ прилич-

ной награды, какъ grand prix или золотая медаль, то отъ всякой другой они уклоняются; такъ они ничего и не получили.

Одинъ Рѣпинъ выдерживаетъ этотъ страшный всемірный экзаменъ, но такъ какъ онъ самъ выбранъ въ число жюри, то внѣ конкурса.

Если и вывозятъ нѣсколько русскій отдѣлъ, то это болѣе молодыя силы: очень серьезный Сѣровъ и какъ метеоръ явившійся на нашемъ небѣ, совсѣмъ молодой еще Малявинъ; разгорится ли онъ, установится ли крупной звѣздой, или такъ ярко блеснувъ, потухнетъ, что у насъ бываетъ; это сказать трудно, это покажетъ будущее. Послѣдніе оба и отличены: Сѣровъ получилъ grand prix, Малявинъ золотую. Еще одна золотая медаль досталась Московскому художнику Коровину, остальные остались всѣ какъ бы въ полутонѣ, со своими бронзовыми и серебряными медалями. По другимъ отраслямъ отличены: Трубецкой и Беклемишевъ—по скульптурѣ, Матэ по гравюрѣ награждены золотыми медалями. Антокольскій ничего новаго не представилъ кромѣ неудачной фигуры Александра III, а потому впечатлѣніе дѣлаетъ тусклое.

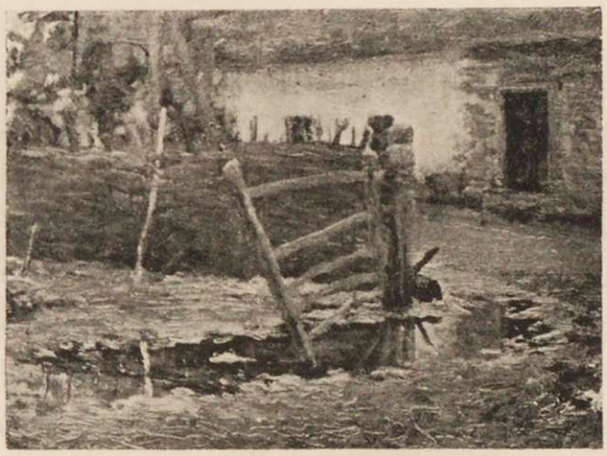
Я, назвавъ нашъ отдѣлъ скучнымъ, не могу не прибавить, что его можно бы было сдѣлать не скучнымъ, а серьезнымъ и значительнымъ, повытаскавъ кое что изъ нашихъ музеевъ, но музеевъ своихъ никто изъ прочихъ европейцевъ не выворачиваетъ; только французы сдѣлали это, показывая свое искусство за сто лѣтъ, но это совершенно отдѣльная выставка. На общей же всѣ народности, какъ и французы, выставили рѣшительно только то, что было въ данный моментъ подъ руками и свѣжаго: десять послѣднихъ лѣтъ, ни дня глубже этого. Такой результатъ показываетъ, что мы количественно талантами бѣднѣе, или вѣрнѣе скажу не талантами, а мастерами. Внутреннимъ содержаніемъ, потугами мыслить, мы сравнительно не бѣдны, но выполняемъ задуманное слабо.

Если впечатлѣніе отъ художественнаго рускаго отдѣла слабо, то настолько же впечатлѣніе отъ выставки нашихъ двухъ школъ Штиглица и Строгановской—утѣшительно и блестяще. Обставлены онѣ великолѣпно; богатство и разнообразіе почти внѣ конкуренціи. Ни одна изъ всѣхъ народностей ничего подобнаго не показывала. Производство французскихъ мастерскихъ затмеваетъ наше школьное, но это уже другое дѣло.

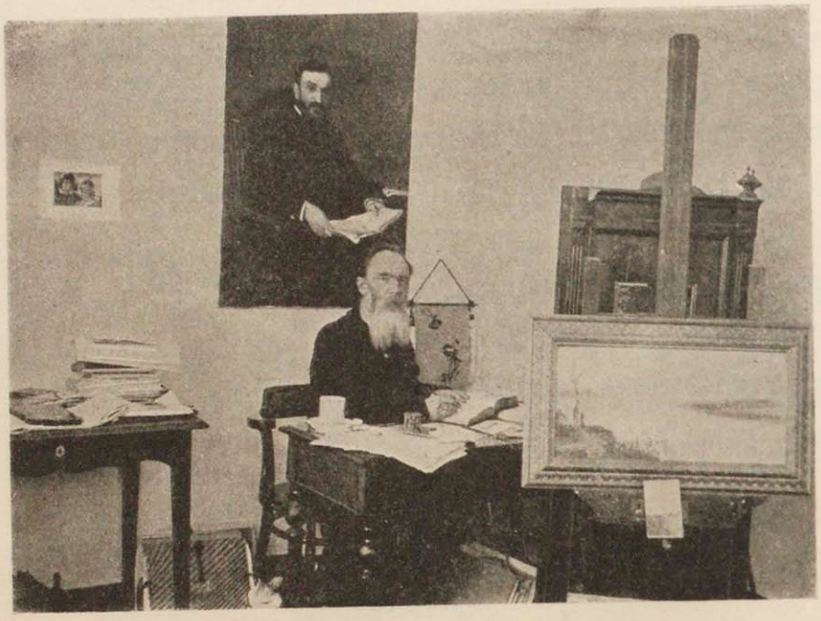
Очень интересную разновидность представляютъ Американскія школы, которыя никакихъ антиковъ у себя не заводили. Все развитіе основано на предметахъ окружающей природы и образцахъ современнаго искусства и какъ будто предпочтительнѣе всего искусства французскаго: народныя сцены такихъ реалистовъ, какъ Бастіена—Лепажа, Милле, Лермита и др.

До сихъ поръ мы шли черезъ сухую геометрію кубиковъ, неосмысленные орнаменты и антики и становились прямо втупикъ передъ природой, какъ бы мы ничему и не учились. Мы даже плохо сознавали, для чего намъ все предыдущее нужно было, такъ плохо оно насъ готовитъ къ природѣ. Природа такъ чужда намъ, такъ запутана и неуловимо подвижна, а мы привыкли ко всему неподвижному. Не лучше ли сразу брать саму природу за руководителя. Это и дѣлаютъ Англичане подъ вліяніемъ своего великаго философа Рескина и Американцы. Они прямо ставятъ листочекъ, выдернутый изъ природы, и тутъ же его сравниваютъ хотя бы съ клѣткой окна, такъ у нихъ и геометрія, и природа идутъ рядомъ. Листочекъ смягчаетъ геометрію; листочекъ сразу связываетъ съ природой, а такая связь подыметъ и рѣзчика, и декоратора, и ювелира.

Въ сообщеніи моемъ на всемъ, что касается нашей школы, лежитъ тѣнь нѣкотораго разочарованія. Хочется внести нѣчто болѣе живое, но я лично просто падаю передъ трудностью этой задачи, а помощниковъ, которыми я былъ бы сейчасъ вполнѣ доволенъ, у меня нѣтъ. Вотъ въ этомъ весь трагизмъ моего положенія.



Этюдъ Дядченко.



Н. И. Мурашко въ своемъ рабочемъ кабинетѣ.

Послѣ многолѣтней дѣятельности, послѣ многолѣтнихъ размышленій, когда я уже напокоѣ, прихожу къ тому, что всѣ эти системы и программы вещь далеко не первой важности; ихъ хорошо посвящающему себя педагогіи знать, но примѣнять ихъ только можно тамъ, гдѣ о художествѣ нѣтъ никакихъ помышленій. Въ 20-мъ вѣкѣ художникъ долженъ получать чисто индивидуальное развитіе, согласно его характеру, его строю, его симпатіямъ; гнуть его въ строй, этихъ въ ногу идущихъ по системѣ, какъ солдаты, это значитъ губить талантъ въ зародышѣ, губить дорогую своеобразность, создавать эту ординарную банальность, этихъ будто бы мастеровъ, а въ сущности тѣхъ, о которыхъ такъ рѣзко выражается Рескинъ (учитель рисованія и философъ). Онъ говоритъ, что это не нищіе, но тѣмъ не менѣе это шумливые и вредные попрошайки, и обществу нужно думать, какъ бы таковыхъ было сколь возможно меньше, если совсѣмъ ихъ уничтожить трудно.

Если нельзя обойтись безъ чего то въ родѣ школы, то я паки и паки безъ конца готовъ молить: ради Бога, ничего въ нихъ житейски заманивающаго, никакихъ званій, никакихъ дипломовъ, свѣтлыхъ пуговицъ. Кусокъ хлѣба дать голодающему таланту—это можно и даже должно, когда видите, что это работникъ и искренній искатель что то выразить въ искусствѣ.

Должны быть мастерскія, гдѣ маминымъ сынкамъ и разнымъ оболтусамъ рѣшительно не должно быть мѣста. Но если явится вотъ такой Краснопе-

ровъ и покажетъ вамъ въ своихъ дѣтскихъ, неумѣлыхъ чертахъ, что онъ сразу уже художникъ, давайте ему матеріалъ, инструменты и самые простые совѣты техники и ничего больше. Онъ будетъ работать и никогда не скажетъ этой стереотипной фразы всѣхъ бездарностей: насъ тамъ не учатъ и т. д.

Между педагогами кроются люди, страстно любящіе искусство, глубоко его понимающіе. Они его безъ конца изучаютъ, любовно разбираютъ, смакуючи каждое произведеніе. Они являются крѣпкою связью съ прошлымъ искусства, съ его традиціями. Они же, мнѣ кажется, могутъ быть прекрасными смотрителями такихъ мастерскихъ, гдѣ мастера нѣтъ, но есть всѣ предметы для труда, и куда можетъ явиться желающій юноша попробовать себя, не завлекаемый сюда никакими приманками. Напротивъ, каждый долженъ помнить, что художникъ— это подвижникъ, что его непонятаго могутъ ожидать однѣ глубокія, житейскія невзгоды.

Рис. Красноперова.

Очень хорошо извѣстно, что отрицательныя стороны указывать легче, а положительныя чрезвычайно трудно, но указаніе отрицательныхъ сторонъ можетъ хоть сколько нибудь избавить отъ ошибокъ и навести и на что нибудь положительное.

Мнѣ лично искусство съ матеріальной стороны дало очень мало, но тѣмъ не менѣе искусство было радостью моей жизни. Я рѣшительно не могу понять одного большущаго мастера, которому искусство дало и славу, и большой достатокъ, (домъ въ Римѣ, порядочное имѣніе гдѣ-то на Украйнѣ). И онъ говорилъ:

— „Вы думаете, я пущу сына на тотъ же путь искусства? да ни за что въ мірѣ“.

Другой коллега сидѣлъ тутъ же, онъ тоже отдалъ свою жизнь искусству, но съ полной искренностью поддакивалъ. Я ихъ не понималъ. Положимъ, послѣднему искусство ровно ничего не дало, ни славы, ни денегъ, но было же что то такое въ искусствѣ, что онъ не могъ оставить его до самаго послѣдняго дня. За что же они его такъ хаяли? А для меня было только един-

ственнымъ резономъ открывать дверь своей школы, что въ искусствѣ масса утѣшающаго и радующаго. Я лично безъ конца готовъ предостерегать дѣлать изъ этого профессію, не провѣривъ себя всестороннѣйше, но мнѣ жаль человѣка, если онъ не музыкантъ, не живописецъ, не поэтъ. Такого ждетъ въ досугѣ единственное утѣшеніе—зеленое поле, которое получаютъ, не высовывая носа въ природу. Жаль жизни: это такой дорогой подарокъ. Одному изъ милліоновъ эмбріоновъ вдругъ выпадаетъ на долю развиться и вдругъ жизнь эта такъ жалко, бѣдно проводится вдали отъ природы, гдѣ человѣкъ безмолвно молится сейчасъ, какъ только надъ чѣмъ нибудь пріостановится и задумается.

„Лирникъ“ рис. Болавхко.

Воспоминанія „Стараго Учителя“ остались неоконченными. Мнѣ, сыну почившаго Н. И. Мурашко пришлось подготовить къ печати оставшіяся рукописи, въ которыхъ не оказалось повѣствованія о послѣднихъ годахъ существованія рисовальной школы, чѣмъ между прочимъ объясняется отсутствіе строкъ, посвященныхъ сотрудникамъ школы въ послѣднія годы ея существованія: художникамъ Л. М. Ковальскому и Г. К. Дейнекѣ и преподователю младшей группы А. А. Яценко. Къ сожалѣнію между рукописями не оказалось также главы о дѣтскомъ творчествѣ, къ которой отецъ любовно подбиралъ матеріалы.

Настоящій трудъ нахожу умѣстнымъ закончить выдержкой изъ некролога, помѣщеннаго въ „Русскомъ Словѣ“.

„9-го сентября 1909 года скончался Н. И. Мурашко, піонеръ художественнаго образованія въ Кіевѣ.

Самъ по себѣ художникъ не высокой марки, но, какъ говорятъ, искренній, покойный оказалъ громадныя услуги дѣлу художественнаго развитія въ Кіевѣ.

Прежде всего онъ былъ первымъ художественнымъ критикомъ въ Кіевѣ, начавъ помѣщать въ мѣстныхъ газетахъ съ 80-хъ годовъ рецензіи по поводу выставокъ и статьи о новыхъ теченіяхъ въ искусствѣ.

Много разъ онъ выступалъ также съ публичными рефератами на художественныя темы, къ которымъ публика всегда относилась съ большимъ интересомъ.

Но главная и незабываемая заслуга Н. И.—въ учрежденіи первой въ Кіевѣ художественной школы.

Заручившись щедрымъ содѣйствіемъ мѣстнаго богача-мецената г. Терещенко, покойный сумѣлъ поставить дѣло на должную высоту, и изъ его школы вышелъ рядъ выдающихся художниковъ.

Въ числѣ преподавателей школы были такія имена, какъ покойный академикъ Платоновъ, Пимоненко и другіе.

Не навязывая своимъ ученикамъ никакой опредѣленной художественной школы, Н. И. Мурашко старался знакомить ихъ, по возможности, со всѣми новыми вѣяніями въ искусствѣ, предоставляя каждому слѣдовать по тому пути, къ какому онъ чувствуетъ большее влеченіе.

Школа Мурашко просуществовала около 26 лѣтъ и, сыгравъ, несомнѣнно, весьма важную роль въ мѣстной художественной жизни, должна была закрыться.

Взамѣнъ этой школы, въ Кіевѣ возникло художественное училище, такъ что дѣло, начатое Н. И. Мурашко, къ счастью, не заглохло.

Ко времени прихода утренняго поѣзда кіево-ковельской ж. д., на перронѣ кіевскаго вокзала для встрѣчи останковъ художника Н. И. Мурашко собрались родственники, многочисленные ученики, друзья и почитатели покойнаго. Здѣсь же, на перронѣ, расположились учащіеся кіевскаго художественнаго училища и реальнаго училища, гдѣ Н. И. состоялъ преподавателемъ, а также служащіе кіевской конторы И. Н. Терещенко, который при жизни высоко цѣнилъ дѣятельность покойнаго.

Въ 9 часовъ утра, по прибытіи вагона съ прахомъ покойнаго, на вокзалѣ была отслужена краткая литія, послѣ которой гробъ былъ поднятъ друзьями и почитателями Н. И. и установленъ на траурную колесницу. Печальный кортежъ по Безаковской, Бибиковскому бульвару и Б.-Владимірской улицѣ направился къ Десятинной церкви, гдѣ состоялось отпѣваніе. Во время слѣдованія похоронной процессіи по Б.-Владимірской улицѣ, у дома № 47, была отслужена вторая литія и возложенъ вѣнокъ на гробъ Н. И. отъ бывшихъ его учениковъ.

Около 12 часовъ дня, послѣ заупокойной литургіи и отпѣванія праха Н. И. въ Десятинной церкви, печальное шествіе направилось къ Лукьяновскому кладбищу—мѣсту послѣдняго упокоенія „стараго учителя“, принесшаго всѣ свои силы на служеніе искусству. Здѣсь, у открытой могилы, однимъ изъ бывшихъ учениковъ покойнаго была произнесена сердечная рѣчь, въ которой въ немногихъ словахъ былъ переданъ духовный обликъ почившаго художника—„рѣдкаго человѣка“, „стараго учителя“ „безкорыстнаго служителя

искусства". На могилу Н. И. было возложено много вѣнковъ, въ томъ числѣ— отъ Е. М. Терещенко, отъ бывшихъ сослуживцевъ кіевскаго реальнаго училища, отъ кіевскаго художественнаго училища, отъ бывшихъ учениковъ, отъ родныхъ, друзей и почитателей.

Похороны закончились около 2-хъ часовъ дня".

Р. Сл.

Рис. Блонской.

11 234/246

Воспоминания старого учителя.

[Вып 4]

СИСТЕМА ПРЕПОДАВАНІЯ

Сборникъ ученическихъ работъ въ порядкѣ трудности *).

*) Былъ посланъ въ Академію Художествъ на одинъ изъ конкурсовъ рисовальныхъ школъ. Чтобы не загромождать изданія, здѣсь воспроизведены лишь болѣе интересные листы.

В перепису

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
62951-57

Въ школу поступаютъ во всякое время во все продолженіе учебнаго года, такъ что во всякій моментъ у насъ налицо учащіеся самыхъ разнообразныхъ ступеней развитія. Дѣвочка неполныхъ 10 лѣтъ, не держала карандаша въ рукахъ, рисуетъ по клѣткамъ (Табл. I). Это ея первый день пребыванія въ школѣ.

Рисунокъ на томъ же листѣ внизу мальчика болѣе старшаго возраста, пробывшаго въ школѣ три недѣли. На табл. II его же упражненія въ кривыхъ линіяхъ по клѣткамъ. Больше у насъ никакихъ упражненій по печатнымъ оригиналамъ и нѣтъ. Дальше мы даемъ прямо простое геометрическое тѣло.

Мы четверть вѣка тому назадъ*) такъ перепугались употребленія печатныхъ оригиналовъ, что не можемъ до сихъ поръ придти въ себя; изгнали ихъ до основанія и даже вообще копированіе; между тѣмъ, я заграницей видѣлъ, что въ нѣкоторыхъ школахъ употреблять оригиналы совсѣмъ не боятся.

Вопросъ весь въ томъ, какіе оригиналы и въ какихъ случаяхъ. Отъ оригинала переходятъ къ плоскому орнаменту. Для ремесленниковъ обращеніе съ оригиналами, ихъ увеличенія и варіаціи даютъ прекрасные результаты.

Мальчику старше 10 лѣтъ, который дома рисовалъ что нибудь хоть даже въ видѣ своихъ фантазій: избы, лошадки паровозы съ дымомъ,—мы прямо даемъ какое либо геометрическое тѣло. Сначала онъ рисуетъ его въ одномъ контурѣ, а потомъ является безхитростная тушевка (Табл. II). Простота и безыскусственность, но съ толкомъ, у насъ, конечно, предпочитается такимъ чеканщикамъ и пунктировщикамъ, какъ, напримѣръ, рисунокъ Ардатова на табл. III. Эти любители часто являются къ намъ изъ гимназій и реальныхъ

*) Писано въ 1892 г.

училищъ, но потомъ и они дѣлаются проще и искуснѣе. Чтобы не засушить учащагося на этихъ прямыхъ линіяхъ, мы вводимъ криволинейныя тѣла и постепенно усложняемъ натуру, предлагая предметы разныхъ тоновъ: сѣраго, чернаго, бѣлаго. Далеко до конца года они у насъ отлично справляются съ этимъ и переходятъ къ плоскимъ орнаментамъ.

Въ началѣ рисованія орнаментовъ случается переходъ къ нимъ съ неустановившейся еще тушевкой, но глазъ видитъ уже форму, разбирается въ ней, скоро завоевывается и тушевка, которой, конечно, предшествуетъ должное количество упражненій въ контурахъ орнаментовъ.

Рисующіе геометрическія тѣла и орнаменты повторяютъ рисованное по памяти.

Я лично ввелъ рисованіе иногда на тонной бумагѣ. Хотя это совсѣмъ не новость, это очень старый и общеупотребительный пріемъ, но у насъ вышли разговоры, слѣдуетъ-ли это дѣлать. Какъ-бы тутъ не вышло нѣкотораго щегольства рисункомъ и изъ серьезнаго простого упражненія—стремленія дѣлать уже какую то картинку. Мнѣ кажется все таки тонная бумага имѣетъ смыслъ. Пока-то учащійся додумается, отчего же не показать ему этого.

Послѣ орнаментовъ немного рисуютъ части лица, кисть руки, ступню ноги (Табл. V и VI). Въ концѣ второго года учащимся даютъ гипсовую маску (Табл. VIII). Маску рисуютъ они вечеромъ; днемъ начинаютъ знакомиться съ красками, масляными и акварелью на несложныхъ natures-mortes (Табл. VII).

Въ половинѣ или къ концу третьяго года ученикъ обыкновенно въ головномъ классѣ (Табл. IX, X). Днемъ ученики головного класса пишутъ масляными красками болѣе сложные natures-mortes (Табл. XII и XIII) или рисуютъ голову съ живой натуры (Табл. XIV).

Если есть свободное мѣсто, не возбраняется рисовать съ натурщика и рисующимъ вечеромъ въ масочномъ классѣ. Мы не запрещаемъ этого, потому что иногда подлѣзетъ этакій пацюкъ даже отъ геометрическихъ тѣлъ и смотри, нарисуетъ такъ, покажетъ столько свѣжести впечатлѣнія, что иной рисунокъ и ученика головного класса менѣе интересенъ, а если талантливъ, то можетъ озадачить всю группу. Какъ въ масочномъ, такъ и въ головномъ классѣ я прошу повторять по памяти рисованное, какъ на табл. XI.

Разъ въ недѣлю задаю упражненія въ развитіи впечатлѣнія. Въ этихъ упражненіяхъ (Табл. XV) принимаетъ участіе весь наличный составъ учащихся. (О нихъ подробно говорится на стр. 99—100 настоящей книги и тамъже приведена таблица съ рисунками учениковъ разныхъ возрастовъ). Рисунки

дѣтей, конечно, забавны, но и у нихъ уже затрагивается и развивается внимательность, умѣнье смотрѣть на весь предметъ и схватывать его въ его цѣломъ.

Я прошу продолжать эти упражненія и дома, но долженъ сказать, что-то дома у насъ съ этимъ тихо.

Не скрою, что въ послѣдніе годы у насъ въ фигурномъ классѣ (Табл. XVI) отчаянно скучаютъ и работаютъ крайне неохотно, а рисовать фигуру все таки не умѣютъ. Духъ времени таковъ что-ли, я не знаю. Хорошо поставленную и освѣщенную статую я чрезвычайно люблю, а ученики болѣе чѣмъ холодны, не знаютъ, не понимаютъ, не видятъ и настолько искренни, что прямо объ этомъ и говорятъ. Есть крѣпко установившееся мнѣніе, что антикъ пойметъ и оцѣнитъ тотъ, кто самъ поломаетъ себѣ ноги на изображеніи натуры. Когда мы даемъ ученикамъ вмѣсто статуи рисовать голову съ живого натурщика, они оживаютъ (Табл. XVII, XX, XXI, XXII, XXIII). Конечно, школа, которая имъ даетъ права, которая говоритъ имъ: нарисуй статую и мы тебя уволимъ отъ солдатчины, переведемъ туда-то и туда-то безъ экзамена, такая школа можетъ заставить юношу. Онъ понатужится и заставитъ себя съимитировать, вызудить предметъ, затративъ на это недѣли четыре, не любя, не понимая того предмета, съ которымъ имѣлъ общеніе. Не знаю, нужно-ли это, хорошо-ли? Потомъ, какъ поумнѣетъ, пойметъ, что такое антикъ и взглянетъ на него другими глазами.

Я знаю, что по поводу античныхъ статуй, слѣдуетъ-ли рисовать съ нихъ, спрашивали Беклина и Менцеля. Они дали уклончивые отвѣты.

Таблица XVIII и XIX это—часовые и двухчасовые упражненія въ рисованіи живой натуры. Это заведено у насъ недавно. Дѣлать это отъ времени до времени я нахожу чрезвычайно полезнымъ. Ученики сразу начинаютъ понимать цѣну времени.

Часто какого нибудь болтающагося малаго спрашиваешь:

— „Почему вы безъ дѣла?“

— „Да не хочу начинать, потому что завтра кончаютъ и будетъ другая натура“.

Тутъ онъ увидитъ и пойметъ, что съ живой натуры не слѣдуетъ пропускать и полчаса. И полчаса работы съ натуры могутъ прибавить опыта и практики.

Учащіеся старшихъ группъ параллельно знакомятся у насъ съ анатоміей и перспективой, которая у насъ читается два раза въ недѣлю, и при старомъ преподавателѣ (В. И. Фабриціусъ) они доходили до весьма сложныхъ чертежей.

Я не прочь шевелить головы учащихся рисованіемъ эскизовъ. Ужъ, конечно, какіе могутъ быть эскизы на первыхъ ступеняхъ развитія! Но если есть родничекъ творчества, отчего не давать ему выхода? Напротивъ, я желалъ-бы, чтобы Богъ помогъ намъ умѣло расчищать этотъ родничекъ*) (Табл. XXIX—XXXIV). У кого нѣтъ творчества, я прошу работать, пользуясь наблюденіями окружающаго.

Таблица XXVIII—домашняя работа на заданную тему: сдѣлать эскизы живописи на вѣерѣ и на блюдѣ.

У насъ рисуютъ гипсовыя фигуры и даже есть пробы рисовать голаго натурщика (Табл. XXIV—XXVII), но въ сущности все образованіе оканчивается головнымъ классомъ. Въ большинствѣ случаевъ изъ этого класса учащіеся уходятъ. Школа не имѣетъ и не даетъ никакихъ правъ и они, только чуть-чуть прилично нарисовавъ голову, уходятъ отъ насъ и переходятъ въ школы съ правами.

Напрасно я твержу имъ:

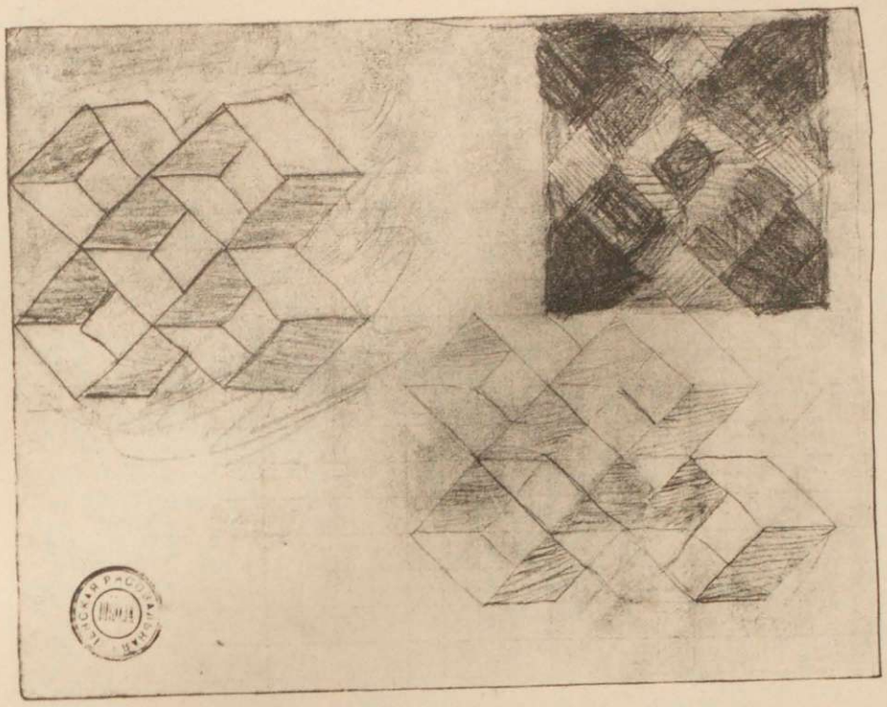
— „Работайте, учитесь! Права придутъ сами собою".

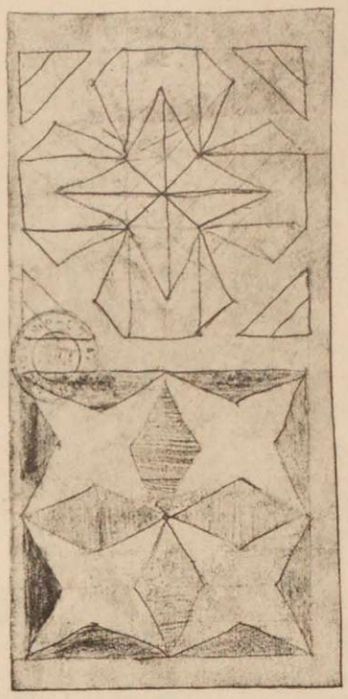
Они, какъ птенцы, которые почувствовали въ своихъ крыльяхъ силу полета улетаютъ отъ насъ.

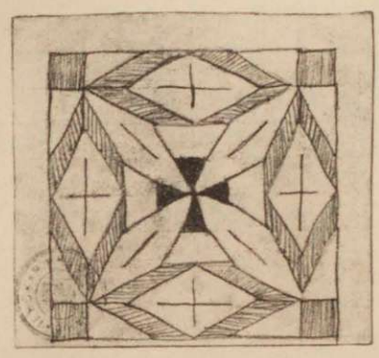
Положимъ, что это за классъ, въ которомъ полдесятка всѣмъ надоѣвшихъ фигуръ. Но я думаю, что не въ далекомъ будущемъ мы будемъ обставлены болѣе богато. У насъ уже заложенъ музей искусствъ.

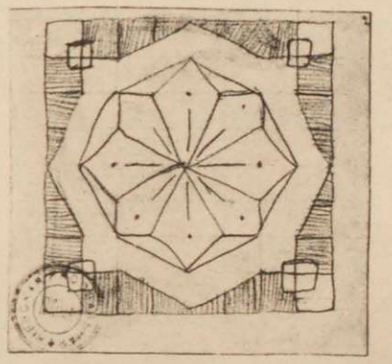
---

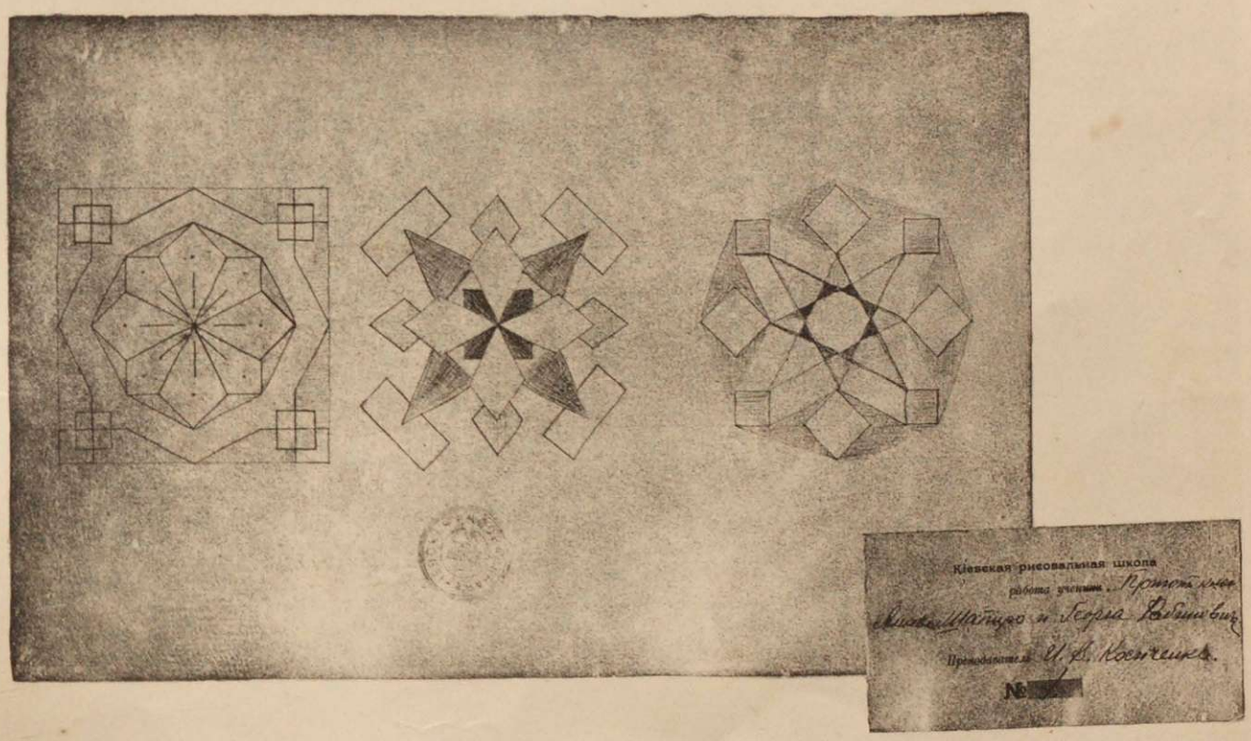
*) Нѣсколько эскизовъ помѣщены въ текстѣ на страницахъ 42, 71, 138, 229 и 233.

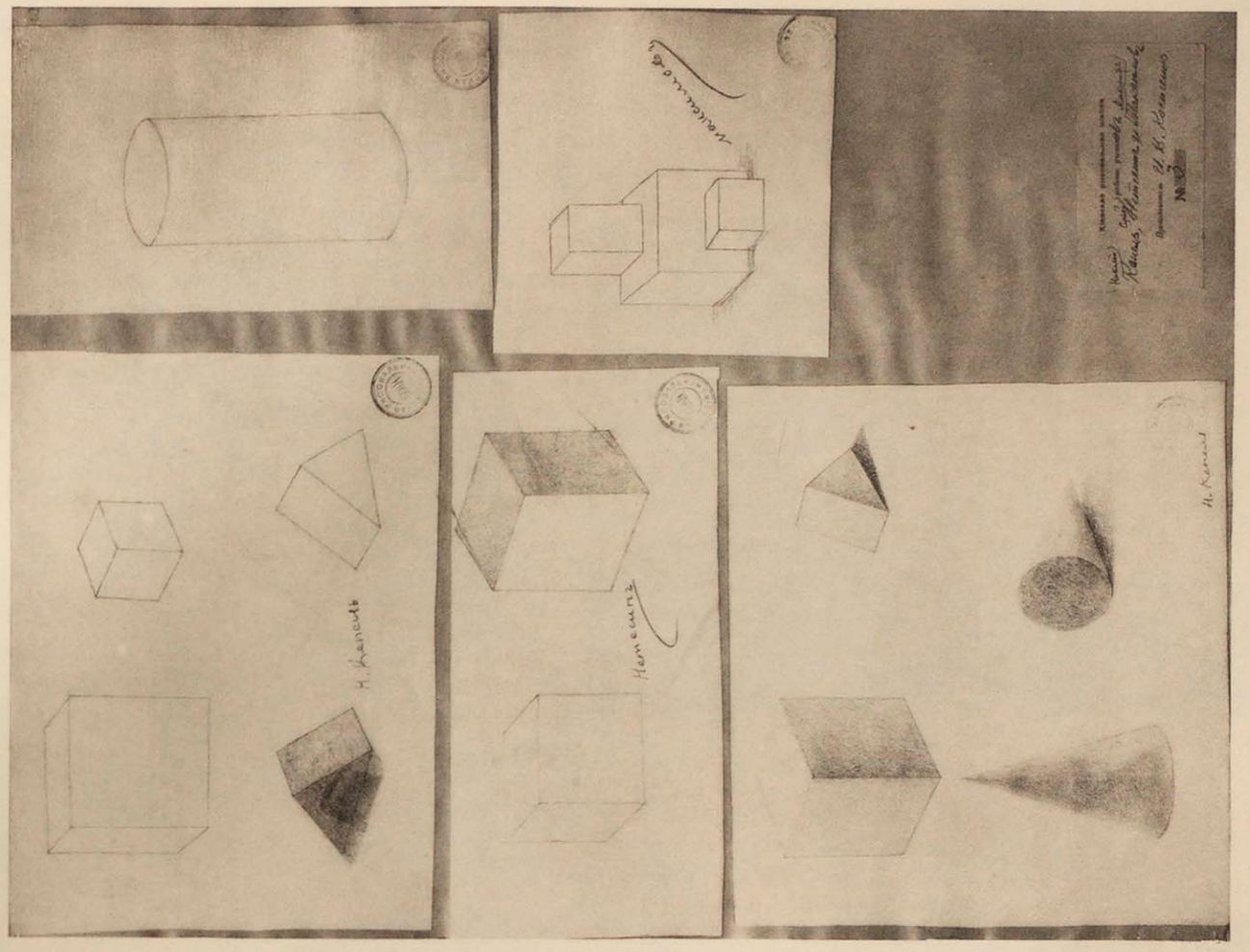


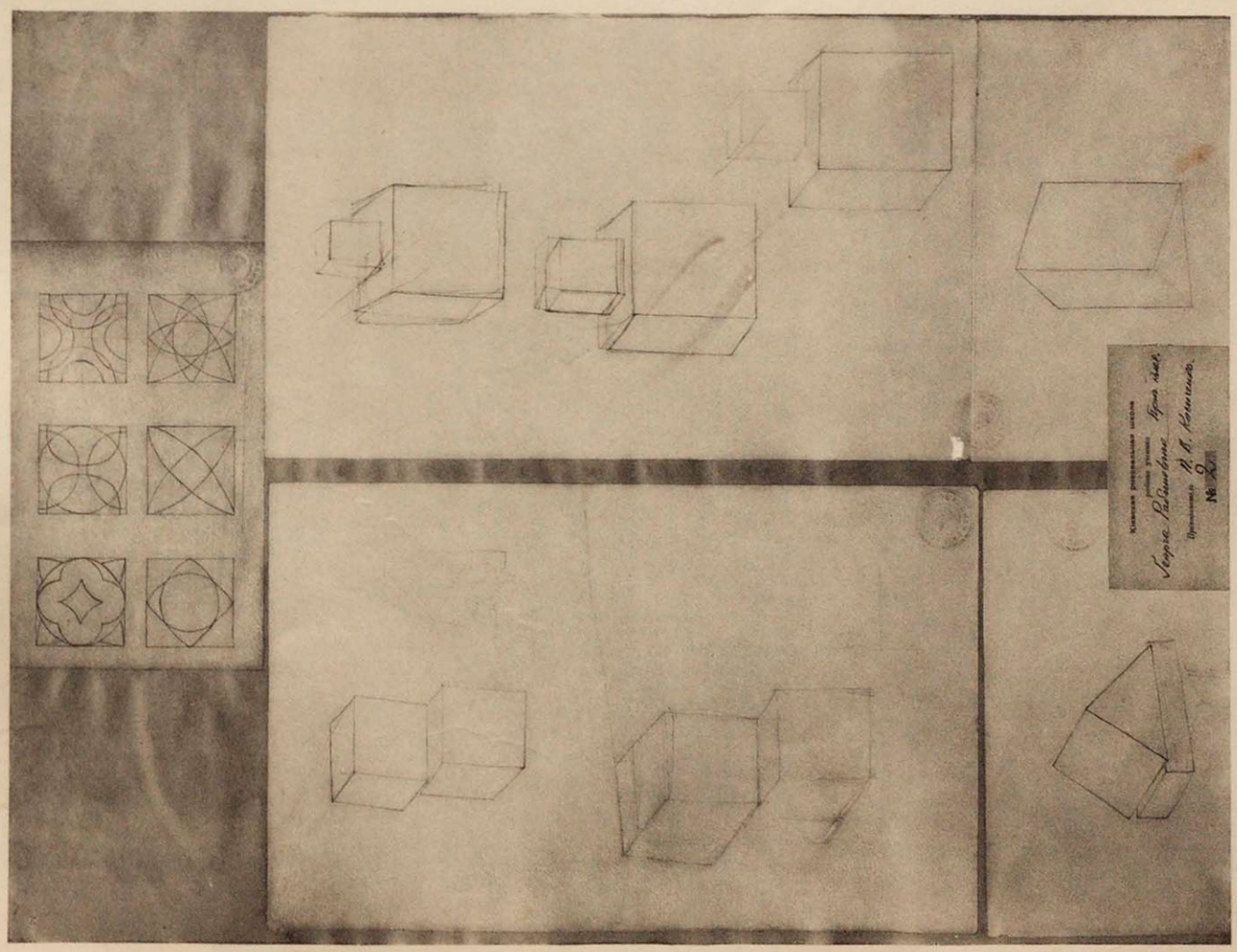


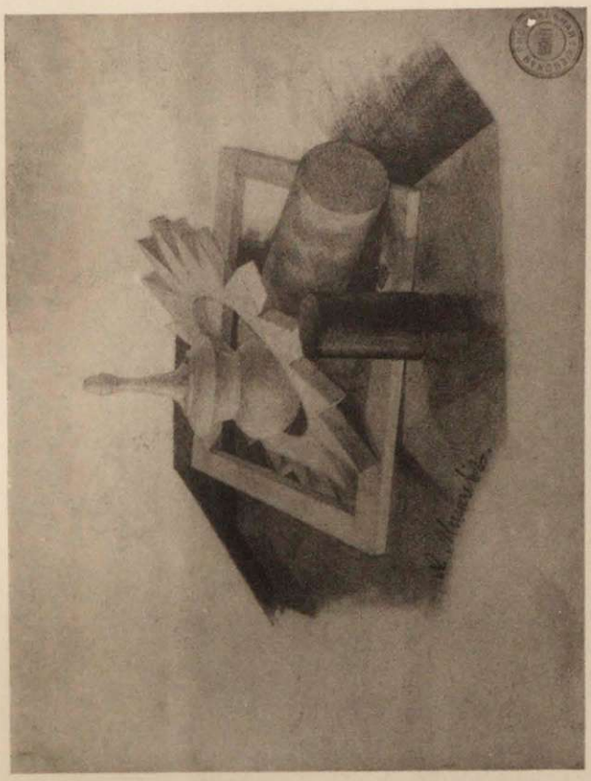


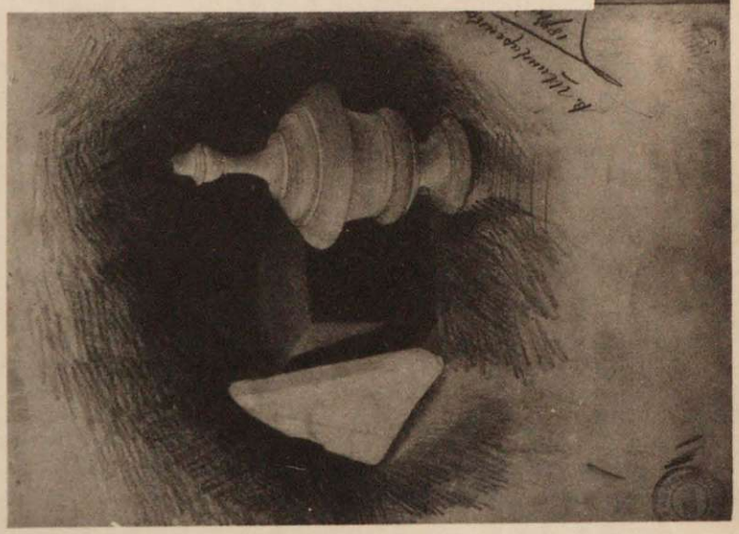


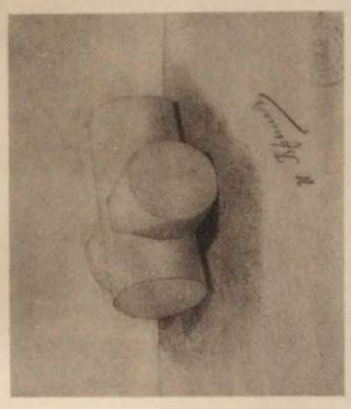

Кіевская рисовальная школа
работа ученика
Преподаватель
№

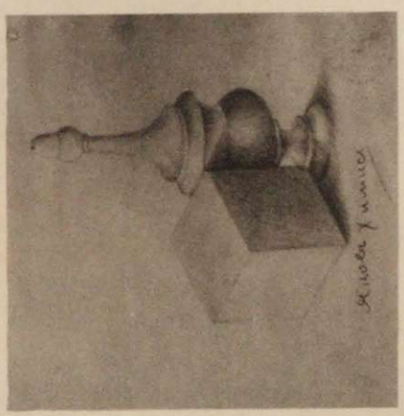


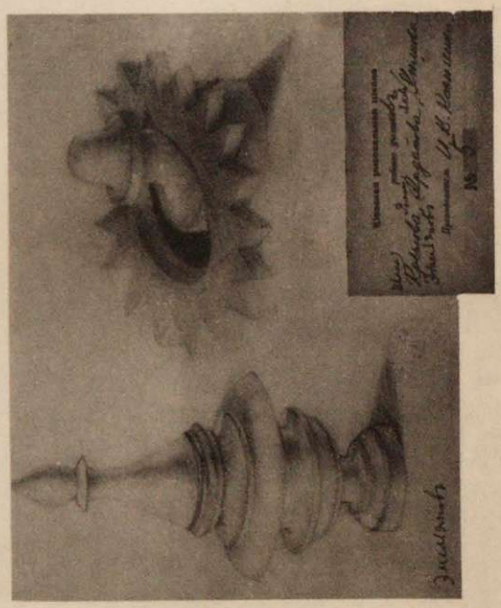


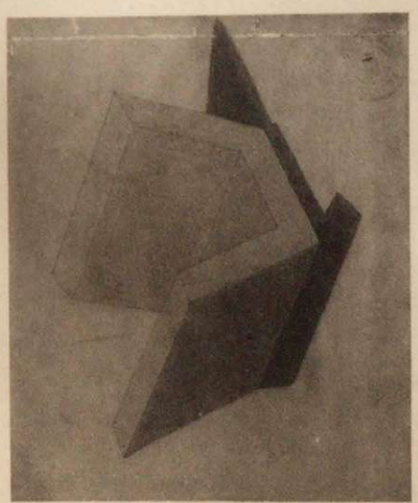


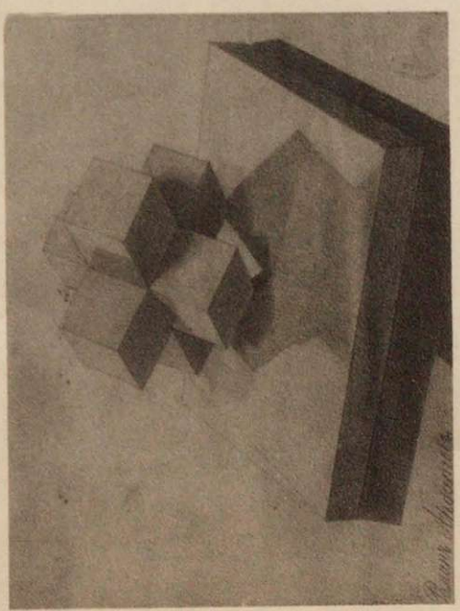


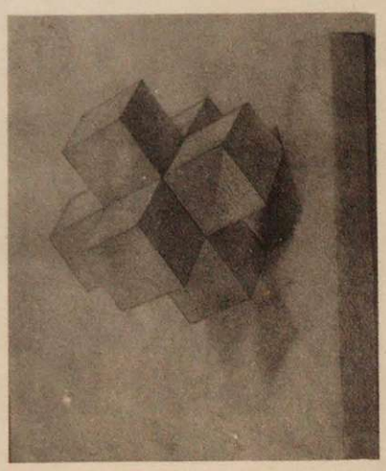


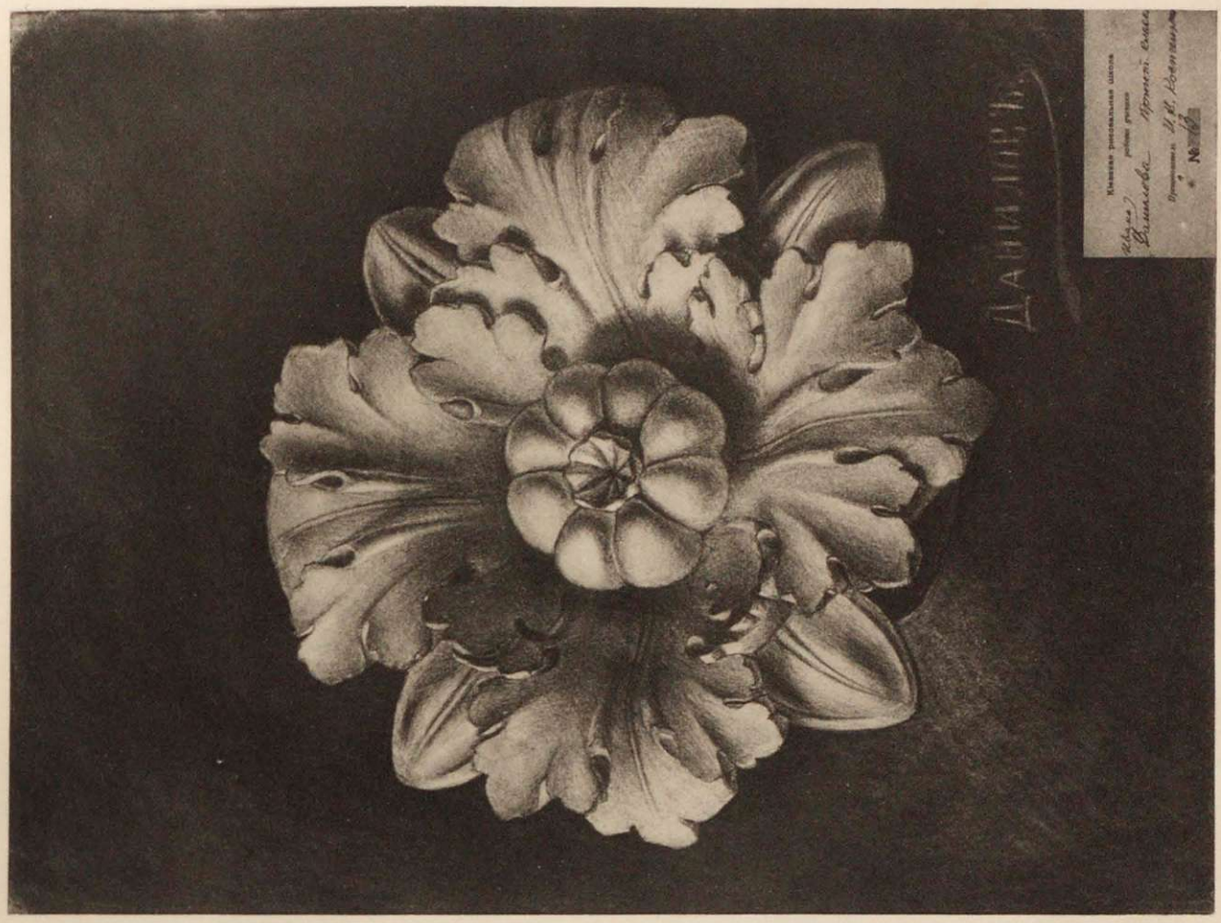


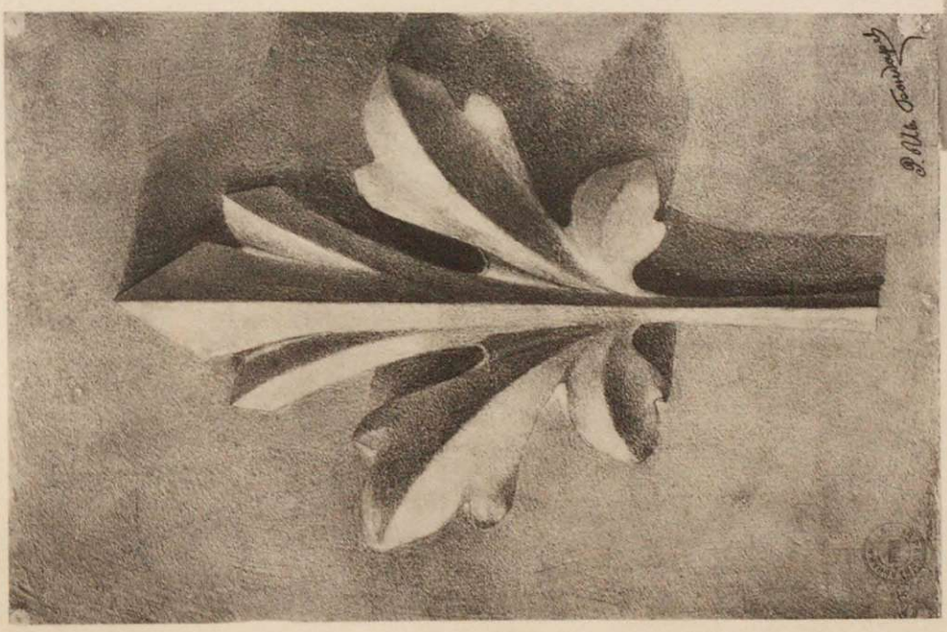


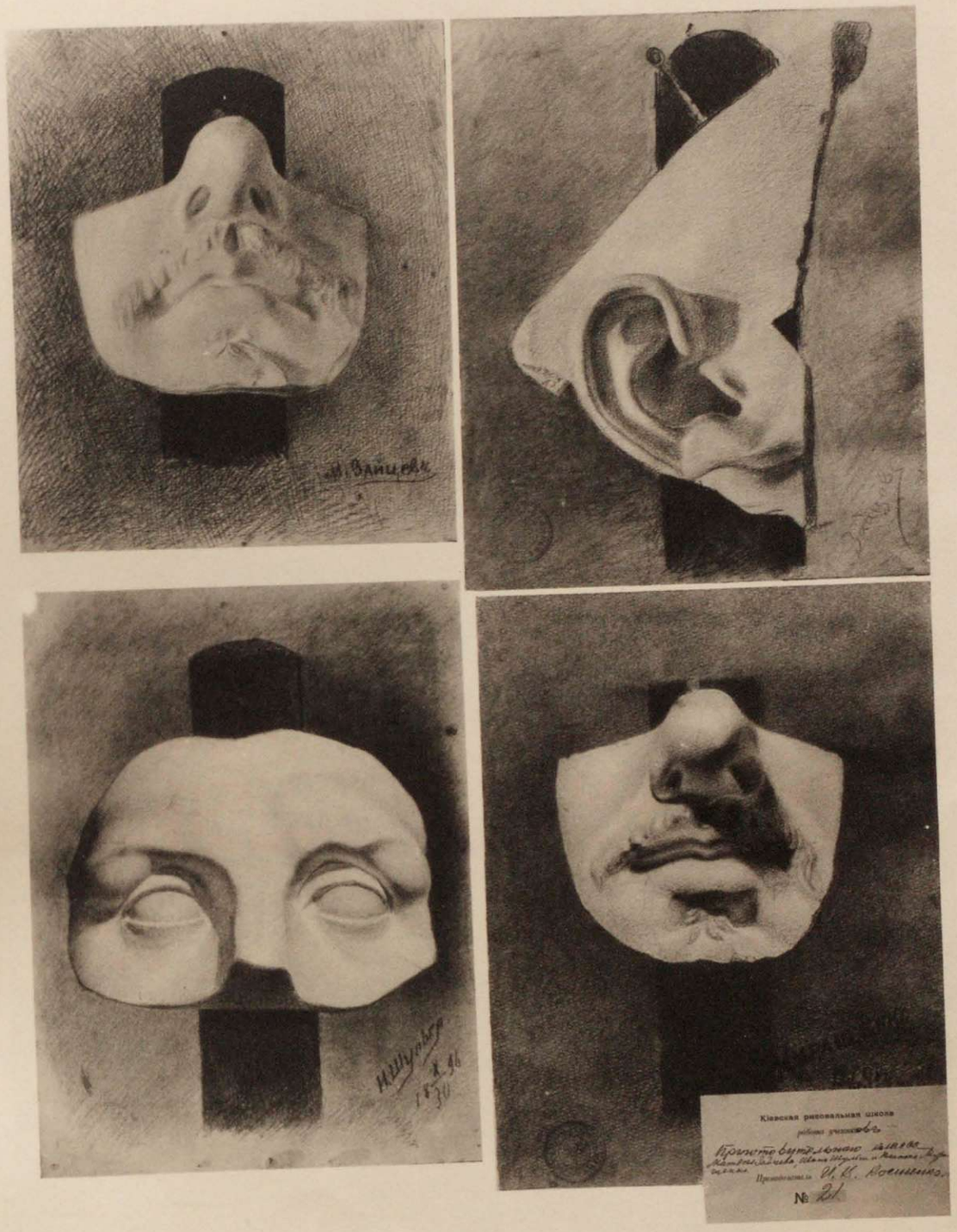


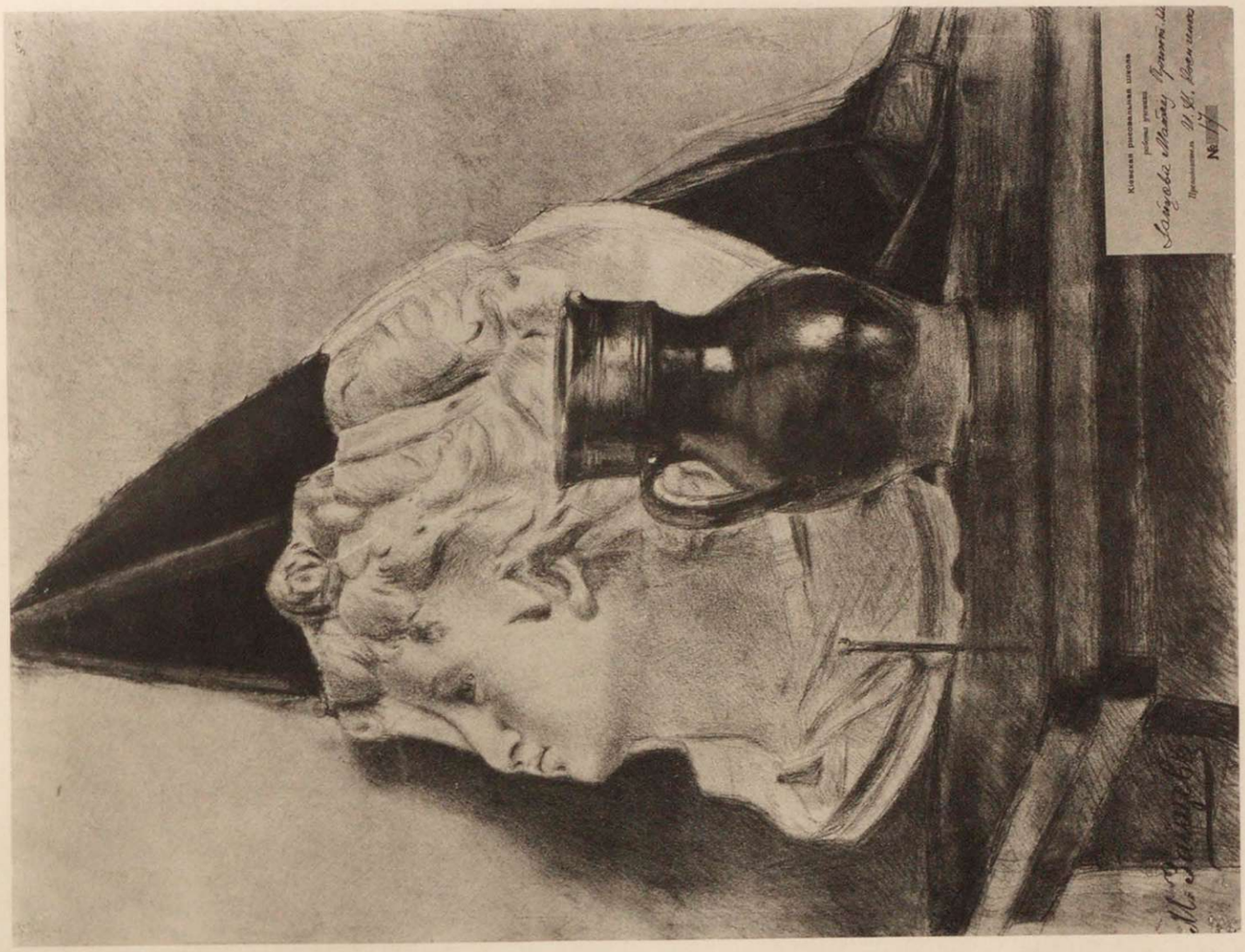





Данилов.



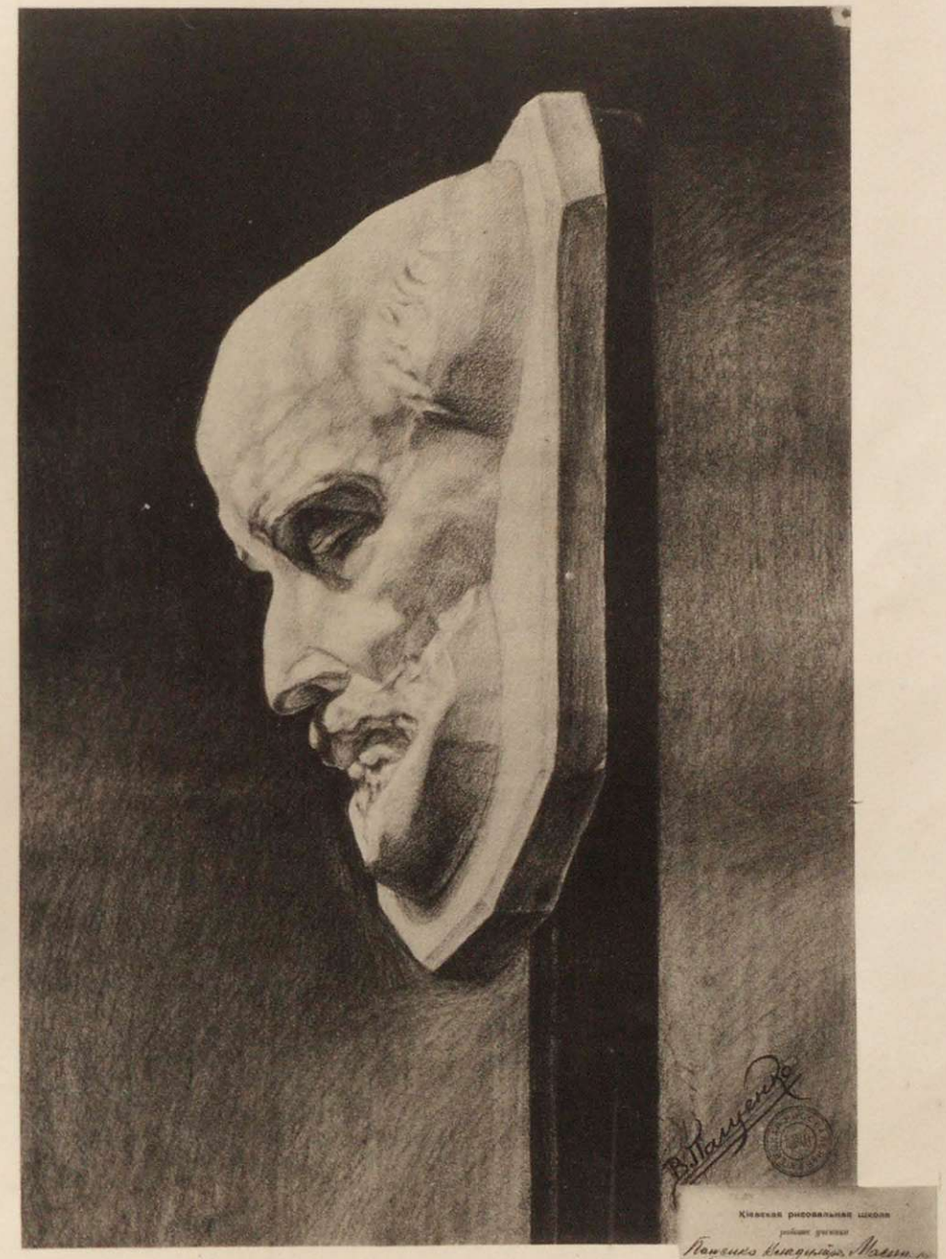

Киевская рисовальная школа
№ 21


Киевская рисовальная школа
работа ученика
Преподаватель
№ 17

Киевская рисовальная школа
работа ученика
Преподаватель
№ 28

Кіевская рисовальная школа
№ 30

Кіевская рисовальная школа
№ 91

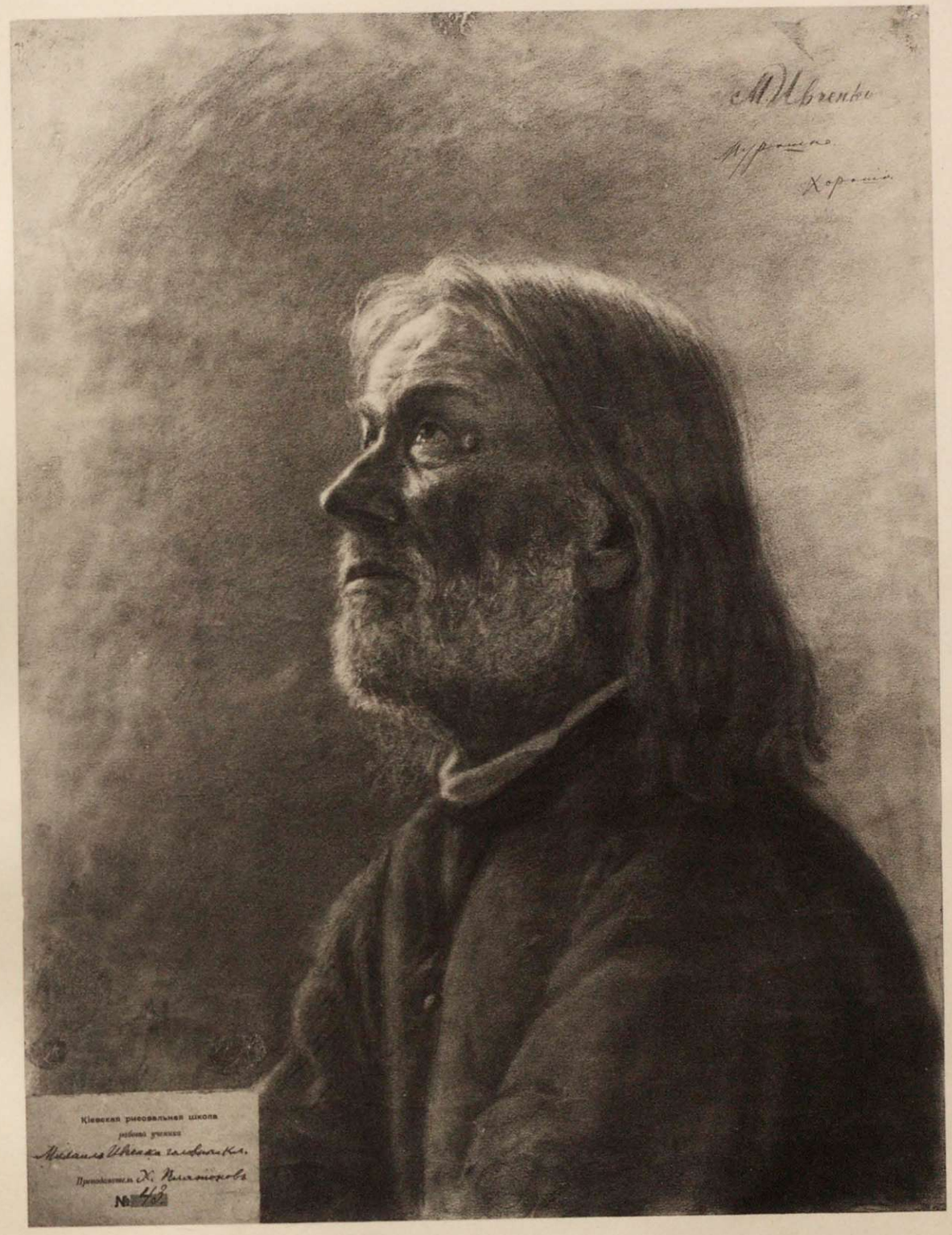

Кіевская рисовальная школа
№ 24

Кіевская рисовальная школа
работа ученика
Преподаватель
№ 34

Свѣтлицкій
91 г. 20 декабря
КІЕВСКАЯ
РИСОВАЛЬНАЯ ШКОЛА
РАБОТА УЧЕНИКА
Свѣтлицкій
Стефан

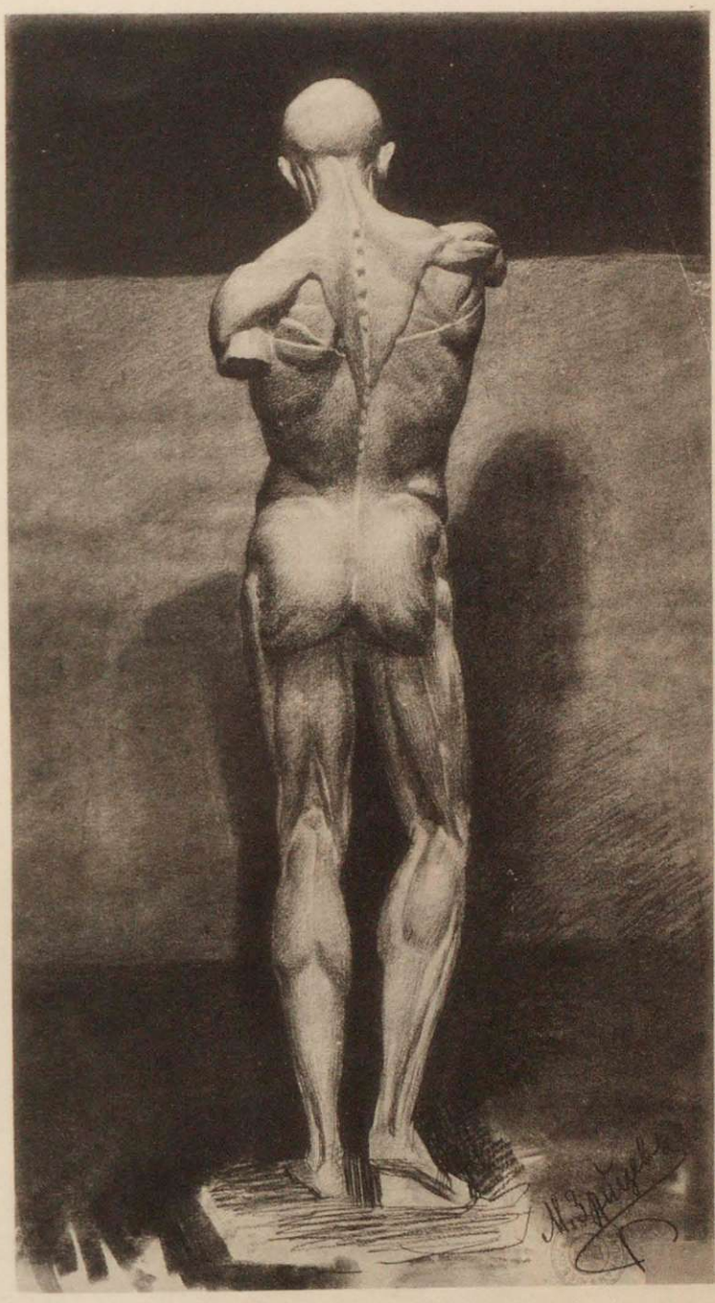
Розенъ
Сикорская.
Повторение рисованнаго безъ натуры по гипсу.
Цвикъ.
Кіевская рисовальная школа
работа ученика
Преподаватель
№ 35

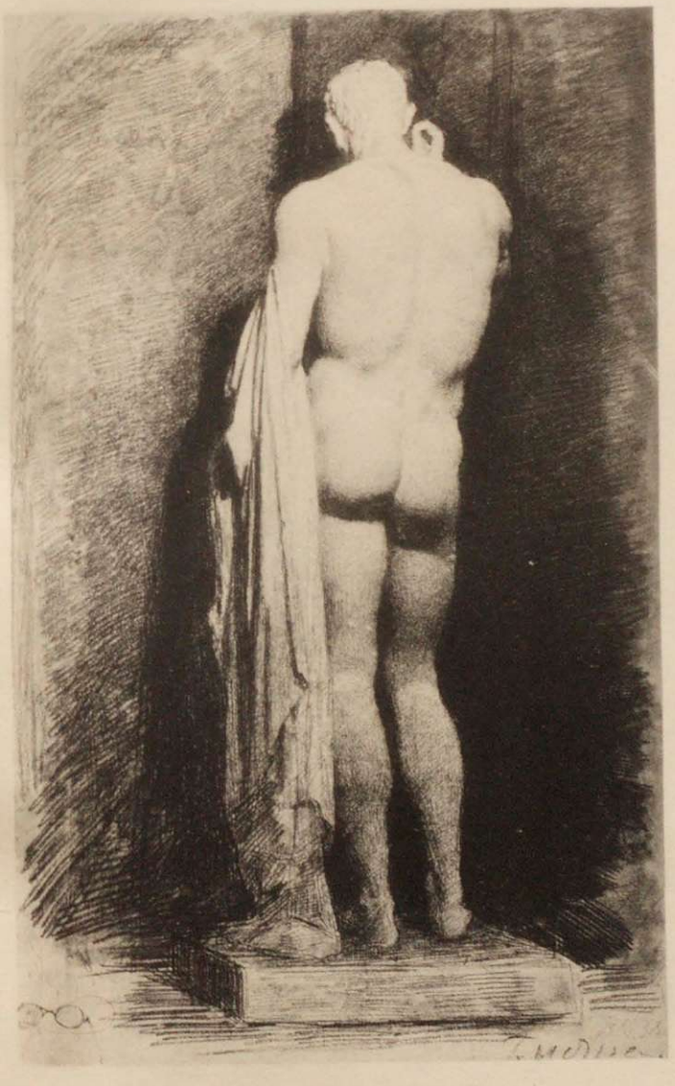
Матова
№ 99

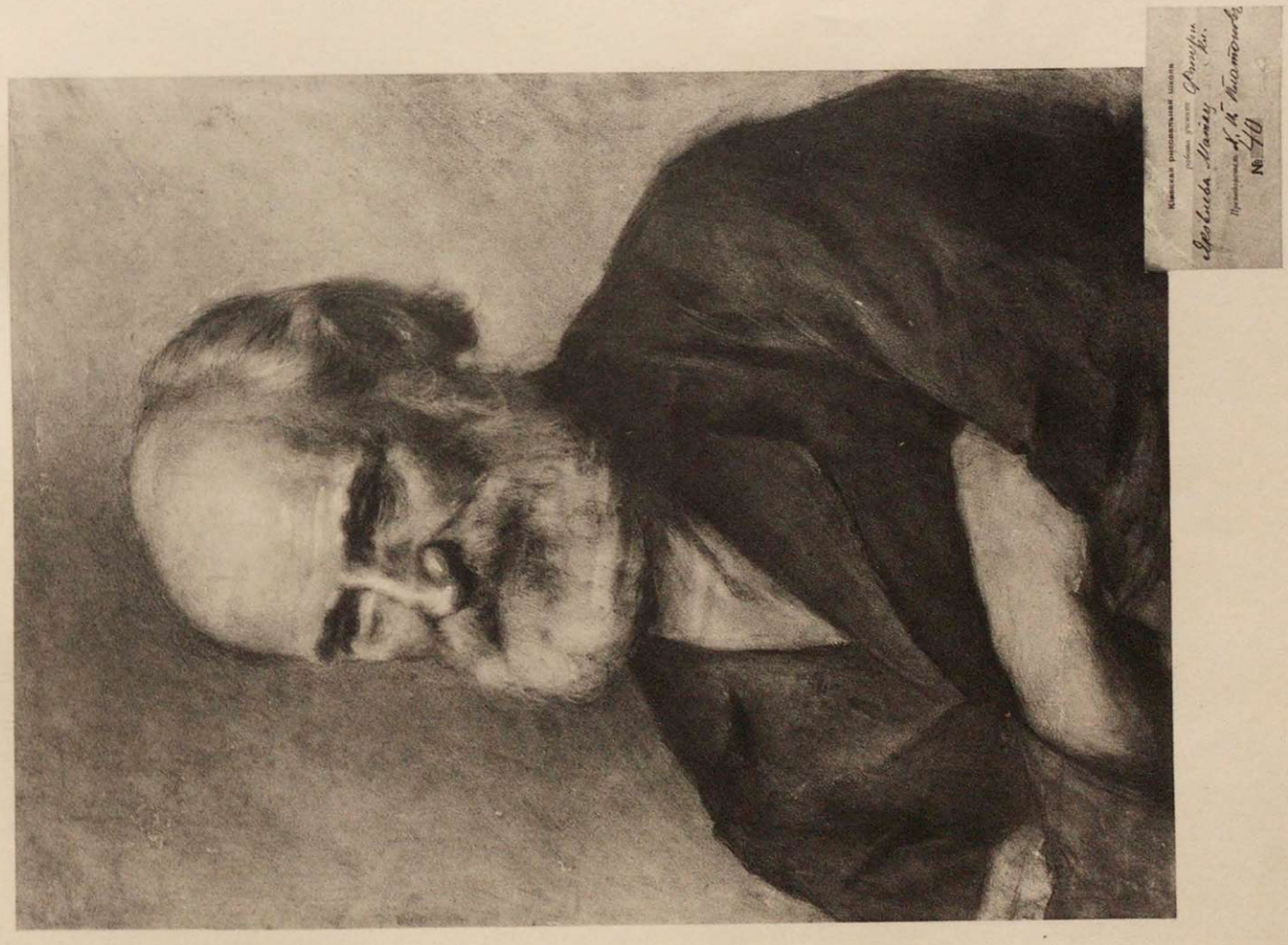

Кіевская рисовальная школа
Преподаватель Х. Платоновъ
№ 43

Рисунки по впечатлѣнію съ натуры. Показанной въ теченіи 5 минутъ. Рисовать въ теченіи либо времени воспрещается.

Кіевская рисовальная школа
работа учениковъ Николая Летаева
Софіи Фрейтагъ, Николая Калашникова, Екатерины Курдюмова, Ивана Дрипаченко, Алексѣя Минаева
Преподаватель Н. И. Мурашко.
№ 64.





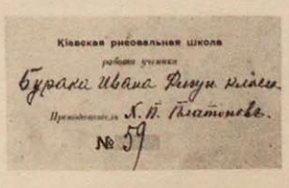


Киевская рисовальная школа
работа ученика

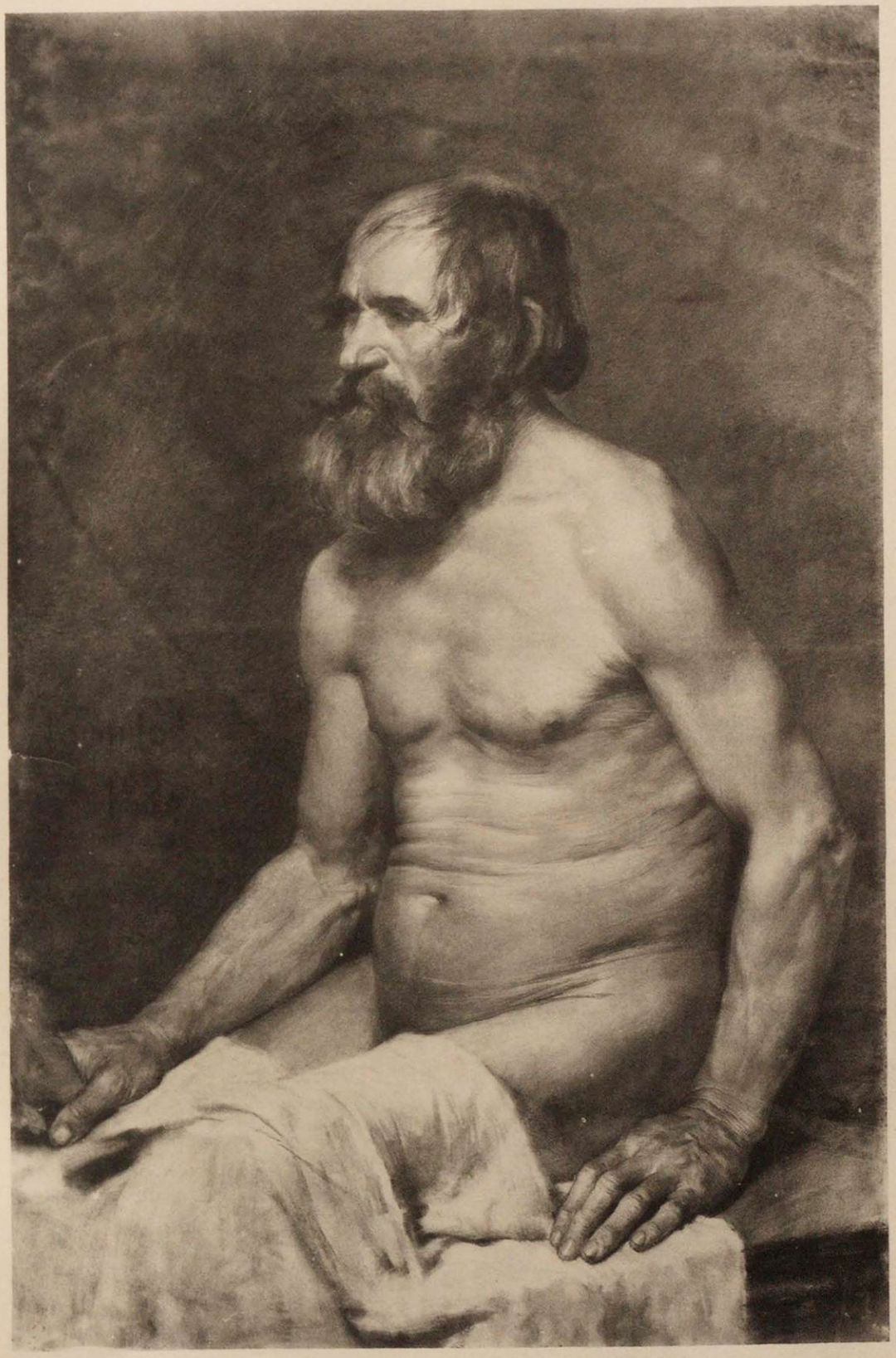
Касановъ
1897 г.
Голдсевичъ
Голдсевичъ
С. Кашинъ
Кіевская рисовальная школа
работа ученикова
Фигурнаго класса
Ивана Гусакова, Василія Голдсевича, Сергія Кашина.
Преподаватель Н. К. Пимоненко
№ 50

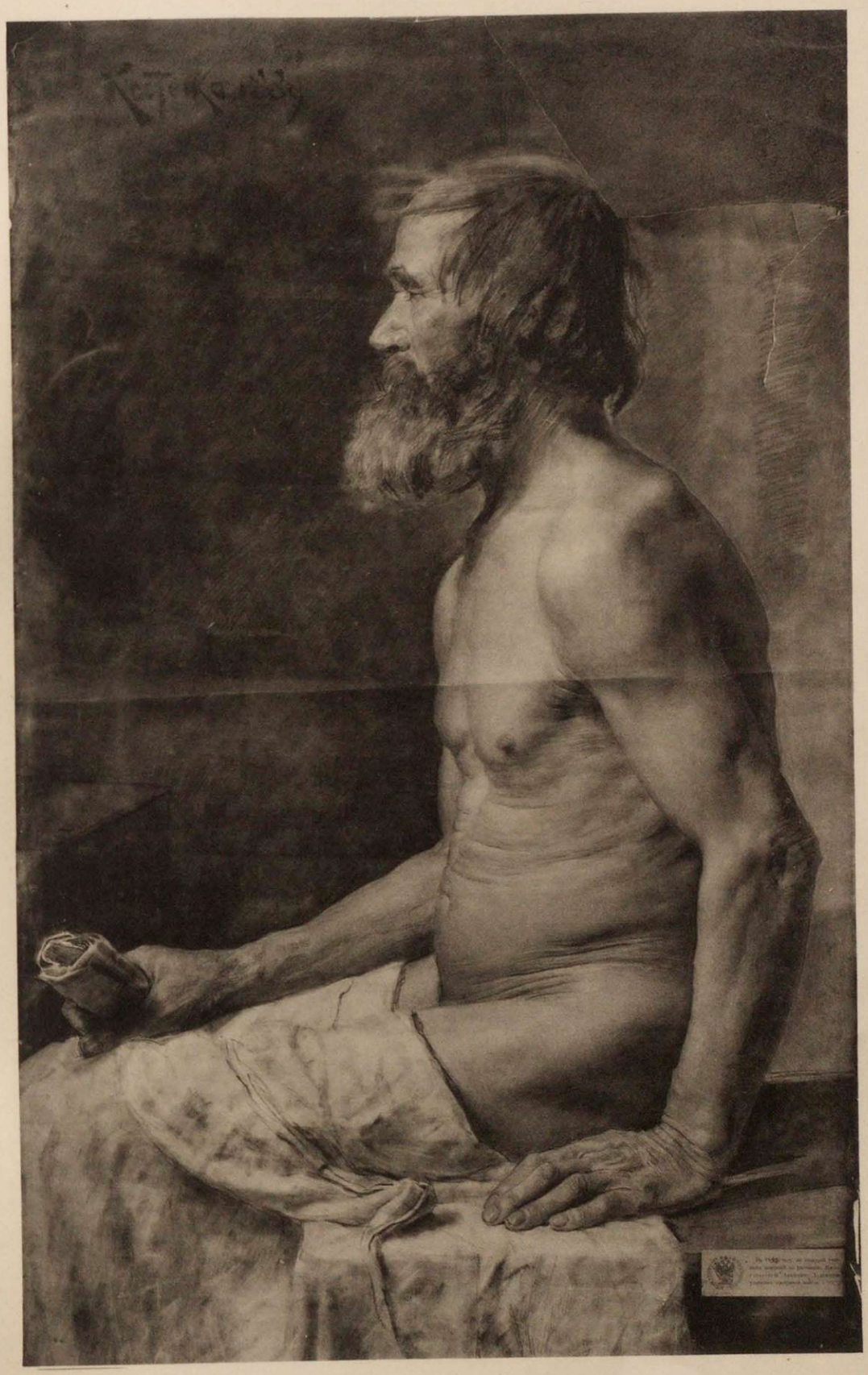
Въ 18 98 году, на конкурсѣ учебныхъ заведеній по рисованію, Императорскою Академіею Художествъ удостоенъ похвальнаго отзыва.
Кіевская рисовальная школа
работа ученика Фигурн. кл.
Зайцевъ Матвей
Преподаватель Х. П. Платоновъ
№ 45

Кіевская рисовальная школа
работа ученика
Александра Яценко (фигура кл.)
Преподаватель Л. П. Платоновъ
№ 56


Кіевская рисовальная школа
работа ученика
Бурака Ивана Фигур. класса
Преподаватель Л. П. Платоновъ.
№ 59

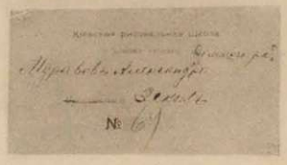
Х. П.





КІЕВСКАЯ
РИСОВАЛЬНАЯ ШКОЛА
РАБОТА УЧЕНИКА
Сонина
Владиміра.
Н. Пимонен

Святицкій. р


№ 61